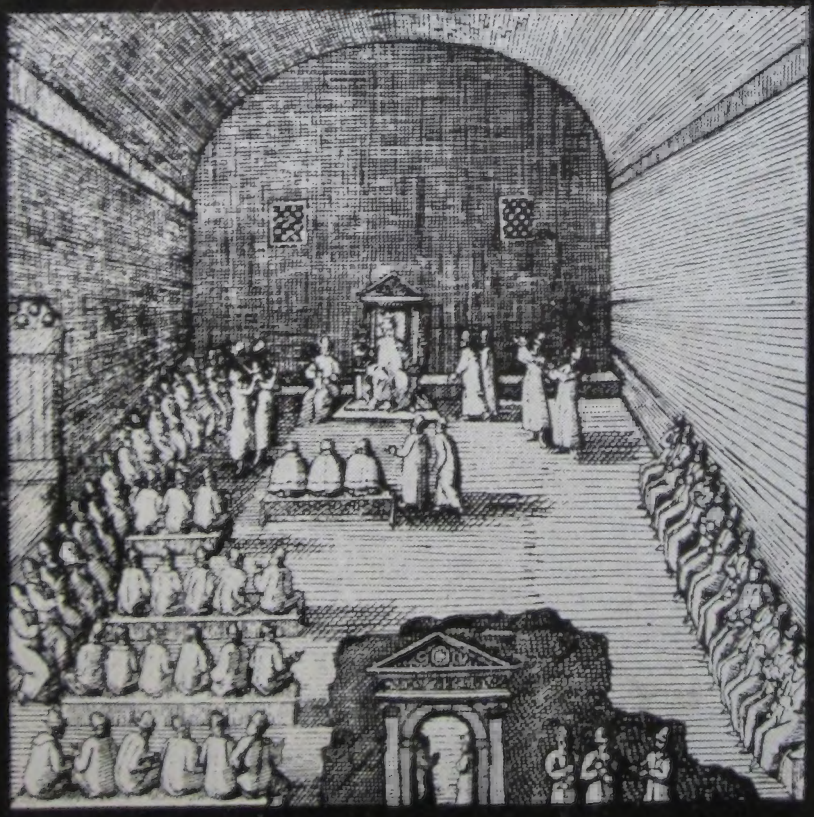
9(47)
Б-95

М. Е. Бычкова

Состав класса феодалов России в XVI в.



1986

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

М. Е. Бычкова

Состав класса феодалов России в XVI в.

ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. М. КАШТАНОВ

КНИЖНЫЙ ФОНД
б[illegible]ской
высшей
партийной школы
№ 61878 V

МОСКВА
«НАУКА»
1986

Монография посвящена изучению сословной структуры класса феодалов России в XVI в. В работе исследуется вопрос формирования и эволюции таких сословных групп, как служилые князья, старомосковское боярство, чья служба московским князьям началась еще в XV в., а также низшей прослойки класса феодалов, известной в историографии под названием «послужильцы». Основная задача работы — показать изменения в сословных группах русского общества, происходившие в период перехода от единого к централизованному государству и подготовившие базу для абсолютизма, расцвет которого падает на XVII—XVIII вв.

Рецензенты:

Н. Ф. ДЕМИДОВА, В. Б. КОБРИН

Б $\frac{0505010000-369}{042(02)-86}$ 32—1986—IV

© Издательство «Наука», 1986 г.

Введение

В последние десятилетия в советской историографии все чаще появляются работы, посвященные различным аспектам истории класса феодалов России. На первом месте здесь, несомненно, стоят работы, касающиеся истории феодального землевладения, политической борьбы, государственного аппарата. Но после выхода в свет трудов С. Б. Веселовского в различных исследованиях все чаще выступает историко-генеалогическая тема — изучение роли отдельных представителей правящего класса и их семей в истории формирования аппарата управления, различных событиях политической жизни и многих других вопросов.

Среди наиболее значительных работ последнего времени, посвященных истории класса феодалов, прежде всего следует назвать исследования А. А. Зимина о составе княжеской знати, дворов великих и удельных князей второй половины XV — первой трети XVI в., о составе Боярской думы конца XV—XVI вв., дьяческого аппарата. Большой вклад в изучение истории класса феодалов вносят работы о деятельности сословно-представительных учреждений (Л. В. Черепнин, Н. Е. Носов и др.).

Этот круг исследований позволяет перейти к следующему этапу изучения класса феодалов — истории Государева двора XVI в., процессу его формирования, его роли в политической жизни.

Как показали многие работы советских исследователей, посвященные политической истории Русского государства, родственные связи внутри различных семей правящего класса и между ними играли в то время большую роль. Передача не только земельных владений, но и придворных и государственных должностей по наследству членам определенных семей, их систематическое участие в политической жизни и государственном управлении, несомненно, черта, присущая феодальному обществу. Поэтому изучение истории различных семей, связанных с государственным управлением, групп семей, относящихся к определенным сословным слоям, формирования этих сословных слоев совершенно необходимо для плодотворного исследования различных аспектов политической истории.

Именно происхождение семьи и служебное положение предков давали права на земельные владения; чин или должность опре-

целяли место в сословной иерархии. Сословность, по определению К. Маркса,— неотделимая черта феодального общества, которое «*непосредственно* имело *политический* характер, т. е. элементы гражданской жизни,— например, собственность, семья, способ труда,— были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме сеньориальной власти, сословий и корпораций. В этой форме они определяли отношение отдельной личности к *государственному целому*, определяли, значит, ее *политическое* положение, т. е. положение изолированности и обособленности по отношению к другим составным частям общества» [1]. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали, что в феодальном обществе существует сословная организация и все его члены от рождения лишь благодаря своему происхождению имеют определенные привилегии. «Дело в том, что как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он — охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни» [2]. В эпоху феодального государства классы были представлены различными сословиями «с определенными и строго ограниченными привилегиями» [3]. Историческое развитие сословий в классы завершается буржуазной революцией, когда «условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий» [4].

Представление о сословности феодального общества позволяет выработать определенный подход и к изучению класса феодалов. В обществе, где само происхождение давало определенные права, большое значение имела генеалогия. Безусловно, это самая древняя из вспомогательных исторических дисциплин. Если нумизматика, сфрагистика в практической деятельности появляются в обществе, где есть товарообмен и классы, палеография и дипломатика связаны с развитием письменности и работой государственного аппарата, то знание своих предков и истории своей семьи появилось одновременно с человеком. Первые сведения по генеалогии содержатся в этногенетических преданиях. Генеалогия окончательно конституируется в классовом феодальном обществе, когда появляются генеалогические документы, имеющие юридическую силу, и обслуживает преимущественно правящий класс.

Источники для генеалогического исследования практически не ограничены, ими может быть любой памятник — письменный, архитектурный, археологический, предметы искусства,— содержащий биографические сведения об отдельном лице. Основным мо-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 403.
[2] Там же, т. 3, с. 31–32.
[3] Там же, т. 4, с. 184.
[4] Там же.

ментом генеалогического исследования является отнесение определенного круга фактов к жизни и деятельности этого лица.

Однако документы, создававшиеся в России с целью зафиксировать родство членов семьи, т. е. источники русской генеалогии, однообразны. В основном это росписи нисходящего родства — в них записываются все потомки какого-либо лица, как правило, только по мужской линии. Росписи восходящего родства, где записаны все предки какого-либо лица, русской генеалогии почти неизвестны. Методика составления родословных таблиц также практически не разрабатывалась.

В генеалогических источниках можно выделить два элемента — так называемая легенда о происхождении семьи, где записан ее родоначальник, и поколенная роспись.

Поколенная роспись — это перечень всех членов семьи с указанием степени родства, в своей древней части она иногда баснословна, форма росписи в русских источниках существенно не менялась в течение столетий, в каком бы виде данные документы ни существовали: как приписки к летописным сводам, самостоятельно, объединенные в родословные книги. Поколенная роспись имеет практическое значение при установлении степени родства как между членами одной семьи, так и между разными семьями, если известны их родственные связи.

Родословные легенды исследуются в научных работах реже, в основном с точки зрения достоверности происхождения родоначальника. Представляется, что их значение более глубокое. Родословие, наряду с документами, где указывалось положение семьи в служебной иерархии феодального общества (например, в России — докончальные и жалованные грамоты, разряды и т. п.), закрепляло сословное происхождение рода, право его членов занимать определенное положение. И в этом случае большую роль играла родословная легенда, которая фиксировала начальный момент происхождения родоначальника семьи.

Все чаще признается ведущая роль генеалогических исследований при разработке истории государственных учреждений средневековья, когда должности при дворе, трансформировавшиеся позднее в аппарат государственной власти, были наследственными в кругу определенных семей, иногда вырастали из придворных, также наследственных функций.

Генеалогическое исследование проведено и в настоящей работе. Автор поставила своей задачей проследить историю основных сословных прослоек класса феодалов России XVI в., входящих в состав Государева двора: с одной стороны, их эволюцию как составной части более сложного классового общества; с другой стороны, изменения в личном составе сословных групп и родственные связи внутри этих групп.

Структура настоящей работы определялась и степенью изученности отдельных вопросов истории класса феодалов.

В работах Веселовского и Зимина собран практически весь генеалогический материал о верхушке правящего класса XIV —

первой трети XVI в.— Государеве дворе. Для XVI в. более всего исследована политическая история середины — второй половины века, особенно события опричнины, что дает прочную фактическую и методологическую базу при исследовании поставленной проблемы. В то же время сильно ощущается отсутствие работ по истории светского феодального землевладения на большинстве территорий Русского государства, а без них делать окончательные выводы о сословной структуре правящего класса преждевременно.

Говорить о составе класса феодалов, игнорируя низшие слои Государева двора, невозможно. Поэтому иногда автор ограничивалась скорее исследованием крупных комплексов источников, еще недостаточно привлекаемых в исторических трудах, но содержащих ценные генеалогические сведения о семьях из этих слоев, и через них — показом, в каком направлении можно вести изучение вопроса, а не окончательным решением данного вопроса.

Степень сохранности источников по предложенной теме обусловила и ретроспективный характер некоторых разделов. Так, состав низшей сословной группы Государева двора XVI в. можно определить наиболее полно, лишь используя источники XVII в., в частности родословные росписи, составленные после отмены местничества в 1682 г., и списки так называемой Поганой книги.

В основе каждой главы лежит комплекс источников, который наиболее полно раскрывает задачу работы. Поскольку степень изученности каждого из них не одинакова, иногда требовался специальный источниковедческий анализ. Поэтому в работе нет отдельного обзора источников; он тесно связан с текстом каждой главы.

Вне исследования остались те сословные слои правящего класса, которые в XVI в. не входили в Государев двор.

Настоящая работа была задумана и велась в тесной связи с исследованиями Александра Александровича Зимина, посвященными формированию аристократической верхушки класса феодалов и Боярской думы в XV — первой трети XVI в., что также повлияло на ее структуру: меньше внимания уделяется сюжетам, вошедшим в последнее монографическое исследование А. А. Зимина.

Автор сердечно благодарит сотрудников сектора истории СССР периода феодализма Института истории СССР АН СССР и Ленинградского отделения Института истории СССР за помощь и поддержку в работе.

Глава I

Обзор литературы

Историография класса феодалов в России обширна и многогранна. Осмысление роли дворянства в русской истории, его взаимоотношения с государственной властью, которая в дореволюционной литературе отождествлялась с великим князем, а затем царем, политическая борьба, участие в государственном управлении — вот далеко не все вопросы, которыми занимались русские историки с В. Н. Татищева до наших дней.

В настоящем обзоре мы ограничимся двумя направлениями в историографии: историко-генеалогическими исследованиями в дореволюционной и советской научной литературе и теми работами советских историков, где изучается сословная структура правящего класса, его участие в управлении государством и политической жизни страны. Именно эти два аспекта исследований связаны с темой предложенной работы.

Для дореволюционной исторической науки характерны два основных направления в исследовании проблемы истории класса феодалов, довольно четко прослеживающихся начиная с XVIII в.: изучение статуса класса феодалов в русском обществе, что иногда смыкается с историко-юридическими исследованиями, сравнение с положением феодалов в других европейских государствах [1] и генеалогическое направление — изучение истории отдельных семей и их роли в жизни общества. Эти направления противопоставляются друг другу.

Интерес к генеалогическим исследованиям, отчасти любительский, возникает в России в конце XVIII — начале XIX в.[2] Во второй половине XIX в., в частности после реформы 1861 г., когда история дворянства переосмысливается, и создаются основные генеалогические труды [3].

Изучение истории дворянства в досоветской историографии в последние годы все чаще становится предметом специальных работ, так как оно тесно соприкасается с изучением вопросов по-

---

[1] См. подробнее: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. II.

[2] См. подробнее: *Аксенов А. П.* Очерк истории генеалогии в России.— В кн.: История и генеалогия. М., 1977.

[3] *Янин В. Л.* Генеалогия и геральдика.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II.

литической борьбы, государственного аппарата и рядом других. Работы по генеалогии прошлого века, более частные по характеру, реже привлекают исследователей. Для настоящей работы биографические сведения из этих работ имеют большое значение, но, чтобы их использовать, необходимо исследовать творческую лабораторию авторов: круг источников, методику работы с ними, общие взгляды. Многое из того, что было создано русскими генеалогами, сохранило значение до наших дней. Родословные справочники (П. В. Долгорукова, А. Б. Лобанова-Ростовского, Г. А. Власьева и др.), изданные в прошлом веке, практически и сейчас являются единственной литературой подобного рода. В них устанавливались, иногда путем кропотливых изысканий, факты родства между отдельными лицами и семьями, публиковались документы частных архивов, теперь частично утраченные.

Однако теоретическое осмысление задач генеалогии было невелико, с чем связано и кустарное оформление родословных документов — таблиц и росписей. В этой области русские исследования ощутимо отставали от западноевропейских. Русские генеалоги практически изыскивали и накапливали фактический материал по истории семей, особенно средневековой; на это они употребили все свои усилия.

Не следует забывать, что в России генеалогией часто занимались любители, чьи интересы были ограничены вопросами истории конкретных семей или частными проблемами. Иногда сказывалось и отсутствие исторического образования, что не давало возможности связать задачи генеалогического исследования с проблемами истории. Тем не менее накопление и осмысление фактического материала должны были подвести к смыканию генеалогии с историческим исследованием.

Одним из авторов, создавших в прошлом веке работы по средневековой истории русских княжеских родов, был Ю. Вольф. Его книги на польском языке публиковались в Петербурге, Кракове и Варшаве, он довольно долго жил в Петербурге, где и собрал материал для своих исследований. Книги Вольфа — это лучший справочник по средневековой истории княжеских родов. Автор в отличие от своих современников критически осмысливал древние родословные росписи и широко использовал акты, особенно документы Литовской метрики.

Осип Людвикович Вольф (так именуется Юзеф Вольф в русских документах) около десяти лет работал в Петербурге в книгоиздательском и книготорговом предприятии своего дяди и тестя Маврикия Осиповича Вольфа[6]. Здесь он собрал основные материалы для своих работ, изучив акты Литовской метрики,

---

[6] Подробнее см.: Книжник-генеалог.— В кн.: Либрович С. Ф. На книжном посту. Пг.; М., 1916, с. 405–408; *Бычкова М. Е.* Юзеф Вольф в Петербурге: (Из истории генеалогических исследований в последней четверти XIX в.).— В кн.: История и историки. 1978. М., 1981.

хранившиеся в архиве Сената. В эти же годы были опубликованы пять из шести его работ по генеалогии [5].

Документы Литовской метрики в XIX в. были доступны очень ограниченному кругу исследователей. За сорок лет с 1843 г., когда был допущен к материалам первый из них, разрешение на работу получили 29 человек [6]. В сентябре 1878 г. такое разрешение для работы над исследованием по истории литовского дворянства получил К. Ф. Ожаровский [7], а в декабре ему уже разрешено работать вместе с писцом; со следующего года в течение четырех лет копии документов для него снимал сотрудник Археографической комиссии Ежов [8]. В декабре 1880 г. С. А. Бершадский также получил разрешение привести двух писцов для копирования документов Метрики; их имена неизвестны [9].

Очевидно, эта работа Ожаровского, с которым Вольф был хорошо знаком, и, может быть, Бершадского представляла для Вольфа единственный способ получить доступ к актам Литовской метрики, поскольку условия ее хранения исключали возможность занятий в архиве петербургского книготорговца. Можно предположить, что Вольф помогал Ожаровскому в обработке материала.

Вольф не только составлял прекрасно прокомментированные родословные справочники, но и пытался в них решить некоторые общие вопросы. В частности, он старается объяснить происхождение дворянства, особенности положения князей, особенности положения польского дворянства в средневековье: «В прошлом привилегированное сословие — шляхта — имело свои права, а сословное неравенство, привилегии и особые права, которые сегодня признаются избыточными, соответствовали определенной эпохе цивилизации. Ни в одной стране характер шляхты не вытекал так непосредственно из „государства", как в давней Польской Речи Посполитой; нигде также судьбы государства не зависели в такой степени от развития и обычаев шляхты, поскольку государство и шляхта были как бы идентичными» [10]. Говоря

---

[5] *Wolff J.* O kniaziach kobryńskich.— In: Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydzialu hist.-filolog. AU. Kraków, 1884, t. XVII; *Idem.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego, 1386—1795. Kraków, 1885; *Idem.* Żyd ministrem króla Zygmunta. Kraków, 1885 (рус. пер. помещен в журнале «Восход». СПб., 1885, май, с. 105—119); *Idem.* Pacowie. Petersburg, 1885; *Idem.* Ród Gedimina. Kraków, 1886; *Idem.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. W-wa, 1895.

[6] См.: *Пташицкий С. Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887, с. 71—73.

[7] Там же, с. 73. Еще раньше Ожаровский делал запросы о розыске в Метрике документов по истории рода Сапегов [ЦГАДА, ф. 328 (Экспедиция Литовской метрики), д. 242, л. 15].

[8] ЦГАДА, ф. 328, д. 242, л. 20; д. 244, л. 45; д. 245, л. 9 об.

[9] Там же, д. 244, л. 39. В отчете метриканта за 1881 г. сказано, что труд Ожаровского по объему таков, что ему невозможно предвидеть конца, и оттого, что пять человек четвертый год «безостановочно» работают над документами, книгам Метрики наносится урон (Там же, д. 246, л. 9 об.).

[10] *Wolff J.* Pacowie, s. V.

о происхождении литовских князей, Вольф отмечал, что в Литве, которая в данном случае брала пример с Руси, княжеский титул применялся лишь к лицам, происходившим непосредственно от правящей династии. «Будучи только потомками господствующей династии, князья составляли замкнутое в себе сословие; кто не был князем, не мог им стать» [11]. Княжеский титул в Литве, как полагал автор, не мог дать ни король, ни состояние. Отмечая, что русские родословные легенды пишут о выезде предков некоторых князей из-за границы, Вольф считает это позднейшим вымыслом, «придуманным якобы для возвеличивания рода» [12]. В то же время родословие литовских князей, составленное в XVI в., заслуживает, по мнению автора, большого доверия, когда сообщает о происхождении современных ему княжеских семей, сохранивших еще «свежие воспоминания о своих предках» [13].

Такие изыскания были нужны Вольфу, чтобы отделить фамилии, восходящие к средневековым княжеским родам, от фамилий, приписавшихся к ним. Эта работа начата в книге «Род Гедимина» и завершена в монографии «Князья литовско-русские...», где есть специальный раздел «Псевдокнязья».

Изучение актового материала убеждает Вольфа в том, что «все истинные князья, во всяком случае до второй половины XVI в., постоянно титуловались князьями, никогда не опуская своего титула; естественным выводом из этого будет, что все, кто в упомянутой эпохе выступает без княжеского титула, князьями не были». В то же время с конца XVI в. множество семей стремились доказать свое княжеское происхождение. «Сходство имен, прозвищ, патронимов, гербов, ошибки хронистов, описки переписчиков документов использовались наилучшим способом» [14].

Большое место занимает и определение родоначальников княжеских семей в книге «Род Гедимина». Здесь сам материал — биографии сыновей Гедимина и Ольгерда — дает возможность автору проследить, какие из княжеских литовских родов восходили к правящей династии. Все эти материалы вошли в книгу «Князья литовско-русские...», как в книгу «Род Гедимина» вошли исследования о родоначальниках князей Кобринских и Сангушков из более ранней работы.

Характерная черта, выделяющая работы Вольфа,— это исчерпывающее использование актового материала. Оно выражается не только в широте и количестве привлеченных актов, но и в том, как автор привлекал сведения каждого документа: известия об отдельных лицах, установление родственных связей между запи-

---

[11] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. XX.

[12] Ibid., s. XIX.

[13] *Wolff J.* Ród Gedimina, s. VI, 4–5. Здесь Вольф имеет в виду родословия, опубликованные в Бархатной книге (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... М., 1787, ч. I–II) и Временнике ОИДР (М., 1851, кн. X).

[14] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 649.

санными в источнике лицами, свидетельства о должностном положении тех, кто скреплял документ, и т. д.— все включается в исследование. Надо сказать, что акты — почти единственный источник для исследований по генеалогии XV—XVI вв., позволяющий установить родственные связи между отдельными семьями, поскольку их данные относятся одновременно к двум или более семьям, находящимся в родстве.

Вольф дает не только одни отсылки на использованные документы; каждый раз — в тексте или ссылке — он приводит характеристику документа, на который опирается. Вольф четко оценивает свое отношение к документу, высказывает свои соображения относительно мест, где возможна ошибка.

Определяя происхождение той или иной семьи, Вольф, кроме показаний источников, конкретно-исторического материала, широко использует для своих доказательств сведения антропонимики [15]. Эти наблюдения имеют более общий характер, связанный с проблемой происхождения фамилий в средние века. Они приводят Вольфа к выводу, что «имена, прозвища и фамилии, происходящие от названия местности, не были исключительно привилегией князей, но употреблялись и в других слоях общества» [16]. Широко использует Вольф данные антропонимики и при определении фамилий, ложно приписавшихся к потомкам Гедимина, причем эти данные, как правило, сочетаются с определением истинного родоначальника семьи.

Вольф был самостоятельным и оригинальным исследователем по генеалогии княжеских семей, но он не создал собственной научной концепции о происхождении и эволюции дворянства, его исторические рассуждения тесно связаны с идеями современных ему либеральных историков. Однако сама мысль связать задачи генеалогии с задачами исторического исследования — вопросами происхождения дворянских титулов и привилегий, государственных должностей, проблемами ономастики, проверкой достоверности родословных легенд и др.— была новой и прогрессивной.

Расцвет прикладной генеалогии, выражавшийся в публикации отдельных дворянских родословий, как отметил В. Л. Янин, по времени совпадает с подготовкой к официальным торжествам 300-летия дома Романовых [17]. Большинство работ по научной генеалогии появляется несколько раньше — во второй половине 80-х годов XIX в. К этому времени уже были опубликованы новые источники по генеалогии (родословные книги, летописи, акты, разряды), появились первые русские генеалогические справочники Долгорукова и Лобанова-Ростовского, были изданы родословия отдельных дворянских родов. Интерес к генеалогии

---

[15] *Wolff J.* Pacowie, s. 1–3. Впервые Вольф привлек их в монографии о Пацах, где он собрал и сопоставил известия о ряде лиц XV—XVI вв., имевших прозвище Пац, и также определил время, когда, став родовым прозвищем ряда семей, как индивидуальное оно уже не встречалось.

[16] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 649.

[17] *Янин В. Л.* Генеалогия и геральдика, с. 632–633.

дворянства связан с осмыслением роли и значения правящего класса в русской истории, которое также ярко проявляется в это время. После реформ 60-х годов XIX в. особенно заметным становится интерес как либеральных историков, представителей государственной исторической школы, так и дворянских к проблемам происхождения сословий, образования государственного аппарата и сословных учреждений в Древней Руси, к вопросам происхождения и общности славянских народов. В центре внимания государственной школы находились проблемы происхождения княжеской власти, ее зависимости от конкретных исторических условий, от общественной среды. Идея великокняжеской власти как носителя единства славянских земель, как организующего начала истории общества была основным положением их концепции русской истории. Эта теория вела к сближению между дворянской и либеральной историографией[18].

Таким образом, упадок роли дворянства в экономической и политической жизни России, вставшей на путь буржуазного развития, привел к развитию сословно-дворянской тематики в исторических исследованиях — и как один из результатов — практических, а за ними теоретических работ по русской генеалогии.

Толчком к появлению ряда генеалогических работ был выход книги П. Н. Петрова[19]. Автор не только ставил своей задачей написание истории отдельных дворянских родов, но и видел общеисторические цели: определить родовые права князей, время образования отдельных княжеских и дворянских семей, показать роль представителей некоторых родов в политической жизни Русского государства. Это, как отмечали рецензенты, выводило исследование Петрова из круга родословных справочников.

Книга Петрова сразу вызвала резкую критику. Ее разбору посвящена специальная работа А. П. Барсукова[20], отдельные положения Петрова, в частности касающиеся древних родословных, неоднократно осуждали Н. П. Лихачев и другие генеалоги.

Освещая место исследования Петрова среди работ по истории дворянских родов, Барсуков дал первое в русской историографии исследование по истории генеалогии в России. Он не поставил целью показать теоретические задачи генеалогии, ее место в историческом исследовании, но написал подробную и добросовестную работу о создании генеалогических источников и состоянии литературы по генеалогии начиная с отмены местничества в 1682 г. вплоть до 1886 г.

Барсуков первым показал, как работала Палата родословных дел, принимая и проверяя росписи и составляя родословную книгу. В его исследовании собран большой архивный материал

---

[18] Подробнее см.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 81–83, 101–103.

[19] *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886.

[20] *Барсуков А. П.* Обзор источников и литературы русского родословия: (По поводу книги П. Н. Петрова «История родов русского дворянства»). СПб., 1887.

из дел герольдии; Барсукову были недоступны подлинные росписи XVII в. Многие наблюдения Барсукова о генеалогии в XVIII — начале XIX в.[21] были позднее дословно заимствованы Л. М. Савеловым; практически все сведения Барсукова по этому вопросу без дополнений приводились позднейшими исследователями истории русской генеалогии.

Различие в методике исследования Петрова и Барсукова проявляется в последнем разделе книги Барсукова, посвященном непосредственно критике работ Петрова[22–23]. Несомненно, Барсуков предъявляет более строгие требования к выявлению биографических известий и отнесению их к определенному лицу; у него и более научный источниковедческий анализ. Кроме того, Барсуков, несомненно, лучше Петрова знавший весь комплекс древних источников и владевший четкой методикой генеалогического исследования, показал все слабые стороны книги Петрова.

Помимо Барсукова, с разбором некоторых положений книги Петрова выступил Д. Ф. Кобеко[24]. Он подробно разобрал формуляр грамот, поданных в XVII в. вместе с родословными росписями, и показал их недостоверность. Это был первый тщательный анализ актового материала, подтверждавшего «выезжее» происхождение некоторых родоначальников. Самих легенд XVII в. Кобеко не касался, он лишь косвенно ставил под сомнение их содержание. Безусловно, такой разбор документов, представленных в XVII в. для подтверждения происхождения, выше их неаргументированной критики у Петрова или безоговорочного доверия к ним у Барсукова.

Большую ценность для исследования истории родословных документов XVII в. представляет публикация А. И. Юшкова[25]. Он провел большую работу по описанию росписей XVII в. и копий с актов, поданных вместе с ними.

В предисловии к публикации подробно описаны история Палаты родословных дел, условия хранения росписей в XVIII в., указано, когда с них снимались копии. Здесь же мы находим сведения о гибели части росписей в 1812 г., о расклейке столбцов, реставрации и систематизации дел в 1894 и 1895 гг., проведенной Юшковым[26]. Эта книга сразу ввела в научный оборот

---

[21] Там же, с. 19–29.

[22–23] Там же, с. 52–96.

[24] *Кобеко Д. Ф.* О разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской археологии.— В кн.: Зап. Русского археологического об-ва. СПб., 1887, т. II, вып. 3; *Он же.* Дополнительная заметка о разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской археологии.— Там же. СПб., 1888, т. III, вып. 2.

[25] Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898, ч. 1. 1257–1613 гг. Аналогичная работа по проверке известий актового материала, представленного в Палату родословных дел, была проведена П. П. Лихачевым (*Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888).

[26] Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ..., с IV–VI.

большое количество нового материала для изучения средневековых родословий. Ранее исследователи, начиная с Петрова, имели дело со случайно выбранными источниками, теперь стало возможно пользоваться ими в полном объеме. До 1894—1895 гг. подлинники родословных росписей XVII в. находились в таком состоянии, что их изучать было невозможно. Дела, сформированные Юшковым, сохранились до наших дней.

Самые яркие страницы русской научной генеалогии конца XIX — начала XX в. связаны с именем Н. П. Лихачева. Оценку его деятельности в области развития вспомогательных исторических дисциплин дал В. Л. Янин. Он указал, что в трудах Лихачева «источниковедение истории достигло наивысшего для буржуазной историографии предела» [27]. Автор отметил, что Лихачев «опубликовал ценные труды по генеалогии и был одним из главных организаторов генеалогических исследований в России» [28].

Лихачев был первым, кто разработал научную методику исследования генеалогических источников, отдельные положения которой сохранили свое значение до наших дней [29]. Исследованная Лихачевым история создания Государева родословца 1555 г. и предложенная им методика изучения родословных книг были самым большим источниковедческим достижением своего времени.

Еще в 80-е годы, работая над монографией о Разрядном приказе, где позднее будут приведены его основные положения о истории создания в России древнейших генеалогических документов, он составил план исследования родословных книг со следующими пунктами: «1) свести воедино все легенды о выезде; 2) выяснить состав и время создания Государева родословца» [30]. Второй пункт был осуществлен уже в монографии о разрядных дьяках [31], и в дальнейшем автор лишь оттачивал свои выводы. Конкретные наблюдения и исследования по истории отдельных семей он публиковал регулярно.

Систематическое обследование рукописей родословных книг позволило Лихачеву наметить основные этапы составления родословцев в XVI—XVII вв. «Вообще старые частные родословные сборники (до работы генеалогистов XVIII—XIX вв.), которые приходится признать первоисточниками, распадаются на несколько редакций: 1) из 42—45 глав, составленная в конце XVI в.; 2) из 58—60 глав, составленная в первой половине XVII в. (а может быть, тоже в XVI в.); 3) из 80—81 главы... составленная во второй половине XVII столетия, но все еще до подачи росписей после 1682 г.» [32]

---

[27] *Янин В. Л.* К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева.— Советская археология, 1962, № 2, с. 10.

[28] Там же.

[29] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 15—18.

[30] ААН СССР, ф. 246 (Н. П. Лихачев), оп. 1, д. 19, л. 647 об.

[31] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки...

[32] ААН СССР, ф. 246, оп. 1, д. 19, л. 649 об.— 650.

Заметки Лихачева об отдельных списках родословных книг содержат не только краткое описание рукописей, но и очень яркие характеристики. Их даже нельзя назвать черновиками, здесь отражен исследовательский почерк автора, историка, великолепно и всесторонне знавшего древнерусские памятники, человека, который в прямом смысле слова жил в постоянном общении с рукописями. Эти наброски, выписки, заметки на полях показывают пути, по которым исследователь собирался идти в дальнейшем.

Конкретные наблюдения над отдельными списками родословных книг до сих пор сохраняют свою ценность.

Мнение Лихачева о редакциях родословных книг было поддержано всеми исследователями. В них впервые был разработан метод сравнительного изучения различных списков родословных книг, определена и исследована самостоятельная редакция XVI в. Многие из предварительных наблюдений Лихачева открывают полную классификацию родословных книг, которую можно создать в настоящее время. В то же время в этих работах отразилась слабость методологии Лихачева, отмеченная В. Л. Яниным: «Будучи последним представителем буржуазной историографии в области источниковедения, Н. П. Лихачев выразил и отразил кризисное состояние буржуазной исторической науки, характерными чертами которой в то время был критический пересмотр источников и стремление, но очевидная неготовность к синтезу» [33].

Лихачев придавал большое значение и сам часто обращался к росписям конца XVII в., поданным в Разрядный приказ. Его разбор родословных легенд XVII в. базировался на анализе актов, поданных вместе с росписями. Прекрасный знаток древнерусской дипломатики, он сразу улавливал несообразность формуляров этих актов. Относительно росписей он сделал лишь несколько общих предварительных замечаний, а ряд фальсифицированных грамот, поданных вместе с росписями Бедовых и Сатиных, разобрал подробно. Кроме того, изучая легенды о происхождении Бегичевых, Бахметевых, Борыковых, Воейковых, Римских-Корсаковых, Лихачев доказывал, что в Посольском приказе существовала «выезжая книга», где записывались выезды на службу в Москву [34].

Основная полемика о происхождении документов XVII в. развернулась между А. И. Юшковым и Н. П. Лихачевым после выхода публикации «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ...». В своей публикации Юшков напечатал лишь списки с грамот, поданных вместе с росписями. В предисловии он упрекнул Лихачева в ряде ошибок и неточностей при передаче текста аналогичных грамот [35]. Это вызвало немедленную кри-

[33] *Янин В. Л.* К столетию..., с. 15.

[34] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки..., с. 430–440.

[35] Н. П. Лихачев опубликовал грамоты из росписи Шиловских (*Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, с. 242–271).

тику Лихачева. Развернувшаяся полемика раскрывает принципы отбора документов, передачи текста и другие археографические приемы, которыми пользовались Лихачев и Юшков при публикации родословных документов. Она является ключом, который позволяет установить истинное соотношение между текстами публикации и подлинных документов.

В ответе на замечания Юшкова Лихачев высказал и свое отношение к росписям, отмечая, что этот материал не систематизирован, разбросан по ряду архивов, что «он по качеству своему требовал предварительной обработки». Лихачев полагал, что родословные росписи XVII в. находятся не только в архиве Министерства юстиции, но и в портфелях Миллера архива Министерства иностранных дел, в книгах дел решенных архива герольдии, «в некоторых старинных сборниках среди рукописей в разных библиотеках и, наконец, в частных родовых архивах». Он резко осудил Юшкова за то, что, публикуя акты, тот совершенно игнорировал росписи. По его мнению, опубликовав одни приложения к росписям, Юшков создал издание наподобие «альбомов тех любителей искусства, которые вырезывают миниатюры и гравюры из рукописей и книг»[36]. Ряд предположений Лихачева подтвердился в позднейших исследованиях.

Работы Лихачева и Юшкова существенно дополняют ту часть книги Барсукова, где изложена история создания и деятельности Палаты родословных дел, поскольку Барсуков приводит лишь сведения, опубликованные до 1886 г.

Лихачев на протяжении всей своей жизни продолжал исследования по истории создания Государева родословца и опубликовал очень интересные наблюдения по истории родословных книг первой половины XVI в., а также отрывки из указов, связанных с созданием Бархатной книги, которые дополняют сведения, приведенные в предисловии к Бархатной книге.

Его статьи в «Известиях Русского генеалогического общества» невелики по объему и довольно случайны по тематике. Как представляется, отправным пунктом их создания были находки новых известий о происхождении, службе, родственных связях деятелей XVI в. (записи на рукописях, новые грамоты и пр.). Они тут же обрастали многочисленными фактами из родословных и разрядных книг, летописей, грамот. Эти работы, где собран большой биографический материал о деятелях XVI в., сохранили значение до наших дней.

Для генеалогических работ Лихачева характерно большое доверие к ранним росписям. Он тонко подмечал и всегда критиковал подделки и интерполяции актов, поданных с росписями XVII в., видел и хронологические несообразности самих росписей, но если подлинность актов твердо отвергал, то ошибки рос-

---

[36] *Лихачев Н. П.* По поводу сборника А. И. Юшкова «Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». СПб., 1898, с. 2.

писей стремился объяснить, никогда не говоря о сознательной фальсификации их составителей. Проанализировав роспись Лихачевых конца XVII в. и поданные с ней документы, Н. П. Лихачев показал, как их легенда о происхождении проверялась в Посольском приказе, и составил подробную роспись Лихачевых [37].

Группа статей, изданных в «Известиях Русского генеалогического общества», посвящена анализу родословных росписей конца XVII в. Среди них — статья Н. В. Мятлева о происхождении Левшиных. Автор показывает эволюцию легенды о выезде их родоначальника Сувола Левенштейна к Дмитрию Донскому в родословных документах Левшиных с конца XVII до начала XIX в. Вывод Мятлева категоричен: «Никакого подтверждения в летописях или иных достоверных источниках эта легенда о происхождении Левшиных не находит и, вероятнее всего, возникла не раньше конца XVII в., а потому наравне с портретом графа Сувола и помянутую виньеткой (речь идет о публикации 1812 г.— *М. Б.*) должна быть признана фантастической и совершенно отвергнута» [38].

Лихачев проанализировал и дело Головкиных, составленное в Палате родословных дел. Этот разбор во многом перекликается с более ранней критикой актов Головкиных в «Разрядных дьяках XVI в.». Опираясь на опыт европейской дипломатики, Лихачев писал, что грамоты, составленные в монастырях, часто бывают подделками [39]. Отметив все несообразности грамот в росписи Головкиных, Лихачев пришел к более мягким выводам, чем Мятлев в своей работе о Левшиных: «Вся беда вышла из-за того, что Головкины, воспользовавшись вкладной книгой (Троице-Сергиева монастыря.— *М. Б.*), не догадались восполнить ее подлинными вкладными или данными грамотами; распределяя поколения по соображению, руководствуясь главным образом отчеством, составители родословной росписи жестоко напутали и ввели в заблуждение Палату родословных дел» [40].

Деятельность русских генеалогов для нас особенно ценна тем, что они собрали большой справочный материал, частично опубликованный, частично отложившийся в архивных собраниях, который надолго сохраняет свое значение.

Окончательное оформление генеалогии во вспомогательную историческую дисциплину, служащую нуждам исторического исследования, было осуществлено советскими историками.

---

[37] *Лихачев Н. П.* Вкладная запись выдающегося генеалогического интереса.— В кн.: ИРГО. СПб., 1903, вып. 2, с. 152–161. Здесь опубликованы роспись Лихачевых и документы из Дела о гербах [ЦГАДА, ф. 286 (Герольдмейстерская контора), оп. 1, д. 333].

[38] *Мятлев Н. В.* Родословная легенда Левшиных.— В кн.: ИРГО, вып. 2, с. 35–36.

[39] *Лихачев Н. П.* Родопроисхождение дворян Головкиных.— В кн.: ИРГО, вып. 2, с. 139.

[40] Там же, с. 126. В этой работе опубликована роспись Головкиных конца XVII в. (с. 96–100) и некоторые грамоты.

Советская историческая наука по-новому подошла к изучению истории класса феодалов. В настоящее время есть ряд работ, раскрывающих структуру класса феодалов в Древнерусском государстве. Значительно расширились представления о феодальном иммунитете, землевладении, вышел ряд работ, освещающих ход событий политической борьбы [41].

И в процессе исследования различных проблем социально-политической истории все более ощущается отсутствие достаточного количества генеалогических исследований по истории всех прослоек класса феодалов, практически работы такого типа стали широко публиковаться с 50-х годов, и уже сейчас среди них можно выделить ряд направлений.

Несомненным достижением современных генеалогических работ является расширение базы источников и разработка новых методов, позволяющих использовать эти источники в более полном объеме.

Прежде всего надо сказать о публикации и источниковедческом исследовании основных источников русской генеалогии XVI в.— родословных и разрядных книг. Эти памятники тесно связаны между собой; они появились почти одновременно и составлялись в государственной казне, а потом в Разрядном приказе [42].

Приемы их источниковедческого анализа также имеют много общего; в дореволюционной историографии существовала теория об официальном (Государев разряд и Государев родословец) и частном происхождении этих источников. Одна из редакций, имевшая внешние признаки принадлежности к государственному аппарату, называлась официальной, все списки, отличавшиеся от официальных, признавались частными списками или редакциями [43].

В этой теории было свое разумное начало — из всей массы списков выявлялись те, которые носили следы несомненной принадлежности к деятельности государственного аппарата, что создавало прочную базу для их использования в научных исследованиях. Причем, кроме учета внешних признаков принадлежности памятника к официальному делопроизводству (пометы на рукописях, записи дьяков и т. п.), вырабатывались приемы, позволяющие по ряду внутренних признаков объединить в одну редакцию списки, как имеющие такие пометы, так и не имеющие их. Н. П. Лихачев определил состав Государева родословца 1555 г.

---

[41] См.: *Янин В. Л.* Успехи и проблемы изучения вспомогательных дисциплин русской истории.— В кн.: АЕ за 1969 год. М., 1971; *Бычкова М. Е.* Генеалогия в советской исторической литературе.— В кн.: ВИД. Л., 1976, вып. VII.

[42] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. ...; *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962.

[43] *Буганов В. И.* Указ. соч., с. 8—22; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки..., с. 349—419.

как родословной книги в 43 главы, исходя из записей, имевшихся в той редакции, где к 43 главам были приписаны новые (редакция в 43 главы с приписными), и это разделение на «основные» и «приписные» главы оговаривалось соответствующей записью.

Но в конкретном генеалогическом исследовании нельзя ограничиваться одной редакцией родословных или разрядных книг, что сужает круг фактических сведений. Поэтому «частные» редакции также привлекались. В этом случае все разночтения с росписями «официальных» родословцев проверялись по другим источникам.

Естественно, что необходимо было выработать какие-то приемы анализа, позволяющие привлекать к исследованию весь круг источников, вводить в оборот все известные списки этих памятников, оговаривая особенности происхождения, полноты, специфики и достоверности сведений каждой группы списков (редакции) памятника.

Русские генеалогические источники XVI в. дошли до нас в большом количестве списков, среди которых нет ни одной рукописи XVI в., принадлежащей приказному учреждению. Это отличает их от таких делопроизводственных документов XVI в., как *акты, писцовые списки и др., которые хотя бы частично имеются* в подлинниках. Даже если у нас есть список родословной или разряда с дьяческими пометами, мы не можем быть уверенными в точности, которую сохранила наша рукопись по сравнению со своим протографом. Обращение к самому тексту может только подтвердить опасения исследователя. Родословные и разрядные книги состоят из списка имен, в них часто отсутствует связный рассказ. При неоднократном копировании здесь легко может быть сделан пропуск между двумя одинаковыми именами или отчествами. В этом случае для исследователя, работающего с рукописью, пропадает ряд лиц, меняется место службы или степень родства, причем, имея один список, историк не всегда обнаружит такой пропуск, ведь перед ним нет связного рассказа, в котором отсутствие куска текста может привести к бессмыслице. Поэтому, пока не подготовлено научное издание генеалогических документов, необходимо пользоваться для корректировки несколькими списками одной редакции памятника.

Текстологический анализ необходим при использовании памятников в исследовании, только он может среди всей массы сохранившихся рукописей выделить самостоятельные редакции источника. Он дает твердую базу для выделения списков самостоятельных редакций и определения генетической связи между этими списками, а также редакциями. Но установить время и обстановку, в которых создавалась каждая редакция, причины их появления, принципы редактирования, источники памятника можно только в результате выявления их источников и конкретного анализа содержащихся в них сведений.

Одним из первых случаев, когда текстологический анализ был применен при подготовке к печати делопроизводственных доку-

ментов, было издание Тысячной книги 1550 г. и Дворовой тетради 50-х годов XVI в.[44]

Сравнение работы С. Б. Веселовского, который неоднократно привлекал тексты этих памятников в своих исследованиях, и работы А. А. Зимина, готовившего издание, показывает как многообразие научных приемов исследователей, так и преимущества текстологического сравнения.

Веселовский, работая с источником, не исследовал историю текста в тех случаях, когда были специальные источниковедческие работы. Для него достаточно было удостовериться, что ряд списков источника имеет идентичный текст, его интересовали разночтения, дополнения, новые известия.

Веселовский не раз использовал Тысячную книгу и Дворовую тетрадь в специальных исследованиях[45]. Он отказался от изучения истории текста этих источников и текстологического сравнения сохранившихся списков. Для Тысячной книги автор отметил, что подлинного текста мы не имеем, а знаем частные списки, большей частью неисправные[46], для Дворовой тетради он заметил. что хорошо бы найти ее полный список, реконструкция первоначального текста не входила в его задачу. Но он исчерпывающе использовал все известия этих памятников. В его архиве есть «Алфавит Тетради дворовой»[47], где собраны известия об описи дел, вынесенных в пожар 1626 г., сделана копия Дворовой тетради, к большинству упоминаемых лиц в ней дан биографический комментарий, отмечены все общие лица с Тысячной книгой, упоминания о боярстве, занесены выписки из разрядов, известия из Синодика опальных. К этой копии составлен дополнительный список бояр и окольничих, отсутствующих в Дворовой тетради, и алфавитный указатель всех лиц, записанных в нее, где тоже приведены биографические сведения.

Кроме того, автор сравнил тексты Дворовой тетради и Тысячной книги, отметил принцип составления тетради и сравнил состав записанных в нее лиц с составом опричного двора[48].

---

[44] ТКиДТ. М., 1950, с. 20–46.

[45] *Веселовский С. Б.* Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном.– В кн.: Ист. зап. М., 1945, т. 15, с. 62–69; *Он же.* Реформа 1550 г. и так называемая Тысячная книга.– В кн.: Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 77–91. Анализ списков Синодика опальных и исследования состава записанных в нем лиц дали Веселовскому обширные материалы по истории опричнины.

[46] *Веселовский С. Б.* Первый опыт..., с. 59; *Он же.* Исследования по истории опричнины, с. 80.

[47] См.: *Бычкова М. Е.* Степан Борисович Веселовский – генеалог.– В кн.: История и генеалогия, с. 51–52.

[48] «Предвосхищая выводы из анализа личного состава старого государева двора, замечу, что в „Тетради дворовой" и в Тысячной книге мы находим почти всех известных нам опричников либо их отцов и родичей, и в тех же источниках мы находим имена опальных и казненных» (*Веселовский С. Б.* Первый опыт..., с. 69; ср.: *Он же.* Исследования по истории опричнины, с. 91).

В основе этой кропотливой работы лежит публикация Тысячной книги Н. П. Лихачевым и Н. В. Мятлевым и опубликованной П. Н. Милюковым дефектный и неполный список Дворовой тетради[49].

С именем Веселовского связано возрождение и важный этап развития историко-генеалогических исследований в советской историографии. При всей многогранности его работ в них четко прослеживается основное направление — исследование феодального землевладения. Само определение роли генеалогического исследования при изучении общей проблемы формирования класса феодалов у Веселовского неоднократно менялось. Впервые он писал о необходимости изучения истории служилых людей в 1929 г. «В 100—150 московских уездах быстро созревала новая социальная сила, шедшая на смену и боярству и монастырю,— то поместное служилое дворянство, которому суждено было за одно-два человеческих поколения (1563—1619 гг.) разрушить феодальные твердыни боярских вотчин»[50]. Одновременно такая же мысль появляется и при изучении роли феодалов в политической жизни государства. По мнению Веселовского, при создании единого Русского государства Москва сыграла свою роль в вопросе «об образовании боярства и служилого класса вообще», что представлялось автору «менее ясным и более сложным», чем «роль Москвы в объединении русских княжеств»[51].

Позднее, когда Веселовский приступил к систематическому исследованию «происхождения, состава и социальной природы класса служилых землевладельцев», ему казалось наиболее правильным «начать с настойчивого и терпеливого собирания и изучения фактов, чтобы на основании их строить дальнейшие обобщения». Эта работа убедила его, «что не лица и не семьи, а роды составляли основные ячейки, из которых складывался класс». Родовые традиции были одной из «самых характерных черт класса XIV—XV вв., а разложение этого строя при переходе от удельного феодализма к единодержавию московских царей — как одна из самых характерных сторон истории класса служилых людей»[52].

Для решения вопросов истории землевладения, по мнению Веселовского, генеалогические материалы, подвергнутые «тща-

---

[49] ТКиДТ, с. 32—33; см. также: *Зимин А. А.* Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. и формирование состава Боярской думы и дворцовых учреждений.— В кн.: ВИД. Л., 1981, вып. XII.

[50] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. М., 1929, т. 1, с. IV.

[51] ААН СССР, ф. 620 (С. Б. Веселовский), д. 81, л. 23.

[52] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 7—8. Веселовский не дает определения понятия «род», но из текста ясно, что под этим термином он подразумевает круг семей, которые в XVI—XVII вв. начинали свое родословие от единого предка.

тельной критике в своих показаниях и соединенные с другими источниками», «приобретают первостепенное значение»[53].

Особый интерес представляют его исследования по истории мелких вотчинников, частично включенные в монографию «Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.», в которых генеалогические таблицы различных семей составлены на основе актов. Впервые в русской генеалогии Веселовский разрабатывает здесь методику реконструкции родственных связей между отдельными лицами при отсутствии современных родословных росписей[54]. Исследуя проблемы зарождения древнерусской вотчины, Веселовский широко привлекал акты XV—XVI вв., родословные росписи и свидетельства топонимики. Такой подход требовал не только использования всего доступного круга источников, но и выделения различных актов, принадлежавших членам одной семьи. Следует отметить, что мы не имеем древнерусских семейных архивов и единых комплексов документов, для которых сама история хранения раскрывала бы их принадлежность какой-либо семье. Обычно такая принадлежность устанавливается косвенным путем при сопоставлении отдельных фактов, имен и географических названий, встречающихся в различных актах.

Поэтому наиболее ценным для развития генеалогии в работах Веселовского являются не прекрасные очерки о Пушкиных и Годуновых, где у автора были и ранние родословные росписи и сравнительно большой фактический материал, а небольшие этюды о мелких семьях, чьи владения уже в XV—XVI вв. отошли к монастырям и где история семьи восстанавливается в основном по актам, извлеченным из разных фондов. Веселовский выделяет группы актов, связанные с определенными географическими названиями, и уже внутри этих групп, учитывая упоминающиеся в тексте имена, отчества, прозвища, известия о службе и опираясь на хронологию актов, создает родословные таблицы различных семей.

Еще одним важным моментом генеалогического использования актов является вопрос об идентификации или, наоборот, разграничении лиц с одинаковыми именами, встречающимися в разных актах. До XVII в. на Руси не было не только устойчивых фамилий, но и устойчивого употребления набора имен одного человека в разных документах. Обычно один человек имел имя, отчество, собственное прозвище, к чему могло прибавляться прозвище отца или родовое. В разных документах один и тот же человек может называться в самых различных вариациях совокупности этих элементов (имя-прозвище, имя-отчество, имя-отчество-прозвище, имя-отчество-прозвище отца и т. д.), а если учесть, что в отдельных семьях были свои излюбленные имена, повторяющиеся подряд в нескольких поколениях, время деятель-

[53] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса..., с. 21.

[54] *Веселовский С. Б.* Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М., 1936, с. 56—68.

ности которых пересекается, и что в разных семьях в одно и то же время встречаются люди с одинаковыми именами, то понятно, что иногда в работе с актами исследователя ждут большие трудности.

Веселовский проделал большую работу по идентификации деятелей XIV—XV вв. с одинаковыми именами и отчествами, упоминаемыми в ряде актов[55]. Только после такой работы можно проследить службу каждого из лиц с одинаковыми именами, историю землевладения различных семей и разграничить документы, относящиеся к этим семьям.

Для выделения известий актов, относящихся к одному лицу, Веселовский сопоставлял их с родословными росписями, записями летописей, синодиков и вкладных книг, чтобы выявить время деятельности и службу каждого лица, его ближайших родственников, определить родственные связи между отдельными семьями. Такая многоплановая источниковедческая работа с актами дает возможность привлекать их в генеалогическом исследовании.

В дальнейшем исследования по истории класса феодалов, связанные с историей феодального землевладения, получили большое развитие в советской исторической науке. Среди работ, где встречаются конкретные генеалогические исследования, посвященные истории отдельных семей, следует прежде всего назвать монографию А. И. Копанева[56]; в ней собран значительный круг сведений о роде Монастыревых, отдельных фамилиях белозерских князей (Кемских, Ухтомских и др.), подробно проанализирована легенда родословных книг о происхождении рода Монастыревых и на основе других источников показана ее полная состоятельность и возможное использование семейных преданий при ее составлении. Значение этого исследования для представления о структуре класса феодалов трудно переоценить: на конкретных фактах автор показывает изменение роли различных княжеских родов, их мельчание, потерю княжеского титула и т. д. в связи с политикой государства по освоению Белозерского края.

Роль монастырского землевладения и его влияние на соседние вотчины светских феодалов, взаимоотношения этих феодалов с монастырем уже на примере Иосифо-Волоколамского монастыря изучены А. А. Зимины м[57]. История вотчинного и поместного

---

[55] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса..., с. 398—403. Аналогичную работу по разграничению трех князей Василиев Ивановичей (будущий великий князь Василий III, Патрикиев и Голенин) и двух Иванов Юрьевичей (брат верейского князя и Патрикиев), выдававших и скреплявших грамоты в одно время, проделал С. М. Каштанов (*Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, с. 41—60).

[56] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951.

[57] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977. Эта монография сделана на основе кандидатской диссертации, которую А. А. Зимин защитил в 1947 г.

землевладения в Переяславском уезде, одной из наиболее рано освоенных территорий Русского государства, исследована Ю. Г. Алексеевым [58]. Это же направление, расширенное на всю территорию Русского государства, в последнее время продолжено В. Б. Кобриным [59].

Изучая историю феодального землевладения на определенной территории, все названные авторы дают в связи с ней и историю различных феодальных семей, что позволяет проследить и сословную структуру землевладельцев, ее изменчивость, проследить историю светских землевладельцев в связи с историей политической жизни и целым рядом других вопросов.

В общеметодическом плане по конкретным наблюдениям эти работы нужны для выбранной в настоящем исследовании темы, но не связаны с ней непосредственно. Автора прежде всего интересовали структура и эволюция высшей прослойки класса феодалов XVI в.— Государева двора. В работах, посвященных истории землевладения на отдельных территориях, семьи, принадлежавшие к Государеву двору, попадаются выборочно и не во всей своей полноте. Поэтому для нас важнее обратиться к работам, посвященным сословной структуре правящего класса, истории государственного аппарата, политической жизни.

Представление о сословности русских феодалов XIV—XVI вв., близкой к сословиям других феодальных государств Европы, прекрасно раскрыто в работе Л. В. Черепнина. Опираясь на богатый актовый материал, автор показывает, что в России существовали различные «виды поземельно-служебных отношений», которые юридически оформлялись соответствующими договорами между сеньором и вассалом. Эта сословная иерархия внутри господствующего класса «принципиально различается от личной зависимости крестьянина» [60]. Из этой иерархической структуры вырастает феодальное государство как орган господствующего класса [61]. К сожалению, наблюдения Черепнина в дальнейшем не получили более полного развития.

Лишь позднее история различных семей правящего класса в связи с историей государственного аппарата была исследована в работах А. А. Зимина [62]. В них вопросы генеалогии тесно связаны с вопросами образования государственного аппарата, как центрального, так и местного. Кроме своего основного значе-

---

[58] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966.

[59] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985.

[60] *Черепнин Л. В.* Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв.— В кн.: Ист. зап. М., 1940, т. 9, с. 68—69.

[61] Там же, с. 80.

[62] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв.— В кн.: АЕ за 1957 год. М., 1958; *Он же.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV—XVI вв.— В кн.: Ист. зап. М., 1958, т. 63; *Он же.* Земский собор 1566 г.— Там же. М., 1961, т. 71; *Он же.* Список наместников Русского государства первой половины XVI в.— В кн.: АЕ за 1960 год. М., 1962.

ния — решения вопросов социально-политической истории России конца XV—XVI в., они содержат массу сведений о службе, родстве, участии в политической жизни всех лиц, занимавших какое-либо официальное положение в то время.

Зимин много внимания уделял формированию класса феодалов России конца XV—XVI в. Его работы шли в нескольких направлениях. Прежде всего изучение верхушки правящего класса — семей служилых князей и бояр — привело к новым выводам о соотношении роли княжеских и боярских родов в политической борьбе и государственном управлении. Зимин проследил изменение в реальном служебном положении различных членов одной и той же семьи. Такие исследования привели к принципиально новому представлению о соотношении потомков старомосковского боярства, потомков великих и удельных князей и князей, выехавших на службу в Россию в период образования единого государства, в составе Государева двора XVI в. Другое направление в работах Зимина — это изучение истории дворов великих и удельных князей (тверских, дмитровских, старицких и др.). Автор реконструировал состав семей, игравших в этих дворах ведущую роль, и проследил судьбу членов этих семей уже в составе класса феодалов Русского государства первой трети XVI в. Такие исследования показали общие тенденции образования Государева двора в конце XV в.— 30-х годах XVI в.[63]

С ними соприкасаются наблюдения В. Л. Янина о составе новгородского боярства[64].

Особенно интересен общий вывод Янина о сословности новгородского боярства: «Новгородские бояре составляли непополняемую касту аристократов и были обязаны своей сословной принадлежностью только происхождением от родоплеменной старейшины древнейшего периода новгородской истории, от той сословной верхушки, которая консолидировалась в замкнутую касту еще на протогосударственной стадии»[65]. Конкретные наблюдения Янина о сословной верхушке новгородского боярства позволяют четко говорить о ее местном, а не «выезжем» происхождении, о тесной связи с предшествующим периодом истории и о достаточной замкнутости.

Для нас важен вывод автора о том, что после присоединения Новгорода к Москве в последней четверти XV в. никакие новгородские боярские роды не вошли в состав Государева двора.

---

[63] *Зимин А. А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в.— История СССР, 1973, № 3; *Он же.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в.— В кн.: ВИД. Л., 1973, вып. V; *Он же.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в.— В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975; *Он же.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в.— В кн.: Ист. зап. М., 1979, т. 103.

[64] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962; *Он же.* Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

[65] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина, с. 213.

Как развитие в изучении сословности класса феодалов следует рассматривать и анализ понятий «двор» и «дворяне», который дается в современной литературе.

В. Д. Назаров убедительно показал, что их появление связано с новгородской традицией. Он провел анализ источников, в которых встречаются эти термины при описании событий конца XII — первой половины XIII в. (первые упоминания), и твердо установил, что наиболее раннее и устойчивое употребление терминов «двор» и «дворяне» относится к новгородскому летописанию 1191/92 гг.— 1281/82 гг., причем под двором как княжеским институтом и дворянами всегда понимаются дружина князя, а конкретные события, при описании которых приводятся эти термины, связаны или с военными действиями, или с конфликтами князя с новгородцами[66]. Автор справедливо связывает *такие известия о дворе с тем фактом*, что в Новгороде *института* княжеского двора не существовало. *Летописец* зафиксировал чуждое Новгороду явление, в то время как московские или владимирские летописцы, знакомые с таким институтом, не выделяли его при описании аналогичных событий. Как полагает Назаров, «двор был институтом в сословной структуре господствующего класса, но не являлся таковым в государственно-политической системе»[67].

По наблюдениям автора, двор вырос из княжеской дружины тогда, когда начали складываться территориальные корпорации класса феодалов. Первоначально это понятие объединяло «бояр, лиц, занимавших различные престижные должности при князе... а также дворян»[68]. В дальнейшем, с развитием и структуры, и численности правящего класса, это понятие претерпело изменение.

По определению Зимина, в XV в. Государев двор был той «основной социальной силой, на которую опиралась власть московских великих князей»; автор выделяет в нем три элемента: князей, находившихся на московской службе, бояр и детей боярских — наиболее подвижный элемент двора[69]. Но в более позднее время наблюдается более четкая грань между членами двора и основной массой феодалов, служившей по различным городам (территориальные корпорации).

По наблюдениям Ю. М. Юргиниса, основанным на литовском материале, в Литовском государстве XVI в., которое заимствовало социально-правовую терминологию еще Киевской Руси, и в том числе термины «боярин» и «дворянин», бояре — это военные

---

[66] *Назаров В. Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.).— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

[67] Там же, с. 119.

[68] Там же, с. 121.

[69] *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы..., с. 197.

слуги, не принадлежащие к дворянскому сословию, а дворяне — слуги великокняжеского двора, имеющие права дворянского сословия[70].

Проблема изменения структуры класса феодалов все чаще решается в работах, посвященных истории отдельных великих княжеств XV в. От историко-генеалогических трудов Весловского они принципиально отличаются тем, что история различных семей не просто изучается в них в связи с историей феодального землевладения, а тесно переплетается с историей аппарата управления, изменением сословной структуры правящего класса. Начало таким исследованиям положено в работах Зимина по истории дворов великих и удельных княжеств (Тверского, Рязанского, уделов XV—XVI вв.). И работы последующих авторов генетически связаны с исследованиями Зимина.

К сословной структуре феодалов Тверского великого княжества после Зимина обратился Б. Н. Флоря[71]. Он убедительно показал, что присоединение Твери к Москве не нарушило сразу структуры тверского боярства. В основной массе сохранилось неизменным вотчинное землевладение Тверского княжества, действовала тверская боярская дума, некоторые ее члены были боярами и в Твери, и в Москве. Окончательно корпорация тверских феодалов была разрушена в 1504 г., когда перестала существовать Тверская земля (отдельные ее части вошли в состав вновь образованных уделов). По справедливому замечанию автора, ее дальнейшее существование становилось теперь формальностью и служба по особому тверскому списку создавала бы помехи для тверских семей в их политической карьере[72].

Аналогичные исследования проведены по истории еще ряда земель, вошедших в XV в. в состав единого Русского государства. Подводя итоги этих трудов, В. Б. Кобрин отмечает, что князья Суздальского, Ярославского, Стародубского княжеств сохраняли свои княжеские права в XV и частично в XVI в. (сбор дани, суд, выдача иммунитетов и др.). Они выдавали грамоты, как определил автор, «княжеского типа», но одновременно на своих бывших землях имели и вотчины, и даже поместья[73]. В документах, выданных стародубскими князьями, еще в XV в. упоминаются бояре их двора, что автор определяет как сохранение значительного объема княжеской власти[74].

---

[70] *Юргинис Ю. М.* Бояре и шляхта в Литовском государстве.— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье.

[71] *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли).— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975.

[72] Там же, с. 289.

[73] *Кобрин В. Б.* Землевладельческие права княжат в XV — первой трети XVI в. и процесс централизации Руси.— История СССР, 1981, № 4; *Он же.* Власть и собственность..., с. 50—59 и след.

[74] *Кобрин В. Б.* Землевладельческие права..., с. 41; *Он же.* Власть и собственность..., с. 56—58.

Кобрин сделал интересные наблюдения и о корпоративности княжеских владений, сохранявшейся еще в XVI в. Изучая правительственную политику 50—70-х годов XVI в. по отношению к княжеским вотчинам, автор утверждает, что в это время еще сохранилось отношение к таким вотчинам как к коллективной собственности всего княжеского рода, «находящейся в долевом владении отдельных его представителей»[75], такое владение подтверждалось древностью его происхождения. Не разбирая концепции автора о вотчинном землевладении, хотелось бы отметить его обращение к структуре княжеских корпораций в XVI в. и их разрушению в связи с образованием нового, единого вида землевладения, а также к правительственной политике по отношению к этим корпорациям.

Мы видим, что обращение к исследованию сословной структуры все чаще звучит в современных исследованиях в связи с изучением истории феодального землевладения, аппарата управления и других проблем.

Однако при решении ряда вопросов истории правящего класса сказывается отсутствие современных генеалогических справочников, которые давали бы материал о службе и родственных связях деятелей XV—XVI вв. и их семей[76]. Более того, до сих пор не выявлены и не введены в научный оборот все родословные росписи, составленные в XVII в. Часть их сохранилась в семейных архивах, часть была подана в 80-х годах XVII в. в Палату родословных дел. Многие из них содержат сведения о происхождении семей, лишь в середине XVI в. вошедших в состав Государева двора и не создававших до XVII в. своих родословий. Благодаря этому из генеалогического исследования иногда ускользает низшая прослойка Государева двора XVI в.

Таков основной круг работ, положения которых и разработанная в них методика позволили подойти к настоящему исследованию. Замечания по существу к аргументации и выводам авторов предложены в тексте с изучением конкретных вопросов[77].

---

[75] *Кобрин В. Б.* Из истории правительственной политики в области княжеского и вотчинного землевладения в XV—XVI вв.: (Законы 1551, 1562 и 1572 г.).— История СССР, 1984, № 1, с. 179; см. также: *Он же.* Власть и собственность..., с. 69—77.

[76] Здесь следует упомянуть работу Кобрина, посвященную составу опричного двора Ивана IV (*Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного.— В кн.: АЕ за 1959 год. М., 1960. О составе земщиков в это же время см.: *Печуро С. С.* Земские служилые люди в годы опричнины.— В кн.: Тр. Москов. гос. историко-архивного ин-та, 1961, т. 16). Составленный Кобриным список опричников является самым полным не только по количеству упомянутых лиц, но и по объему собранных о них сведений. Если подходить к оценке этой работы с точки зрения генеалогического исследования, то здесь впервые объединено социально-экономическое и социально-политическое исследование при изучении истории отдельных фамилий.

[77] Автор не дает здесь специального историографического обзора зарубежных работ по генеалогии и службе русских феодалов XV—XVII вв. (Г. Алеф, Р. Крамми, А. М. Клеймола, Х. Рюс, Н. Шэлдс Колман и др.).

Глава II

Служилые князья в России XVI в.

Вопрос о положении служилых князей в Русском государстве конца XV — первой половины XVI в. неоднократно был предметом исследования в советской исторической литературе последних десятилетий. Изучалась их роль в политической жизни России, формировании государственного аппарата, и в частности Боярской думы, в истории местничества.

Первым писал об этом С. Б. Веселовский. Он собрал и проанализировал большой материал о положении служилых князей: о географии их земельных владений, различии их политических прав[1]. Но в то же время в его исследовании не всегда даются четкие дефиниции. Так, Веселовский не разделял терминов «удельный князь» и «служилый князь». Он собрал и объединил материал об удельных князьях московского дома и служилых князьях (Белевских, Одоевских, Воротынских, Мстиславских, Бельских и др.). Веселовский приравнивал положение служилых князей к удельным. «С конца XV в. один за другим переходят на службу в Москве, а затем теряют свои уделы князья Мосальские, Мезецкие (Мещовские), Белевские, Новосильские и Трубчевские. При великом князе Василии Ивановиче лишаются уделов, полученных на службе в Литве, князья Андрей Иванович Можайский (удел Стародуб Северский) и Василий Иванович Шемячич (удел Новгород Северский). В малолетстве Ивана IV лишился удела при неизвестных обстоятельствах последний белевский князь — Иван Иванович»[2].

М. Н. Тихомиров уже различал положение удельных и служилых князей, которых в соответствии с терминологией грамот называл иногда «служебными». По его мнению, права удельных князей в XVI в. были шире, чем права служилых; и те и другие оформляли свои отношения с великим князем докончальными грамотами. Основной обязанностью служилого князя по отношению к своему сюзерену, как полагал Тихомиров, была военная служба. К сожалению, докончальных грамот между московскими великими князьями и перешедшими из Великого княжества Литовского служилыми нет. Тихомиров, определяя права служилых

---

[1] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси.— В кн.: Ист. зап. М., 1947, т. 22.

[2] Там же, с. 113.

князей Северской и Заокской земель, опирался на докончание 1459 г., заключенное королем Казимиром с новосильскими и одоевскими князьями. Главное в этом докончании, что, по мнению автора, определяет и положение служилых князей в Москве,— подчеркивание вассальной службы, которая «рассматривается уже как пожалование» и от которой служебные князья могли отказаться, если великий князь не выполнял условий договора[3].

Автор тонко подметил разницу в развитии положения служебных князей России и Великого княжества в XVI в.: если в Литве князья были «распорядителями и владыками в своих вотчинах», так как процесс централизации там тормозился магнатами и шляхтой, то в России наиболее могущественные служилые князья прекратили свое существование в 1523 г., а мелкие сохранили свои вотчины отчасти и во второй половине XVI в., но в то же время Тихомиров приравнивал положение и постоянно называл владения служилых князей на Руси уделами.

Наиболее детальное исследование о служилых князьях в конце XV — первой трети XVI в. принадлежит А. А. Зимину. Он проследил историю служилых князей в конце XV—XVI в. и историю их княжеств в составе Русского государства. Показав, что служилые князья появились на землях, присоединенных к Русскому государству в конце XV в., Зимин впервые четко определил отличия в положении служилых и удельных князей. Развивая выводы Тихомирова, он писал, что «основное отличие „удела" от княжения служилых князей сводилось к тому, что это княжение рассматривалось как наследственная вотчина (перешедшая от предков „слуги" или пожалованная ему великим князем) и обусловливалось несением службы московскому государю»[4]. Удел же завещался великим князем своим потомкам. Служилый князь в отличие от удельного не имел даже формальных прав на занятие великокняжеского престола.

Как показал Зимин, служилые князья были ниже удельных (в договоре великого князя Василия III со своим братом Юрием Ивановичем 1531 г. последний обязуется «князей ... служебных с вотчинами не приимати»)[5]. По неписаному праву служилые князья ходили на войну только тогда, когда затрагивались их непосредственные интересы. Вместе с тем они реально были отстранены от участия в политических делах; до конца 20-х годов никто из них не входил в Боярскую думу, высший орган государственной власти, хотя формально они были выше старомосковского боярства.

Зимин первым попытался определить и разницу в конкретном положении служилых князей, выделив тех, кто перешел на служ-

---

[3] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 46—48.

[4] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в.— В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975, с. 53.

[5] ДиДГ. М.; Л., 1950, с. 419.

бу со своими землями, и тех, кто получил земли от московского великого князя.

При всем новом, что внесла советская историческая наука в изучение института служилых князей, еще не решен ряд важных вопросов. В частности, не выяснено, когда появились служилые князья на Руси, какие причины политического и экономического характера вызвали их к жизни, какой социальный слой класса феодалов и при каких обстоятельствах мог получить права служилых князей и некоторые другие.

В. Л. Янин связывает вопрос о появлении института служилых князей с вопросом сословной принадлежности новгородского боярства и его корпоративной замкнутости. Он показал, что термин «служилый князь» употреблялся с последней четверти XIV в. до присоединения Новгорода к Москве по отношению к литовским князьям, приглашенным для службы в Новгород. В новгородский пригород Копорье — совместное укрепление князя и посадника — с 1333 г. приглашались два князя: русский и представитель литовских Гедиминовичей, которые, служа Новгородской земле, были преимущественно военачальниками новгородского войска, возглавляли его походы на окраины и соседние народы [6]. По предположению Янина, первоначально взаимоотношения Новгорода со служилыми князьями основывались на вотчинном праве, а позднее — кормленческом [7].

Наиболее подробно в этом плане в летописях отражена служба литовского князя Наримонта, хотя он не называется служилым. В 1331 г. он получает «в отчину и в дедину и его детем» новгородские пригороды (Ладогу, Орехов, Корельский город и землю, половину Копорья) [8]. Хотя в 1333 г. он приехал в Новгород на пригороды с условием, «что ему не мыслить в Литву», Новгородская земля не стала его постоянным местом пребывания, но связь с Новгородом он сохранял десятилетиями. В 1338 г. он вывез своего сына из Орехова в Литву, оставив в городе наместников, в 1345 г. участвует в политической борьбе в Литве, в 1347 г. в Орехове упоминаются его наместники [9].

В XIV в. в Новгороде упоминается служилый литовский князь Роман [10], а в XV в.— зять Дмитрия Шемяки — князь Александр Васильевич Чарторыйский.

Все исследователи называют служилыми князьями или князей, приглашенных в Новгород для военной службы, или князей, перешедших на службу московскому великому князю из Литвы.

---

[6] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981, с. 213–215.

[7] Там же, с. 218.

[8] ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 170; *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 218.

[9] ПСРЛ, т. 25, с. 171, 175, 176.

[10] Основываясь на польских хрониках, Ю. Пузына считал, что Роман — это сын литовского князя Юрия Наримонтовича. Роман Юрьевич в 1399 г. был похоронен новгородцами в церкви Спаса в Порхове (*Puzyna J.* Potomstwo Narymunta Gedyminowicza.— Miesięcznik heraldyczny, W-wa, 1932, N 10, s. 185–186).

Никогда ни в источниках, ни в литературе служилыми князьями не называются русские князья, чьи владения были присоединены к Московскому княжеству в процессе образования единого Русского государства.

Сам термин «служилые (служебные) князья» восходит к литовским источникам. Как вассалы литовского князя Скиргайло они упомянуты в договорной грамоте этого князя с Ягайло (1387 г.).

В докончаниях русских князей понятие «служебный князь» впервые появляется в грамоте 1428 г. великого князя Василия Васильевича с галицким князем Юрием Дмитриевичем: «А князей ти моих служебных с вотчиною себе в службу не приимати»[11]. В аналогичном месте докончальной грамоты 1396 г. великого князя Василия Дмитриевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем еще нет слова «служебный»: «А кто моих князей отъедет к тобе, кого ми бог поручил и моей братьи молодшей, в тех ти вотчины не вступатися»[12]. Начиная с 1436 г. (грамота великого князя Василия Васильевича с галицким князем Дмитрием Юрьевичем) термин «служебные князья» регулярно встречается в докончаниях наряду с такими категориями вассалов, как князья, бояре, дети боярские, земские люди[13].

Не исключено, что появление этого термина и нового типа отношений связано с присоединением к Москве в XIV—XV вв. ряда княжеств из числа Белозерских, Ярославских, а также более ранней новгородской традицией.

Если в период феодальной раздробленности на территории каждого из русских княжеств сидели князья, связанные единством родства (белозерские — на Белоозере, ростовские — в Ростове и т. д.), то переход в XIV—XV вв. отдельных князей на службу московскому князю, покупка княжеских владений московскими князьями, очевидно, могли приводить к формированию новых разновидностей отношений между великим князем и князем иной ветви Рюриковичей, связанного с ним не непосредственным родством, а только единством происхождения от общего предка. Общность традиций политического строя различных русских княжеств, восходящая к временам Древнерусского государства, быстрое административное освоение великокняжеским аппаратом вновь присоединенных земель привели к тому, что на русских землях статус служебных князей не получил развития. Во всяком случае, никаких сведений об особом положении в XV в. ростовских, ярославских, белозерских князей, чьи земли вошли в состав Московского княжества, в источниках не имеется. Нет их и по отношению к Рюриковичам и Гедиминовичам, выезжавшим в это же время на службу в Москву.

---

[11] ДиДГ, с. 65. В 80–90-х годах XIV в. в летописях упоминаются «копорские князья», что Янин связывает с институтом служилых князей в Новгороде (*Янин В. Л.* Указ. соч., с. 215).

[12] ДиДГ, с. 42.

[13] Там же, с. 91 и след.

При образовании в XIV в. Великого княжества Литовского в его состав вошли *земли, принадлежавшие к высокоразвитым* районам Древней Руси, сравнительно мало задетые монголо-татарским нашествием и игом, причем соотношение литовских и русских земель в составе Великого княжества было в 1341 г.— 1 : 2,5; в 1430 г.— 1 : 12; в 1569 г.— 1 : 7 [14]. Естественно, отношения между правящей литовской династией и Рюриковичами, чьи княжества находились в составе Литовского государства, были более сложными. Возможно, термин «служебный князь» и определяющие его вассальные отношения и появились первоначально в Литве; этому не противоречат данные литовских и русских грамот.

В Москве в отличие от Новгорода понятие «служилый князь» по отношению к князьям, выехавшим служить из Литвы, не употреблялось до конца XV в. В 1408 г. из Великого княжества приехал князь Патрикий Наримонтович; ранее и он, и его отец Наримонт были служилыми князьями в Новгороде [15]. Ю. Пузына полагал, что Наримонт был женат на русской княжне — возможно, дочери князя Данила Александровича; это, по мнению автора, и объясняло выезд Наримонта. Пузына доказывал, что сын Наримонта Патрикий умер около 1397 г., а в Россию приехал его внук — Патрикий Александрович. Сестра Патрикия Александровича Агриппина с 1403 г. была замужем за московским князем Андреем Дмитриевичем [16].

Дети и внуки Патрикия играли ведущую роль в политической жизни Русского государства на протяжении всего XV в. Они выступают в источниках в качестве наместников и воевод великого князя. Патрикиевы породнились с московским великокняжеским домом и наиболее могущественными русскими родами, обладали реальной властью, но ни о каком положении, хотя бы отдаленно напоминающем положение независимых князей, неизвестно, как и не употребляется по отношению к ним термин «служилый князь». Они выступают лишь как правая рука, первое место после великого князя.

Роль Патрикиевых при московском великокняжеском дворе XV в. освещена подробно. Они сразу вошли в существующую иерархию званий и должностей, занимали высшие должности при

---

[14] *Батура Р. К., Пашуто В. Т.* Культура Великого княжества Литовского.— Вопр. истории, 1977, № 4, с. 95–96.

[15] Зимин называет датой его выезда 1396 г. (*Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в.— В кн.: Ист. зап. М., 1979, т. 103, с. 200–201). Не отвергая ее и предполагая возможность неоднократного приезда Патрикия в Москву, мы оставляем в тексте 1408 год — начало его постоянной службы в России, приведенный в Московском своде конца XV в. (ПСРЛ, т. 25, с. 237; ср. М., 1968, т. 31, с. 98; см. также: *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 216–218).

[16] *Puzyna J.* Narymunt Gedyminowicz.— Miesięcznik heraldyczny, W-wa, 1930, N 3, s. 35–36; *Idem.* Potomstwo Narymunta Gedyminowicza.— Ibid., 1931, N 5, s. 107–109.

московском дворе [17]. В дипломатической переписке с литовским князем, а ею ведали в последней четверти XV в. Иван Юрьевич и его сын Василий, Патрикиевы называются обеими сторонами одинаково. Литовские документы называют Ивана Юрьевича «воеводой московским» или «воеводой великого князя московского» (1489, 1492, 1493 гг.); московские именуют Ивана Юрьевича «наивысшим воеводой государя нашего» или «боярином», а его сына Василия — просто «боярином» [18].

На протяжении всего XV в. в качестве воевод упоминаются Рюриковичи — князья Звенигородские, Оболенские, Бабичевы. Все эти лица приезжали из Литвы, оставляя там свои земли, и получали в Москве на вотчинном праве новые владения от московского великого князя [19].

В конце XV в. на Русь в течение короткого промежутка времени приезжает значительная группа литовских Гедиминовичей и потомков черниговских Рюриковичей, а после войн с Литвой к России отходит ряд пограничных княжеств. С этого времени в Москве появляются служилые князья. С таким званием выступают князья Белевские, Бельские, Воротынские, Вяземские, Глинские, Мезецкие, Можайские, Мещерские, Мосальские, Мстиславские, Одоевские, Трубецкие и Василий Иванович Шемячич.

Родословные документы позволяют проследить, как генеалогическим путем объединялись отдельные семьи, ведущие свое происхождение от общего предка, но чье служебное положение в России было различным.

Изменения при московском дворе в положении княжеских семей, связанные с введением в конце XV в. статуса служилых князей, отразились на родословных росписях, появившихся в конце XV — первой трети XVI в. Можно выделить как минимум три родословия, существующие вне родословных книг и в их составе, где генеалогическим путем устанавливается степень родства между ветвями рода, представители которых служили в Москве с первой половины XV в., и теми, которые выехали в конце века и стали служилыми князьями. Это росписи потомков великих князей литовских, смоленских и черниговских. Два последних родословия известны в составе родословных книг, а родословие великих князей литовских возникло одновременно со Сказанием о князьях владимирских [20] и существовало вместе с ним в родословных книгах и самостоятельно как публицистический памятник.

Первые две редакции родословия великих князей литовских связаны с Посланием Спиридона-Саввы и Сказанием о князьях

---

[17] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951, ч. 2, с. 306–310 и след.

[18] Сб. РИО. СПб., 1882, т. 35, с. 36, 65, 71, 78, 79, 103, 105, 208.

[19] См. подробнее: *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы...

[20] См. подробнее: *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

владимирских[21]. В настоящее время предложено несколько их датировок. Р. П. Дмитриева полагает, что первая редакция Сказания о князьях владимирских была составлена между 1521 и 1533 гг. на основе Послания Спиридона-Саввы. Она датирует Послание 1512—1521 гг.[22] Зимин выдвинул другую гипотезу: первая редакция Сказания (Чудовская повесть) была составлена в конце XV в. в связи с венчанием на царство в 1498 г. Дмитрия Внука. Чудовскую повесть использовали и Спиридон-Савва, и автор Сказания о князьях владимирских[23].

Впоследствии Дмитриева установила, что не позднее 1527 г. была составлена еще одна, компилятивная редакция родословия (Архангельская), объединяющая отдельные черты двух первых[24].

Трем редакциям родословных легенд соответствуют и с ними определенным образом сочетаются четыре родословные росписи потомков литовских великих князей, помещенные соответственно в Румянцевском и Чудовском списках Чудовской повести, в Послании Спиридона-Саввы и в Архангельском списке[25] (схема 1). В них записаны те потомки Ольгерда, которые были одновременно литовскими великими князьями и польскими королями, а также от одной до трех фамилий Гедиминовичей, переехавших на службу в Москву.

В родословных росписях есть упоминания о свадьбах, пострижении в монахи, о смерти, что является дополнительным датирующим признаком редакций родословных легенд.

Наиболее короткая и ранняя по составу лиц роспись находится в Румянцевском списке Чудовской повести. Кроме литовских великих князей здесь записаны сын и внук Наримонта, Патрикий и Юрий Патрикиевич, князья, служившие на Руси. Потомки Наримонта помещены после детей Ольгерда, но оговорено, что Наримонт — старший сын Гедимина; в Чудовском списке текст Румянцевского полностью повторен, а дальше записаны два сына Юрия и пять его внуков, причем имена внуков даны с прозвища-

---

[21] В дальнейшем разные редакции родословия литовских князей мы будем называть по принятому в современной литературе названию памятника, вместе с которым они существовали.

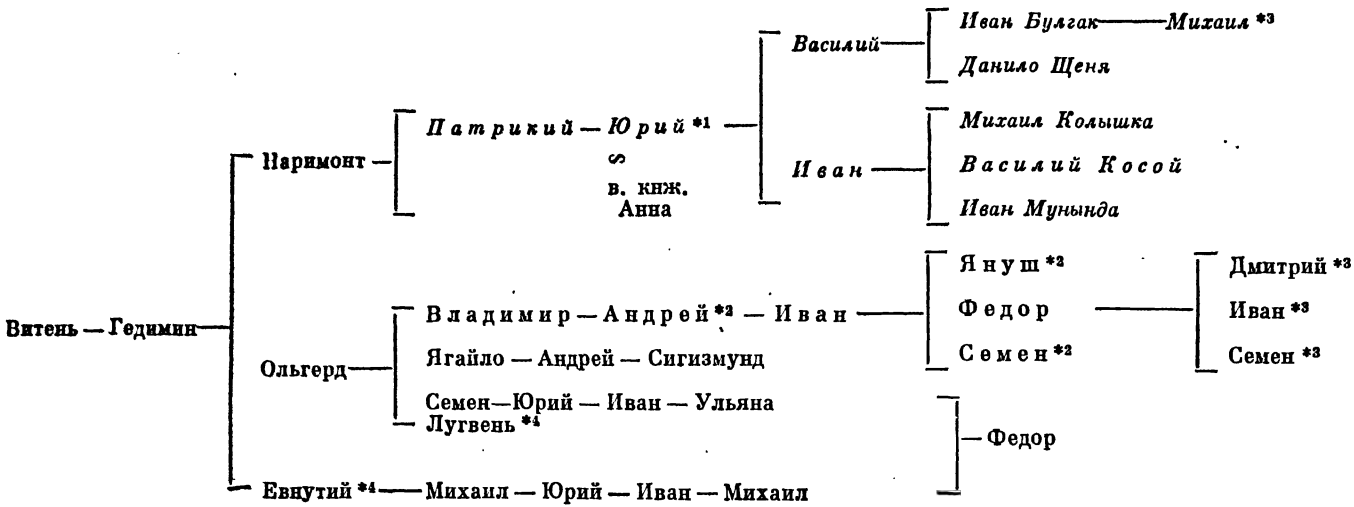
[22] *Дмитриева Р. П.* Сказание..., с. 81—82, 109.

[23] *Зимин А. А.* Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских».— Исторический архив, 1956, № 3, с. 235—237. Дмитриева опубликовала ее под заголовком «Повесть, начинающаяся с разделения вселенной Августом» (*Дмитриева Р. П.* Сказание..., с. 196—200).

[24] *Дмитриева Р. П.* К истории создания «Сказания о князьях владимирских».— ТОДРЛ. М.; Л., 1961, т. XVII, с. 342—346. Родословие литовских князей этой редакции опубликовано (*Бугославский Г.* Сокращенная литовская летопись начала XVI в.— В кн.: Смоленская старина. Смоленск, 1911, вып. I, ч. 2, с. 16—19). К датировке Дмитриевой можно добавить, что эта редакция составлена после июня 1526 г., так как в ней записан выезд в Москву князя Федора Мстиславского (Там же, вып. I, ч. 2, с. 19).

[25] *Бугославский Г.* Указ. соч., с. 18—19. См.: *Бычкова М. Е.* Первые родословные росписи литовских князей в России.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975.

Родословная схема литовских князей *



* В схеме курсивом выделены лица, записанные в Чудовской повести; разрядкой — записанные в Послании Спиридона-Саввы.
*1 В Румянцевском списке записан последним.
*2 Нет в Архангельском списке.
*3 Есть только в Архангельском списке.
*4 Эта ветвь есть только в Архангельском списке.

ми. Роспись кончается пятью видными деятелями второй половины XV в.; отсутствие упоминания о пострижении в монахи Василия Ивановича Косого и о казни его брата Ивана Мунынды дает все основания датировать ее временем до 1499 г.[26]

Росписи Патрикиевых, помещенные вместе с Чудовской повестью, позволяют высказать два предположения. Возможно, что бóльшая краткость Румянцевского списка связана с дефектом его протографа, так как в самой рукописи следов механического обрыва текста мы не находим, и в протографе Чудовской повести была роспись, соответствующая помещенной в Чудовском списке [27]. Можно также предположить, что Румянцевский список сохранил самый ранний вариант росписи Патрикиевых, составленный после выезда на Русь Юрия Патрикиевича и его женитьбы на сестре великого князя Василия Васильевича Анне, но до начала активной политической деятельности его сыновей.

В Послании Спиридона-Саввы по сравнению с Румянцевским и Чудовским списками изменена редакция записи о женитьбе Юрия Патрикиевича на Анне, где особо подчеркивается родство Патрикиевых с московскими великими князьями. Из Патрикиевых здесь записаны прямые предки Василия Ивановича Косого, нет его братьев, он сам упомянут уже с монашеским именем Вассиан. Такая редакция могла появиться только после 1499 г.— пострижения Василия Косого и казни его брата Ивана Мунынды. Кроме Патрикиевых, в Послании появляется роспись князей Бельских, потомков великого князя Ольгерда. Она помещена между росписью литовских великих князей, также потомков Ольгерда, и росписью Патрикиевых, хотя в тексте Послания Владимир Бельский назван старшим братом Ягайло, предка литовских великих князей. Здесь записано четыре поколения Бельских, от Владимира Ольгердовича до выехавших на Русь Федора Ивановича (1482 г.), Семена Ивановича (1500 г.) и их старшего брата Януша Ивановича [28].

В Архангельском списке мы уже находим три ветви потомков Гедимина — Патрикиевых, Мстиславских и Бельских. Роспись Патрикиевых полностью совпадает с текстом Чудовского списка, но в ней добавлены слова «все бездетны», относящиеся к детям Ивана Юрьевича. Кроме того, в протографе на полях

---

[26] Старший брат Василия Косого — Михаил Колышка, очевидно, умер еще раньше. Он не упомянут в духовной Ивана Юрьевича Патрикиева (ДиДГ, с. 345–349).

[27] Отсутствие росписи литовских князей в Волоколамском списке Чудовской повести, введенном в научный оборот Зиминым, скорее вызван механическим обрывом текста в протографе. Последняя фраза здесь кончается словами: «Князь великии литовьскыи нача созидати гради многи, зарубил же...» [ГБЛ, ф. 113 (Иосифо-Волоколамский монастырь), № 627, л. 87; ср.: *Дмитриева Р. П.* Сказание..., с. 204].

[28] О деятельности Януша Бельского никаких известий нет. По предположению Ю. Вольфа, его женой была Анна, сестра Дмитрия и Семена Федоровичей Воротынских, в 90-х годах XV в. переехавших на службу в Москву (*Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. W-wa, 1895, s. 4–5, 212, 585).

или между строк был записан сын Ивана Васильевича Булгака Михаил [29]. Дальше в списке помещена роспись предков Федора Михайловича Мстиславского как по отцовской линии (князья Ижеславские, от Евнутия Гедиминовича до самого Федора), так и по материнской (от Семена Лугвеня Ольгердовича до матери Федора Ульяны Ивановны Мстиславской). Сообщается и дата выезда Федора Мстиславского на Русь, но она записана неправильно («лета 7030 дня» вместо «лета 7034», переписчик неправильно написал букву Д, означавшую еще и цифру 4).

Роспись князей Бельских, помещенная здесь после росписи Мстиславских, имеет другую редакцию, чем в Послании Спиридона-Саввы: нет князей Андрея Владимировича, Януша и Семена Ивановичей, но записаны все три сына Федора Ивановича (см. схему 1). Запись о Бельских в Архангельском списке аналогична росписи Патрикиевых в Послании Спиридона-Саввы, там названы прямые предки Дмитрия, Ивана и Семена Федоровичей Бельских, активных деятелей 20—30-х годов XVI в.

В перечне литовских великих князей во всех четырех списках названы Гедимин, Ольгерд, Ягайло, Андрей-Казимир и Сигизмунд, именуемый «королем» или «нынешним королем» [30].

Итак, к 20-м годам XVI в. были составлены две росписи Патрикиевых. Одна из них была помещена в Чудовской повести, а затем почти без изменений попала в Архангельский список (в середине XVI в. она была включена в родословные книги). Другая, более поздняя редакция появляется в Послании Спиридона-Саввы. В Послание же включена и роспись Бельских, в которой последними записаны выехавшие на Русь князья Федор и Семен. В Архангельском списке редакция росписи Бельских изменена и по сравнению с росписью Послания увеличена на одно поколение. Здесь же приведена первая для русских родословий редакция росписи князей Мстиславских.

Судя по сочетанию указанных росписей с легендами, можно говорить о сходстве Чудовской повести и Архангельской редакции; росписи Послания Спиридона-Саввы самостоятельны.

Чтобы выяснить, почему различные редакции родословных легенд сочетались с определенными родословными росписями, следует выяснить, какое положение на службе в Москве занимали Гедиминовичи — Патрикиевы, Бельские, Мстиславские.

Вместе с росписью Мстиславских мы встречаем в Архангельском списке редакцию росписи Патрикиевых, составленную в период расцвета их деятельности в конце XV в. и дополненную

---

[29] О том, что имя Михаила Ивановича Булгакова было вписано в протограф, говорит перебивка текста: «А Ивановы сыпове Юрьевича Михаил Колышка, Василий Косой, Иван Мышында, Иванове сыпове Булгакова Михаил, все бездетны», где слова «все бездетны» относятся к сыновьям Ивана Юрьевича (*Бугославский Г.* Указ. соч., с. 19).

[30] См. подробнее: *Зимин А. А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 134.

именем Михаила Булгакова, а также новую по сравнению с Посланием Спиридона-Саввы роспись Бельских.

Следовательно, родословные росписи, содержащие конкретные сведения о записанных в них лицах, являются важным датирующим элементом при исследовании появления великокняжеских родословных легенд. Русские легенды о происхождении великокняжеских родов — это памятник, не столько освещающий реальную историю правящих домов, сколько отражающий (притом довольно тонко и гибко) положение при московском дворе потомков литовских великих князей, выехавших служить на Русь. Сочетание в одной родословной росписи служилых князей и представителей Боярской думы может также свидетельствовать о попытках уравнять их положение генеалогическим путем.

К началу XVI в. оформляются не только родословные легенды правящих домов. Формирование единого государства, пришедшего на смену феодальной раздробленности, требовало установления четкой иерархии внутри правящего класса. Этому способствовали родословные росписи и легенды княжеских и боярских родов, позволяющие объединить в отдельные группы ряд семей, восходящих к общему родоначальнику.

Переезд на службу из Литвы в конце XV в. в Москву потомков черниговских князей вызвал к жизни родословные росписи, подтверждающие их родство с другими ветвями Рюриковичей, постоянно служившими на Руси.

Одно из таких родословий сохранилось в рукописном сборнике начала XVI в.[31] Эта рукопись принадлежала или была составлена Дионисием Звенигородским (в миру Данилом Васильевичем); на л. 1 рукописи есть запись: «Дионисиа Звенигородцкаго».

Родословные помещены в сборнике на л. 84, 364—366 об. и 451—458 об. и представляют два самостоятельных памятника. Первый содержит перечень предков Дионисия Звенигородского, начиная от князя Михаила Черниговского. Вслед за росписью помещено известие о выезде на Русь князя Александра Звенигородского с сыном Федором Котлечеем в свите литовского князя Свидригайло в 1408 г.[32]

Возможно, роспись составлена Дионисием Звенигородским. (В дальнейшем весь этот комплекс материалов будем называть росписью Дионисия.) Это подтверждается не только тем, что последними здесь записаны сам Данило (Дионисий) Васильевич, его братья и племянники, но и тем, что перечислены лишь представители данной семьи без боковых ветвей; нет потомков Ивана и Федора Глебовичей Звенигородских.

В основе рассказа росписи о выезде князя Александра Звенигородского с сыном Федором из Литвы в 1408 г. лежит летопис-

---

[31] ГБЛ, ф. 113, д. 661. Рукопись была впервые введена в научный оборот А. А. Зиминым. См. Прил. к настоящей главе; далее ссылки даются на Прил.

[32] ПСРЛ, т. 25, с. 237.

ное известие XV в., в сам же рассказ внесены некоторые изменения, очевидно восходящие к семейной традиции. Точная дата выезда литовского князя Свидригайло — 26 июля 1408 г.— совпадает в текстах летописи и росписи; правда, в росписи Дионисия год записан неверно — 6700. По сравнению с летописью здесь опущено имя выехавшего с литовским князем брянского епископа Исака, изменена титулатура литовских князей. Патрикий в летописи назван князем Звенигородским [33]; в росписи Патрикий — князь Карачевский и Хотимский, Александр — Карачевский и Звенигородский, воевода Путимский [34]. Кроме них, в летописи и росписях записаны сын Александра Звенигородского Федор (роспись дает его прозвище — Котлечей), князья Семен *Перемышльский*, *Урустай Менский*, Михаил Хотетовский (в росписи — Ховский). Далее летопись пишет о выехавших с князьями боярах черниговских, брянских, любутских и рославльских и сообщает, что великий князь Василий Дмитриевич «принят его (Свидригайло.— *М. Б.*) с честью и дасть ему град Воломимерь со всеми волостьми и с пошлинами и с селы и с хлебом, тако же и Переславль, по тому же Юрьев Польскы и Волок Ламъски и Ржеву и половину Коломны» [35].

В росписи Дионисия, кроме выехавших князей, назван еще «пан литовский Нарбут», а кроме черниговских и брянских бояр — мценские, путивльские, стародубские и смоленские [36]. Из городов, данных Свидригайло, здесь перечислены Владимир с теми же условиями, что и в летописи, Коломна (целиком), Переславль, Юрьев-Польский [37].

Роспись сохранила уникальное описание встречи выехавших князей. За семь верст от Москвы, на реке Вуге, их встречали бояре великого князя Федор Свибло и Иван Родионович Квашня, здесь приехавшие «целоваша крест на том, что вели[ко]му князю его не вредить ничим» [38]. За три версты от города всех встречал сам великий князь Василий Дмитриевич с братом Юрием и боярами. Это единственная запись в русских источниках, которая показывает, что переезд князей на службу от одного владетельного князя к другому сопровождался торжественными церемониями с публичной клятвой верной службы, со встречей за городом. Очевидно, время встречи назначалось заранее.

Вызывает сомнения лишь состав встречавших. Понятно присутствие Юрия Дмитриевича, который, как покажут события 30-х годов, считал себя наследником великокняжеского престола. Но из названных бояр Иван Родионович Квашня, в действительности

---

[33] Там же.

[34] Прил., л. 365 об.

[35] ПСРЛ, т. 25, с. 237.

[36] Прил., л. 365 об.

[37] Прил., л. 366–366 об.

[38] Прил., л. 366. Очевидно, в росписи неверно названа река. Реки с таким названием вблизи Москвы нет.

боярин *Дмитрия Донского, умер в 1390 г.*[39], а Федор Андреевич Свибло в самом конце XIV — начале XV в. попал в опалу и, очевидно, тоже не мог находиться на этой торжественной встрече[40].

Непонятно употребление термина «брат», устанавливающего в росписи степень родства между князьями Патрикием Наримонтовичем, потомком литовского князя Гедимина, и Рюриковичем Александром Федоровичем Звенигородским. Летопись этого слова не употребляет.

Неизвестно, на ком был женат отец Александра Звенигородского, но женой его дяди Святослава Титовича была двоюродная сестра князя Патрикия — дочь литовского князя Ольгерда, благодаря этому браку Звенигородские князья породнились с литовским правящим домом.

У Патрикия был сын Александр, родоначальник князей Корецких, но о его приезде в Москву и службе его потомков на Руси ничего не известно. Родословные называют только одного сына Александра — Семена[41].

Пузына иначе объясняет этот выезд. Патрикий Александрович Звенигородский — это внук Патрикия Наримонтовича, поскольку сын Патрикия Александр в польских источниках иногда называется князем, правившим в Звенигороде. Александр Звенигородский, названный в росписи Дионисия братом Патрикия,— по мнению Пузыны, тот же Александр Патрикиевич[42]. Таким образом, Звенигородские князья из черниговских Рюриковичей превращаются в Гедиминовичей. Представляется, что роспись Дионисия, записанная менее чем через сто лет после этого выезда правнуком Александра Звенигородского, дает более точные сведения о происхождении Звенигородских князей.

О выезде Звенигородских князей никаких других известий нет. Сын Александра Федоровича Звенигородского — князь Иван Александрович появляется на страницах летописей как воевода московского князя в 1451 г.[43] Отсутствие более подробных известий о службе первых Звенигородских князей в Москве не позволяет утверждать, что они сразу обосновались здесь, как это случилось с князем Патрикием Наримонтовичем и его потомками, служба которых на протяжении всего XV в. хорошо известна. Свидригайло скоро вернулся в Литву, в 1430—1431 гг. он ненадолго становится великим князем. Не исключено, что часть выехавших с ним феодалов снова уехала в Литву.

Относительно рассказа о выезде в росписи Дионисия можно сделать два предположения. Несомненно, его основой была лето-

[39] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 266.

[40] Там же, с. 55.

[41] Редкие источники по истории России. М., 1977, 2, с. 88—89.

[42] *Puzyna J.* Ptomstwo Narymunta Gedyminowicza.— Miesięcznik heraldyczny, 1931, N 5, s. 109.

[43] ПСРЛ, т. 25, с. 271. См. подробнее: *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы..., с. 216—217.

писная запись 1408 г.: общий строй рассказа, большинство деталей в них совпадают. Самостоятельными являются генеалогические детали, уточняющие родство князя Александра Звенигородского с Патрикием и Федором Александровичем, причем только добавление прозвища Федора — Котлечей — позволяет с достоверностью говорить, что речь идет о предках Звенигородских князей, служивших в Москве во второй половине XV в.

Возможно, что эти дополнения, как и описание приема литовских князей в Москве, относятся к семейным преданиям, которые Дионисий Звенигородский мог знать. Летописное известие также могло послужить ему канвой, куда эти предания вписались. Неверно в его рассказе упоминание о боярах Федоре Свибле и Иване Квашнине: с ними литовские князья встречаться в Москве не могли.

Однако правомерно предположить, что летопись использована для создания достоверного рассказа о столетней службе потомков Звенигородских князей в Москве, который не только подтвердил бы их преимущества перед выехавшими в последней четверти века однородцами — князьями Одоевскими, Воротынскими, Белевскими, но и показал бы, как торжественно Звенигородские были встречены в Москве и какие они получили пожалования.

Надо отметить, что само расположение материала в росписи Дионисия говорит о незавершенности работы над легендой. Рассказ о выезде помещен после росписи, его сведения не идентичны с записями росписи; в частности, в ней нет Федора Александровича Котлечея. Уже говорилось, что в росписи помещены лишь непосредственные предки Дионисия и его братьев, а Федор умер бездетным. Очевидно, первая часть росписи Дионисия — это поколенная семейная роспись одной из ветвей Звенигородских князей от князя Михаила Черниговского до поколений, живших в первой половине XVI в. Вторая часть — рассказ о выезде Звенигородских князей в Москву, где летописная запись дополнена семейными преданиями. Действительно ли упоминаемый в летописи «Александр Звенигородский ис Путимля» был их предком — Александром Федоровичем, с полной уверенностью сказать нельзя.

Несмотря на эти сомнения в достоверности некоторых известий росписи Дионисия, сам факт появления таких материалов в начале XVI в. очень важен. Очевидно, здесь собраны одни из самых ранних на Руси родословных материалов по истории княжеской семьи, причем сборник, в котором они помещены, позволяет определить автора или собирателя этих материалов.

Второе родословие из сборника Дионисия Звенигородского — Начало русских князей — представляет росписи потомков Михаила Черниговского, оказавшихся к концу XV — началу XVI в. на русской службе. Оно начинается с прихода на Русь Рюрика и росписи великих киевских князей от Игоря до Михаила Черниговского; далее без перерыва родословие переходит в роспись Звенигородских князей, затем с самостоятельным заголовком

«Род Глуховских и Новосилских» записаны родословия князей Одоевских, Воротынских и Белевских. Вслед за ними, также с самостоятельным заголовком «Род Торуских и Оболенских князей» идут росписи Оболенских князей с ветвями Стригиных, Телепней, Нагих, Репниных, Щепиных, Долгоруких, Щербатых, Тростенских.

Это родословие сопоставимо с росписями соответствующих глав родословных книг, и в частности с росписями Летописной редакции, составленной в 40-е годы XVI в. В родословных книгах отсутствует часть, посвященная происхождению князя Михаила Черниговского от Рюрика; она находится в главах с росписями великих князей; главы «Род князей Оболенских» и «Род князей Звенигородских и Одоевских и Воротынских и Белевских» начинаются сразу с Михаила Черниговского [44]. Подробное описание родства черниговских Рюриковичей, лишь в последней четверти XV в. начавших службу в России, свидетельствует о том, что сравнительно поздно приехавшие на службу к московским великим князьям литовские княжеские семьи стремились определить и упрочить свое место в составе русского класса феодалов. Очевидно, в начале XVI в., когда был составлен сборник, еще не было единого официального родословия Рюриковичей. Позднее, когда эта роспись попала в родословные книги, где имелись соответствующие главы, часть о приходе Рюрика исчезла. В Летописной редакции родословных книг, к которой роспись наиболее близка, были разные главы: «Род князей Оболенских» и «Род князей Звенигородских» с росписями Воротынских, Одоевских и Белевских [45], каждая из которых начиналась с Михаила Черниговского. Лишь Государев родословец 1555 г. объединил их в одну главу — «Род князя Михаила Черниговского».

Заголовок «Начало русских князей» позднее помещался лишь перед главами, содержавшими росписи великих князей киевских и вслед за ними владимирских и московских. Роспись Волоколамского сборника — это первая попытка объединить в общей родословной статье всех потомков черниговских великих князей, служивших к этому времени в Москве.

Сравнение родословия Звенигородских князей росписи Дионисия с росписью «Начало русских князей» показывает, что роспись Дионисия уже по составу лиц. Порядок старшинства сыновей одного лица в каждом поколении в них одинаков. Последний сын Михаила Черниговского в росписи Дионисия назван Рюриком, в другой — Юрием. У Дионисия не записан младший сын Андреяна Звенигородского — Иван, который в росписи «Начало русских князей» показан без потомства, нет двух бездетных сыновей князя Александра Федоровича, нет сыновей князей Ивана и Федора Глебовичей, младшего сына Василия Ноздреватого — Пет-

[44] Редкие источники по истории России, 2, с. 19, 41.

[45] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 179, 186, 188.

ра, нет личных прозвищ, кроме Звенец и Ноздреватый. Роспись Звенигородских князей в общей росписи потомков Михаила Черниговского более развернута по горизонтали, чем роспись Дионисия, и содержит в каждой ветви семь поколений потомков Михаила Черниговского. Роспись Дионисия, как уже отмечалось,— роспись лишь той ветви, откуда произошел сам Дионисий, но в ней на одно поколение больше, чем в общей росписи: есть 8-е поколение — дети Ивана и Петра Васильевичей. Это с очевидностью свидетельствует о различном происхождении родословий. Первое из них относится лишь к одной семье, второе — общее родословие потомков черниговских князей.

Родословие «Начало русских князей» совпадает с соответствующими росписями Летописной редакции родословных книг. В Летописной редакции они лишь доведены до лиц, живших в середине XVI в. Некоторые особенности текста позволяют говорить, что именно эта роспись после соответствующей официальной обработки попала в родословные книги. В них прежде всего было отсечено начало родословия — происхождение от Рюрика до Михаила Черниговского, изменена степень родства Белевских князей. В росписи они показаны потомками младшего сына князя Романа Семеновича Новосильского — Михаила Романовича [46]. В родословных книгах их предком назван Михаил — внук Романа Семеновича от его старшего сына Василия [47]. Но в тексте первый Белевский князь назван не Михаилом Васильевичем, как этого требует предложенная схема, а Михаилом Романовичем, как записано в статье «Начало русских князей». В Государеве родословце текст исправлен на «Михаил Васильевич».

Редакционные изменения сделаны и в росписи Оболенских князей. В «Начале русских князей» есть небольшой дефект текста: не указано, что Константин Оболенский был сыном Юрия Торусского. Здесь, как и в Государеве родословце, у его внука Константина Ивановича Оболенского записаны два сына — Иван и Андрей. В Летописной и Разрядной редакциях родословных книг со ссылкой на летописный текст 1375 г. записан еще один его сын — Семен [48].

Очевидно, это дополнение, как и сокращение начальной части родословия — от Рюрика до Михаила Черниговского, следует отнести к этапу официального редактирования росписи, сделанного в момент составления родословных книг. Происхождение Михаила Черниговского стало ненужным, так как оно было записано в других главах, а упоминание о бездетном князе Семене Константиновиче могло появиться при сверке текстов росписей с летописями как подтверждение древности службы Оболенских князей в Москве.

---

[46] Прил., л. 456–456 об.

[47] Редкие источники по истории России, 2, с. 43.

[48] Там же, с. 19. См. подробнее: *Бычкова М. Е.* Родословные книги..., с. 154.

В отличие от двух предшествующих родословий родословие смоленских князей сохранилось только в составе родословных книг[49]. Оно составлено на основании летописных известий о княжении отдельных смоленских князей, разные редакции отличаются набором таких известий. Наиболее ярко они представлены в рукописях Летописной редакции и редакции начала XVII в.[50].

Родословие смоленских князей является своего рода вступлением к росписям ярославских князей, которые считались их непосредственными потомками, что, очевидно, объясняет существование главы «Смоленские князья» во всех редакциях родословных книг. Но, с другой стороны, наличие главы привело к тому, что в нее включались известия о происхождении различных фамилий, чьи потомки переходили на службу из Великого княжества Литовского в Россию. Раньше других появляется такое известие о происхождении Вяземских князей; оно восходит к Летописной редакции. Форма этой записи меняется в разных редакциях родословцев[51]. Одновременно с Вяземскими дается известие и о происхождении Жижемских; члены этой семьи выехали на Русь вместе с Михаилом Глинским в 1508 г. Вслед за указанием родоначальника идет краткая роспись князей Жижемских. Здесь же есть известия о происхождении Кропоткиных и об их службе в Москве, позднее появляются сведения о Всеволож Заболоцких, Дашковых и др.

Глава «Смоленские князья» в отличие от других глав родословных книг не содержит систематических росписей отдельных фамилий, а остается лишь источником сведений об их происхождении. Кроме этого, в ней есть подробные записи о браках XIV—XV вв. женщин из различных семей с представителями правящих домов России и Литвы, которые иногда включаются как легенды о происхождении в соответствующие росписи (например, Фоминских князей).

Можно предположить, что родословие смоленских князей первоначально должно было служить легендой ярославских князей и кратко представить историю Смоленского княжения, а в дальнейшем, с выходом в Россию отдельных князей, происходивших из этого дома, в него вносились известия об их семьях. Сами же росписи смоленских князей существовали независимо друг от друга, и в отличие от росписей потомков Михаила Черниговского в этих записях не было попыток их объединить.

Не было составлено и родословие Мосальских.

Такой репертуар родословий позволяет сделать ряд выводов. Очевидно, в первой половине XVI в. при московском великокняжеском дворе велась работа по генеалогическому уравниванию потомков великих князей русских и литовских, чье положение было различным. Эти различия связаны с тем, что представите-

[49] Редкие источники по истории России, 2, с. 24—27, 76.

[50] Временник ОИДР. М., 1851, кн. X, с. 52—55; Редкие источники по истории России, 2, с. 24—27.

[51] *Бычкова М. Е.* Родословные книги..., с. 109—111.

ли разных семей выезжали в разное время, что одни приезжали на службу, а другие переходили со своими владениями.

Некоторое представление о положении служилых князей дают известия, относящиеся к их жизни в Литве. Из фамилий, выступавших в России с этим званием, только Трубецкие и Мстиславские были Гедиминовичами, потомками литовского князя Ольгерда; остальные — черниговские, смоленские Рюриковичи или потомки бежавших в Литву русских удельных князей (Можайские, Шемячичи).

В 1495 г. великий князь литовский Александр подтверждает князю Ивану Юрьевичу Трубецкому права на половину Трубчевска, которую держали его отец Юрий Михайлович и князь Иван Чарторыйский (отцы Юрия Трубецкого и Ивана Чарторыйского были двоюродными братьями) [52]. В 1499 г. ведется процесс между Иваном Юрьевичем и его племянниками Андреем и Иваном Ивановичами о правах на Трубчевск, поскольку «дед их (Андрея и Ивана.— *М. Б.*) и его отец (Ивана Юрьевича.— *М. Б.*) и отец их с ним промежи себя недельны были у отчине» [53]. Из процесса выясняется, что Юрий Михайлович Трубецкой при короле Казимире отъезжал к Москве, и тогда его часть держал Иван Чарторыйский; по возвращении в Литву Юрий получил свою половину Трубчевска [54].

Кроме этих родовых владений, Иван Семенович Трубецкой, отец Андрея и Ивана, получал часть дохода со смоленского и путивльского мыта [55].

Мезецкие владели Мезецком и рядом волостей со времен великого князя Витовта, их права подтверждал поочередно каждый литовский великий князь [56]. При Казимире Иван Андреевич Мезецкий получает жалование с доходов смоленского мыта [57].

В 1470 г. углицкий князь Андрей Васильевич женился на дочери князя Романа Мезецкого Ульяне, сестре позднее (1493 г.) выехавшего на Русь Михаила Романовича Мезецкого [58]. Какое-то время в 90-е годы XV в. Мезецк находился в совместном владении родственников, одни из которых служили в Москве, а другие — в Литве, хотя сам город по договору 1494 г. отошел к Москве. В 1503 г. Мезецкие князья уже потеряли на него права [59].

---

[52] РИБ. СПб., 1910, т. 27, стб. 573; Редкие источники по истории России, 2, с. 90–91. Трубецкое княжество образовалось в 1399 г.; до этого времени в период княжения Дмитрия Ольгердовича Трубчевск тянул к Брянску. Михаил Дмитриевич княжит лишь в Трубчевске (*Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского статута. М., 1892, с. 45).

[53] АЗЮЗ. Варшава, 1897, т. 1, вып. 2, с. 5.

[54] Там же.

[55] РИБ, т. 27, стб. 322.

[56] Там же, стб. 64.

[57] Там же, стб. 323–324.

[58] ПСРЛ. М., 1977, т. 33, с. 120.

[59] См. подробнее: *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве..., с. 39–40.

Нет сведений о княжеских правах Вяземских. Сохранились отрывочные записи о земельных пожалованиях и жалованиях с различных доходов Вяземских (Константина, Ивана Константиновича, Ивана Александровича) во время правлений Казимира и Александра [60]. Все эти князья связаны службой со Смоленском; наиболее интересно упоминание о том, что при Казимире один из Вяземских, «Жеславских сестрениц», получает 2 копы грошей [61]. Его матерью была княжна Ижеславская; князь Ижеславский был отцом выехавшего в Россию в 1526 г. Ф. М. Мстиславского.

Нет сведений и о княжеских правах Мосальских во второй половине XV в. В 80-е годы некоторые из них занесены в список «смоленских князей, бояр и слуг» как мащинские бояре, при Казимире они получают жалование с доходов смоленского мыта [62]. В 1508 г., когда часть владений Мосальских в Смоленском повете отходит к Москве, они получают от Александра грамоты, подтверждающие их земельные права [63].

В 1455 г. литовский князь подтвердил права князя Федора Воротынского, тестя князя Ивана Андреевича Можайского [64]. Следовательно, Иван Михайлович Воротынский, внук Федора, в 1487 г. приехавший в Москву, был двоюродным братом князя Семена Ивановича Можайского [65]. В грамотах упоминаются пожалования великого князя Казимира боярам князя Дмитрия Федоровича и князя Семена Михайловича Воротынских [66].

Семену Ивановичу Можайскому в 1499 г. подтверждаются права на города и волости в Литве, которые выслужили его отец и он сам; с ними он и перешел на службу в Москву в 1500 г. [67]

В 1465 г. князь Михаил Можайский получил от великого князя Казимира Брянск «так, как за нами (великим князем.— *М. Б.*) было, а ему нам с того верно служить» [68].

Одоевские князья раздавали села смоленским боярам. В 1496 г., когда Федор и Михаил Ивановичи Одоевские уже служили в Москве, великий князь литовский Александр подтверждает смоленским боярам села, данные Одоевским князьям [69]. Кроме Одоева у Михаила и Федора Ивановичей были владения в Смоленском повете, пожалованные литовскими князьями; они в том же 1496 г. переданы Федору Кропинскому, чья вотчина отошла к Москве.

---

[60] РИБ, т. 27, стб. 71, 197, 610.
[61] Там же, стб. 190.
[62] Там же, стб. 497, 322, 324 и др.
[63] ЛМ, кн. 8, л. 263–263 об., 269–270.
[64] РИБ, т. 27, стб. 52.
[65] См.: *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве..., с. 43.
[66] РИБ, т. 27, стб. 208; АЛМ. Варшава, 1896, т. I, вып. 1, с. 60.
[67] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве..., с. 42–43.
[68] РИБ, т. 27, стб. 123.
[69] Там же, стб. 650–651, 665–666.

В Рошском повете были владения литовских бояр, которые служили князю Василию Ивановичу Шемячичу, после перехода его на службу в Москву эти земли были перераспределены [70].

Таким образом, положение в Литве княжеских семей, которые в современной литературе называются служилыми, было далеко не равным. И все они были связаны родством и между собой, и с московскими семьями.

Поскольку история служилых князей на Руси конца XV — первой трети XVI в. подробно исследована в работах Зимина, который особо тщательно изучил процесс перехода служилых князей в состав Боярской думы, их слияние с семьями, издавна служившими московским князьям, и службу в Москве каждого представителя княжеских семей, мы остановимся лишь на некоторых вопросах: 1) различии в положении служилых Рюриковичей и служилых Гедиминовичей; 2) различии между служилыми князьями, сохранившими в составе Русского государства родовые вотчины и получившими владения из московских земель; 3) различиях между служебными князьями в их основной обязанности — несении военной службы великому князю.

Исследователи единодушно считают, что наиболее могущественными среди служилых князей были потомки Дмитрия Донского — Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемячич [71]. По происхождению они принадлежали к правящему московскому дому: Семен Можайский был правнуком великого князя Дмитрия Ивановича Донского, а Василий Шемячич, кроме этого, и внуком Дмитрия Юрьевича Шемяки, основного соперника великого князя Василия Темного в период феодальной войны 30—50-х годов XV в.

В докончании 1494 г. Ивана III с великим князем литовским особо оговаривалось, что потомков русских князей, приехавших в XV в. в Литву, великий литовский князь Александр не должен отпускать «на лихо» московскому князю и принимать их вторично, если они уедут из Литвы [72].

Семен Можайский (прозвище Можайский закрепилось в Литве за потомками можайского князя Андрея Дмитриевича, отъехавшими в годы феодальной войны, хотя ни в это время, ни по возвращении в Москву они Можайском не владели) перешел на русскую службу в 1500 г. с владениями (Стародуб, Гомель, Чернигов, Карачев, Хотимль), пожалованными литовским великим князем. По литовско-русскому договору 1503 г. он был признан слугой московского великого князя [73]. Также в 1500 г. перешел

---

[70] ЛМ, кн. 8, л. 142 об. В 1502 г. «господарский дворянин» Василий Ошушкин получает дворец Бориса Граборукова, «который жо Борис побег к Москве за своим господарем, за князем Василием Шемячичом» (РИБ, т. 27, стб. 824–830).

[71] См. подробнее: *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве..., с. 40–43.

[72] ДиДГ, с. 331.

[73] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве..., с. 42–43.

в Москву и Василий Иванович Шемячич с полученными от литовского князя землями (Новгород Северский, Рыльск, Радогощь), его статус был определен тем же договором 1503 г.[74]

Оба князя владели большими, достаточно независимыми княжествами. Их положение и родство с правящим домом делали Семена Можайского и Василия Шемячича крупными политическими фигурами. Они участвовали в войнах с Литовским княжеством начала XVI в., играли большую роль в отношениях с Крымом. Князь Семен умер в 1518 г., не оставив наследников. После его смерти московское правительство несколько раз выступало с обвинениями против Василия Шемячича, пока в 1523 г. он не был посажен в тюрьму, где и умер[75].

Как показали исследования Тихомирова и Зимина, положение этих двух князей, хотя и определенное докончаниями как положение «служилых», было близко к положению удельных князей московского дома. Здесь сказалось и их происхождение — не просто Рюриковичи, но потомки князей правящей ветви, — их княжеские права и, наконец, судьба Василия Шемячича, близкая к судьбам удельных князей XVI в. Возможно, они выступали в ранге служилых князей, поскольку и в составе Русского государства остались управлять землями, полученными от литовского великого князя, а не наследственными уделами.

Особое положение Новгород-Северского княжества в XVI в. прекрасно показано Тихомировым[76]. В составе как Великого княжества Литовского, так и Русского государства Северская земля была буфером, предохранявшим от набегов крымских татар и принимавшим на себя их первый удар. Такое положение отразилось на экономике (отсутствие пашенного земледелия, развитие городов-крепостей) и на составе населения, среди которого было много беглых крестьян.

Политика московского правительства по отношению к новгород-северским князьям во многом была продолжением политики литовских князей. В Великом княжестве создание самостоятельных княжеств на границе с Россией и крымцами и передача власти в них бывшим русским удельным князьям служили целям обороны, а также тому, что эти князья рассматривались как постоянные претенденты на московский престол[77] и защитники границ государства от набегов крымцев. После присоединения Северских земель к Русскому государству за ними сохранилась функция защиты границы, но это приводило и к тому, что правительство было вынуждено предоставлять их князьям более широкие права. Очевидно, значительная автономия удовлетворяла потомков бывших удельных князей.

Наименее освещено в источниках положение служилых князей Вяземских, Мосальских и Мезецких. Вяземские и Мосаль-

[74] Там же, с. 44–45.
[75] См. подробнее: Там же, с. 45–48.
[76] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии, с. 407–414.
[77] Там же, с. 407–408.

ские — единственные служилые князья, которые не составили в XVI в. родословной росписи.

Еще Вольф полагал, что сразу после взятия Вязьмы ее князья были лишены удельных прав. К такому же выводу фактически пришел Зимин [78]. Летописное известие 1493 г., на которое ссылается Вольф, можно истолковать по-разному. После взятия Вязьмы «Вяземских князей и панов приведоша в Москву; и князь великий их пожаловал их же отчиною Вязмою и повеле им себе служити» [79]. Упоминание о пожаловании вотчины и то, что наряду с князьями упомянуты рядовые дворяне (паны), действительно можно понять как потерю княжеских прав Вяземскими.

В этом плане очень интересны наблюдения Тихомирова. Он подчеркнул большое стратегическое значение Вязьмы, которая «на 20 лет (1494—1514.— *М. Б.*) сделалась передовой русской крепостью» [80]. Говоря о землевладении Вяземского у. в XVI в., автор приводит интересную деталь — в уезде было поместное землевладение, которое только к концу века начинает вытесняться крупной вотчиной, хотя пограничное положение способствовало тому, чтобы здесь долгое время сохранялись остатки феодальной раздробленности. Кроме того, в Вязьме XVI в. нет остатков землевладения Вяземских князей [81].

Зимин считал, что князья Мезецкие (некоторые из них находились на московской, некоторые — на литовской службе, получая доходы со своего княжества) утратили права служилых князей еще в начале XVI в., когда Иван III завещал Мезецк, имевший военно-стратегическое значение, своему сыну. Все сведения о службе Мезецких князей, приведенные Зиминым, показывают, что их воинская деятельность проходила в XVI в. под руководством князей Одоевских, Воротынских [82].

Эти данные позволяют говорить, что если Вяземские, Мосальские и Мезецкие князья и имели какое-то время звание служилых князей, то оно не отражало реальной власти служилого князя в своем княжестве.

Несколько иное положение было у князей Воротынских, Одоевских, Белевских и Трубецких, перешедших на службу в Россию со своими родовыми владениями в последнее десятилетие XV в. По традиции всех их называют служилыми князьями, но их судьба в России, роль в политической жизни были различными [83]. Роль Трубецких и Мосальских в политической жизни первой половины XVI в. никак не проявилась. Мосальские князья, хотя и составляли особую корпорацию, измельчали в

---

[78] *Wolff I.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 550; *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве..., с. 39.

[79] ПСРЛ. М.; Л., 1962, т. 27, с. 364.

[80] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии, с. 348.

[81] Там же, с. 352—353.

[82] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве..., с. 40—41.

[83] Там же, с. 39—40.

своей вотчине; роль Трубецких начинает вырисовываться во второй половине XVI в., когда, утратив положение служилых князей, они входят в состав Думы [84].

Белевские князья, сохранившие свои владения, к 60-м годам XVI в. сходят с политической арены, их княжество переходит к великому князю [85].

Более активная политическая роль была у Одоевских и Воротынских князей, очевидно в силу их экономического могущества и положения старших в роде среди других потомков черниговских князей, перешедших на службу в Москву.

Конкретная военная служба служилых князей отражена в разрядных записях, которые дают возможность говорить, что их положение было различным. Когда в 1493 г. в Москву приехали «с вотчинами» князья Воротынский, Мезецкий и Белевские, великий князь послал своего дворянина в Литву отвезти отказ от службы князей литовскому великому князю. Естественно, что после этого вотчины пришлось отвоевывать. Вновь выехавшие князья пошли со своими полками в поход вместе с русским войском, причем их место в системе русских полков не было определено, они могли быть «где похотят».

Служилыми князьями в разрядах (1500—1502 гг.) называются регулярно Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемячич, они всегда ходят в поход со своими полками (походы в Литву).

Со своим полком ходил и князь И. М. Воротынский [86]. До 1502 г. он почти всегда выделяется в разрядах: его полк («с татары» или «своим полком») входит в состав одного из полков русской армии (правой руки или передовой полк). Иногда в это же время он выступает как первый воевода передового полка. Более поздние разрядные записи не говорят четко о его самостоятельном полке, но, очевидно, такое положение сохранялось, так как он выступает в разрядах вторым или третьим воеводой. Возможно, здесь отражено именно то, что он шел со своим полком в составе государева полка.

Князья Бельские и Одоевские выступают только как воеводы государевых полков, причем Бельский — всегда первый воевода.

Федор Иванович Бельский и его брат Семен выехали на Русь в 1482 и 1500 гг. В дипломатической переписке Ивана III с Казимиром и Александром неоднократно упоминался этот переезд, причем литовская сторона называет Бельских князьями, а московские грамоты — слугами великого князя, приехавшими со своими отчинами [87]. На Руси Бельские занимали положение служи-

---

[84] Там же, с. 42.
[85] Там же, с. 37—38.
[86] См. подробнее: *Назаров В. Д.* Тайна челобитной Ивана Воротынского.— Вопр. истории, 1969, № 1, с. 212—218.
[87] Сб. РИО, т. 35, с. 21, 35—36, 133—134, 141, 263, 295, 297.

лых князей[88], аналогичное выехавшим примерно в одно время с ними Одоевским, Белевским и Воротынским.

Возможно, что положение князя Ф. И. Бельского, который в XV в. первым среди литовских князей выехал на Русь[89] и без вотчины (Белая перешла в состав России в 1500 г., но как вотчина Семена Бельского), было ближе к положению князей Патрикиевых и Звенигородских, которые никогда не назывались служилыми князьями. Ф. И. Бельский в Пространной редакции разрядных книг уже в 1495 г. записан во главе двора (в походе в Новгород с великим князем), а с 1499 г. он иногда называется боярином. Зимин писал, что его сын Дмитрий Федорович Бельский первым из служилых князей вошел в Боярскую думу (1528 г.). Бельские князья в первой половине XVI в. отъезжали из Москвы и, безусловно, наиболее активно участвовали в борьбе политических группировок.

Земельные владения служилых князей (кроме Луха, владения Бельских) располагались на юго-западных границах России: земли, граничащие с Литвой, или земли, граничащие со степями. Причем если говорить о русских землях, пожалованных великим князем, то речь идет о передаче служилым князьям одних и тех же владений. (Некоторые из них получал еще Свидригайло в 1408 г.) Естественно, что основной обязанностью служилых князей в России было защищать пограничные земли государства, что при большой территории, которая сложилась к концу XV в., и еще слабо развитом государственном аппарате играло существенную роль. В то же время сама система служилых князей, перекликающаяся с уделами, с одной стороны, отражала период феодальной раздробленности, а с другой — ограничивала роль служилых князей в государственном управлении все более централизующегося государства. Это привело к тому, что с конца 20-х годов XVI в. служилые князья постепенно входят в состав Боярской думы. И сразу с 30-х годов борьба за первенство в ней идет между Бельскими и Шуйскими.

Само подчинение служилых князей государственной властью, последствие централизаторской политики Русского государства, вело к попыткам отъезда некоторых из них в Литву.

Наиболее ярко политическая борьба между служилыми князьями при русском дворе проявилась между князьями Глинскими и Мстиславскими.

В родословной росписи Глинских, составленной в 20-х годах XVI в. и озаглавленной «Подлинный родослов Глинских князей», есть легендарные сведения о предках Глинских, их выезде в

---

[88] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси, с. 116–118; *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в.– В кн.: АЕ за 1968 год. М. 1970, с. 110; *Он же.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 402–404.

[89] Раньше его и без вотчины приехал С. Ю. Одоевский, который был убит в 1473 г., сын Семена Петр Одоевский упоминается в разрядах так же, как Ф. И. Бельский (РК. М., 1966, с. 25 и след.).

Литву, службе первым литовским князьям [90]. В частности, в ней рассказывается, что великий литовский князь Витовт принял первых Глинских — князя Алексу и его сына Ивана, приехавших в Литву, «не яко слуг, но яко единых от сродник своих, и дал им на приказ вотчины», ряд волостей. Кроме того, Ивана Александровича Глинского он женил на дочери князя Данила Острогожского — Настасье [91]. В родословии подробно описано участие Ивана Александровича в битве при Ворскле (1398 г.), когда лишь благодаря его совету Витовт, заблудившийся со своим отрядом, нашел дорогу к границе. Описание похода и самого боя в родословии и летописях совпадает, есть в них и известие о бегстве Витовта, но деталь о совете Ивана Александровича записана только в родословной [92].

В росписи детально описана и служба сына Ивана Александровича — Бориса; он служил сыну Витовта Сигизмунду и королю Казимиру. За годы службы он получал от великого князя волость Раков, двор в Клецке, волость Ряшуковичи, города Клигдичск и *Стародуб. По документам XV в. известно, что он упоминается в* актах с 1433—1437 гг.; в 40-х годах, очевидно, служил князю Свидригайло [93]; в 1442 г. подписал как свидетель грамоту этого князя. Его женой была происходившая из рода Воротынских князей вдова князя Ивана Корибутовича [94].

Брак породнил князя Бориса Ивановича Глинского с теми русскими потомками великих князей черниговских, которые в XV в. периодически переходили на службу в Москву, поскольку на дочери князя Воротынского был женат Иван Андреевич Можайский.

О службе братьев Бориса — Федора и Семена Ивановичей, которая падает на вторую—третью четверти XV в., ничего не известно. Есть лишь сведение о передаче села в Троицкий монастырь Смоленска вдовой Федора Ивановича — инокой Александрой [95].

Три первых поколения Глинских князей, служившие в Литве, занимали высокое и, как представляется, прочное положение при великокняжеском дворе. Но в середине XV в. в истории этой семьи произошли большие перемены, и в последней четверти века мы видим Глинских на службе у удельных литовских князей и магнатов. Сейчас нельзя сказать, было ли это связано с тем, что на литовском престоле оказались потомки Ольгерда, а не Витовта, так тепло принявшего Глинских при своем дворе. Возможно, что их упадку способствовало то, что князья Глинские были

---

[90] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания.— В кн.: Зап. Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1977, кн. 38.

[91] Временник ОИДР, кн. X, с. 196. Настасья Острогожская нигде, кроме родословной Глинских, не упоминается.

[92] ПСРЛ, т. 25, с. 229; Хроника Быховца. М., 1966, с. 74—75.

[93] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 78.

[94] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 122.

[95] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 78.

выезжим родом, не имевшим прочных корней ни в землевладении, ни в родстве с влиятельными домами Литвы.

Из потомков Федора Ивановича известен лишь Михаил Федорович Путимский [96]. Возможно, на нем эта ветвь пресеклась. В конце XV в. путивльским наместником был внук Семена Ивановича Глинского. Не исключено, что служба в Путивле переходила от одного представителя семьи к другому.

У Семена Ивановича было четыре сына — Иван, Федор, Андрей и Дмитрий; Андрей и Дмитрий умерли бездетными, об их службе ничего не известно.

В 1482 г. в Москву бежал князь Иван Глинский. Это известие относится к сыну Бориса Ивановича, который упомянут как посол из Литвы в Орду в 1474, 1479—1480 гг.; возможно, в 1492 г. и до 1496 г. он наместник черниговский [97]. Но бежавшим мог быть и племянник Бориса Ивановича — Иван Семенович. Его служба в Литве прослеживается с 1495 по 1503 г., вскоре он, вероятно, умер [98].

Сын Ивана Семеновича — Юрий — в 1516 г. был в Москве [99]; в 1528 г. он был также в Москве, в плену [100].

У Юрия было четыре брата — Михаил, Федор, Вацлав и Ярослав Ивановичи. О двух последних в росписи записано, что Вацлав служил Мартину Гаштольду, а Ярослав — Миколаю Радзивиллу [101]. Федор Иванович, так же как и Вацлав, служил Мартину Гаштольду; в 1494 г. он делил земли по распоряжению Гаштольда [102]. Потомки Ивана Семеновича перешли на службу к литовским магнатам.

Федор Семенович, родной брат Ивана Семеновича, служил киевским князьям Олельку и Ивану и по полученному владению — с. Боровому — его потомки писались также Боровскими. Во всех русских родословных росписях эта ветвь Глинских записана неверно [103]. Внуки Федора приписаны его двоюродному брату Михаилу Федоровичу.

О службе Василия Федоровича ничего не известно, а его брат Богдан Федорович, наместник путивльский, в 1495 г. с женой и

---

[96] Как показал Вольф, потомки Богдана Федоровича Путимского во всех русских редакциях росписи приписаны Михаилу Федоровичу (Ibid., s. 88—89).

[97] Ibid., s. 78—79.

[98] Ibid., s. 89. Вольф считал, что упоминание 1482 г. о бегстве в Москву могло относиться и к Ивану Дашковичу Глинскому (Ibid., s. 79).

[99] *Судебное дело, где об этом упоминается, не датировано, но находится между делами 1516 г. (РИБ. СПб., 1903, т. 20, стб. 377—378).*

[100] *РИБ. Пг., 1915, т. 33, стб. 16. Его брат Михаил «мает ставити за* себе и за брата своего князя Юрья, которой на Москве сидит, 4 кони». Вольф полагал, что он был в Москве до 1538 г. (*Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 89).

[101] Временник ОИДР, кн. X, с. 158. Вацлав упомянут в акте 1506 г., а Ярослав умер до 1505 г. (*Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 89).

[102] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 124. Он умер до 1514 г.; в документе 1516 г. упомянута его вдова.

[103] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 78, 86.

детьми был взят в плен в Москву. В историографии принято считать, что он умер, находясь в плену в Москве, в 1512 или после 1522 г. Однако он упоминается как наместник в Путивле в 1498 г.; получает владения в Литве в 1497, 1498 и 1500 гг.; в 1507 г. он опять в плену в Москве [104]. К 1512 г. относятся две противоречивые записи: во время переговоров об обмене пленными русская сторона заявила, что Богдан Федорович «служит государю», т. е. перешел на русскую службу; в этом же году его шурины князья Михаил и Федор Ивановичи Ижеславские (из грамот известно, что именно путивльский наместник Богдан Федорович Глинский был женат на княжне Марии Ивановне Ижеславской [105]) получают право на земли их зятя Богдана Глинского, умершего в Москве. Однако в 1522 г. вновь поднимается вопрос об обмене Богдана Глинского на русских пленных.

Не исключено, что после пленения в 1495 г. Богдан Глинский вскоре (около 1497 г.) вернулся в Литву, иначе он вряд ли мог получить до 1500 г. несколько пожалований владениями, но в начале XVI в. вновь попал в московский плен. Есть упоминания, что он вместе с сыном Владимиром был в Москве в 1507 г. [106]

Эта семья периодически упоминается на русской службе. Владимир Богданович, сын путивльского наместника, около 1527 г. появляется в Москве, в 1532 г. он в Литве, а около 1540 г. вновь в Москве, возможно, со своим сыном Богданом. С Россией в 30-е годы Глинских связало не только то, что Елена Глинская была великой княгиней, но и то, что женой Владимира Богдановича была княжна Настасья Жижемская, родственница князей Жижемских, выехавших на Русь в 1508 г. вместе с князьями Глинскими.

Богдан Владимирович Глинский умер задолго до 1579 г.; в этом году о его смерти упоминается в связи с очередным спором о земельных владениях Жижемских князей [107]. Возможно, что в Дворовой тетради 50-х годов XVI в. именно он записан умершим как литва дворовая по Ярославцу рядом со своим родственником Михаилом Васильевичем Жижемским, но с ошибочным отчеством — Богдан Федорович Глинский [108].

В историографии более подробно изучена судьба потомков Бориса Ивановича Глинского в основном потому, что его внук Михаил Львович Глинский, несомненно, был выдающимся политическим деятелем конца XV в.— 30-х годов XVI в., оставившим яркий след как в истории Литвы, так и истории России.

Еще Н. П. Лихачев опубликовал родословный документ, позволяющий определить, какое место занимал Лев Борисович Глинский в составе боярства Великого княжества Литовского [109]. Эта

[104] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 124.
[105] АЗР. СПб., 1846, т. I, с. 200–201.
[106] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 124.
[107] Архив ЮЗР. Киев, 1859, ч. I, т. 1, с. 108–109.
[108] ТКиДТ. М., 1950, с. 208.
[109] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, с. 416. См. подробнее: *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 111–112.

«память», включенная в состав «Подлинного родослова» Глинских князей, сохранилась также в составе Румянцевского списка родословных книг (конец XVI в.). Она не только содержит уникальные сведения о службе Глинских в Литве, об их родственных связях с литовским боярством, биографические сведения о Михаиле Львовиче Глинском, неизвестные по другим источникам, но и само изложение материала в ней носит достаточно яркий полемический оттенок, позволяющий связать этот документ с политической борьбой боярских группировок в России во второй четверти XVI в. «Память» состоит из двух частей: в первой дан список бояр мстиславского князя (80—90-е годы XV в.), с которыми в то время вместе служили и были в родстве князья Глинские, во второй — список боярынь великой княгини Елены Васильевны. «Память» является уникальным источником и не находит аналогий среди других родословных документов XVI в.[110] Кроме «памяти», в тексте «Подлинного родослова» Румянцевского списка есть ряд вставок, касающихся жизни и деятельности в Литве Михаила Львовича Глинского, автор которых стремится принизить роль этого крупного политического деятеля[111].

«Память» сохранилась в списке конца XVI в., однако составлена она, очевидно, гораздо раньше. В ней упоминается рождение у Василия III сына Юрия, поэтому начальной датой составления следует считать 30 октября 1532 г.[112] Поскольку документ посвящен в основном Михаилу Львовичу Глинскому и не содержит более поздней росписи Глинских и в то же время не говорит о его смерти, появление «памяти» с большой вероятностью можно датировать не позднее августа 1534 г., когда князь Михаил был посажен в тюрьму, где вскоре умер[113]. В этих хронологических рамках можно выделить два периода: октябрь 1532 г.— декабрь 1533 г. (смерть Василия III) и 1534 г. В первый период ее составление можно связать со стремлением группы бояр не допустить Михаила Глинского к власти после смерти Василия III, во второй — с желанием отстранить Михаила от власти. Скорее, «память» была составлена до смерти Василия III и связана со стремлением отстранить князя Михаила от участия в регентском совете. Это подсказывает сам текст «памяти», где не названы события позднее октября—ноября 1532 г., а о князе Василии III и его братьях говорится как о живых («А коли ся приведет в празник стояти, а воидет князь велики или митрополит или удельные князи...»; «А коли за обычаи сидят, а воидет князь велики Василеи...»; «А коли родился князь Юрьи Васильевич... и тогда болшои наряд был...»[114]).

---

[110] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 111—115.

[111] Там же, с. 112—113.

[112] ПСРЛ. СПб., 1859, т. 8, с. 280.

[113] Там же. М., 1965, т. 29, с. 13.

[114] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 121. Из удельных князей Юрий Иванович был «поиман» в декабре 1533 г. (ПСРЛ. СПб., 1904, т. 13, 1-я пол., с. 78).

Однако в 40-е годы XVI в. Глинские стали одиозными фигурами, и московское восстание 1547 г. в значительной степени было направлено против них. Это обстоятельство выдвигает вопрос, не связано ли редактирование «памяти» или изменение отдельных ее частей с недовольством Глинскими, ведь в памятнике можно выделить две части — одна посвящена Михаилу Львовичу, в другой (списке боярынь) неоднократно упоминается княгиня Анна Глинская, мать Елены Васильевны, и подчеркивается ее низкое место среди боярынь великой княгини? На этот вопрос при всей его заманчивости надо, очевидно, ответить отрицательно. Во-первых, никакие события позднее рождения князя Юрия (1532 г.) в документе не упомянуты, и первая часть «памяти» никаким поздним переделкам, связанным с кем-либо из князей Глинских, не подвергалась. Во-вторых, появление списка боярынь великой княгини Елены было возможно лишь до ее смерти (3 апреля 1538 г.), и если он составлялся или редактировался во второй половине 30-х — 40-х годах XVI в., в него должны были быть внесены изменения: в 1533 г. была пострижена в монахини жена В. А. Челяднина, которая записана среди боярынь, а примерно с 1536 г. первое место при дворе занимала жена князя Федора Михайловича Мстиславского Анастасия. В «памяти» она не записана.

Эти обстоятельства приводят к мнению, что «память» была составлена как единый документ в 1532—1534 гг., но внимание к Глинским, возникшее в 40-е годы XVI в., было одной из причин копирования и сохранения документа, направленного против их семьи.

«Память» могла выйти от врагов Михаила Глинского, причем хорошо знакомых с литовским периодом его жизни, который почти не отражен в русских источниках. Первые же ее слова — роспись бояр — связаны с двором мстиславских князей. Тогда следует проследить, не отразилось ли редактирование на росписи самих Мстиславских, хотя если предположить, что родословие Глинских попало в рукопись не из протографа редакции, а в качестве дополнительного материала из какого-то другого источника (о такой возможности говорит само расположение статьи и то, что она неизвестна другим спискам родословных), то проверка росписи Мстиславских может ничего не дать.

Родословие литовских князей, от которых ведут начало князья Мстиславские, едино для всех списков этой редакции родословных, и во всех списках дважды записан выезд на Русь князя Федора Михайловича — после его имени «приехал служити к великому князю Василью Ивановичю всея Русии лета 7034, июня» (1526 г.) [115] и в конце росписи, где записано, что Федор был женат на Настасье, дочери царевича Петра, причем в ряде списков, к которым принадлежит и Румянцевский, здесь же

[115] ПСРЛ. СПб., 1907, т. 17, стб. 610; Временник ОИДР, кн. X, с. 137.

записана восходящая роспись четырех поколений предков Настасьи[116]. Эта пока единственная известная запись, когда в родословной росписи мужа приводятся предки жены, является особенностью редакции.

Наблюдения над родословием Глинских позволяют сделать ряд выводов по истории родословных книг. Практически все редакции родословных книг использовали два родословия Глинских, причем одна и та же роспись встречается в близких между собой редакциях. Единственное тенденциозное «частное» родословие Глинских встретилось только однажды. Роспись, составленная в 30-е годы XVI в., просуществовала в неизменном виде до конца века и не отразилась на более позднем редактировании росписей Глинских. Это показывает, что родословия могли использоваться в политической борьбе боярских группировок, если путем определенного подбора и освещения фактов создавалась компрометирующая роспись. Дальнейшее исследование таких материалов поможет яснее осветить борьбу различных партий правящего класса.

Исследование истории «памяти» о Глинских князьях позволяет определить среду и время ее создания в России. Документ, основной целью которого была компрометация Глинских, и в частности Михаила Львовича, был составлен в начале 30-х годов XVI в. в кругах, близких к князю Федору Михайловичу Мстиславскому. В основе «памяти» лежит русская редакция росписи Глинских. Поскольку в Литве Лев Борисович Глинский служил какое-то время последнему мстиславскому князю Ивану Юрьевичу и состоял в родстве с Раевскими, выехавшими вместе с Федором Михайловичем в Москву, можно полагать, что сведения о родственных связях Глинских в Литве здесь достаточно точны; они подтверждаются актовым материалом.

Дед Михаила Львовича Глинского Борис Иванович имел трех сыновей: Льва, Ивана и Василия. Их служебная деятельность связана со сношениями Литвы с Крымом. Иван Борисович ездил с посольствами в Орду в 1474, 1479—1480 и 1494 гг. Возможно, в 1482 г. он на какое-то время уехал в Москву[117]. В 1496 г. он уже наместник черниговский. В том же 1496 г. его брат Василий Борисович был в плену в Крыму[118].

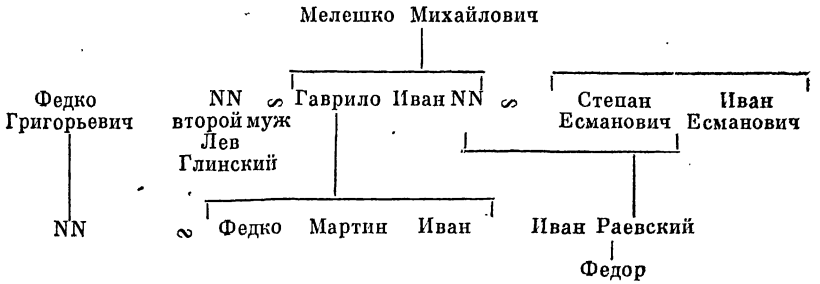
Кроме сыновей, у Бориса Глинского была дочь Федка Борисовна, вышедшая замуж за Александра Дрожджа. Их дети Андрей и Петр Дрожджи станут сподвижниками Михаила Львовича Глинского[119].

Служба Льва Борисовича по актовым источникам неизвестна. «Память» позволяет восстановить некоторые детали. Он служил мстиславскому князю Ивану Юрьевичу, владел сельцом Ходосовом около Мстиславля; возможно, не входил в состав боярства

---

[116] ПСРЛ, т. 17, стб. 610—611; Временник ОИДР, кн. X, с. 138.
[117] АЗР, т. I, с. 99.
[118] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 122.
[119] Там же, с. 124.

Схема родства Мелешковичей, Глинских и Раевских



этого княжества[120]. Такое положение, безусловно, было ниже положения его отца, служившего князю Свидригайло, однако почетнее положения его двоюродных племянников, служивших литовским магнатам Гаштольду и Радзивиллу.

«Память» смутно говорит о какой-то службе мстиславского князя Ивана Юрьевича в Киеве. Из других источников об этом ничего не известно, но не исключено, что в документе отразился так называемый киевский заговор 1480—1481 гг. православных литовских князей, связанных с Новгородом. Во главе киевских событий стоял князь Олелько, которому служил двоюродный брат Льва Борисовича — Федор Семенович Глинский.

Лев Глинский был женат на вдове Гаврилы Мелешковича, что породнило Льва Борисовича с мстиславским боярством.

Из семей, помещенных в схеме 2, наиболее известны Мелешковичи, вотчинники Городенского и Слонимского поветов в течение всего XV в.

Отец Гаврилы Мелешковича Мелешко Михайлович получил здесь земли от Витовта[121], сын Гаврилы Федко Гаврилович был городенским городничим с 1496 по 1522 г., когда его по старости и болезни сменил брат Мартин Гаврилович[122]. Сам Федко Гаврилович был женат на дочери писаря Федка Григорьевича, который в конце XV в. неоднократно приезжал с посольствами в Москву.

Опираясь на публикацию Н. П. Лихачева, где сказано, что вдова Гаврилы Мелешковича была «дядиной» Ивана Раевского, Б. Л. Модзалевский писал, что Гаврило Мелешкович был женат на сестре Степана Есмановича, которая и была бабкой великой княгини Елены Глинской[123]. Термин «дядина» в XVI в. имел точное значение, так называлась жена дяди — брата отца или

[120] Там же, с. 119.
[121] АЛМ, т. I, вып. 2, с. 168—169.
[122] РИБ, т. 20, стб. 695, 706, 808 и след.
[123] *Модзалевский Б. Л.* Род Раевских герба Лебедь. СПб., 1908, с. 7.

матери[124]. Получается наоборот, Степан Есманович был женат на сестре Гаврилы Мелешковича, а происхождение жены последнего (будущей бабки Елены) неизвестно. Иван Раевский выехал на Русь в 1526 г. вместе с князем Федором Михайловичем Мстиславским[125], его сын Федор в 1558 г. был городовым воеводой в Болхове[126]. Степан Есманович в документах не упоминается, но некий Иван Есманович, возможно его брат, в 1507 г. обращается к Глинским с иском об уплате долга из наследства князя Василия Дашковича Глинского[127]. Возможно, этот Иван Есманович приезжал в 1527 г. для переговоров в Москву[128].

У Льва Борисовича было четыре сына — Иван, Василий, Федор и Михаил и дочь Федка.

Федка Львовна Глинская была женой Мартина Богдановича Хребтовича. Брат Мартина — известный литовский политический деятель Иван (Ян) Литавор Богданович Хребтович. Он известен по актам с 1486 г.; в 90-е годы неоднократно посылался с посольствами в Польшу, Россию, в частности он приезжал в 1494 г. сватать великую княжну Елену Ивановну за литовского князя Александра. В 1499 г. он был взят в плен в битве на Ведроше и какое-то время находился в России[129].

«Память» о роде Глинских сообщает, что во время одного из своих посольств «в Немцы» он взял с собой Михаила Глинского «и дал ево учити в Немъцах тамошнему языку немецкому и грамотам»[130].

Биография Михаила Львовича Глинского неоднократно была предметом исследования, но сегодня многое в ней связано скорее с историографической традицией, чем с показаниями источников. Прекрасную характеристику Михаилу дал Герберштейн; без преувеличения можно сказать, что в «Записках» ему уделено внимания больше, чем какому-либо политическому деятелю, и автор относится к нему с явной симпатией. «Что же касается князя Михаила Глинского,— писал он,— то он еще юношей прибыл в Германию, проявил свою храбрость на службе у Альберта, герцога Саксонского, который в то время вел войну в Фрисландии, и, пройдя все степени воинской службы, стяжал себе славное имя. Воспитанный в обычаях немцев, у которых он вырос, он вернулся на родину и снискал себе большое и почетное положение у короля Александра, так что король решал все трудные дела по его мнению и усмотрению». Герберштейн описывает внешность Михаила Глинского и характер: «Он отличался

---

[124] *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. М., 1956, т. I, с. 512.
[125] *Модзалевский Б. Л.* Указ. соч., с. 7.
[126] РК, с. 166.
[127] РИБ, т. 20, стб. 577–578. Иван Есманович упоминается еще в 1519 г. (Там же, стб. 1339–1342).
[128] *Сб. РИО, т. 35, с. 760–768.*
[129] Там же, с. 145–156; Хроника Быховца, с. 113. В 1514 г. на судебном процессе выступает его вдова (РИБ, т. 20, стб. 842–844).
[130] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 121.

крепким телосложением и изворотливым во всем умом, умел также подать надежный совет, был одинаково способен к серьезному делу и к шутке и положительно (как говорится) был человек, пригодный на всякий час. Этой изворотливостью ума он приобрел себе большое влияние и расположение у всех, особенно у немцев, где он был воспитан. Немцы называли его на богемском наречии „Пан Михаил“»[131]. В русских источниках есть два прозвища Михаила Львовича — Городный и Немец.

Часть сведений о Глинском, в особенности о его службе у герцога Альберта и отношениях с немцами, автор, возможно, получил в Германии. В русской посольской памяти (1517 г.) записано, что в молодости Михаил «был дан на училище в Италейские страны»[132]. Из показаний этих двух источников стало хрестоматийным положение о многолетней службе Глинского при дворе императора Максимилиана, чьим послом был Герберштейн, а также в Италии и Испании. По польским источникам, Михаил Глинский был на службе у Альберта более 12 лет[133], но о службе императору там также сведений нет.

Сведения о 12-летнем отсутствии Михаила в Литве подтверждаются земельными актами Глинских, где с 1482 по 1496 г. упоминаются только его братья[134]. Но лишь родословная память сообщает об отъезде Михаила Глинского из Литвы вместе с посольством его родственника Яна Литавора Хребтовича.

До середины 90-х годов XV в. сведения об Иване, Василии и Федоре Львовичах Глинских скудны, известны их земельные акты 1482, 1488 гг., где упоминаются все три брата, и 1495 г., где упоминаются лишь Иван и Василий. Возможно, что Федор Львович к этому времени умер, его потомки в родословной росписи не записаны.

В 1495 г. Иван и Василий Львовичи встречали невесту великого князя Александра — великую княжну Елену Ивановну. Участие в торжественной церемонии им, вероятно, помогли организовать Хребтовичи; напомним, что именно Ян Литавор ездил в Москву сватать Елену. После этого начинается стремительная и недолгая карьера Глинских. Впервые после 40-х годов XV в. они получают должности при великокняжеском дворе и земли. Возвышение по службе распространяется на всех потомков Бориса Ивановича Глинского, которые к тому времени, очевидно, были живы.

В 1496 г. упоминается как наместник черниговский дядя братьев Глинских — Иван Борисович[135].

В 1499 г. Михаил Львович становится наместником утенским,

---

[131] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. М., 1908, с. 168, 171.

[132] Сб. РИО, т. 35, с. 546.

[133] Acta Tomiciana. Epistole, legationes, responsa, aktiones, regesta. Poznań, 1852, t. I, s. 15. См.: *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 85.

[134] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-rescy..., s. 80, 85.

[135] АЗР, т. I, с. 153.

в 1500 г. он уже маршалок дворный[136]; в 1501 г. его братья получают должности: Василий Львович — наместник василишский, а Иван Львович — переломский[137].

Глинские поднимались по служебной лестнице до смерти великого князя Александра. Основное материальное благополучие они получали от своих должностей, поэтому утрата их или замена на более низкие, которые начались сразу после вокняжения Сигизмунда, привели сначала к войне, а затем к выезду Глинских в Москву.

Расцвет Глинских при дворе вел к возвышению их родственников. Ярче всего это отразилось на карьере двоюродного брата Михаила Львовича — Андрея Александровича Дрожджа. Андрей Дрождж, которому иногда в исторической литературе незаслуженно приписывают княжеский титул, не раз упоминался в работах, посвященных восстанию Глинских 1508 г. Еще С. М. Соловьев писал, что ссора Михаила Глинского с верхушкой боярства Литвы во время правления Александра произошла из-за его «клиента» Андрея Дрожджа[138].

В 1489 г. при Казимире Андрюшка Дрождич получает «6 коп с корчом в Менску»[139], а с 1500 по 1508 г. у него уже бывшие владения князей Дмитрия Пропского и Петра Мосальского, также несколько дворов и дворцов в Волковыйском и Менском поветах[140]. В 1498 г. он становится чашником, в 1499 г. конюшим виленским, затем наместником лидским[141]. Один акт 1496 г., связанный с пожалованием ему земель, выдан как распоряжение черниговскому наместнику Ивану Глинскому, дяде Андрея, другой акт, 1500 г., подписан его двоюродным братом Михаилом Львовичем. В 1499 г. Андрей продал земли писарю Федку Григорьевичу, также родственнику Глинских со стороны Мелешковичей[142], тестю Федка Гавриловича (см. схему 2). Петр Александрович Дрождж известен лишь как совладелец Андрея[143].

Сам выезд Глинских и сопутствующие ему события как одна из ярких страниц политической борьбы начала XVI в. неоднократно привлекали внимание историков. Большой интерес при решении этого вопроса представляет опубликованный Зиминым лето-

---

[136] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 123. «Память» о роде Глинских так описывает деятельность Михаила при дворе: «И у короля Александра князь Михаило во дворе служил, и у послов у немецких толмачил, и грамоты перед королем чел. И дослужился у короля у Олександра дворового моршалства. Коли король Александр поидет к церкви или от церкви, и князь Михаило Глинскои перед королем детеи боярских розбиваст» (Там же, с. 121).

[137] Там же, с. 123.

[138] *Соловьев С. М.* История России. М., 1960, кн. III, с. 220–221.

[139] РИБ, т. 27, стб. 260.

[140] АЛМ, т. I, вып. 1, с. 92; вып. 2, с. 67; ЛМ, кн. 8, л. 171 об., 224, 433.

[141] *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego, 1386–1795. Kraków, 1885, s. 208.

[142] АЛМ, т. I, вып. 2, с. 41.

[143] ЛМ, кн. 8, л. 262–263. Дворец Радомль в Менском повете принадлежал обоим братьям.

писец[144], где содержатся уникальные сведения о ходе восстания и составе его участников. Здесь же подробно изложен ход переговоров московского великого князя Василия III с Глинскими, предшествовавший их переезду. В летописце перечислены выехавшие в Россию лица; прежде всего это Иван, Василий и Михаил Львовичи Глинские, их двоюродные братья Дмитрий и Иван Васильевичи Глинские, Андрей и Петр Александровичи Дрожджи. Василий и Дмитрий Михайловичи Жижемские благодаря браку Настасьи Жижемской и Владимира Богдановича Глинского состояли в родстве с другой ветвью Глинских, потомков путивльского наместника Богдана Федоровича. В родстве с Глинскими был и Якуб Ивашенцевич[145].

Источники позволяют проследить судьбу некоторых соратников Глинских в России. Судьба Андрея и Петра Дрожджей после 1508 г. неизвестна. В Дворовой тетради среди литвы дворовой по Медыни записаны Федорец и Ивашка Михайловы дети Дрожжина[146]. В 1508 г. Медынь была отдана в вотчину Ивану и Василию Львовичам Глинским[147]; возможно, что эти Дрожжины — потомки одного из их двоюродных братьев Андрея или Петра Дрожджей. (С Глинскими Ф. М. и И. М. Дрожжиных косвенно связывает имя их отца — Михаил.)

В литературе установилось мнение, что Якуб Ивашенцевич был женат на двоюродной сестре Михаила, дочери Ивана Борисовича. Оно основано на записи родословных книг: «А у князя Ивана у Борисовича у Великого одна была дочь, а была она за Якубом»[148].

В 1509 г. Богдан, Андрей и Дмитрий Ивашенцевичи получают за службу имения и двор в Киеве «дядьковщину их пана Романовы, которые ж держал зрадца наш (Сигизмунда.— *М. Б.*) князь Иван Глинский по первой жоне своей, по их сестре, пана Романовой додце»[149]. Имя Якуба здесь не названо и не могло быть названо, но, очевидно, этот акт более точно, чем глухая родословная запись, отражает связь Глинских с Ивашенцевичами. Иван Глинский — им может быть родной брат Михаила Иван Львович или двоюродный, Иван Васильевич, также выехавший в 1508 г. в Москву,— был женат на дочери Романа Ивашенцевича. Якуб мог быть или сыном Романа, или его племянником, родным братом челобитчиков. Представляется более вероятным второе. Из текста грамоты ясно, что владения Романа перешли к его дочери, а после ее смерти (она названа первой женой

---

[144] *Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г.— Советские архивы, 1970, № 5.

[145] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 79; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 87.

[146] ТКиДТ, с. 207.

[147] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве..., с. 49.

[148] Временник ОИДР, кн. X, с. 158. Ср.; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 79.

[149] ЛМ, кн. 8, л. 316.

Глинского) остались у мужа. Вероятно, если бы «дядьковщина» Ивашенцевичей была поделена между Якубом и его сестрой (если допустить первый вариант), то они просили бы ее целиком, тем более что владения Якуба в 1509 г. также были конфискованы. А в грамоте не упомянут ни сам Якуб, ни его земли.

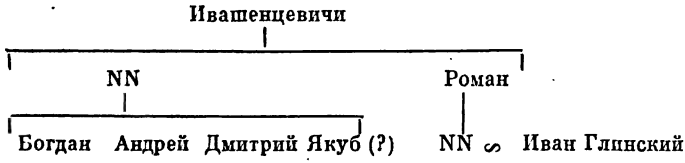
Из владений Якуба Ивашенцевича в Литве известно только, что в 1509 г. он получил в Менском повете людей с землей [150].

По Менскому повету служили Богдан, Андрей и Дмитрий Иваншенцевичи; в 1509 г. они получают деньги «со скарба» и с «мыта менского» [151]. Напомним, что с Менского же повета получал в XV в. жалование Андрей Дрождж.

Родство Глинских с Ивашенцевичами можно представить следующим образом (см. схему 3).

Схема 3

Схема родства Глинских и Ивашенцевичей



Служба Якуба Ивашенцевича подробно описана Зиминым. В 1507 г. он привел на Русь войска Мухаммед-Гирея, потом принимал активное участие в восстании Глинского. В 1509 г. литовское правительство требовало его отпуска в Литву, но он остался в России. Служба Якуба прослеживается по разрядам до 1524 г. Он упомянут в походе против Магмет-Гирея 1521 г. и походе на Казань 1524 г.[152]

Михаил Гагин имел владения в Киевском и Жолудском поветах; двор Можейковский он получил в 1507 г., когда его собственные земли в Путивле отошли к Москве. Распоряжение 1507 г. было сделано на имя Мартина Хребтовича. Уже в июне 1508 г. двор Можейковский получил Лев Тышкевич, поскольку его земли в Киевском повете были опустошены от «татар и от того здрайцы нашого Михаила Глинского» [153].

Как показал Зимин, в России Гагины служили литвой дворовой по Медыни [154], которая досталась в кормление князю Василию Глинскому. Очевидно, и здесь их связь с Глинскими не прерывалась. В Дворовой тетради по Медыни записаны Василий Михайлов Гагин и его сын Юшко [155].

Князь Василий Мунча (очевидно, он шел по списку смоленских князей) получал пожалования первоначально, как и Андрей

[150] РИБ, т. 27, стб. 849–851.
[151] ЛМ, кн. 8, л. 467 об.
[152] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 92–92; РК, с. 66, 70.
[153] ЛМ, кн. 8, л. 150–150 об. (2 янв. 1507 г.), л. 229 (7 июня 1508 г.).
[154] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 91.
[155] ТКиДТ, с. 206.

Дрождж, с менского мыта[156]. Возможно, его родственник — князь Михаил Мунча еще при Казимире получал жалование с доходов Василишского повета[157]. В мае 1508 г. дьяк Васка Петрович получает имения в Мозырском повете, которые держал «здрайца» князь Мунча[158]. Вольф полагал, что князь Василий Мунча происходил от смоленских князей из ветви Татищевых. По его предположению, наследство Мунчей в Литве позднее могло перейти к Мосальским князьям[159].

Семен Александрович Брянец, названный в списке выехавших без прозвища, держал дворец Гальковский и села в Слонимском повете. В 1509 г. они отошли к Ивану Есмановичу, очевидно дяде Ивана Раевского, служившего мстиславским князьям, также свойственнику Глинских[160].

Зимин относит к потомкам Семена литву дворовую по Можайску — Андрея Иванова и его детей Васюка, Федка и Алешку Александровых[161]. В летописце сказано, что Семен Александров выехал с детьми Михаилом и Борисом[162]. Потомки Семена Брянцева записаны в Дворовой тетради по Переяславлю как литва дворовая; это Борис и Василий Семеновы — дети Брянцева («Борис стар», а Василий — губной староста) и их дети[163].

Князь Иван Козловский (летописец подчеркивает, что он служил Михаилу Глинскому) записан в Литовской метрике в рубрике дворян, «которые имений не мают». В 1506 г. он получает жалование с доходов в Лиде и Смоленске[164].

В отличие от Гагиных, Александровых и других князья Иван и Федор Семеновичи Козловские записаны в Дворовой тетради не литвой дворовой, а детьми боярскими по Романову. Из них Федор убит при взятии Казани[165].

В 1687—1688 гг. при подаче родословных росписей в Разрядный приказ возник спор о старшинстве двух ветвей Козловских князей (они считались потомками князей Фоминских); в ходе спора выяснилось, что эти ветви — потомки Романа Ивановича и Льва Ивановича — служили одна в Москве (это те, кто приехал с Глинскими), другая в Литве (Лев Иванович и его дети),

---

156 ЛМ, кн. 8, л. 432.
157 РИБ, т. 27, стб. 186.
158 ЛМ, кн. 8, л. 231 об.
159 *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 273—274.
160 ЛМ, кн. 8, л. 343 об.— 344 об.
161 В комментариях к летописцу автор пишет: «Дети Александрова Алеша, Федор и Васюк...» (*Зимин А. А.* Новое о восстании.., с. 73); если эту запись Тысячной книги связать с выехавшим Семеном Александровичем, то в ней упомянуты его внук и правнуки. В монографии Андрей Иванов сын Александрова ошибочно идентифицирован с Андреем Александровичем Дрождж (*Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 91).
162 *Зимин А. А.* Новое о восстании..., с. 72.
163 ТКиДТ, с. 141.
164 ЛМ, кн. 8, л. 435.
165 ТКиДТ, с. 145. См.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени, с. 91).

и «в прошлых годех не в одно время» выезжали на Русь. Среди дат выездов записан и 1508 г.[166] В этой росписи отмечено, что потомки Льва Козловского записаны в Дворовой тетради также по Романову, но в качестве литвы дворовой[167].

В Литовской метрике Лев Иванович Козловский упоминается в 1470 г. как владелец Козлова, Каленца и других городов, которые держали его отец и дед[168].

К лицам, записанным в летописец, по актам добавляется Василий Микульский, *чьи земли в Троцком повете в 1510 г.* отошли к князю Глебу Пронскому[169]. Карачюра, слуга князя Василия Глинского, имел дворец в Василишском повете. В 1510 г. его получил Ивашко Рыло Быковский. В 1509 г. Рыло Быковский получал лишь жалование 12 коп[170].

В актах упоминается «служебник» Михаила Львовича Глинского, но его судьба после 1508 г. неизвестна[171].

На какое-то время были конфискованы земли и должности у родственников Глинских — Федка и Мартина Богдановичей Хребтовичей, также участвовавших в этом выступлении, но оставшихся в Литве[172].

О Яне Литаворе Хребтовиче за 1499—1509 гг. сведения отсутствуют, с 1509 по 1512 г. он упоминается как маршалок, в 1514 г. он уже умер, грамота этого года выдана его вдове[173].

С выездом Глинских был связан и Федор Колонтай. В апреле 1508 г. он получил двор Клевицы, который держал князь Василий Львович Глинский, со всеми прикупами и привилегиями Глинского, поскольку он «великие шкоды впад, иж он сам был в руках в того здрайцы нашого князя Михаила Глинского, и от толь въехал, а жону и дети там зоставившь»[174]. В Дворовой тетради как литва дворовая по Ярославцу записаны Микифорец да Иванец Федоровы дети Колонтаева и Ждан Никифоров сын Колонтаев, последний с пометой «умре от раны»[175].

Возможно, Федор Колонтай играл более видную роль в выступлении Михаила Глинского. В начале века он вел несколько судебных дел против братьев Глинских, которые заставляли его людей, Ивана Шила с сыновьями, служить не по двору Полоное, данному Колонтаю, а по Новогрудку, принадлежавшему Глинским. После смерти великого князя Александра очередное разбирательство было в пользу Федора Колонтая[176].

---

[166] ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 18, д. 108, 159.
[167] Ср.: ТКиДТ, с. 145.
[168] РИБ, т. 27, стб. 66—67.
[169] ЛМ, кн. 8, л. 369—370.
[170] Там же, л. 421 об.— 422 об.
[171] АЛМ, т. I, вып. 2, с. 87.
[172] *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze..., s. 181, 221, 236.
[173] РИБ, т. 20, стб. 842—844.
[174] ЛМ, кн. 8, л. 223 об.
[175] ТКиДТ, с. 208.
[176] РИБ, т. 20, стб. 272—275, 572—574.

Очевидно, после отъезда Глинских Колонтай не был окончательно оправдан. В 1511 г. его вновь обвинили в участии в восстании. Якобы в Новогрудке в начале 1508 г. Михаил Глинский сказал, что виновником выступления был Федор Колонтай, который, ссылаясь на Ивана Сапегу как на источник своих сведений, просил заступничества у Михаила Львовича от имени православной шляхты. Колонтай говорил якобы, что вскоре на очередном сейме «всих нас, русь, мают хрестити в лядскую веру, а хто б не хотел почти в лядскую веру, тых мают стинати... про то, господине княже Михаило, со слезами чолом бью твое милости; для бога, змилуися, въступися за нас» [177].

Здесь уже видна попытка осветить выступление Глинских как борьбу за религиозные права православных дворян Великого княжества Литовского.

Некоторые лица, связанные с Глинскими, вскоре вернулись в Литву.

В июне 1508 г. писарь Богуш Боговитинович получает в Троках дворцы Михаила Глинского и Матвеевский, который поставил на землях князя Михаила его слуга Матвей. Уже в августе 1508 г. Матвей вернулся в Литву и хотел вернуть себе дворец, но он остался за Богушем [178].

Любопытна история Ивашки Немирича, раскрытая в привилее 7 августа 1510 г. Привилей был выдан по окончании суда над Немиричем, подтвердившего его права на имения. Иван Немирич служил при дворе Ивана Львовича Глинского, «и коли вже врозумел по них, иж они таковую зраду вмыслили и стали на противку нас, государа (Сигизмунда.— *М. Б.*), он послал отца своего Немиру до гетмана нашого, князя Косътянътина Ивановича Острозъского, хотячи нам, прирожоному государу своему служити. И теж поведаючи, иж великий князь московъский дворянина нашого Остафья Дашковича мает до зрадци нашой Глинского прислати» [179]. Сообщив о измене Глинского Константину Острожскому, Ивашко стал действовать по его совету: он дождался приезда из Москвы Остафия Дашковича, передал ему «лист» Константина, где содержалось предложение, «аж бы ся (Остафей.— *М. Б.*) на веру предков своих и свою и теж на ласку пашое милости панскую (Сигизмунда.— *М. Б.*) вспамятал, и вашой бы милости, государу своему прирожоному, служил» [180]. После этого Немирич бежал от Глинских в Овруч, где, очевидно, находились его собственные или его отца владения, поскольку в документах он назван «вруцким земляниным».

На суде 1510 г. показания Ивашка Немирича были подтверждены как письмами Константина Острожского 1508 г., так и его личным свидетельством. На основании всего этого Ивашку Неми-

---

[177] Там же, стб. 1196.
[178] ЛМ, кн. 8, л. 237 об.– 238, 251 об.– 252.
[179] Там же, л. 399–399 об.
[180] Там же, л. 399 об.

ричу были возвращены Варевцы, именне его жены Феди, дочери пана Булгака Лисичанка, и он сам был освобожден от подозрения, что «з здрацою нашим з Глинским был, и панства землю нашу казнил»[181].

Другой привилей, от 23 февраля 1511 г., описывающий судебный процесс еще времен княжения Александра, позволяет установить родственные связи между Остафием Дашковичем и Ивашкой Немиричем. Когда великий князь Александр дал князю Тимофею Капусте «именья в Киевском повете Остафьевы Дашковича в тот час, как он зъехал бы в землю неприятеля нашого, ино деи земенин вруцкий Немира жаловал на него брату нашому, королю Александру, поведаючи, иж бы тыи именья материзна жоны его, сестр Остафьевых»[182]. Имения вернули сестрам Дашковича, а киевский воевода князь Иван Львович Глинский получил распоряжение найти для Тимофея Капусты «только ж людей и земель». Привилей 1511 г. подтверждает все эти пожалования.

Очевидно, упомянутый здесь Немира — тот же отец Ивашка, который ездил за инструкциями к Константину Острожскому[183]. В обоих привилеях Немира и Ивашко Немирич названы «вруцкими земенинами», оба они связаны службой с князем И. Л. Глинским. В таком случае Ивашко Немирич был племянником Остафия Дашковича.

Можно привести и некоторые наблюдения о службе Булгака, Дашковича и Немиры в Литве. Среди пожалований Казимира от 1488 г. есть запись о выдаче Булгаку Лисице «15 коп з мыта киевского и путивльского»; по этой же записи Немира получает «6 коп грошей з мыта в Берести». Он же по другой, недатированной записи пожалований Казимира получает «4 рубли з вин у Вилькии»[184]. В 1506 г. Булгак Лисичанок получает «на 13 коп грошей з мыта киевского аргишового отмена»[185]. Осенью 1508 г. Остафий Дашкович получает «тивушчина речицкая и чечерская и горвольская на сюю осень» и в ноябре 1509 г. «30 коп со скарбу» и «8 коп с корчмы черкаское»[186].

При описании похода 1502 г. к Мстиславлю князей Семена Можайского и Василия Шемякина отмечается, что под городом «встрете их князь Михаил Ижеславский, с ним же Остафий

---

[181] Там же, л. 399.

[182] Там же, л. 489 об.– 490. Владение Остафия Дашковича в Киевском повете Басан «з бортными землями и з бобровыми гоны и з ловы и з ловищи и з лесы» упомянуто в его грамоте от 24 апреля 1530 г. Он передает Басан в приданое своей сестричне Духне, выдавая ее замуж за Стефана Дубляпского [ЦГАДА, ф. 1473 (Поместно-вотчинные архивы юго-западных земель XVI–XIX вв.), оп. 1, д. 72].

[183] По матери Константин Иванович Острожский был племянником русского служилого князя Семена Ивановича Бельского (Описание МАМЮ. М., 1915, т. 21, с. 268).

[184] РИБ, т. 27, стб. 190, 289, 303.

[185] ЛМ, кн. 8, л. 440. В привилее 1510 г. даются две формы его имени – Булгак Лисица и Булгак Лисичанок.

[186] Там же, л. 445.

Дашкович со многими людми, двором великого князя Александра литовского и з желныри»[187].

Из истории семьи Глинских видно, что ее благосостояние с середины XV в., а возможно с самого начала, полностью зависело от воли князя, которому они служили. Скорее всего это можно объяснить тем, что их выезд в Литву произошел тогда, когда земельные владения уже были распределены между местным дворянством и выехавший род не мог получить материальной базы, прочно обеспечивавшей его положение в стране.

Вместе с Глинскими приехали в Москву и остались служить здесь или их родственники, или лица, не имевшие в Литве достаточно большого состояния и стабильного общественного положения. Участники выступления Глинских, принадлежавшие к влиятельным семьям, позднее были оправданы и восстановили свое положение.

И в Москве, как показали наблюдения Зимина, сразу после выезда Глинские находились в ранге служилых князей, а в 40-е годы XVI в. опустились до положения членов Боярской думы[188], т. е. и здесь они зависели от великого князя.

Известия о семье Глинских позволяют еще раз вернуться к браку Василия III и Елены Глинской. Исследования, позволившие восстановить происхождение Елены по материнской линии, показали, что сам брак был определенным звеном в цепи внешнеполитических действий московского великого князя[189].

Х. Рюс опубликовал материалы, показывающие, что по материнской линии Елена была в родстве с Вишневецкими. Еще М. Н. Тихомиров полагал, что это родство привело к выезду в Россию Дмитрия Вишневецкого[190].

Эта женитьба связала московского великого князя с широкими слоями православного литовско-русского боярства. Она привлекла на службу в Москву литовскую знать.

Очевидно, сюда же можно прибавить состоявшийся через полгода после свадьбы выезд свойственника Елены — князя Федора Михайловича Мстиславского.

Ф. М. Мстиславский получил Юхотский удел и на положении служилого князя вел себя в нем независимо. Возможно, он пользовался большими правами, чем Бельские. Во всяком случае, его удельная политика отражена в жалованных грамотах, а о такой же политике Бельских в этот период нам ничего не известно[191].

---

[187] ПСРЛ, т. 31, с. 123.

[188] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве..., с. 50–51.

[189] *Тихомиров М. Н.* Иван Грозный и Сербия.– В кн.: Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 86–88; *Rüß H.* Elena Vasil'ewna Glinskaja.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1971, Bd. 19, H. 4.

[190] *Тихомиров М. Н.* Иван Грозный и Сербия, с. 89—90.

[191] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси, с. 116–118; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967, с. 276–282.

Веселовский полагал, что положение Мстиславских при московском дворе было выше, чем положение Бельских[192].

Князь Ф. М. Мстиславский унаследовал Мстиславское княжество по матери, поскольку у его деда Ивана Юрьевича не было наследников-сыновей. Федор родился между 9 апреля и июлем 1499 г.[193] В генеалогической литературе давно высказывалось мнение, что Ф. М. Мстиславский был сыном М. И. Ижеславского от второго брака, его матерью была Василиса-Ульяна Гольшанская[194]. Однако запись родословных книг, восходящая к 40-м годам XVI в., говорит о Федоре, что «по матери его зовут Мстиславским»[195]. Очевидно, Федор был сыном от первого брака; грамота от 9 апреля 1499 г. о нем не упоминает, в июле Ульяна Мстиславская умерла; в 1507 г. у Михаила Ижеславского уже вторая жена и два сына[196].

Предположение о том, что Федор был сыном Ульяны Мстиславской, объясняет также, почему Михаил Иванович после ее смерти получил подтверждение на владение Мстиславлем — у него был сын, наследник княжества. Имя Федор в семье князей Мстиславских и Ижеславских не встречается, а в июне отмечаются праздники Федора Новгородского (5 июня) и Федора Стратилата (8 июня). Возможно, Ф. М. Мстиславский родился в эти дни.

О жизни Федора Михайловича в Литве известно мало. По грамоте от 3 августа 1525 г. видно, что у него были длительные неприятности в отношениях с отцом, не выделявшим Федору самостоятельного владения, причем младший брат Федора Василий Михайлович поддерживал отца[197]. Возможно, неурядица, отсутствие собственного владения и послужили причиной отъезда Федора.

При московском дворе он занимал положение, сходное с положением других Гедиминовичей. Ф. М. Мстиславский стал служилым князем и по рангу был выше всех членов Боярской думы[198]. Благодаря своей женитьбе на Анастасии, дочери Петра царевича, он был в близком родстве с Василием III. Он приходился свойственником и великой княгине Елене[199]. По службе

[192] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси, с. 118.

[193] Дата женитьбы Михаила Ивановича Ижеславского на Ульяне Ивановне Мстиславской устанавливается по двум грамотам, выданным Микуле Радивиничу, мстиславскому боярину: от 1 апреля 1498 г.— до этой женитьбы — и 9 апреля 1499 г.— после нее, когда М. И. Ижеславский стал мстиславским князем (АЛМ, т. I, вып. 1, с. 150; вып. 2, с. 15).

[194] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 269; *Мятлев И.* К родословию князей Мстиславских. М., 1915, с. 3.

[195] Редкие источники по истории России, 2, с. 42.

[196] *Мятлев И.* Указ. соч., с. 2–3; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 266.

[197] АЗР. СПб., 1848, т. II, с. 162–163.

[198] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси, с. 117–121; *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве..., с. 51–53.

[199] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси, с. 118; *Он же.* Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 293–294.

Федор Михайлович ничем особенно не отличался; воевал против татар, в начале 30-х годов долго не упоминается в разрядах[200]. С 1527 г. по июль 1529 г. постоянно находился в Кашире, с июля 1529 г. по август 1533 г. в разрядах не упоминается. С июля 1535 г. до самой смерти Ф. М. Мстиславский находится на южных границах и только с октября 1536 г. по сентябрь 1537 г. был, очевидно, в Москве. Не исключено, что после перехода Мстиславля в 1529 г. к Сигизмунду он делал попытку вернуться в Литву[201].

Политическая ориентация Федора Мстиславского, его принадлежность к какой-либо боярской группировке мало известны. Как обратил внимание И. И. Смирнов, после смерти Василия III он был фактически отстранен от управления государством, почему автор считает его наряду с Иваном Федоровичем Овчиной Оболенским и Дмитрием Федоровичем Бельским активными участниками свержения Михаила Глинского, члена регентского совета[202].

По своему происхождению и родственным связям при московском дворе Ф. М. Мстиславский являлся одним из первых претендентов на роль регента при малолетнем Иване IV. «Память» о роде Глинских, вышедшая из его окружения, компрометировала Михаила Глинского, также возможного члена регентского совета, и тем самым выдвигала Федора Мстиславского. Однако его участие в борьбе за власть не дало результатов. Возможно, этому помешало положение Ф. М. Мстиславского, служилого князя, стоявшего выше членов Боярской думы. По наблюдениям Каштанова, Ф. М. Мстиславский активизировал свою удельную политику во второй половине 1533 г., но после смерти Василия III правительство Елены, куда вошел Михаил Глинский, стало ограничивать его права[203], а сам он посылался на почетную и далекую от Москвы службу. Участие в свержении Михаила также не принесло ему власти.

Сын и внук выехавшего на Русь Федора Михайловича Мстиславского — Иван Федорович и Федор Иванович — были крупными политическими деятелями середины — второй половины XVI в. Дочь Ивана Федоровича была невестой царевича Федора Ивановича[204], но в 1585 г. Иван Мстиславский неожиданно был пострижен в монахи.

Интересные наблюдения о карьере Ф. М. Мстиславского и его сына Ивана Федоровича сделала А. М. Клеймола. Опираясь на

---

[200] ПСРЛ, т. 8, с. 272, 292; т. 13, 1-я пол., с. 46, 89; РК, с. 70–73, 82, 87–96.

[201] АЗР, т. II, с. 189; ср.: *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 269.

[202] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI в. М.; Л., 1958, с. 37–44.

[203] *Каштанов С. М.* Указ. соч., с. 277–278, 281; см. также: *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 117–118.

[204] *Мятлев И.* Указ. соч., с. 7; *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

сведения, собранные Смирновым и Зиминым, она противопоставила традиционную для служилого князя деятельность Федора Михайловича молниеносной придворной и административной карьере Ивана Федоровича. По мнению автора, такое продвижение по службе отражает родственные связи и свидетельствует о желании правительства интегрировать служилых князей в верхушке правящего класса [205].

С 1571 г. в разрядах как рында появляется последний князь Глинский — Иван Михайлович, двоюродный брат Ивана IV. С 1586 по 1590 г. он как боярин постоянно сопровождает царя Федора Ивановича, после 1592 г. в разрядах не упоминается [206]. Родословные книги сохранили известие, что он был болен «черным недугом» [207].

Его дочь (в родословных записана без имени) была сосватана за князя Федора Ивановича Мстиславского [208], но, очевидно, свадьба не состоялась. Во всяком случае, в духовной И. М. Глинского 1586 г. упоминается одна незамужняя дочь, Анна [209].

При московском дворе служба Глинских и Мстиславских была не синхронной: возвышение одного рода вело к уходу в тень другого. Расцвет деятельности Глинских продолжается до московского восстания 1547 г., после чего их влияние несколько ослабевает. Даже в конце века, когда звание служилого князя носило скорее почетный оттенок, две эти семьи никак не могли объединиться в одной группировке.

Родственные связи Мстиславских князей в конце XVI — начале XVII в., вплоть до угасания их рода, подробно описаны Н. В. Мятлевым [210].

Федор Иванович по матери был племянником Никиты Романовича Юрьева. Его сестра при Борисе Годунове вышла замуж за выехавшего на Русь князя Василия Черкасского. Жена Ф. И. Мстиславского Прасковья Ивановна Нагая была троюродной племянницей царицы Марии Нагой [211].

Мстиславские с момента выезда из Литвы и вплоть до угасания рода по своим родственным связям всегда находились на вершине иерархической лестницы Русского государства.

Интересные сведения о Мстиславском приводит С. П. Мордовина, ссылаясь на записки И. Массы: после смерти первой жены Федора Ивановича Борис Годунов хотел выдать за него свою дочь, а когда это не получилось, препятствовал его вторичной

---

[205] *Kleimola A. M.* Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550.– In: Essays in honor of A. A. Zimin. Columbus, Ohio, 1985, p. 242.

[206] РК, с. 243, 293, 364, 463.

[207] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 123.

[208] Там же.

[209] *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, с. 64–66.

[210] *Мятлев Н.* Указ. соч., с. 6–7.

[211] Там же, с. 9–12.

женитьбе[212]. Однако Прасковья Ивановна была именно его второй женой; происхождение его первой жены, Ульяны (умерла в 1586 г.), неизвестно, а его третья жена была из семьи князей Темкиных Ростовских[213].

Основные известия о положении служилых князей в конце XVI — начале XVII в. приведены Мордовиной. Кроме Глинских и Мстиславских, с этим званием выступают Трубецкие, Одоевские и Воротынские, а также князья Черкасские, Тюменские, Волосские[214]. Приведенные автором сведения убедительно показывают, что само положение служилого князя не давало никаких преимуществ. Такие роды, как Воротынские, Глинские, Мстиславские, которые за время службы в России сохранили свои владения, породнились не только с феодальной верхушкой, но и с правящим домом, продолжали играть большую роль в политической жизни. Черкасские, Тюменские, Волосские князья лишь назывались служилыми, в качестве земельных владений они получали вотчины[215].

Очевидно, положение служилого князя — промежуточное между удельным князем и князем-вотчинником — возникло в определенный момент образования единого Русского государства и отражает процесс его централизации. Присоединение новых земель при еще слабом государственном аппарате требовало создания буферных форм — той степени автономии новых земель, которая не вела бы вновь к раздробленности, тем более что в ряде присоединенных княжеств сидели их исконные князья, которых нельзя было сразу лишать всех прав. Служилые князья практически не участвовали в государственной политической жизни, поскольку не входили в состав Боярской думы. В то же время в Думе были их однородцы, служившие русским государям еще в XV в. и не получавшие звания служилых князей, что создавало некоторое равновесие сил политических группировок. Реальное положение в политической жизни князей, имевших звание служилых, также было различным.

С укреплением централизующегося государственного аппарата служилые князья постепенно входят в его высший орган — Думу, теряя при этом реальные княжеские права.

На протяжении XVI в. все отчетливее наблюдается девальвация положения служилого князя.

---

[212] *Мордовина С. П.* Служилые князья в конце XVI в.— В кн.: Тр. Москов. гос. историко-архивного ин-та, 1970, т. 28, с. 332.

[213] *Мятлев Н.* Указ. соч., с. 9.

[214] *Мордовина С. П.* Указ. соч., с. 337–340.

[215] Интересно наблюдение, что в 60–70-е годы XVI в. удел валашского господаря Богдана Александровича был в Лухе; он перешел к нему после опалы на И. Д. Бельского (*Веселовский С. Б.* Последние уделы..., с. 121; *Мордовина С. П.* Указ. соч., с. 337).

Приложение

Росписи потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского

л. 364 ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКАГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА, ИЖЕ ПОСТРАДА ЗА ХРИСТА И ЗА ПРАВОСЛАВНУЮ ВЕРУ ХРИСТОВУ ОТ БАТЫЯ ЦАРЯ В ЛЕТО 6654.

Великого князя Михаила Черниговськаго сынове: Роман, князь
л. 364 об. вели//кий [1] черниговьской, 2. Мстислав Карачевский, 3. Симеон Глуховъский и Новосилский, 4. Рюрик Туровский. Мстислав Карачевского сынове: 1. Тит, 2. Андреян Звенигородской. Титовы сынове: 1. Святослав, Олгердов зять, 2. Иван Козелской.

Андреянов сын Федор. Федоров сын Александр. Александров сын первой Глеб, 2. Иван. Глебов сын первой Василей, 2. Иван, 3. Федор.
л. 365 А Ивана Александрович сын 1. Иван Звенец, 2. // Василей Ноздроватой. А Ивана Звенца сын Андрей, бездетен скончался. А Василья Ноздроватаго сын Иван Токмак.

А князя Василиа Глебович сынове: 1. Иван, 2. Петр, 3. Семен, 4. Данило, 5. Василей. А Ивана Васильевич сынове: 1. Аньдрей, 2. Федор. А Петра Василевич сынове: 1. Иван, 2. Федор, 3. Григорей.

В лето 6700 месяца июля 26 приде к великому князю Василью Дмитреевич из Брянска князь литовский Витригайло Олгердович,
л. 365 об. а с ним влады//ка брянский; да с ним же князь Патрекей Карачевской и Хотимской, да брат его князь Олександр Корачевской и Звенигородцкой и Путимской воевода, да сын его князь Федор Олександрович Катлечеин, да князь Семен Перемышской, да князь Уруста Менский, да пан литовский Нарбут, да князь Михайло Ховьский и бояре черниговское да брянское, и мценские, и путимские, и старо-
л. 366 дубьские, и смоленские. Князь // же великий Василей Дмитреевич стретя его за городом за 3 версты, брат же его князь Юрьи Дмитреевич з бояры с велико [2] князя. С векою [3] честию за седмь верст посылал боярина Федора Свибла да Ивана Родивонович Квашню. И стретоша на реце на Вуге и целоваша крест на том, что велиму [4] князю его не вредить ничим.

Князь великий Василей Дмитреевич прият его с честию с великою и даст ему град Водимерь [5] с все//ми волостми и з пошлинами
л. 366 об и зъ селы и съ хлебы; тако ж Коломну и Переславль и Юрьев Польскый.

л. 453 НАЧАЛО РУССКЫХ КНЯЗЕЙ

Пришли из Немец 3 браты: Рюрик, Синеус, Трувор; Рюрик сяде на Новегороде Великом, а Синеус на Белеозере, а Трувор в Ыаборсце. И от Синеуса и от Трувора род не пошол. А Рюрик княжил 17 лет и преставися, а остался у него сын его млад велми, а приказал сына своего племяннику своему Олгу. И княжил Олег с Ыгорем и ваеша Киев, и княжил с Ыгорем на Киеве 30 лет с летом. И по нем сяде на
л. 453 об. Киеве Игорь Рюрикович, и княжил на Киеве лет 33, а всех лет живота его 82. И по нем сяде на Киеве сын его Святослав, // а остался после отца своего двою лет с матерью своею Олгою, а княжил 28 лет, а всех лет живота его 30. А остались по нем три сыны его: первый

---

[1] *В рукописи далее зачеркнуто:* Роман.
[2] *Так в рукописи.*
[3] *Так в рукописи.*
[4] *Так в рукописи.*
[5] *Так в рукописи.*

Ярополк, князь великы, на Киеве бе 8 лет, а Ярополка, великого князя, уби брат его Володимер, и жену его поя за собя в лето 6488, и сяде на Киеве на великом княжении, и крести всю землю Русскую в лето 6498.

А у Володимера было 12 сынов. И по Володимере на Киеве сяде князь велики сын его Святополк, и уби дву братов своих Бориса
л. 454 и Глеба. // А на него воста ратью брат его из Новагорода Ярослав, и прогна его, и скончась межи чехов и ляхов, а на Киеве сяде Ярослав. А Ярославли дети: Володимер, иже в Новегороде княжил и постави в Новегороде великую Софию, а другой сын Изяслав, а третьи сын Святослав, от того пошли черниговские князи; а четвертой сын Всеволод, Маномахов отец, на Переславле посажен на Полском, от него же пошли московские князи. А княжил Ярослав на Киеве 35 [6]. И по нем сяде на Киеве сын другой Изяслав, а болшей сын его Воло-
л. 454 об. димер // преставися на Новегороде. И по Изяславе Святослав, брат его, седел на Киеве 4 лета. А Святославли сынове: перьвый Глеб, седел на Новегороде на Великом и убиен бысь на войне в Заволочии, второй Олег. Ольгов сын Святослав, Святославль сын Всеволод, Всеволожь сын Михайло, князь велики черниговскый, а на Киеве седел на великом княжении и на Новегороде на Великом. Михайловы сынове: Ростислав, седел на Новегороде на Великом, от сего род не по-
л. 455 шол, другой сын Роман, князь великы черни//вской [7], третей сын Мьстислав Корачевской и Звенигородцкой, четвертой сын Семен Глуховской и Новосилской, пятой сын князь Юрьи Торусской.

Князь велики Михайло Черниговский, великомученик Христов, его ж убил за веру Христову нечестивый царь Батый и боярина его Феодора в лето 6757. И по нем сяде на Чернигове на великом княжение сын его Роман, а Мстислав в Карачеве и в Звенигороде, а Семен в Глухове и в Новосили, а Юрьи в Торусе.

л. 455 об. А у князя у Мьстислава у Карачевскаго 2 сына: Тит Карачевской // да Ондреян Звенигородцкий. А у Тита 2 сына: Святослав, Олгирдов зять, да князь Иван Козелский.

А у князя Андреяна у Звенигоротцкаго дети: князь Федор да князь Иван. А у князя у Федора един сын князь Александр. А у князя Александра дети: князь Глеб да князь Феодор Котлечей, бездетен, да князь Иван, да князь Евлах, бездетен. А у князя у Глеба дети: князь Василей да князь Иван, да князь Феодор. А у князя у Василья у Глебовича дети: князь Иван Рюма да Петр да Семен да Данило,
л. 456 бездетен, да князь Василей // Нечика [8], бездетен. А у князя у Ивана у Глебовича дети: князь Иван Бараш да князь Михайло. А у князя у Феодора у Глебовича дети: Дмитрей да Богдан, бездетен.

А у князя у Ивана у Александровича, у внука у княж Федорова, дети: князь Иван Звенец да князь Василей Ноздроватой. А у князя у Ивана у Звенца один сын бездетен князь [9] Ондрей [9]. А у князя у Василья у Ноздреватого дети: князь Иван Токмак да князь Петр.

Род Глуховских и Новосилских.

А у князя у Семена Михайловича Глуховского и Новосилского сын князь Роман Новосилский. А у князя у Романа дети: князь Ва-
л. 456 об. силей да князь Лев, да князь Юрьи // Новосилский, да князь Михайло Белевский.

А у князя у Юрья у Новосилскаго дети: князь Иван да Василей, бездетен, убит на Ошмане в Литве, да князь Феодор, да князь Семен. А у князя Ивана у Юрьевича дети: князь Михайло да князь Феодор, оба бездетны. А у князя у Феодора у Юрьевича дети: князь Михайло

---

[6] *Можно прочитать и как* лет.
[7] *Так в рукописи.*
[8] *Так в рукописи.*
[9–9] *Приписано на полях другим почерком.*

да князь Дмитрей, бездетны. А у князя у Михаила у Федоровича один сын князь Иван Воротынский да [10] князь Семен [10].

А у князя у Семена у Юрьевича дети: князь Иван Одоевьской да князь Василей Шпих, да князь Петр, бездетен. А у князя у Ивана
л. 457 у Семеновича дети [11]: // князь Федор да Михайло, да Федор, да Роман. А у князя у Василья у Шпиха сын князь Семен.

А у князя у Михаила у Романовича у Белевскаго дети: князь Василей да князь Федор, убит на Кщеневе, бездетен. А у князя у Василья дети: Иван, Андрей, бездетен, Василей, бездетен. А у князя у Ивана у Васильевича дети: Семен, Иван.

Род Торуских и Оболенских князей.

Великого князя Михаила Черниговскаго сын Юрьи Тарусский и Оболенский. А у Костянтина Иван Торусский. А у Ивана Костянтин же Оболенский, его ж убил Олгирд в Оболенсце, егда к Москве приходил безвестно, в лето 6876. //

л. 457 об. А у Костянтина Оболенскаго 2 сына: Иван, Андрей. А у князя Ивана Костянтиновича шесть сынов: Микита, Василей, Михайло, Семен, Володимер, Глеб, бездетен. А у князя у Микиты Ивановича дети: Василей, Ондрей Ноготь, Иван Смола, Петр, Данило Собака. А у князя Василия у Микитича дети: князь Иван Шкурля да князь Михайло, да князь Микита. А у другово сына у княж Микитина Ивановича у князя у Ондрея у Ногтя один сын князь Василей. А князь Иван Смола да князь Петр, да князь Данило Собака Микитичи все три бездетны. //

л. 458 А у другова сына у княж Иванова Костянтиновича у князя Василья дети: князь Иван Стрига да князь Александр, да князь Ярослав, да князь Петр Нагой, князь Василей Телепень, да князь Федор Телепень же.

А княж Ивановы дети Стригины: Васьян, владыка тферской, да князь Иван Слых, да князь Федор Гагин, да князь Иван Щетина, да князь Василей Шиха, да князь Александр.

А у другово сына княж Васильева у Ивановича у князя у Александра один сын Варлаам, у Троицы.

А у князя Ярослава один сын бездетен, князь Костянтин.

л. 458 об. А у князя у Петра у Васильевича у Нагово // дети: князь Ондрей Лапа да князь Василей.

А у князя у Василья у Телепня дети: князь Иван Нагой да князь Федор Лопата, да князь Василей, да князь Федор Овчина.

А у князя Федора ж у Телепня: князь Борис да князь Иван Овчина.

А у третьево сына у княж Иванова Костянтиновича у князя Михаила пять сынов: князь Ондрей Дурной, бездетен, да Осаф, владыка ростовской, бездетен, Борис Туреня, Иван Репня, Ондрей Пенинской. А у князя у Бориса у Турены дети: Василей, Володимер, Федор, Иван,
л. 459 Микита. А княж Ивановы дети Репнины: князь Василей // в чернъцах да князь Василей ж Меншой. А у князя у Ондрея у Пенинского князь Иван да два князя Юрья.

А у четвертого сына у княж Иванова у Костянтиновича у князя у Семена дети: князь Костянтин да князь Дмитрей Щепа. А княж Костянтиновы дети Семеновы: князь Василей Краса да князь Иван Глупой, да князь Василей Горинской, да князь Михайло, да князь Юрьи, да князь Дмитрей Куличка, да князь Борис, да князь Дмитрей Королек, Петр, Василей Белой. А княж Дмитреевы дети Щепины:
л. 459 об. князь Иван Золотой, князь Семен Серебряной, // князь Данило, Микита да Борис, да Цыгорь, Федор Шовырь, Дмитрей.

[10–10] *Написано на поле со знаком вставки.*

[11] *На нижнем поле:* А у князя у Ивана у Михайловича дети: князь Володимер да князь Михайло, да князь; *возможно, дальше срезано, так как слово* князь (Володимер.— *М. В.*), *стоящее в начале строки, повреждено.*

А у пятаго сына у княж Иванова Костянтиновича у князя у Володимера: князь Иван Лыко, князь Василей Каша. А княж Ивановы дети Лыковы: князь Василей. А княж Васильевы дети Кашины: князь Иван Глухой да князь Александр, да князь Иван Скок, да князь Иван жо Меншой.

А шестой сын княж Иванов Костянтиновича Глеб бездетен, убил его князь Дмитрей Шемяка на Устюзе.

А у другово сына у княж Костянтинова у Ивановича у князя
л. 452 Ондрея были 3 сына: // князь Иван Долгорукой да князь Василей Щербатой, да князь Александро Тростенской. А княж Иванов сын Долгорукаго князь Володимер. А княж Володимеровы дети Долгоруково: Семен, Федор, Тимофей, Федор, бездетен, Микита, бездетен, Александро, бездетен, Михайло. А у князя у Семена дети: Ондрей, Юрьи. А у князя у Федора дети: Михайло, Микита. А у князя у Тимофея дети: Иван да Роман, да Семейка. А у князя у Михаила дети: Василей.

л. 452 об. А у князя у Василея у Ондреевича // у Щербатово дети: Василей. А у князя Василья у Васильевича сын князь Василей. А у князя Василья у Васильевича дети: Иван, Михайло, Александро, Василей, Григорей, Селивестр.

А княж Олександровы Андреевича Тростенского дети: Тимофей, Ондрей Голодной, Иван Колышевьской. А Тимофеевы Александровича дети: князь Петр, князь Федор, Иосиф, Василей, Иван. А княж
л. 84 Андреевы дети Голодново: Федор, Иван, Тимо//фей. А княж Ивановы дети Колышевьскаго: один сын князь Иван.

ГБЛ, ф. 113, д. 661, л. 364—366 об., 453—458 об., 84.

Глава III

Формирование боярской прослойки при московском дворе в конце XV — начале XVI в.

Формирование боярской прослойки при московском дворе уходит корнями в далекое прошлое — период образования Московского княжества и времена феодальной раздробленности. В родословных книгах 40-х годов XVI в. это отразилось в родословных легендах семей старомосковского боярства, чьи представители постоянно входили в состав Боярской думы (Воронцовы, Морозовы, Челяднины и др.). Авторы родословий называют родоначальниками лиц, пришедших в Москву с Юрием Долгоруким (Воронцовы и их сородичи), или дружинников великого князя Александра Невского, от которого вели свое происхождение московские великие князья (Морозовы, Челяднины, Кутузовы и др.). На самом деле процесс образования боярской верхушки не был таким простым и прямолинейным.

История московских боярских родов XIV—XV вв. тщательно изучена С. Б. Веселовским [1]. Его конкретные наблюдения о составе таких семей и деятельности отдельных лиц дают возможность другим историкам делать обобщающие выводы о формировании боярской прослойки в Москве. Исследуя события феодальной войны 40—60-х годов XV в., А. А. Зимин как один из факторов победы московского князя Василия отметил уже существовавшую стабильность боярской верхушки Московского княжества, предки которой начали свою службу еще при Иване Калите. Потомки московских бояр XIV в., прочно осевшие в своих вотчинах на территории Московского княжества, по мнению Зимина, были социальной основой, которая поддерживала великого князя Василия Васильевича и помогла ему вернуть престол [2].

Вопросы формирования феодальной элиты в Московском княжестве XIV—XV вв. занимают большое место в трудах американских историков. Фактическую базу их работ в основном составляют известия, приведенные Веселовским и Зиминым. Н. Шэлдс Колман проследила историю московского боярства XIV — начала XV в., показала его стабильность, тесные родственные связи между различными семьями бояр и такие же связи с правящим домом. Автор полагает, что основной состав

[1] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

[2] *Зимин А. А.* В борьбе за Москву (вторая четверть XV в.).— Вопр. истории, 1982, № 12, с. 87—89.

московских боярских семей сложился к первому десятилетию XIV в., а в дальнейшем до начала XV в. новые роды присоединялись к московской элите [3]. Причем, по мнению Шэлдс Колман, эти новые роды не имели стабильного положения в боярской среде, как семьи, обосновавшиеся в Москве к XIV в.[4] Однако, как показал еще Веселовский, в XIV в. при московском дворе появлялись семьи, экономически не менее могущественные и игравшие не меньшую политическую роль, чем те, кто начал службу здесь ранее. Автор окончила свою работу первым десятилетием XV в., в то время как решающую роль в дальнейшем формировании старомосковского боярства сыграли события феодальной войны 40—60-х годов XV в. Кроме того, политический фактор имел большое значение в жизни боярских семей. Их экономическое благосостояние и политический вес во многом зависели от занимаемых должностей, а эти назначения регулировались великим князем в связи с главными направлениями проводимой политики.

Основными работами, раскрывающими состав боярства великих и удельных княжеств XV — первой трети XVI в., остаются работы Зимина. Они исключительно интересны не только тем, что дают большой фактический материал о составе княжеских дворов, но и тем, что позволяют сделать ряд общих выводов. Очевидно, не существовало четкого разграничения между семьями, служившими великим и удельным князьям. Скорее речь идет о том, что одни сородичи служили при великокняжеском дворе, а другие — при удельном. И даже это положение не было стабильным: в какой-то момент лица, служившие при великом князе, уходили в удел, и наоборот.

В конце XV в., когда высшая боярская прослойка объединенных великих княжеств стремилась укрепить свое положение при московском дворе и на процесс образования класса феодалов единого Русского государства активно влияли образование нового аппарата управления, создание единой системы вооруженных сил, генеалогический момент, именно родственная связь феодалов присоединенных княжеств с лицами, издавна служившими в Москве, прошлая служба московским князьям приобретали большое значение.

В этой связи интересно обратиться к кругу источников, которые уже давно привлекали внимание исследователей. Речь идет о цикле генеалогических записей, известных в литературе под названием «местнические памяти». Под ними подразумеваются так называемая «память» Геннадия Бутурлина (самоназвание источника) о боярских местах XV в. и списки бояр, подписавшихся под духовными московских великих князей, которые поме-

[3] *Shields Kollmann N.* The boyar clan and court politics the founding of the muscovite political system.— Cahiers du monde russe et soviétique, 1982, vol. 23, cahier 1, p. 8—9.

[4] Ibid.

щаются в некоторых летописных и разрядно-родословных сборниках. Впервые их опубликовал еще М. П. Погодин [5].

Подробный анализ этих документов дал Веселовский, который связывал их происхождение с ранней историей местничества; некоторые документы он опубликовал [6]. Веселовский впервые обратил внимание на тесную связь между именами бояр, упомянутыми в «памяти» Геннадия Бутурлина, и подписями бояр-послухов под первой духовной великого князя московского Василия Дмитриевича, а также на тот факт, что «память» и списки бояр-послухов во многих сборниках XVII—XVIII вв. помещены вместе. Веселовский предположил, что «память» — документ, в котором «Г. Бутурлин и М. Плещеев заимствовали свою аргументацию из списка лиц, подписавшихся на духовной». Веселовский давал очень высокую оценку родословным материалам, помещенным вместе с Типографской летописью, среди которых находятся «память» и списки бояр-послухов. Он писал, что эти материалы производят «впечатление не приведенных в систему родословных заметок какого-то родовитого человека», составленных во второй половине или конце XV в.[7] Автор считал, что «память» Геннадия Бутурлина и впервые опубликованная им «память» Федора Ивановича Сабура являются подлинными материалами из местнических дел XV—XVI вв., которые не дошли до нас целиком [8], и достоверным генеалогическим источником.

Позднее эти памятники проанализировал Зимин. Как и Веселовский, он пришел к выводу, что «память» Геннадия Бутурлина опирается на список бояр-послухов из первой духовной великого князя московского Василия Дмитриевича (1406 г.) [9]. Зимин привлек новые списки «местнических памятей», указал на связь между отдельными документами. Для работы Зимина характерно, что он рассмотрел документы в их взаимосвязи и назвал очень важный момент, который не привлекал внимания предшествующих исследователей. Геннадий Бутурлин, чье имя неоднократно встречается в «местнических памятях», был иноком Троице-Сергиева монастыря. В том же монастыре была составлена и Типографская летопись, вместе с которой помещен цикл родословных документов конца XV в.

Поскольку Зимин изучал эти документы в связи с другими материалами по истории местничества, его выводы относятся в основном к истокам местнической борьбы XVI в. Ценно наблюдение автора о том, что «памяти» «не являются следствием местнических споров XV в. ... а записями местнических отношений

---

[5] *Погодин М.* Свидетельства о местничестве задолго до Иоанна III, при великом князе московском Василии Дмитриевиче и Дмитрии Донском.— Москвитянин, М., 1843, ч. I, № 1.

[6] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 21—26.

[7] Там же, с. 23, 12. И. Шэлдс Колман относит их составление к 90-м годам XV в. (*Shields Kollmann N.* Op. cit., p. 9).

[8] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 25—26.

[9] *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в.— В кн.: АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 112.

по памяти, если не плодом генеалогических размышлений»[10]. Важен также вывод, что в исследованных источниках практически записаны не княжата, а только представители старомосковского боярства.

Очевидно, «местнические памяти» можно считать документами, регулирующими служебные отношения между семьями старомосковского боярства, подобно тому как первые родословия Гедиминовичей и черниговских Рюриковичей регулировали генеалогические связи между отдельными княжескими семьями. Зимин указал, что «изучать все эти документы („местнические памяти".— *М. Б.*) можно только в тесной связи с судьбой тех родословных и разрядных книг, в которых они помещаются»[11]. Добавим к этому, что изучать их надо не отдельно, а в контексте с окружающими документами.

«Местнические памяти» встречаются в 15 списках родословных книг Летописной, Румянцевской, Патриаршей, Разрядной редакций и одном историческом сборнике[12], а также в Типографской летописи.

Во всех редакциях родословных книг, кроме Разрядной, «памяти» представляют родословные материалы, самостоятельно включенные в состав сборников. В Разрядной редакции они оформлены как глава родословной с заголовком «Места боярские»[13], которая является индивидуальной обработкой двух местнических памятей из родословных Патриаршей редакции (о выезде князя Юрия Патрикиевича и документа «Бояре сидели»).

Четыре списка (Румянцевский II, Архивский VI, Уваровский VIII и П. Хераскова) содержат три «памяти» («Федор Сабур больши был», Петра Константиновича и Геннадия Бутурлина), списки бояр-послухов из духовных трех великих московских князей (Дмитрия Ивановича, Василия Дмитриевича, Василия Васильевича) и запись об обмене боярами между великим князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном (табл. 1). Все списки родословных книг относятся к одному и тому же изводу Патриаршей редакции родословных книг, из них Румянцевский II, Архивский VI и Уваровский VIII — к общему протографу.

Этот же комплекс документов есть в Типографской летописи, Академическом X, Архивском XI и списке Денисова родословных книг[14], здесь нет списков бояр-послухов, но появляются новые материалы.

---

[10] Там же, с. 113, 114.

[11] Там же, с. 114.

[12] ГБЛ, ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцева), д. 252. См.: *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 66—70.

[13] Списки родословных Архивский X, Библиотечный XII, Археологический, Щербатовский, Лихачевский III. Здесь и далее рукописи сохраняют название, данное в книге: *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв.

[14] ЦГАДА, ф. 196 (Собр. Ф. Ф. Мазурина), д. 240. У А. А. Зимина рукопись названа Мазуринской по названию фонда, в котором она хранится.

Расположение статей местнических памятей

Местнические памяти	Рум. II	Арх. VI	Петра Хераскова
«А се род Всеволож...»	–	–	–
«А у Андрея у Акинфиевича...»	–	–	–
«А се род Морозов...»	–	–	–
«А се род Костентина Дмитриевича...»	–	–	–
«А се род Володимера Даниловича...»	–	–	–
«А се род Дмитрея Васильевича...»	–	–	–
«Марья Микулина жена...»	–	–	–
«А у Костянтина Ивановича...»	–	–	–
«Андреева дети Ивановича...»	–	–	–
«У Константина Дмитриевича Шея...»	–	–	–
«Память, Федор Сабур болши был...»	268 об.	163	116
«Память Петра Константиновича»	269	163	116 об.
«Память Генадия Бутурлина»	269 об.	164	116 об.
«В духовной великого князя Дмитрия Ивановича писаны бояре...»	269 об.	164	117
«В духовной великого князя Василия Дмитриевича писаны бояре...»	269 об.	165	117
«В духовной великого князя Василия Васильевича писаны бояре...»	270	165	117
«Сменил князь великий...»	270	165	117
«Бояре сидели...»	–	–	–
«Господину Федору Давыдовичу...»	–	–	–
«Память Федора Ивановича»	–	–	–

К Архивскому XI (Патриаршая редакция родословных) близок Уидольский II (Разрядная редакция), единственный список этой редакции, где есть все материалы, а не глава «Места боярские».

Как видно из табл. 1, наиболее полный текст местнических памятей находится в Академическом X списке, составленном в 60-е годы XVI в.[15] «Памяти» помещены в нем вслед за родословцем, некоторые из них дублируются. К Академическому X близки статьи Типографской летописи и списка Денисова, при этом в последней рукописи есть «память» Федора Ивановича Сабура, о которой подробно писал Зимин, отмечая, что один из описанных в ней эпизодов (с кикой) явно легендарен[16]. Возможно, что «память» Федора Сабура была в протографе всех списков, так как везде, кроме Академического X, статья «Господину Федору Давыдовичу» оканчивается первой фразой «памяти»

[15] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. ..., с. 36—37.
[16] *Зимин А. А.* Источники по истории местничества..., с. 113—114.

Таблица 1

Ув. VIII	Типогр.	Ак. X	Денис.	Унд. II	Арх. XI
–	230	322 об.	–	–	–
–	231	325	–	–	–
–	231	326	–	–	–
–	231	326 об.	–	–	–
–	231	327	–	–	–
–	231	327 об.	112 об.	156 об.	72 об.
–	232	327 об.	112 об.	156 об.	73
–	232	328 об.	113	157	73
–	232	329	113 об.	157	73
–	232	329 об.	113 об.	157 об.	74
157	–	330, 355 об.	116	–	–
157	232	330, 355 об.	114	159	74
157 об.	232	330 об., 355 об.	114	157 об.	74
158	232	330 об., 356	–	–	74 об.
158	232	331, 356	–	–	–
158	232	331, 356 об.	–	–	–
158	233	346 об.	114 об.	–	–
–	–	347	114 об.	157 об.	–
–	–	347 об.	115	158	–
–	–	–	116	158 об.	–

Федора Сабура. В списке Денисова эта фраза написана дважды.

Очевидно, более позднюю переделку текстов этих трех списков представляют Ундольский II и Архивский XI, которые начинаются с той же статьи, что и список Денисова, но содержат меньшее количество документов.

Самостоятельны тексты четырех названных выше списков Патриаршей редакции родословных книг; каждый из них содержит семь одинаковых статей. Составление протографа этого извода родословных книг относится к 60-м годам XVI в., когда был составлен Академический X список, а наиболее ранняя из четырех рукописей (Румянцевская II) относится к концу XVI в.

Для остальных списков родословных книг следует отметить, что в Воскресенском I (рукопись 60-х годов XVI в.) есть статья «Память Петра Константиновича».

Тексты «памятей» Румянцевского II (конец XVI в.) и Архивского VI (XVIII в.) списков, как и сами родословцы, независимо восходят к общему протографу. В них одинаковый состав и расположение записей. В частности, «память» Геннадия Бутурлина

здесь помещена после «памяти» Петра Константиновича, тогда как в остальных рукописях она идет перед ней. Отсутствие двух пропусков Румянцевского II в Архивском VI говорит о независимом друг от друга происхождении. В то же время в последней статье «Сменил князь великий» в них одинаково испорчено отчество Данила Фофановича — «Фожянович» [17], хотя ниже есть такое же отчество — «Степан Фофанович», написанное правильно. И первая фраза статьи отличается от остальных списков (Типографский, список Денисова, Академический), где записано: «А менил дед мої».

Если сравнить пять общих текстов списков Румянцевского II и Архивского VI со списком Денисова, Типографской летописью и Академическим X (в последних трех отсутствует «Паметь, Федор Сабур больши был»), то кроме указанной выше перестановки местами статей и измененного начала одной из них в рукописях есть еще ряд особенностей, позволяющих говорить об общем протографе. Текст их ближе к Архивскому VI, в нем нет пропуска Румянцевского II. В «памяти» Петра Константиновича во всех трех списках опущены слова «Под Анною и», а также «жена» перед словом «Морозова». «Память» Геннадия Бутурлина одинакова для всех списков, только в Академическом X испорчен текст (вместо «Кошкина Голтяя» в нем «Кошки Нохтя»).

В списке бояр из духовной великого князя московского Дмитрия Ивановича каждая рукопись имеет индивидуальные особенности, которые взаимосвязаны. В Румянцевском II отчество Тимофея Васильевича написано по смытому тексту, в Академическом X вместо этого имени и отчества испорченный текст: «Тимофеевиыя». Пропуск Румянцевского II, о котором говорилось выше, индивидуален, но три дальнейших имени в статье (Александр Андреевич, Федор Андреевич и Иван Федорович) испорчены во всех списках. В списке Денисова их нет; в Академическом X первое имя и отчество читается как «Александрович»; после имени «Федор Андреевич» в Академическом X и Типографской читается «Федор Андреевич же». Действительно, в последнем общем тексте «Сменил князь великий» мы встречаем двух Федоров Андреевичей.

Список бояр из духовной великого князя московского Василия Дмитриевича одинаков во всех пяти списках, лишь в списке Денисова пропущены Михаил Андреевич и Иван Федорович.

В пятом общем тексте Академический X список обнаруживает ряд черт, приближающих его к Румянцевскому II и Архивскому

---

[17] В тексте «памяти» Федора Сабура Румянцевского II списка пропущены слова «Добрынской, под Ондреем был Борис Константинович». В списке бояр из духовной великого князя московского Дмитрия Ивановича нет слов «Родионович, Семен Васильевич, Иван». В списке Академическом X здесь текст испорчен («Родионович, Семенович, Иван»). В остальных списках, как в Архивском VI. Отчество написано неправильно еще в Академическом X; Типографская летопись и список Денисова — «Фофаповым».

VI. Первая фраза в нем — «Сменил дед мой князь великий» (Румянцевский II, Архивский VI — «Сменил князь великий»; Типографский и список Денисова — «А менил дед мой князь»; в них же текст — «с своим отцом с», в остальных трех списках — «с отцом своим»). Далее в Румянцевском II и Архивском VI — «митрополит менил с великим князем», Типографская и список Денисова — «менил с моим дедом с великим князем», Академический X — «менил своими боярами с великим князем». В списке Денисова имя Ослебятя переделано на «Ослебятевичем»; о разночтениях во всех списках отчества Данила Фофановича мы писали выше.

Судя по тому, как испорчен текст, в протографе списка Денисова «память» Геннадия Бутурлина шла перед «памятью» Петра Константиновича. Список Ундольский здесь сохраняет индивидуальные особенности в прозвищах.

Текст списка Денисова совпадает почти полностью с родословными статьями Типографской летописи[18], где перед общими для обеих рукописей росписями помещены княжеские родословия, а также начала росписей Кобылиных, Морозовых, Сабуровых, Годуновых и Владимира Даниловича Красного.

Сходство Академического X и Типографской летописи начинается раньше, с родословия Всеволож Заболоцких, и продолжено дальше; списки бояр-послухов из духовных великих князей московских находятся среди памятей, а в списке Денисова они помещены в другом месте.

Возможно, что сокращение ряда статей, и среди них в первую очередь родословных, связано с тем, что «памяти» дошли в составе родословных книг, с появлением которых нужда в записях о происхождении отдельных боярских родов отпала; все сведения о родоначальниках есть в легендах соответствующих глав. А глава «Род Владимира Даниловича» перешла в родословцы из этого комплекса документов.

Состав лиц, записанных в «памятях», тесно связан с составом сопутствующих им родословных статей.

Как уже отмечалось, «память» Геннадия Бутурлина повторяет список бояр из первой духовной великого князя московского Василия Дмитриевича (1406 г.) и не имеет иных источников[19]. Список бояр этой духовной приведен среди памятей в статье «В духовной великого князя Василия Дмитриевича бояре». По сравнению со списком послухов в ней отсутствуют бояре Дмитрий Афинеевич и Иван Федорович Кошкин; по предположению Веселовского, который идентифицировал Дмитрия Афинеевича с Дмитрием Васильевичем «памяти», это был боярин митрополита Киприана. Он последний представитель своего рода, выдающийся боярин своего времени; его дочери были замужем за крупней-

[18] ПСРЛ. Пг., 1921, т. 24, с. 231—232.
[19] *Зимин А. А.* Источники по истории местничества..., с. 112.

ними боярами XIV в. В XVI в. роспись этого рода помещена в родословцах под названием «Род Дмитрия Васильевича»[20].

Список бояр-послухов духовной великого князя Дмитрия Ивановича совпадает со списком послухов грамоты 1389 г.[21] Список бояр духовной великого князя московского Василия Васильевича со списком послухов грамоты 1462 г. не совпадает. Такое сравнение позволяет сделать предположение относительно самих духовных; очевидно, официальными списками в XV в. считались те, послухи из которых приведены среди местнических памятей.

Другая «память» («Федор Сабур больши был») была использована для двух документов: среди родословных заметок для статьи «Бояре сидели» и главы в родословцах Разрядной редакции «Места боярские». В общности происхождения этих документов убеждает не только совпадение всех имен, но и их одинаковое расположение во всех трех «памятях» (табл. 2). По составу записанных лиц она отличается от «памяти» Геннадия Бутурлина; здесь записаны дети бояр Василия Дмитриевича, политические деятели первой половины XV в.

Следует подчеркнуть, что в этих документах записаны отнюдь не все бояре московских князей; многие из них, особенно из княжеских родов, в списки не попали[22]. Возможно, сами документы составлены в интересах определенных семей. В частности, удивляет отсутствие в «памяти» имени Михаила Андреевича Бутурлина, от которого пошли Челяднины. Имя Михаила Андреевича есть на второй и третьей духовных Василия Дмитриевича, т. е. он упоминается среди бояр уже в 1407 г.[23]

Еще один документ, связанный с именем Геннадия Бутурлина («Господину Федору Давыдовичу Генадей, господине, Бутурлин челом бьет...»), дает несколько иной состав бояр. В нем появляется большая группа потомков Андрея Ивановича Кобылы, вместо Ивана Дмитриевича Всеволожского — представители другой ветви этого рода, Заболоцкие.

Зимин отметил, что документы Геннадия Бутурлина сводятся к установлению «местнических отношений между Бутурлиными, Колычевыми, Заболоцкими, Морозовыми и Сабуровыми»[24].

Состав московского боярства XIV—XV вв. подробно исследован Веселовским. В настоящее время проведенный им анализ лиц, скрепивших своими подписями духовные великих князей московских, исследования родословных легенд о выездах предков бояр XVI в. на службу в Москву дают прочную базу для дальнейших работ[25]. Опираясь на хронологию, предложенную Веселовским, который блестяще показал, как различные поли-

---

[20] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 433.

[21] ДиДГ. М.; Л., 1950, с. 36—37.

[22] См. подробнее: *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв.— В кн.: АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 44—46.

[23] ДиДГ, с. 57, 59, 62.

[24] *Зимин А. А.* Источники по истории местничества..., с. 113.

[25] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 465—519.

Таблица 2

Список бояр в разных редакциях родословных книг

«Память» (Румянцевский II)	«Места боярские» (Разрядная редакция)	«Бояре сидели» (список Денисова)
	Борис Данилович	Борис Данилович
Федор Сабур		Федор Сабуров
Никита Иванович Воронцов	Никита Иванович Воронцов	Никита Иванович Воронцов
Василий Дмитриевич Минин	Василий Дмитриевич Минин	Василий Дмитриевич Минин
Стефан Дмитриевич	Стефан Дмитриевич	Стефан Дмитриевич
Борис Михайлович Крюков	Борис Михайлович Крюков	Борис Михайлович Крюков
Иван Михайлович	Иван Михайлович	Иван Михайлович
Семен Иванович Трава	Семен Иванович Трава	Семен Иванович Трава
Василий Иванович	Василий Иванович Собакин	Василий Иванович Собакин
Андрей Константинович Добрынский	Андрей Константинович Добрынский	Андрей Константинович Добрынский
Борис Константинович Лыков	Борис Константинович Лыков	Борис Константинович Лыков
Данило Иванович Сабуров		Данило Иванович Сабуров
Роман Александрович Остеев Безногой	Роман Александрович Безногой	Роман Александрович Безносой
Тимофей Александрович	Тимофей Александрович	Тимофей Александрович

тические события вели к возвышению отдельных боярских родов при московском великокняжеском дворе, можно все три документа из числа «памятей» соотнести с определенными этапами истории XV — начала XVI в.

Наиболее ранний документ — «память» Геннадия Бутурлина — дает бояр первого десятилетия XV в. Среди послухов грамоты 1406 г., как и грамот 1407 и 1423 гг., записан Иван Дмитриевич, в котором исследователи не без оснований видят одного из крупнейших деятелей первой половины XV в.— Всеволожского. Ундольский II список дает здесь прозвище Ивана Дмитриевича — Зернов; это брат помещенного перед ним в «памяти» Константина Шеи. Очевидно, перед нами более позднее осмысление памяти, усиливающее роль Сабуровых (Федор Иванович Сабур — сын Ивана Дмитриевича Зернова). Веселовский допускал, что Иван Дмитриевич «памяти» — Зернов [26].

Потомки московских бояр Ивана Дмитриевича, Владимира Даниловича, *Дмитрия Васильевича в XVI в. уже не играли роли*

[26] Там же, с. 168—169. Внучка Константина Шеи Соломония Сабурова стала в 1505 г. женой великого князя Василия Ивановича.

не только в Боярской думе, но и в высших слоях Государева двора.

Другие лица *«памяти» — это предок Сабуровых, Бутурлиных* и князь Юрий Патрикиевич, чьи потомки всегда занимали высшие должности при дворе.

В «памяти» Федора Сабура после тысяцкого Никиты Ивановича Воронцова записаны два представителя Сабуровых (сам Федор Иванович и Данило Иванович), племянники Константина Шеи, четыре представителя семьи Фоминских, два Белеутовых (Роман и Тимофей Александровичи), однородцы Бутурлиных, потомки Дмитрия Мины.

Потомки записанных здесь Фоминских еще в XV в. сошли с политической арены, Белеутовы перестали играть ведущую роль после феодальной войны, потомки Дмитрия Мины в XV в. также измельчали. Практически первые Сабуровы и однородцы Бутурлиных здесь выступают рядом с Воронцовыми, которые в XVI в., как и раньше, играли ведущую роль в государственной жизни.

Оба документа подчеркивают роль Бутурлиных и Сабуровых в среде старомосковского двора. Возможно, это связано с их родством: сын Федора Сабура называет Геннадия Бутурлина своим дядей [27]. Характерно, что нигде рядом с Бутурлиными и Сабуровыми не записаны Морозовы, чья деятельность была неизменно активной и в XIV, и в XVI вв., Плещеевы, чье возвышение началось примерно одновременно с Сабуровыми, Кваштнины. Это позволяет говорить о тенденциозности обоих документов.

Родословные статьи, которые в ряде рукописей сопровождают эти «памяти» и списки бояр-послухов, также называют предков московских бояр XV в.: это «род Дмитрея Васильевича», Воронцовых, Белеутовых, Бутурлиных, Свибловых. Только Академический X прибавляет к перечню первых Фоминских.

Можно предположить, что такой комплекс документов оформился около 1506—1507 гг. В 1505 г. окольничими были Григорий и Петр Федоровичи Давыдовы, из них Григорий Федорович в 1507 г. становится боярином. Как отметил Зимин, это был один из первых случаев получения окольничим боярства [28]. Давыдовы были ближайшими родственниками Бутурлиных, которые при Иване III вышли из Думы [29], лишь в 1514 г. А. Н. Бутурлин становится окольничим [30].

В 1506 г. стал боярином Юрий Константинович Сабуров, тесть великого князя Василия III. С 1485 г. в Думе не было ни одного Сабурова [31].

---

[27] Там же, с. 188.
[28] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы..., с. 48.
[29] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 74.
[30] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы..., с. 51.
[31] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 189—190

Веселовский относил создание круга дополнительных статей Типографской летописи к концу XV в. Раннее их формирование может подтверждаться тем, что полный комплекс статей находится уже в рукописи 60-х годов XVI в. Очевидно, эти документы, а в особенности начала родословных росписей и заметки о родстве между отдельными родами, использовались для установления родства и старшинства между боярскими родами и подтверждали их происхождение от бояр Дмитрия Донского, его сына и внука.

Ограничение круга семей, помещенных в «памятях», лишь теми, которые, как уже отмечалось, играли ведущую роль в конце XIV — первой половине XV в. (фактически до окончания феодальной войны), а к моменту создания документов или угасли, или утратили свое значение, служило не только тому, чтобы подчеркнуть древность службы предков Бутурлиных и Сабуровых, но и тому, чтобы выделить их среди других московских бояр. При московском дворе, в Боярской думе в это время были лица, чьи предки начали служить раньше предков Сабуровых.

Очевидно, «местнические памяти» показывают, как в начале XVI в. менялось реальное значение различных боярских семей в политической жизни Русского государства, отражают определенный этап установления старшинства между родами старомосковского боярства.

Формирование верхушки боярской среды прослеживается и на истории городских феодальных усадеб.

Вопрос о жизни феодала в средневековом городе представляется еще мало изученным. Исключение составляют лишь работы В. Л. Янина, в которых большое место отведено роли новгородского боярства в политической и экономической жизни Новгорода и Новгородской республики. История Новгорода стоит особняком и потому, что работы Новгородской археологической экспедиции дают великолепный материал, позволяющий представить жизнь города во всей ее многогранности. Для других городов такого обилия сведений нет.

В настоящей работе речь пойдет о городах и феодалах Северо-Восточной Руси, но следует сразу сказать, что разработанность истории Новгорода во многом облегчает поставленную задачу. При всех особенностях новгородской истории она отражает жизнь русского феодального города и, очевидно, черты, общие для истории городов Русского государства, хотя в действительности такие черты могли выступать в различных сочетаниях и соотношении.

Начиная с 20-х годов XV в. в докончальных грамотах русских князей появляются статьи, позволяющие проследить юридическое положение феодалов в городе. Примерно с этого же времени по духовным князей и феодалов уже можно достаточно точно локализовать их дворы. В последнем вопросе специфика источников вынуждает остановиться преимущественно на земельных владениях в Москве.

Город на Руси принадлежал князю — великому или удельному, на земле которого он находился. С образованием единого Русского государства города переходили в руки московских великих князей. Здесь выделяется положение Москвы. Еще по духовной князя Ивана Калиты три его сына выступали как совладельцы Москвы («приказываю сыном своим очину свою Москву»), она не вошла в индивидуальное владение ни одного брата [32]. Такая традиция сохранялась и дальше [33]. В исторической литературе до сих пор ведется спор, означало ли это реальное деление Москвы на части или просто участие удельных князей в доходах с московского суда, мыта и тамги.

Никакие участки города, которые принадлежали бы в Москве удельным князьям, нам неизвестны. В то же время в духовной грамоте боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича (около 1401—1402 гг.), самом раннем завещании удельного потомка Ивана Калиты, дошедшем до наших дней, кроме небольших владений князя в Москве (дворец в Кремле, три двора и два сада в городе), которые он передает своей жене и детям, подробно перечислены доходы боровско-серпуховских князей с московской трети [34]. Присутствие в Москве наместников удельных князей и их участие в суде, сборе пошлин и т. д. оговариваются в духовных и докончальных грамотах до конца XV в.

Очевидно, это положение связано со всей системой феодального землевладения на Руси в XIV—XV вв. В докончальных грамотах русских князей систематически встречается стереотипная формулировка, определяющая положение феодалов, которые служили одному князю, а имели вотчины на территории другого («А кто, господине, имет жыти твоих бояр и слуг... в моем уделе...», «А кто имет жыти в твоеи отчине, в великом княженье... моих бояр и слуг...» [35]). Такая чересполосица землевладения, очевидно, должна была сопровождаться наличием в городе — административном центре территории — представителя администрации того князя, которому служил феодал. Из текстов докончальных грамот XV в. видно, что для решения спорных дел бояре великого князя посылаются в удел, а удельного — в великое княжение [36].

Независимо от того, в чьем княжестве живет феодал, он ходит на войну только под командованием воеводы своего князя [37]. Исключение составляла «московская рать», которая ходила под

---

[32] ДиДГ, с. 7, 9.

[33] Великий князь Иван Иванович отдает Москву своим сыновьям Дмитрию и Ивану; московская треть боровско-серпуховских князей сохраняется до конца XV в. Авторы «Истории Москвы» считают, что третное деление города было пережитком феодальной раздробленности и задерживало его развитие (М., 1952, т. I, с. 46—48).

[34] ДиДГ, с. 45—46, 50.

[35] Там же, с. 71, 131 и след.

[36] Там же, с. 67, 70, 86 и след.

[37] Там же, с. 67. «А кто которому князю служит, где бы он ни жил, тому с тем князем и ходити».

командованием великого князя [38]. Оговорка делается лишь для городов: в случае осады города его защищают все живущие в нем феодалы, что естественно гарантирует оборону города во время военных действий [39]. Это единственный случай службы феодала тому князю, на территории которого он жил.

В то же время город более тщательно, чем сельская местность, ограждался от вторжения феодалов чужого князя. Если вотчину на территории княжества мог купить любой феодал при согласии правящего здесь князя, то покупка двора в городе «чужому» феодалу категорически воспрещалась. Это оговаривается в соответствующих формулах докончальных грамот на протяжении всего XV в. С одной стороны: «а сел ти, господине, в моем уделе не купити, ни твоеи братье, ни вашим бояром, без моего веданья»; с другой стороны: «а закладней нам в городе не держати. А человека з двором не купити» [40]. В докончании великого князя Василия Васильевича с галицким князем Василием Юрьевичем 1439 г. оговаривается запрет покупки галицким князем «тяглого человека с двором» в Москве [41].

Особое положение Москвы, которая в XIV—XV вв. находилась в коллективном владении всей великокняжеской семьи, привело к тому, что из сохранившихся узаконений, связанных с третным судом, и оговорок в докончальных грамотах, связанных с участием наместников удельных князей в жизни города, более отчетливо представляется жизнь феодала в Москве. Периодическое пребывание удельных князей в Москве, где они имели свои дворы, постоянное присутствие представителей их административного аппарата, связанное с третными владениями, вели к тому, что в городе сосредоточивалось, а иногда и надолго оседало определенное число феодалов, не находившихся на службе великого князя. Это требовало более четкого юридического оформления взаимоотношений феодалов, находившихся на службе у разных сюзеренов.

Наиболее подробно юридическое положение феодала в городе определено в «записи о душегубстве», относящейся к середине XV в. [42] В ней отразились нормы судопроизводства, возникшие после правления Ивана Калиты и окончательно оформившиеся спустя длительный промежуток времени. В частности, здесь регламентируется участие в московском суде представителей администрации удельных князей. Пойманного с поличным в Москве человека (очевидно, и феодала) из городов и сел великого князя, великой княгини, удельных князей судил большой

---

[38] Там же, с. 39.

[39] Там же, с. 66. «А городная осада, где хто живет, тому туто и сидети, опрочь путных бояр».

[40] Там же, с. 70—71, 101.

[41] Там же, с. 101.

[42] ПРП. М., 1955, вып. III, с. 167—168; АСЭИ. М., 1964. т. 3, с. 27—28. О датировке этого документа см.: *Семенченко Г. В.* О датировке московской губной грамоты.— СА, 1978, № 1.

наместник с двумя третниками. Подсудимый представал перед междукняжеским судом. Особо выделяются дворы великой княгини и удельных князей, здесь судит только большой наместник [43].

Возможно, в основном здесь подразумевается территория Кремля, где были сосредоточены дворы и дворцы членов великокняжеской семьи. Кремль как особая территория в «записи о душегубстве» не упоминается. Правомерно, однако, предположить, что место, где непосредственно протекали жизнь великокняжеской семьи и работа государственного аппарата, подлежало особой юрисдикции наместника великого князя.

Новое в московском межкняжеском суде зафиксировано в докончальной грамоте великого князя Ивана III с углицким князем Андреем Васильевичем (около 1472 г.). Здесь впервые ясно говорится, что у углицкого князя были бояре и феодалы, жившие в Москве, и определено, кто судит в случае спора между «москвитином» великого князя и «москвитином» углицкого князя. Если один из них возбудит перед великим князем дело, когда князь будет находиться «опроче Москвы», они посылаются для разбора в Москву «к своим наместником». Если феодал из вотчины великого князя «ударит челом» на «боярина на москвитина» углицкого князя, их судит суд представителей московского и удельного князей [44].

Эта судебная норма отражена и в Судебнике 1550 г. (ст. 100): «москвитина» и «городского человека» удельного князя судили московские наместники. В том случае, если «москвитин» обвинял в чем-либо городского человека удельного князя, то он ехал судиться с судьей из московских наместников [45].

Постепенно суд в Москве переходит в руки великого князя. Если «запись о душегубстве» предусматривала смесный суд московского наместника и двух третников над людьми из городов и волостей удельных князей и великой княгини, совершивших преступление в Москве [46], по духовной Ивана III (1504 г.) людей из московских дворов его сыновей — удельных князей судит наместник московского великого князя [47].

В начале XVI в. ограничиваются права удельных князей и в экономической жизни Москвы. По духовной Ивана III им запре-

---

[43] ПРП, вып. III, с. 168. В «Истории Москвы» эта статья рассматривается как важная реформа времени малолетства Василия Васильевича, «ставившая целью усиление власти великого князя над Москвой» (т. I, с. 60). Очевидно, ее неправомерно распространять на всю Москву, если в ней особо говорится о дворах великокняжеской семьи.

[44] ДиДГ, с. 216.

[45] ПРП. М., 1956, вып. IV, с. 261. Происхождение этой статьи комментируется по-разному: Л. В. Черепнин полагал, что она отражает нормы XV в., А. А. Зимин — что она составлена в 1553 г. (Там же, с. 841). Подробнее о ст. 100 Судебника 1550 г. см.: *Семенченко Г. В.* К изучению статьи 100 Судебника 1550 г.— В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1981. М., 1982.

[46] ПРП, вып. III, с. 168.

[47] ДиДГ, с. 361.

щается держать торги в своих дворах и ставить на эти дворы купцов (московских, из своих земель, иноземных[48]).

Жизнь феодала в городе подробно регламентировалась в грамотах и законодательных актах. Князья старались оградить права служивших им людей, которые были вынуждены жить на неподвластной этим князьям территории. Одновременно прослеживается тенденция сосредоточить власть над жизнью города в руках того князя, которому он принадлежит. О возрастании роли города в жизни страны в середине XVI в. говорит то, что в Судебнике 1550 г. появляется новая категория преступника — «гродский здавца», который по тяжести совершаемого преступления ставится сразу после «государского убойцы»[49].

О том, что Москва была не единственным городом, где существовало третное управление, говорит текст докончальной грамоты 1496 г. великого рязанского князя Ивана Васильевича с братом Федором Васильевичем о владениях братьев в Рязани (Переславле). По ней великий князь обязуется не вступать в треть, выделенную брату — Федору Васильевичу, причем здесь уже подразумевается реальная территория города («А что есмя, брате, отделили тебе кнеженецких дворов в городе, и посад, и мелницы, и поле у города, и луг ...»). В Переславле были и дворы, принадлежавшие матери князей («купля»). Федор Васильевич своей третью принимал участие в строительстве острога[50]. Из этой же грамоты видно и положение феодалов, служивших обоим братьям в Рязани. Судебное разбирательство по смесному делу между посадскими людьми и купцами из третей обоих князей ведет великокняжеский наместник. Третчик князя Федора в основном следит за тем, чтобы не были ущемлены интересы его князя в «прибытке и в пошлинах», его участие в судебном разбирательстве не обязательно. Отдельно оговаривается судебное производство в случае, если замешаны только люди князя Феодора. Тех, которые живут в городе и на посаде, судит приказчик князя Федора («опричь душегубства и разбоя с поличным»). Людей, пришедших из удела, но попавших в дело, совершенное в Рязани (душегубство, разбой, татьба с поличным), судят вместе наместник великого князя и третчик удельного[51]. Очевидно, среди людей князя Федора, как пришедших из удела, так и живших в городе, могут подразумеваться феодалы его двора. Мы видим, что их во всех проступках охраняет власть князя, которому они служат.

Реальная власть в городе была возможна лишь в том случае, если в руках у правящего князя было соответствующее экономическое могущество. Ему непосредственно было подчинено посадское население. Единственной противостоящей ему силой в городе могла быть городская феодальная усадьба не служивших

[48] Там же. Ср.: История Москвы, т. I, с. 92—93.
[49] ПРП, вып. IV, с. 248.
[50] ДиДГ, с. 334, 339.
[51] Там же, с. 335.

ему людей. Поэтому приобретение такой усадьбы практически было запрещено.

Процесс формирования и жизни городской феодальной усадьбы изучен слабо. Наиболее богатый материал собран в Новгороде. Большая площадь единовременных археологических раскопок, обилие находок бытовых предметов и особенно берестяных грамот позволяют реконструировать жизнь городской феодальной семьи во всей полноте.

Археологический материал и письменные источники, освещающие жизнь других городов, отрывочны, но все-таки позволяют изучить основные тенденции развития феодального города. Прежде всего это относится к Москве.

Центром Москвы является каменный Кремль, территория которого сохранилась неизменной до наших дней. Его естественным продолжением на востоке был Великий посад, совпавший впоследствии по территории с обнесенным каменной стеной Китай-городом (1534—1535 гг.). Район Занеглименья (в пределах современного Бульварного кольца) только осваивался [52]. Историки часто и красочно реконструировали внешний вид Москвы. Археологические раскопки и писцовые книги позволяют говорить о том, что феодальная усадьба в Москве была значительной по территории и являлась единым хозяйственным комплексом.

Проще всего определить место великокняжеского двора в московском Кремле, поскольку часть его древнейших построек сохранилась до наших дней. Очевидно, древнейшие феодальные усадьбы были в западной части Кремля; у Боровицких ворот, рядом с церковью Спаса на Бору, был двор князей Патрикиевых, где, очевидно, и остановился великий князь Василий Темный, возвращаясь в 1451 г. в Москву [53]. По названию находящихся рядом башен — Свиблова и Беклемишевская — можно предположить, что здесь были дворы, принадлежавшие этим семьям. Двор Беклемишевых упоминается и в летописях. При описании московских пожаров 1476 и 1480 гг. упоминается двор Федора Давыдовича в Кремле на Подоле, под церковью Михаила Архангела [54].

В XV в. складывается территория великокняжеского двора в Кремле. Иван Калита поделил дворец между сыновьями, и дворы их потомков известны до второй половины XV в.; и в XVI в. были кремлевские дворы детей и внуков Ивана III. Традиция большого двора всей княжеской семьи существовала постоянно, но в ней явно прослеживается тенденция, во-первых, не упускать эти владения из рук княжеской семьи, а во-вторых,

---

[52] *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. М., 1947, с. 159—182; История Москвы, т. I, с. 40—62; *Рабинович М. Г.* Облик Москвы в XIII—XVI вв.— Вопр. истории, 1977, № 11, с. 134—140.

[53] В Московском своде конца XV в. под 1461 г. записано, что около первой церкви на Бору, где был двор митрополита Петра, «ныне двор княж Иванов Юрьевича» (ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 277).

[54] Там же, с. 304, 326.

сохранять основную массу владений в руках самого великого князя и его прямых потомков.

Первые купли и переделы княжеских дворов в Кремле известны по духовной 1433 г. Елены Ольгердовны (инокиня Евпраксия), вдовы боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича. Она передала своей внучке Марии Ярославне в Кремле «место под двором под старым на Подоле, где были владычни хоромы». После смерти Марии этот двор должен был перейти к Василию Ярославичу [55]. Очевидно, эти владения отошли к Юрию Васильевичу по духовной Василия Темного (1461 г.) [56].

Обменами земель в Кремле занималась великая княгиня Софья Витовтовна. От своего сына, великого князя Василия Темного, она получила двор Ивана Фоминского, на котором поставила житницу. Оставшуюся часть этого двора она променяла у Ивана Старкова на его куплю — двор Степана Дмитриевича и его детей Григория и Федора. Обмененные владения позволили ей расширить другой участок, приобретенный у жены Семена Васильевича Орины и Степана Обобурова. После таких обменов и покупок во владении великой княгини оказался значительный участок внутри Кремля, спускавшийся от дворцов с горы к Подолу. По духовной (1451 г.) она передала все владения своему внуку Юрию Васильевичу с условием, что великий князь мог их обменять на другие [57]. Он частично и обменял. По духовной Василия Темного двор, завещанный Юрию Софьей (очевидно, бывший двор Фоминского, который определен как двор у церкви Иоанна Предтечи), переходит к вдове великого князя, а Юрию достается двор Василия Ярославича у церкви Михаила Архангела, о котором говорилось в духовной княгини Елены [58]. Этот двор и бывшее место Старкова, т. е. владения на Подоле Кремля, полученные от великой княгини Софьи (они находились напротив двора Юрия, у церкви Михаила Архангела), Юрий завещает в 1472 г. своей матери [59]. Из этих духовных видно, что великие князья старались не выпускать из рук свои владения в Кремле и путем покупок и обменов создавали компактные участки, находившиеся во владении одного из членов семьи.

После окончания феодальной войны к великому князю переходят и дворы бывших князей-третников и, очевидно, их союзников—бояр, которые Василий Темный раздает своим сыновьям. По его духовной бывший двор князя Ивана Можайского достается великому князю Ивану Васильевичу, двор Дмитрия Шемяки — Андрею Васильевичу Большому [60].

О стремлении сохранить как можно больше владений в руках великокняжеской семьи говорит и духовная белозерского и верей-

[55] ДиДГ, с. 72.
[56] Там же, с. 199.
[57] Там же, с. 177.
[58] Там же, с. 199.
[59] Там же, с. 224.
[60] Там же, с. 199.

ского князя Михаила Андреевича (около 1486 г.). В первом ее варианте нет упоминаний о владениях этого князя в Москве, во втором варианте и тексте, утвержденном великим князем Иваном III, двор Михаила «на Москве внутри города у Лазаря Святого» переходит к великому князю [61].

К этим приобретениям великих князей, связанным с расширением территории их дворца в Кремле, относятся и обмены с князьями Патрикиевыми, о которых говорится в духовной князя Ивана Юрьевича (около 1499 г.). Родовой двор Патрикиевых и купли Ивана Юрьевича у Боровицких ворот, а также его купли в восточной части Кремля, у Тимофеевских ворот, были обменены на двор у церкви Рождества богородицы и на большой участок в восточной части Кремля. Возможно, такой обмен был связан со строительством нового великокняжеского дворца в Кремле. Под 1492 г. летопись сообщает, что великий князь всей семьей перешел жить во дворец Ивана Юрьевича, а свой дворец велел разобрать, «чтобы ставити новои двор камен» [62].

Прежде всего хотелось остановиться на вновь полученном месте у церкви Рождества богородицы. Оно расположено между дворами князя Семена Ряполовского, Григория Морозова и Андрея Федорова [63]. Где-то здесь же находились в середине XV в. дворы Петра, Ивана и Никиты Константиновичей Добрынских, переданные по духовной Василия Темного великой княгине [64]. По упоминанию церкви Рождества богородицы, которая была в северной части территории великокняжеского двора, можно предположить, что все эти дворы находились в непосредственной близости от великокняжеского двора, между ними и кремлевской стеной. Эта территория слишком мала, чтобы говорить о дворах как хозяйственных комплексах. В то же время все их владельцы — лица, тесно связанные со службой великим князьям. Возможно, здесь были сравнительно небольшие участки или просто здания, которые раздавались великим князем лицам, занимавшим административные должности в государственном аппарате и в силу этого часто появлявшимся во дворце и участвовавшим в придворных церемониях. Очевидно, преимущество покупки и обмена таких дворов принадлежало великому князю. На планах московского Кремля конца XVI — начала XVII в. здесь показана застройка небольшими зданиями, вплотную стоящими друг к другу [65].

До сих пор речь шла о дворах, расположенных на древнейшей, существовавшей с XII в. территории Кремля. Переходя к двору, промененному князю Ивану Юрьевичу Патрикиеву великим князем в восточной части Кремля, следует сказать, что если раньше

[61] Там же, с. 306, 308.
[62] ПСРЛ, т. 25, с. 333.
[63] ДиДГ, с. 347.
[64] Там же, с. 199.
[65] *Гольденберг П. И.* Петров чертеж Москвы как источник изучения ее планирования конца XVI — начала XVII в.— В кн.: АЕ за 1966 год. М., 1968.

имелся в виду лишь древний княжеский замок, то теперь мы переходим к землям, включенным в состав Кремля в 30-е годы XIV в. и, следовательно, до этого времени являвшимся древнейшим московским посадом: территория восточнее современной Соборной площади.

Очевидно, в этой части Кремля находились три «купли» Ивана Юрьевича Патрикиева — «Борисовское место Слепцово да Безобразовское место да Митинское место у Тимофеевских ворот»[66]. Вместо этого Иван получил от великого князя семь дворовых мест, спускавшихся от Большой улицы в Кремле около церкви Николы Гастунского к Подолу (последнее из перечисленных мест характеризуется как «место под зарубом, что за Иваном за Суковым было»). Половина полученных дворов первоначально принадлежала одной семье — прежним владельцем двух дворовых мест назван Афанасий Петров, третьим владел его брат Гаврила. Один из дворов Афанасия Петрова уже передавался князю Палецкому, а «место под зарубом» раньше было за Иваном Суковым[67]. В отличие от дворов вне Кремля, которые Иван Патрикиев делит между сыновьями, единый кремлевский двор передается в общее владение его жене и детям.

В восточной части Кремля находились основные дворы московской знати. Около Тимофеевской башни был двор потомков московских тысяцких Вельяминовых, сама башня получила свое первоначальное название по имени одного из владельцев двора — Тимофея Вельяминова. Позднее башня стала называться Константино-Еленинской от имени находящейся рядом церкви. Это название сохраняется и теперь. Около двора Воронцовых находился «старый московский двор внутри города» Плещеевых. К нему Андрей Михайлович Плещеев прикупал земли у детей Василия Вельяминова.

Из духовных Ионы и Андрея Михайловичей Плещеевых видно, что свои кремлевские дворы бояре старались сохранить внутри семьи, не дробили их, отдавали в наследство нескольким членам семьи. Андрей Михайлович отдает старый двор жене и старшему сыну, прикупы — младшим сыновьям. Иона Михайлович завещает свою четверть двора матери[68]. Севернее этих владений, около Фроловских ворот, находился двор Ивана Семеновича Морозова, проданный Кирилло-Белозерскому монастырю[69].

Таковы известия грамот XV в. об освоении феодалами территории *московского Кремля. Несмотря на их немногочисленность,* некоторые выводы сделать можно.

[66] ДиДГ, с. 347.

[67] Там же. М. Г. Рабинович ошибается, относя этот двор к владениям Патрикиевых на Большом посаде. В духовной Ивана Юрьевича они оговорены как места «внутри города» (*Рабинович М. Г.* О древней Москве. М., 1964, с. 208).

[68] АСЭИ. М., 1952, т. 1, с. 442, 378.

[69] Там же. М., 1958, т. 2, с. 87. На этом дворе в 1462 г. была построена церковь Афанасия Александрийского.

К концу XV в. Кремль становится местом, где живут великокняжеская семья, ближайшие члены двора и имеют свои подворья крупнейшие русские монастыри. В XV в. вся великокняжеская семья активно покупает и меняет дворы на древнейшей территории Кремля, принадлежавшие феодалам. Княжеские и боярские семьи, связанные службой с московским двором, приобретают довольно значительные участки в восточной части Кремля на территории древнейшего московского посада. По планам Москвы конца XVI в. основная масса боярских дворов расположена именно здесь. Если среди лиц, у которых великие князья покупали земли в западной части Кремля, встречаются имена князей и бояр, служивших при дворе, то имена первоначальных владельцев дворовых мест в восточной части Кремля (если их удается установить) не связываются с дворянскими семьями.

Источники не сохранили имен первоначальных владельцев дворов в восточной части Кремля, они известны лишь по духовной Ивана Юрьевича Патрикиева, и это имена посадских людей.

О том, что дворы в западной части Кремля были и по размеру больше, чем в восточной, видно из того, что Софья Витовтовна, получив от сына бывший двор Ивана Фоминского, на одной его части поставила себе житный двор, а другую половину променяла Ивану Старкову на его дворовое место. Выменяв двор у князя Ивана Патрикиева, великий князь переехал туда всей семьей, а сам Иван Юрьевич вместо этого двора и прикупленных дворовых мест, как уже отмечалось, получил двор у церкви Рождества богородицы и еще семь мест в восточной части Кремля.

Нельзя сказать, покупались ли эти дворы в восточной части при перестройке Кремля в 30-е годы XIV в., или жители посада были выселены за пределы каменных стен. Во всяком случае, у великого князя был какой-то резерв земель в Кремле, которыми он мог меняться с феодалами (как в случае с Патрикиевыми).

Освоение феодалами восточной части Кремля, очевидно, было вторичным и интенсивно началось после того, как западная часть крепости была занята великокняжеским дворцом.

Среди лиц, чьи дворы покупали и меняли в Кремле московские великие князья, мы встречаем исключительно представителей великокняжеского двора. Иван Федорович Собака Фоминский был боярином Дмитрия Донского и его сына Василия Дмитриевича. Его имя носит одна из башен — Собакина — московского Кремля. Внуки Ивана Фоминского уже выбывают из боярской среды, и в конце XV—XVI в. его потомки без княжеского титула служат как рядовые служилые люди[70]. Возможно, что двор Ивана Фоминского перешел к великому князю после опалы на эту семью.

Степан Дмитриевич и его дети Григорий и Федор, продавшие свой двор Ивану Старкову,— потомки известного воеводы Дмит-

[70] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 364—365.

рия Донского — Дмитрия Минича, который пал в бою с Ольгердом в 1368 г. на Тросне. Как и Фоминские, в начале XV в. они исчезают из двора, а в конце XV в. появляются на службе в Новгороде[71].

Иван Федорович Старков, наоборот, в 30-е годы XV в. делает блестящую карьеру при дворе. Веселовский, уделявший ему много внимания, считал, что его прадед приехал из Орды из служил митрополиту Киприану. В 1436 г. Ивану Старкову было поручено охранять сосланного в Коломну князя Дмитрия Шемяку, и в феодальной войне он участвовал на его стороне. После окончательного утверждения на престоле Василия Темного Иван Старков лично не пострадал, но земельные владения этой семьи резко сократились и карьера потомков Ивана была сломана[72].

Семен Васильевич — боярин великих князей Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича. Его жена была боярыней наряду с женой Ивана Собаки Фоминского. Брат Семена Тимофей Волуй был убит на Куликовом поле. Прямые потомки Семена неизвестны[73].

И наконец, Никита и Иван Константиновичи Добрынские, чьи дворы упоминаются в духовной Василия Темного,— одни из самых активных сторонников князя Дмитрия Шемяки. Двор Петра был конфискован одновременно с их владениями после бегства братьев в Литву в 1454 г.[74]

Контрагентами сделок великих князей в Кремле в первой половине XV в. являются представители боярских родов, чья служба московским князьям известна с времени Дмитрия Донского, но которые в XV в. по тем или иным причинам отходят от активной политической деятельности.

Из приобретений этого времени интересна и история двора в Кремле Ивана Семеновича Морозова. Его отец Семен Федорович был любимцем князя Юрия Дмитриевича галицкого и звенигородского, что и послужило причиной его гибели: Семена зарезали дети Юрия — Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Иван Семенович Морозов не имел сыновей, вотчины его отошли в приданое за дочерью[75], а двор в Кремле он продал *Кириллo-Белозерскому* монастырю[76]. Как и в случае покупок и конфискаций великих князей, здесь угасание семьи ведет к потере кремлевского двора.

Если обратиться к лицам, чьи владения в Кремле зафиксированы в актах последней четверти XV в., то увидим, что соседями князя Ивана Юрьевича Патрикиева около церкви Рождества богородицы, рядом с великокняжеским дворцом, был князь Семен Ряполовский, Григорий Морозов и Андрей Федорович Челяднин —

[71] Там же, с. 237—242.
[72] Там же, с. 398—410.
[73] Там же, с. 234—235.
[74] Там же, с. 307—312.
[75] Там же, с. 198—199.
[76] АСЭИ, т. 2, с. 87.

крупнейшие политические деятели того времени. Андрей Федорович имел высший чин Русского государства — боярин и конюший, Григорий Васильевич Морозов — боярин, один из самых близких к двору лиц[77]. Семен Иванович Ряполовский был зятем Ивана Юрьевича Патрикиева. Эти крупные политические деятели последней четверти XV в. принимали активное участие в коронации Дмитрия Внука, оба они одновременно попали в опалу у великого князя (1499 г.), когда Ряполовский был казнен, а Иван Патрикиев с сыном Василием сосланы [78].

Кроме Ивана Семеновича Морозова и переселенного от Боровицких ворот Ивана Юрьевича Патрикиева, в восточной части Кремля находятся дворы Плещеевых и Вельяминовых.

Отец Андрея Михайловича Плещеева, прикупавшего землю у Вельяминовых, верно служил Василию Темному во время феодальной войны, сам Андрей Михайлович выполнял ответственные — и почетные, и деликатные — дипломатические поручения великого князя Ивана III[79]. Василий Федорович Вельяминов, у детей которого Андрей Плещеев покупал двор, перешел на службу великому князю в 1472 г., после смерти его брата — князя Юрия Васильевича; его сыновья служили и великому князю, и, очевидно, удельным князьям [80].

Вообще, и Плещеевы, и Вельяминовы, хотя и занимали высшие должности в государственном аппарате, появились на службе у московских князей гораздо позже, чем лица, жившие в западной части Кремля. Если эти последние семьи пережили свой расцвет еще при князе Василии Дмитриевиче, то возвышение Плещеевых и Вельяминовых начинается в период борьбы Василия Темного за московский престол.

Естественно, что дворы в Кремле не могли удовлетворить хозяйственных нужд феодалов, и они покупали владения вне Кремля. Разбросанные по Москве владения мы находим на Большом посаде и более компактные — в Занеглименье, территории к северо-западу от Кремля, которая стала осваиваться в основном в XV в.[81]

Софья Витовтовна завещала своему внуку Юрию Васильевичу вне Кремля дворы Елизаровский, конюшего Ивана и на Великом посаде Моравьевский двор с садом (1451 г.). К 1472 г. эти владения уже по духовной Юрия Васильевича возвращаются к великому князю — Моравьевский сад Юрий завещает матери, а место и двор на Ваганкове (в духовной Софьи они названы, очевидно, по именам своих прежних владельцев) — великому князю [82].

---

[77] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 200.
[78] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, с. 110—116.
[79] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 254—255.
[80] Там же, с. 228.
[81] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 48.
[82] ДиДГ, с. 177, 224.

Большие владения в Занеглименье, около Боровицких ворот, и на Большом посаде приобретали Патрикиевы.

Иван Юрьевич променял великому князю около Боровицких ворот два места, принадлежавшие еще его отцу (у Ивана Кушника и вокруг Ивана Святого), и свои купли по Большой улице вплоть до церквей Семена Святого и Бориса и Глеба, находившихся около современной Арбатской площади, а также свое место на Посаде, у церкви Николы Мокрого, на несколько мест на Большой улице. Ему же принадлежала Заяузская слободка с Кузмодемьянским монастырем [83]. В отличие от владений в Кремле эти места делятся между детьми и женой.

Можно предположить, что кремлевские дворы в силу ограниченности самой территории были лишь местом, где жили члены Государева двора, чья служба проходила в Кремле. Основные хозяйственные функции были у владений, находящихся за стенами Кремля. Если обратиться к владениям Патрикиева, которые перечислены подробнее других, то видно, что они разбросаны по разным частям города и каждый из этих дворов имел свое конкретное назначение.

Следует отметить, что часть семей, тесно связанных службой с Москвой, имела села, непосредственно примыкавшие к городу, которые уже в XVI в. после расширения территории города или вошли в городскую черту, или оказались рядом с ней. Очевидно, основное ядро феодального хозяйства и составляли такие владения.

Разбросанность владений в городе была характерна не только для верхушки феодалов. Старец Симонова монастыря Андриан Ярлык имел двор в Москве около церкви Георгия и «загородской», с огородом, у Спаса на Глинище [84]. Троице-Сергиев монастырь имел в ряде городов (Дмитрове, Переславле, Кашине) дворы в городе и на посаде, покупая их у князей и феодалов [85]. Возможно, в этом он следовал традиции светских феодалов.

Феодалы могли иметь дворы в разных городах. Тот же Иван Юрьевич Патрикиев имел дворы, кроме Москвы, в Переславле и Коломне [86].

Значение, которое придавалось правительством расселению феодалов в городе, видно на примере Казани. Комплекс грамот 1552—1554 гг., связанный с продажей или передачей дворов Троице-Сергиеву монастырю, вскрывает феодальное землевладение в городе. С. М. Каштанов, исследовавший и опубликовавший эти документы [87], пришел к выводу, что сразу после завоевания Казани в 1552 г. из кремля были выселены местные жители,

---

[83] Там же.
[84] АСЭИ, т. 2, с. 355 (1460 г.).
[85] Там же, т. 1, с. 33, 136, 211, 244.
[86] ДиДГ, с. 348.
[87] *Каштанов С. М.* Возникновение русского землевладения в Казанском крае: (Документы).— В кн.: Из истории Татарии. Казань, 1973, сб. V.

а их дворы розданы московским служилым людям. Большинство лиц, упомянутых в актах, относятся к дворовым детям боярским, попавшим в Дворовую тетрадь. Автор видит в этом «своеобразный *вариант испомещения части* — „*лучших слуг*" — *членов* „Государева двора" — в пределах только что завоеванной „подрайской землицы"» [88]. Дворы получали в основном дети боярские из западных городов Русского государства, причем при расселении учитывалась принадлежность ряда лиц к одной служебной корпорации. Этот принцип корпоративной близости соблюдался и при перепродаже дворов. Изучение состава владельцев дворов показывает, что некоторые из них были измельчавшими потомками когда-то знатных родов; крупные земельные собственники Центральной Руси не стали казанскими дворовладельцами [89].

Отсутствие прочных земельных корней в уезде, а также, очевидно, больших земельных владений в тех уездах, из которых эти дворяне происходили, делало непрочным и дворовладение в городе. Поскольку дворы в городе давались на вотчинном праве, уже в середине 50-х годов XVI в. происходит продажа их другим лицам и передача в монастырь. Судя по более поздним источникам, никто из лиц, получивших дворы в 1552 г., не закрепился в Казани [90].

Состав Боярской думы в XVI в., изменения в нем, связанные с реформами середины века, опричниной и другими событиями, неоднократно были предметом исследования советских и зарубежных историков. Основное место здесь занимают работы Зимина, и особенно его последняя монография [91]. Из этих трудов видно, что Боярская дума была государственным органом, на всем протяжении своего существования реально руководившим управлением княжества, а затем единого Русского государства. Естественно, что стремление попасть в Думу и принимать участие в политической жизни возрастало среди различных семей правящего класса прямо пропорционально росту роли государственного аппарата. Очевидно, с этим связано и активное вхождение в Думу служилых князей, также стремившихся к политической деятельности.

Подробный список думных чинов за первую половину XVI в. привела А. М. Клеймола [92]. Интересны наблюдения автора об изменении реального значения званий боярин и окольничий, проявившемся в то время. С выводами Зимина, приведенными еще в его первой работе о составе Боярской думы, перекликаются

---

[88] Там же, с. 4.
[89] Там же, с. 8—9.
[90] Там же, с. 10—11.
[91] *Зимин А. А.* Формирование состава Боярской думы, Вторая половина XV — первая треть XVI в.: Рукопись. См.: Список печатных трудов А. А. Зимина.— В кн.: АЕ за 1980 год. М., 1981, с. 284.
[92] *Kleimola A. M.* Patterns of Duma Recruitment, 1505—1550.— In: Essays in honor of A. A. Zimin. Columbus. Ohio, 1985, p. 242—243.

выводы Клеймолы об инфляции думных чинов в 40-е годы XVI в., об активном включении в состав Думы представителей тех семей, которые раньше в нее не входили.

Приведенные нами известия показывают, что и раньше, в XV в., состав боярских семей при дворе московского князя был нестабильным, он менялся в результате таких политических событий, как присоединение к Москве новых княжеств, борьба за власть между отдельными великими князьями. Однако окончательные выводы можно будет сделать, лишь изучив состав боярских семей в тесной связи с историей Думы как органа политической власти.

Глава IV

Государев двор на свадьбах XVI в.

Свадебные дела XVI в.— сложный по составу источник. К сожалению, ни одно из них не сохранилось полностью, хотя почти от каждой свадьбы великих и удельных князей дошли подлинные документы. В литературе еще не создана реконструкция хотя бы приблизительного состава делопроизводственной документации, предшествовавшей таким придворным церемониям. Практически нет специального исследования, где бы сопоставлялись подлинные документы XVI в. с их копиями XVII в. Единственная попытка анализа свадебных дел сделана В. Д. Назаровым, который извлек из разряда свадьбы великого князя Василия III и княжны Елены Васильевны Глинской (1526 г.) документы, относящиеся к свадьбе царя Ивана IV и Анастасии Романовны и свадьбе брата Ивана IV — князя Юрия Васильевича (1547 г.). Как доказывает автор, дела были перепутаны еще в XVII—XVIII вв.[1] Часть документов Назаров опубликовал; это самое подробное издание свадебных документов после публикации Н. И. Новикова[2].

В XVI в. брачной церемонии предшествовала переписка о выборе невесты и, возможно, о ее приданом[3]. Следующим этапом было составление свадебного чина — последовательное описание всех моментов церемонии, длившейся иногда несколько дней, и свадебного разряда — списка участников этой церемонии и их роли на отдельных этапах[4]. Свадебный чин был в принципе четко разработан (не исключено, что он восходит к княжеским бракосочетаниям XIV—XV вв.) и лишь приспосабливался к очередной свадьбе в зависимости от ее торжественности, связанной с положением жениха. Об этом говорят неоднократные упоминания о предшествующих свадьбах и их чинах в делах XVI в. Так,

---

[1] *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI в.— Вопр. истории, 1976, № 10, с. 110—111.

[2] ДРВ. М., 1790, т. XIII.

[3] Сохранился список приданого великой княжны Елены Ивановны (Из истории дворцового делопроизводства конца XV в. Опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г.— СА, 1984, № 5), великой княжны Федосьи Ивановны (1500 г., свадьба князя Василия Даниловича Холмского), выпись о свадьбе князя Василия Семеновича Стародубского и Марии Юрьевны Сабуровой (1506 г.) и роспись приданого княжны Авдотьи, невесты царевича Петра (1506 г.) (см. табл. 3).

[4] *Назаров В. Д.* Свадебные дела..., с. 111.

в деле свадьбы Ивана IV говорится о чинах свадеб его отца, хотя от первой свадьбы великого князя Василия III и Соломонии Сабуровой (1505 г.) документов нет.

Выбор невесты и особенно разработка свадебного разряда требовали большой делопроизводственной переписки. Для разряда свадьбы, возможно, использовались и документы предшествующих браков, но они не только приспосабливались к новому чину, но и перерабатывались в соответствии с персональными изменениями в составе участников церемонии (смерть, болезнь отдельных лиц, отдаленность службы в момент подготовки новой свадьбы, лица, выдвинувшиеся по службе после предшествующей свадьбы, и т. д.). Поэтому в комплексе документов свадебного дела могла отложиться приказная переписка по самым различным вопросам, относящимся к организации церемонии и ее предполагаемым участникам. К сожалению, подлинные дела XVI в., как уже отмечалось в литературе, сохранились далеко не полностью и в большинстве своем в черновиках. Если первое обстоятельство можно вслед за Назаровым объяснить и гибелью многих архивных документов, и деятельностью архивистов XVII—XVIII вв.[5], то второе, вероятно, связано с тем, что окончательный вариант свадебного чина и разряда использовался для последующих церемоний — непосредственно или как образец — и в этом случае также мог отделяться от своего первоначального дела. Нельзя исключать и предположения, что такие окончательные документы хранились отдельно от черновиков и приказной переписки свадебного дела.

Интересные наблюдения об истории свадебных дел сделал С. О. Шмидт. Он показал, что при создании разрядов использовались документы Царского архива, а составляли их думные дьяки, стоявшие во главе государственного аппарата[6].

В настоящее время из подлинных свадебных дел XVI в. сохранились следующие:

дело о бракосочетании великого князя Василия III с княжной Еленой Васильевной Глинской (1526 г.)[7] — переписка об организации свадьбы и свадебный чин;

дело о бракосочетании старицкого князя Андрея Ивановича с княжной Евфросиньей Андреевной Хованской (1533 г.)[8] — переписка о выборе невесты и свадебный чин;

---

[5] Там же, с. 110.

[6] *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984, с. 164.

[7] ЦГАДА, ф. 135 (Древлехранилище хартий и рукописей), отд. IV, р. II, д. 2; Государственное древлехранилище хартий и рукописей. М., 1971 (далее: Древлехранилище), с. 90. Подробнее см.: *Назаров В. Д.* Свадебные дела..., с. 112—113. Обычно свадьба продолжалась несколько дней, поэтому в разных источниках встречаются разные дни месяца для обозначения даты одной и той же свадьбы.

[8] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 4; Древлехранилище, с. 95.

дело о бракосочетании царя Ивана IV с Анастасией Романовной (1547 г.)[9] — переписка о выборе невесты, черновики свадебного чина и разряда; по наблюдению Шмидта, этот разряд хранил и, возможно, составлял дворцовый дьяк Бакака[10];

чин и разряд свадьбы князя Юрия Васильевича и княжны Ульяны Дмитриевны Палецкой (1547 г.)[11];

из дела о свадьбе князя Ивана Федоровича Мстиславского (1547 г.) до нас дошли только грамоты к родителям невесты — князю Александру Борисовичу Горбатому и его жене[12]; имеется отрывок свадебного чина бракосочетания старицкого князя Владимира Андреевича (1555 г.)[13]; С. О. Шмидт вслед за В. И. Бугановым считает, что разряд свадьбы 1555 г. составлял дьяк Иван Михайлович Висковатый[14].

Кроме подлинных дел, в Древлехранилище находится выпись из свадебных разрядов, очевидно также восходящая к государственному архиву XVI в. В ней помещены отрывки разрядов (тысяцкие, дружки, свахи, бояре и боярыни за столом) свадеб Василия III (1526 г.), Ивана IV (1547 г.), Юрия Васильевича (1547 г.) и Ивана IV (1574 г.)[15]. В списке 1624 г. сохранились чин и разряд свадьбы царя Ивана IV с Анной Васильчиковой (1574 г.)[16].

Среди копий свадебных дел XVIII в., хранящихся в ЦГАДА, находятся два листа из подлинных дел XVI в.: на одном — распоряжение, кому нести камку, на которой венчают; на другом — список дьяков и дьячих жен, которые сидят у караваев. Возможно, это документы из свадьбы Василия III или той, для которой они позднее были использованы. Здесь упомянуты дьяки

---

[9] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 5; Древлехранилище, с. 97—98.

[10] *Шмидт С. О.* Указ. соч., с. 73; см. также: *Назаров В. Д.* Свадебные дела..., с. 112—113.

[11] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 7, 8; Древлехранилище, с. 99.

[12] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 6; Древлехранилище, с. 98—99.

[13] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 9; Древлехранилище, с. 102—103. Дело на 1 л.; заголовок к нему, с указанием даты свадьбы, имени жениха и невесты, сделан почерком и чернилами, отличными от почерка и чернил текста. В описании Древлехранилища почерк определен как угасающий. Почерк и чернила текста свадебного чина близки к документам первой свадьбы Владимира Андреевича; в отрывке упомянуты лишь два имени — князь Юрий Васильевич и его жена Ульяна, которые участвовали в свадьбе 1547 г. Возможно, этот лист относится к документам первой свадьбы Владимира Андреевича.

[14] *Шмидт С. О.* Указ. соч., с. 159.

[15] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 3; Древлехранилище, с. 91. По мнению авторов, выпись составлена около 1624 г. в связи со свадьбой царя Михаила Федоровича.

[16] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 11; Древлехранилище, с. 118; дело опубликовано в ИРГО. СПб., 1900, вып. 1. При публикации этого дела издатели отметили, что оно сохранилось в подлиннике (ИРГО, вып. 1, с. 13). Новая датировка документа сделана при современном описании фонда (Древлехранилище, с. 118). Дата свадьбы установлена Р. Г. Скрынниковым (*Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975, с. 10).

Федор Огарев, Василий Колзаков, Федор Леонтьев, принимавшие участие в торжествах 1526 г.[17]

Среди подлинных дел XVI в. в Древлехранилище находится также копия XVII в. чина и разряда свадьбы короля Магнуса и старицкой княжны Марии Владимировны (1573 г.)[18], ее текст соответствует публикации Новикова[19]. Разрядный чин этой свадьбы составлял дьяк Василий Щелкалов, а правил — его брат Андрей Щелкалов[20].

В XVIII в. были сделаны копии с чина бракосочетания Ивана IV с Анастасией Романовной[21], князя Юрия Васильевича 1547 г.[22] и с выписки XVI в. из свадебных дел Василия III, Ивана IV и Юрия Васильевича[23]. Возможно, эти копии использовались при подготовке публикации Новикова. По всему тексту в них правлена карандашом форма глаголов из повелительного наклонения на прошедшее время: «а камки несли...», «а у постели были...», «а в мыльне мылись...», в то время как в подлиннике всегда употребляется повелительное наклонение.

Кроме подлинных свадебных дел и сделанных с них архивных копий XVIII в., сохранилось семь рукописных сборников XVII—XVIII вв., также содержащих свадебные разряды и чины, и публикация Новикова, в основе которой лежит самостоятельная рукопись[24]. Все они каким-то образом восходят к подлинным делам XVI—XVII вв., но, очевидно, к окончательным, а не черновым документам. Сохраняя структуру подлинных документов XVI в., эти рукописи отличаются в некоторых деталях, иногда они дают сведения об изменениях в свадебных разрядах, сделанных в последний момент.

Наиболее ранним является список 16.15.15 — это книга-конволют третьей четверти XVII в., в первой части, где помещены свадебные дела (кончая свадьбой Магнуса), водяные знаки 1634—1644 гг.; чин свадьбы Алексея Михайловича помещен в третьей части[25]. Остальные списки свадебных дел — второй и третьей четвертей XVIII в. Из них, как отметили авторы «Описания», книга 32.4.21 тождественна первой части рукописи 16.15.15, книга 31.6.40 — копия с рукописи 31.7.20, а 32.5.11 — сходна с 21.10.25[26].

Возможно, эти рукописи восходят к первоначальной обработке свадебных дел, сделанной еще в 70-х годах XVI в. (табл. 3);

[17] ЦГАДА, ф. 156 (Исторические и церемониальные дела), д. 106. Ср.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в.— В кн.: Ист. зап. М., 1971, т. 87, с. 243, 249, 259.

[18] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 10; Древлехранилище, с. 117.

[19] ДРВ, т. XIII, с. 97—102.

[20] *Шмидт С. О.* Указ. соч., с. 164.

[21] ЦГАДА, *ф. 156, д. 2.*

[22] Там же, д. 3.

[23] Там же, д. 1; ср. ф. 135, отд. IV, р. II, д. 3.

[24] ДРВ, т. XIII.

[25] Описание Рукописного отдела БАН СССР. М.; Л., 1959, т. 3, вып. 1, с. 627—630.

[26] Там же, с. 632—637.

Библиотека Академии наук СССР

№ 16.15.15	№ 32.4.21	№ 21.10.25
	Оглавление	
1) Роспись приданого великой княжны Елены Ивановны (*л. 1*)	1) 7003 г. Роспись приданого великой княжны Елены Ивановны (*л. 6*)	
2) 7008 г. Свадьба князя Василия Даниловича Холмского (*л. 27*)	2) 7008 г. Свадьба князя Василия Даниловича Холмского (*л. 23 об.*) *	1) 7008 г. Свадьба князя Василия Даниловича Холмского (*л. 1*)
3) 7014 г. Роспись приданого княжны Авдотьи (невеста царевича Петра) (*л. 30 об.*)	3) 7014 г. Роспись приданого княжны Авдотьи (невеста царевича Петра) (*л. 27*)	
4) 7014 г. Свадьба князя Василия Семеновича Стародубского (роспись приданого) (*л. 47 об.*)	4) 7014 г. Свадьба князя Василия Семеновича Стародубского (роспись приданого) (*л. 37*)	
5) 7034 г. Свадьба Василия III (*л. 64*)	5) 7034 г. Свадьба Василия III (*л. 43*)	2) 7034 г. Свадьба Василия III (*л. 2*)
6) 7041 г. Свадьба старицкого князя Андрея Ивановича (*л. 78*)	6) 7041 г. Свадьба старицкого князя Андрея Ивановича (*л. 60*)	3) 7041 г. Свадьба старицкого князя Андрея Ивановича (*л. 15 об.*)
7) 7055 г. Свадьба Ивана IV (*л. 87*)	7) 7055 г Свадьба Ивана IV (*л. 67*)	4) 7055 г. Свадьба Ивана IV (*л. 24*)
8) 7056 г. Свадьба князя Юрия Васильевича (*л. 93 об.*)	8) 7056 г. Свадьба князя Юрия Васильевича (*л. 72*)	5) 7056 г. Свадьба князя Юрия Васильевича (*л. 30 об.*)
9) 7058 г. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 103*)	9) 7058 г. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 79*)	6) 7058 г. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 40 об.*)
10) 7062 г. Свадьба царя Симеона Касаевича (*л. 117 об.*)	10) 7062 г. Свадьба царя Симеона Касаевича (*л. 88 об.*)	7) 7062 г. Свадьба царя Симеона Касаевича (*л. 50 об.*)
11) 7063 г. Свадьба князя И. Д. Бельского (*л. 134*)	11) 7063 г. Свадьба князя И. Д. Бельского (*л. 100 об.*)	8) 7063 г. Свадьба князя И. Д. Бельского (*л. 65*)
12) 7063 г. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 142 об.*)	12) 7063 г. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 106 об.*)	9) 7063 г. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 69*)

Библиотека Академии наук СССР		
№ 31.6.40	№ 31.7.20	№ 32.5.11
		Оглавление
1) 7008 г. Свадьба князя Василия Даниловича Холмского (*л. 3*)	1) 7008 г. Свадьба князя Василия Даниловича Холмского (*л. 3*)	1) 7008 г. Свадьба *князя Василия Даниловича* Холмского (*л. 4*)
2) 7034 г. Свадьба Василия III (*л. 4*)	2) 7034 г. Свадьба Василия III (*л. 3 об.*)	2) 7034 г. Свадьба Василия III (*л. 4 об.*)
3) 7041 г. Свадьба старицкого князя Андрея Ивановича (*л. 11 об.*)	3) 7041 г. Свадьба старицкого князя Андрея Ивановича (*л. 10*)	3) 7041 г. Свадьба старицкого князя Андрея Ивановича (*л. 13 об.*)
4) 7055 г. Свадьба Ивана IV (*л. 16*)	4) 7055 г. Свадьба Ивана IV (*л. 16*)	4) 7055 г. Свадьба Ивана IV (*л. 19 об.*)
5) 7056 г. Свадьба князя Юрия Васильевича (*л. 20*)	5) 7056 г. Свадьба князя Юрия Васильевича (*л. 20*)	5) 7056 г. Свадьба князя Юрия Васильевича (*л. 23 об.*)
6) 7058 г. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 26*)	6) 7058 г. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 27*)	6) 7058 г., сент. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 31*)
7) 7062 г. Свадьба царя Симеона Касаевича (*л. 32*)	7) 7062 г. Свадьба царя Симеона Касаевича (*л. 33 об.*)	7) 7062 г. окт. Свадьба царя Симеона Касаевича (*л. 31*)
8) 7063 г. Свадьба князя И. Д. Бельского (*л. 40 об.*)	8) 7063 г. Свадьба князя И. Д. Бельского (*л. 43*)	8) 7063 г. нояб. Свадьба князя И. Д. Бельского (*л. 51*)
9) 7063 г. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 43*)	9) 7063 г. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 45 об.*)	9) 7063 г., март. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича (*л. 54*)

№ 16.15.15	№ 32.4.21	№ 21.10.25
13) 7080 г. Свадьба Ивана IV (*л. 154 об.*)	13) 7080 г. Свадьба Ивана IV (*л. 114 об.*)	10) 7080 г. Свадьба Ивана IV (*л. 73*)
14) 7080 г. Свадьба царевича Ивана Ивановича (*л. 161*)	14) 7080 г. Свадьба царевича Ивана Ивановича (*л. 119 об.*)	
15) 7081 г. Свадьба Арцымагнуса (*л. 175*)	15) б/д. Свадьба Арцымагнуса (*л. 129 об.*)	11) 7081 г. Свадьба Арцымагнуса (*л. 81*)
16) Сказание о князьях владимирских		12) 7089 г. Свадьба Ивана IV (*л. 88*)
		13) 7114 г. Свадьба Лжедмитрия (*л. 92*)
		14) 7116 г. Свадьба В. И. Шуйского (*л. 96*)
		15) 7131 г. Свадьба Михаила Кайбулина (*л. 100*)
		16) 7133 г. Свадьба Михаила Федоровича (*л. 108*)
		17) 7134 г. Свадьба Михаила Федоровича (*л. 114*) Местнические и посольские дела (*л. 118*)
17) 7156 г. Свадьба Алексея Михайловича (*л. 227*)		

* Под этим заголовком помещена роспись детей боярских в поезде великой княгини Софьи.

общий для всех них текст кончается разрядом свадьбы Ивана IV и Марфы Собакиной 1571 г., затем в шести рукописях идет разряд свадьбы короля Магнуса и старицкой княжны 1573 г., а после него уже в четырех рукописях описана свадьба 1581 г. Ивана IV и Марии Нагой. Дальнейший текст достаточно индивидуален в разных списках. О возможности такой подборки говорит и выпись из свадебных разрядов (1526, 1547 и 1574 гг.), составленная в 1624 г.

Вторая сводка выписей о свадьбах в рукописных книгах XVII—XVIII вв. восходит к 20-м годам XVII в.: в ней к пер-

Таблица 3 (окончание)

Библиотека Академии наук СССР		
№ 31.6.40	№ 31.7.20	№ 32.5.11
10) 7080 г. Свадьба Ивана IV (*л. 45*)	10) 7080 г. Свадьба Ивана IV (*л. 47 об.*)	10) 7080 г. Свадьба Ивана IV (*л. 57*)
11) 7081 г. Свадьба Арцымагнуса (*л. 49*)	11) 7081 г. Свадьба Арцымагнуса (*л. 50 об.*)	11) 7081 г. Свадьба Арцымагнуса (*л. 61*)
12) 7089 г. Свадьба Ивана IV (*л. 53*)	12) 7089 г. Свадьба Ивана IV (*л. 53 об.*)	12) 7089 г. Свадьба Ивана IV (*л. 65 об.*)
13) 7114 г. Свадьба Лжедмитрия (*л. 56*)	13) 7114 г. Свадьба Лжедмитрия (*л. 56*)	
14) 7116 г. Свадьба В. И. Шуйского (*л. 59 об.*)	14) 7116 г. Свадьба В. И. Шуйского (*л. 59*)	
15) 7131 г. Свадьба Михаила Кайбулина (*л. 62 об.*)	15) б/д. Свадьба Михаила Кайбулина (*л. 61 об.*)	13) 7131 г. Свадьба Михаила Кайбулина (*л. 70*)
16) 7133 г. Свадьба Михаила Федоровича (*л. 68*)	16) 7133 г. Свадьба Михаила Федоровича (*л. 66 об.*)	14) 7133 г. Свадьба Михаила Федоровича (*л. 76*)
17) 7134 г. Свадьба Михаила Федоровича (*л. 72*)	17) 7134 г. Свадьба Михаила Федоровича (*л. 70*)	15) 7134 г. Свадьба Михаила Федоровича (*л. 81 об.*)
18) 7156 г. Свадьба Алексея Михайловича (*л. 74 об.*)	18) 7156 г. Свадьба Алексея Михайловича (*л. 72*)	16) 7156 г. Свадьба Алексея Михайловича (*л. 100 об.*)
19) 7179 г. Свадьба Алексея Михайловича (*л. 73 об.*)	19) 7179 г. Свадьба Алексея Михайловича (*л. 73 об.*)	17) 7179 г. Свадьба Алексея Михайловича (*л. 103 об.*)

воначальному тексту добавлены разряды свадеб 1606 г. Лжедмитрия, 1608 — князя В. И. Шуйского и 1623 — Михаила Кайбулина (три рукописи). В одной рукописи разряд свадьбы 1623 г. помещен непосредственно после разряда свадьбы Ивана IV 1581 г., и еще в одной после свадьбы Магнуса 1573 г. идут разряды свадеб царя Михаила Федоровича 1624 и 1626 гг., а также свадеб 1648 и 1671 гг. царя Алексея Михайловича. В опубликованной Новиковым рукописи помещены все царские свадьбы XVII в.

Такой состав книг позволяет говорить о том, что, несмотря *на* позднее происхождение самих рукописей (40—70-е годы

XVII в.), они восходят к сборникам, составленным в 70-е годы XVI в. и 20-е годы XVII в.[27]

Анализ книг со свадебными разрядами показывает, что документация о брачных церемониях стала вестись в государственном архиве с 1526 г. — свадьбы Василия III и Елены Васильевны Глинской. Все более ранние известия (1495, 1500, 1506 гг.), хотя и названы в списках свадебными разрядами, фактически представляют различные документы официального делопроизводства, связанные со свадьбами. Исключение составляет лишь разряд свадьбы 1500 г. князя Василия Даниловича Холмского, который есть во всех сборниках, но его текст в разных списках не совпадает, иногда он сокращается до списка детей боярских, которые были «в поезде» великой княгини Софьи[28] (32.4.21; в остальных рукописях БАН этого списка вообще нет).

Тексты всех книг близки к публикации Новикова, особенно списки 32.5.11, 16.15.15, где иногда встречаются те же ошибки в именах, что и в публикации («Ниского» вместо «Глинского», «Полоцкого» вместо «Палецкого» и др.).

Кроме шести рукописных книг XVII—XVIII вв. со свадебными делами, аналогичная подборка есть в одном разрядном сборнике XVII в.[29] По составу лиц, записанных в качестве участников свадеб, он близок к опубликованному тексту, что было отмечено еще его владельцами. На л. 1 запись почерком XVIII в.: «Напечатана сия книга, т. е. в оной находящиеся свадьбы и разряды, первые в XIII, а вторые в XIII и XIV частях Древней Российской Вивлиоф[ики]». Здесь записаны разряды: 1) 7003 (1495) г., список приданого княжны Елены Ивановны; 2) свадьбы князя Василия Даниловича Холмского; 3) свадьбы царевича Петра; 4) свадьбы князя Василия Семеновича Стародубского; 5) 7034 (1526) г., свадьбы Василия III; 6) 7041 (1532) г., свадьбы князя Андрея Ивановича; 7) 7055 (1547) г., свадьбы Ивана IV; 8) 7056 (1547) г., свадьбы князя Юрия Васильевича; 9) 7062 (1554) г., свадьбы царя Симеона; 10) 7063 (1554) г., свадьбы князя Ив. Дм. Бельского; 11) 7063 (1555) г., свадьбы князя Владимира Андреевича; 12) 7080 (1571) г., свадьбы Ивана IV.

Состав свадебных разрядов этого сборника подробно исследовал Буганов. Он отметил его близость к аналогичным разрядам, опубликованным еще Новиковым, а также то, что комплексы свадебных документов чаще всего встречаются в составе Государева разряда 1584 г.[30]

Свадебные дела в рукописных сборниках отличаются от чер-

[27] Отдельные записи свадебных разрядов встречаются в различных разрядных сборниках. См. подробнее: *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962.

[28] Ср.: РК. М., 1966, с. 16—17.

[29] ГПБ, Q. IV. 53. Рукопись второй половины XVII в., скоропись, свадебные разряды на л. 1—144. В сборнике не дописан ряд киноварных заголовков и дат.

[30] *Буганов В. И.* Указ. соч., с. 188—198.

новых подлинников. В подлинных разрядах ход брачной церемонии не излагается, он зафиксирован в свадебном чине (сохранились подлинники чинов свадьбы Василия III с Еленой Глинской, в котором нет имен участников[31], свадьбы старицкого князя Андрея Ивановича, где перечислены лишь основные участники[32]). При описании более поздних свадеб — Ивана IV, старицкого князя Владимира Андреевича и др.— составители сборников, используя подлинные разряды, «оживляли» свадебный чин, воссоздавая ход свадьбы. Это ясно видно из сопоставления книг с документами XVI в. В дальнейшем при описании хода свадьбы в разрядах XVI в. и рукописях XVII—XVIII вв. сохраняется одинаковый порядок имен всех участников, но записаны они по-разному.

ДРВ	Разряд XVI в.
А на свадьбе у царя и великого князя Ивана Васильевича был брат его князь Юрья Васильевич, и на первый день сидел за столом в большом месте; а в материно место была князь Андрея Ивановича старицкого княгиня Ефросинья, а в тысяцких был князь Володимер Андреевич, брат великого князя [34].	Быти на свадьбе у великого князя князю Юрью Васильевичю, великого князя брату, на первой день за столом сидети в большом месте. А в материно место быти княж Андрееве Ивановичя княгине Ефросинье. А в тысяцких быти князю Володимеру Ондреевичю [33].
. . .	. . .
А в казне великия княгини были и в хоромех великия княгини сидели у платья великия княгини был дьяк Борис Иванович Сукин да Василей Григорьев сын Захаров. А к венчанью у великия княгини шел за саньми Борис же Сукин; а у завтраков во все три дни Борис же; и свадебные списки были у Бориса ж да и Бокана Митрофанова [37].	А в казне великие княгини и в хоромы великие княгини ходити [35] и у платья великие княгини быти Борису Ивановичю Сукину да с ним дьяку Василью Григорьеву Захарьину. А списком свадебном быти у Бориса ж, и к венчанью ити Борису... [36]
. . .	. . .
А у копя был и ездил около подклета боярин и конюшей князь Михаило Васильевич Глинской. А у князя Михаила был яселничей и дети боярские, которые у копя стряпают [39].	А у коня быти и ездити круг подклета боярину конюшему князю Михаилу Васильевичю Глинскому [38].

[31] ДРВ, т. XIII, с. 5—15.
[32] Там же, с. 19—27.
[33] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 5, л. 18, 31, 43.
[34] ДРВ, т. XIII, с. 29—30.
[35] В разных вариантах разряда здесь есть текст: «А постелничему Матфею Бурухину за санми ити и ходити в хоромех»; «у платья великие княгини» (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 5, л. 20, 34).
[36] Там же, л. 20.
[37] ДРВ, т. XIII, с. 31—32.
[38] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 5, л. 27. Слово «боярину» вписано.
[39] ДРВ, т. XIII, с. 34.

В рукописях XVII—XVIII вв. изменены все глагольные формы с повелительного наклонения (как в подлинниках) на прошедшее время. В них, как правило, приводятся имя, отчество и фамилия каждого участника, в подлинниках отчество упомянуто не всегда, например в разряде XVI в.— у изголовья княгини быть князю Василию Жижемскому, а в списке XVII в.— Василию Михайловичу Жижемскому; свечу великого князя в разряде XVI в. несут Иван Михайлов сын Юрьевича и князь Петр Горенский, а в списке XVII в.— «Иван Меньшой Михайлов сын Юрьевича да князь Петр княж Иванов сын Горенской»[40] и т. д.

Различен и состав свадебных дел, сохранившихся в подлинниках и рукописях XVII—XVIII вв. Среди документов XVI в. отсутствуют разряды свадеб Симеона Касаевича, Ивана Дмитриевича Бельского, царевича Ивана Ивановича, второй женитьбы старицкого князя Владимира Андреевича (1555 г.) и Ивана IV на Марфе Собакиной и Марии Нагой (1571, 1581 гг.). Кроме того, при публикации разряда свадьбы 1555 г. старицкого князя Владимира Андреевича вместо подлинного документа использован отрывок, помещенный в местническом деле Романа Алферьева с Нагими. В тексте разряда есть слова: «бил челом государю о местех печатник Роман Олферьев на меня, да на Федора да на Афонасья Нагих»[41]. И очевидно, этот документ относится не к свадьбе 1555 г., так как здесь упомянуты «думной дворянин Михаило Андреевич Безнин..., думной дворянин Роман Михайлович Пивов, думной дворянин Баим Васильевич Воейков»[42], которые в разряде свадьбы короля Магнуса 1573 г. записаны без чинов.

Таким образом, документы XVI—XVIII вв. о свадьбах XVI в. дают часто несопоставимый материал, т. е. до нас дошли от каждой свадьбы различные документы и ни одно из дел не сохранилось полностью. Однако основной состав участников, принимавших участие в особо важных церемониях, проследить можно.

Ускользает масса рядовых членов двора, которые «ездили поездом» с процессией, несли службу в Кремле; они записаны в разрядах отдельных свадеб.

Не следует исключать и того, что разряды и особенно чины свадеб, известные только по рукописям XVII—XVIII вв., могут носить черты обработки и некоторой реконструкции, связанной со стремлением авторов унифицировать имевшиеся в них различные документы.

Свадебные разряды составлялись так, чтобы в церемонии при-

---

[40] Там же, с. 32, 34.
[41] Там же, с. 84.
[42] Там же, с. 83; ср. с. 101—102.

няли участие наибольшее количество людей, которые имели на это право.

Первое деление участников можно провести по принципу: лица, которые «сидят за столом», и лица, которые участвуют в различных этапах самой церемонии. Для первой группы имели значение место, которое каждый занимал за столом, и, очевидно, день, в который он присутствовал на празднике. Эти материалы в свадебных разрядах, к сожалению, довольно фрагментарны; практически они сохранились от пяти свадеб, нет подробных росписей за каждый день свадьбы, хуже всего восстанавливаются имена жен участников свадеб, которые сидели за столом с великой княгиней (табл. 4).

Для второй группы было важно, в какой части церемонии каждый человек принимал участие. Описание самих церемоний не идентично для всех разрядов, почти для всех свадеб утрачен список рядовых участников, которые «ездили в поезде». Кроме того, при анализе материалов всегда следует иметь в виду ранг свадьбы. Естественно, что великокняжеская свадьба собирала правящую верхушку, а также тех, кому на участие в ней давали право сословные привилегии[43]. Состав участников этих церемоний можно свести в табл. 5. Сравнивая материал таблицы, можно сделать ряд наблюдений.

Свадьба *Василия III и Елены Глинской (1526 г.) отличается* от других не только бо́льшим количеством участников, но и тем, что вплоть до последних функций в церемонии ее участниками была титулованная знать. Высшие должности в ней несли удельные князья. Дружками были Д. Ф. Бельский, М. Ю. Захарьин и М. В. Горбатый. Князь Бельский был в дружках еще один раз на свадьбе Ивана IV (1547 г.), у князя Андрея Ивановича (1533 г.) он сидел в тысяцких. У Ивана IV был дружкой и сын М. Ю. Захарьина — И. М. Юрьев.

Наиболее ярко аристократичность свадьбы Василия III и Елены Глинской видна из состава тех, кто был с великим князем «у постели» и «в мыльне». Это князья И. В. Немой Телепнев и И. Ф. Овчина Телепнев, С. Д. Серебряный, П. Репнин, представители различных ветвей князей Оболенских, К. и Дм. Курлятевы, М. Кубенский, Б. Щепин, О. Тростенский, почти все участники принадлежали к роду Оболенских князей.

Все эти лица — члены Боярской думы или их ближайшие родственники: их предки также участвовали в подобных церемониях. Отец И. Ф. Овчины Телепнева с братьями были на свадьбе *князя В. Д. Холмского (1500 г.) вместе с Иваном Репней Оболенским (от него пошли Репнины)*. На дочери *И. В. Немого* Телепнева в 1527 г. после выхода из заточения женился

[43] Так, на свадьбе Василия III в 1526 г. тысяцким был его брат Андрей Иванович, а на большом месте — два других брата (Юрий и Дмитрий), хотя в остальных разрядах на большом месте был всегда один человек.

1533 г., января. Свадьба старицкого князя Андрея Ивановича и княжны Евфросиньи Андреевны Хованской [*1]	1547 г., 3 ноября. Свадьба князя Юрия Васильевича и Ульяны Дмитриевны Палецкой [*2]	1553 г., 5 октября. Свадьба царя Симеона Касаевича и Марии Андреевны Кутузовой [*3]
за столом против боярынь: боярин князь Д. Ф. Бельский, боярин Иван Хабар, боярин князь Б. И. Горбатый, боярин князь В. Шуйский, боярин князь И. Шуйский, Мих. Юр. Захарьин *рядом с боярами*: М. С. Воронцов, князь И. В. Пенков *в кривом столе*: князь М. Л. Глинский		*в большом столе*: бояре И. М. Шуйский, И. П. Федоров, И. Я. Морозов, окольничий И. М. Воронцов *в кривом столе*: И. П. Пронский Турунтай, И. Д. Шеин, В. Ю. Малого Траханиот, постельничий Игп. Вешняков *на окольничем месте*: боярин князь Д. Ф. Палецкий, Ф. Г. Адашев, А. Ф. Адашев
за столом с великой княгиней: Марфа, жена Д. Ф. Бельского, Орина, жена Юрия Захарьевича, жена князя И. Палецкого, Огрофена, жена Василия Андреевича, Олена, жена Ивана Андреевича *с княгиней Евфросиньей сидит*: жена Василия Петрова Борисова, жена Тимофея Васильева Борисова Марья, жена И. В. Пепкова	*у царицы в столе*: Марфа, жена Д. Ф. Бельского, Орина, жена И. Ф. Мстиславского. Анна, жена Петра Яковлевича, Анна, жена Василия Яковлевича, Фетинья, жена Ф. И. Сукина	

[*1] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 4, л. 8—9.
[*2] ДРВ, т. XIII, с. 43—44; ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 7, л. 4.
[*3] ДРВ, т. XIII, с. 61—62.
[*4] Там же, с. 75.
[*5] Там же, с. 53—54.
[*6] Там же, с. 81—82.

М. Л. Глинский. Зимин отметил, что во второй период правления великого князя Василия III роль Оболенских увеличилась [66].

С великим князем ходили М. Ю. Захарьин, М. Кубенский, И. Шигона Поджогин.

[66] *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в.— В кн.: Ист. зап. М., 1979, т. 103, с. 210—212, 216.

1554 г. 8 ноября. Свадьба И. Д. Бельского *и Марфы* Васильевны Шуйской [44]	Свадьбы старицкого князя Владимира Андреевича	
	1550 г., 24 мая с Авдотьей Александровной Нагой [45]	1555 г., 22 апреля с А. Р. Одоевской [46]
за столом против боярынь: И. М. Шуйский, Ф. И. Шуйский, В. Ю. Малого Траханиот, Никита Аф. Курцев	*за столом* Д. Ф. Бельский, И. П. Палецкий, Анд. Алекс. Квашнин	И. Ф. Мстиславский, Ю. М. Булгаков, Д. И. Немого
в кривом столе: Ю. М. Голицын, И. М. Воронцов	*в кривом столе*: Анд. Дм. Ростовский, В. С. Серебряный, Д. Ф. Карпов *в скамье*: И.-Ф. П. Головин, Ф. И. Сукин	Ф. И. Шуйский, М. Я. Морозов, Игн. Вешняков
на окольничем месте: боярин Д. И. Курлятев, окольничий Анд. Алекс. Квашнин *за приставкой*: окольничий С. И. Морозов, Алекс. Дан. Плещеев, А. Ф. Адашев	*на окольничем месте*: Д. И. Курлятев, В. В. Морозов, И. В. Морозов, И. Ф. Карпов	боярин князя Владимира Андреевича В. Темкин, Ю. М. и И. М. Воронцовы
	боярыни сидели: великая княгиня Анастасия, княгиня Ульяна, жена Юрия Вас., Стефанида, жена Ю. Д. Шеина, Марья, жена Д. Ф. Палецкого, Фетинья, жена В. Чулкова Ушатого	Марфа, жена И. Д. Бельского, Аксинья, жена Ю. М. Булгакова, Аграфена, жена В. Ю. Малого

Свечи и караван вместе с младшим поколением Оболенских князей несли А. М. и В. М. Нагие[45], И. Ф. и В. С. Карповы, В. В. Поплевин (из старомосковского боярского рода Морозовых).

[45] В конце XV — начале XVI в. Нагие принадлежали к одному из знатных тверских боярских родов. Свои родовые владения они сохранили еще в середине XVI в. Ф. М. Нагой в 1558 г. становится боярином (*Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв.— В кн.: АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 68—69; *Он же.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в.— История СССР, 1973, № 3, с. 133—134). Во второй половине XVI в. члены этой семьи играли видную роль в опричнине и породнились с царским домом.

1526 г., 28 января. Свадьба великого князя Василия III и княжны Елены Васильевны Глинской [*1]	1533 г., января. Свадьба старицкого князя Андрея Ивановича и княжны Евфросиньи Андреевны Хованской [*2]	1547 г., 3 февраля. Свадьба царя Ивана IV и Анастасии Романовны [*3]	1547 г., 3 ноября. Свадьба князя Юрия Васильевича и Ульяны Дмитриевны Палецкой [*4]
на большом месте: князья Юрий Иванович и Дмитрий Иванович	*на княжом месте*: И. В. Пенков	*на материном месте*: княгиня Евфросинья, жена Андрея Ивановича	*на княжом месте*: Н. Ф. Одоевский
тысяцкий: князь Андрей Иванович	*тысяцкий*: И. Ф. Бельский	*тысяцкий*: князь Владимир Андреевич	*тысяцкий*: князь Владимир Андреевич
дружки: Д. Ф. Бельский, М. Ю. Захарьин, М. В. Горбатый	*дружки*: бояре М. С. Воронцов, И. Д. Хомяк Пенков, В. П. Борисов, Т. В. Борисов	*дружки*: Д. Ф. Бельский, И. М. Юрьев, И. И. Пронский, М. Я. Морозов	*дружки*: В. С. Серебряный, боярин И. Г. Морозов, В. С. Карпов
ходить с великим князем: М. Юрьев, М. Кубенский, Шигона Поджогин	*у места*: князь Потул Волконский, Б. Д. Щепин	*ходить с великим князем*: Д. Ф. Юрьеву, Анд. Алекс. Квашнипу	*у места*: С. В. Яковля, И. М. Юрьев
у изголовей: В. Шереметев, князь Александр Кашин *у места*: И. Третьяков	*у постели*: Ю. А. Оболенский, В. П. Борисов, Т. В. Борисов Ф. Пронский	*у постели*: Ю. В. Глинский, Ф. И. Сукин, И. Ф. Мстиславский, В. П. Борисов, М. В. Жижемский	*у постели*: тверской дворецкий В. М. Юрьев
у постели: И. В. Немой Телепнев, С. Д. Серебряный, князь Б. Щепин, П. Репнин, О. Тростенский, И. Ф. Овчина Телепнев, К. и Д. Курлятевы		*в мыльне мыться*: Ю. В. Глинский, Ф. И. Сукин, Ю. Шемякин, А. Ф. Адашев, И. Ф. Мстиславский, Никита Романов	*у постели, в мыльне*: Никита Романович, И. П. Юрьев, князь Ю. Шемякин, И. Ф. Мстиславский, боярин и дворецкий Вас. Мих. и боярин А. Б. Горбатые, казначей Ф. И. Сукин
в мыльне мыться: князь И. Немой, М. Кубенский, И. Овчина, казначей Бурупов			
свечи несли: П. И. Телепнев Немой, И. Карпов, В. С. Карпов, И. Горенский	*со изголовьем*: И. Б. Хлызнев Колычев, князь Андр. Лыков	*свечи несли*: И. М. Юрьев, П. Горенский, *Антон Ромодановский*, Г. Плещеев	*свечи несли*: В. П. Яковля, П. Горенский, *Антон Ромодановский*, Г. Плещеев

1553 г., 5 октября. *Свадьба царя Симеона Касаевича и Марии Андреевны Кутузовой* [*5]	1554 г., 8 ноября. Свадьба И. Д. Бельского и Марфы Васильевны Шуйской [*6]	1550 г., 24 мая. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича и Авдотьи Александровны Нагой [*7]	1555 г., 22 апреля. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича и княжны Авдотьи Романовны Одоевской [*8]
	на княжом месте: И. Л. Салтыков	*отцово место*: Иван IV	*отцово место*: царь Симеон
тысяцкий: слуга М. И. Воротынский	*тысяцкий*: П. И. Шуйский	*тысяцкий*: Ю. М. Булгаков	*тысяцкий*: боярин князя Владимира И. И. Пронский
дружки: окольничий И. Я. Чоботов, казначей Ф. И. Сукин	*дружки*: В. М. Юрьев, Ф. М. Нагой, И. Я. Чоботов, Ф. И. Сукин	*дружки*: П. М. Щенятев, В. М. Юрьев, М. Я. Морозов, Ф. М. Нагой	*дружки*: И. Я. Чоботов, М. В. Яковля, Д. Ф. Карпов
у места: И. Д. Ростовский, И. Ю. Малого Траханиот	*у места*: дьяк И. Клобуков, Дятел Мошков	*у постели*: боярин князя Владимира Андреевича, Ю. А. Пенинский, Анд. Лыков, И. С. Ступишин	
у постели: Фед. Ильин Челищев, дьяк Борис Щепин		*у места*: М. Д. Ласкирев, И. С. Волынский	*у места*: Д. Г. Фомин, Анд. Дан. Шестунов
		свечи несли: Д. М. и О. М. Щербатого	*свечи несли*: Никон Никитин, Д. В. Заболоцкий
		фонари несли: А. А. Мансуров, М. Кашинцов, В. Шевригин, М. Сатин	*фонари несли*: Яков Васьков, Анд. Мансуров, Ф. Львов, В. Кашинцев
		вино нес: стольник князь Юрий Шемякин Пронский	*вино нес*: стольник Иван Петрович
свечи несли: дети *боярские царя Ст. Лыков, Меншик Колычев*	*свечи несли*: *М. Беклемишев, Ванька Погожий*	*изголовье несли*: сын боярский *Владимира Андреевича*, князь Ф. И. Лыков, И. Т. Борисов	*изголовье несли*: П. И. Волынский, *Яков Судимонтов*

1526 г., 28 января. Свадьба великого князя Василия III и княжны Елены Васильевны Глинской [*1]	1533 г., января. Свадьба старицкого князя Андрея Ивановича и княжны Евфросиньи Андреевны Хованской [*2]	1547 г., 3 февраля. Свадьба царя Ивана IV и Анастасии Романовны [*3]	1547 г., 3 ноября. Свадьба князя Юрия Васильевича и Ульяны Дмитриевны Палецкой [*4]
караваи несли: Игн. Жулебин, И. М. Тютчев, В. Волынский, М. Нагой	*колпак держит*: Ф. Пронского *у коня*: Б. И. Палецкий	*каравай несли*: Ф. И. Салтыков. М. И. Салтыков, Б. И. Салтыков, Л. А. Салтыков, В. П. Карпов, И. Ф. Карпов, В. Ф. Карпов, В. В. Коробов	*каравай несли*: Ст. Морозов, П. С. Злобин, Ф. И. Третьяков, Алеша Скрябин, В. Ф. Карпов, В. В. Коробов, М. А. Карпов
фонарь несли: В. В. Поплевин, И. Ф. Карпов, А. М. и В. М. Нагие		*фонарь несли*: Анд. и Фед. Коробовы, Б. М. и А. М. Нагие	*фонарь несли*: Ф. Коробов, В. Замыцкий, Б. М. и А. М. Нагие
у коня великого князя: Ф. В. Телепнев		*у коня*: М. В. Глинский	*у коня*: конюший князя Юрия И. И. Умный Колычев
у саней великой княгини: окольничий М. В. Тучков, Елизар Цыплятев		*у саней*: боярин великой княгини В. Ю. Малого Траханиот, Д. М. Жижемский	*у саней княгини*: дворецкий князя Юрия Сем. Жулебин, Е. И. Цыплятев, В. Д. Шеин

[*1] ДРВ, т. XIII, с. 15—18; ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 3, л. 2—3.
[*2] ДРВ, т. XIII, с. 20—27; ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 4, л. 1—9.
[*3] Прил. к главе IV.
[*4] ДРВ, т. XIII, с. 37—45; ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 7, л. 2—8.
[*5] ДРВ, т. XIII, с. 58—63.
[*6] Там же, с. 74—80.
[*7] Там же, с. 47—56.
[*8] Там же, с. 84—86.

Для разряда свадьбы 1526 г. характерно полное отсутствие родственников невесты. Правда, братья Михаила Глинского к этому времени умерли, сам он был в тюрьме, братья Елены Васильевны появляются в разрядах в 30—40-е годы, но на свадьбе нет и ни одной княгини Глинской, в том числе матери Елены [46].

[46] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания.— В кн.: Зап. Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1977, вып. 38, с. 122—123.

Таблица 5 (окончание)

1553 г., 5 октября. Свадьба царя Симеона Касаевича и Марии Андреевны Кутузовой [*5]	1554 г., 8 ноября. Свадьба И. Д. Бельского и Марфы Васильевны Шуйской [*6]	1550 г., 24 мая. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича и Авдотьи Александровны Нагой [*7]	1555 г., 22 апреля. Свадьба старицкого князя Владимира Андреевича и княжны Авдотьи Романовны Одоевской [*8]
каравай несли: дети боярские царя Н. И. Заболоцкий, Анд. Намазов, Борис и Безсон Колычевы	*каравай несли*: И. Мочков, М. Тетерин, Тихон Тырков, Ванька Ушаков	*каравай несли*: дети боярские Владимира Андреевича Г. Т. Борисов, Ф. С. Волынский, И. Ф. и Ф. Ф. Образцовы, Т. И. и И. И. Рожновы Долгорукие, Б. А. Плещеев, С. А. Кропоткин	*каравай несли*: дети боярские Владимира Андреевича И. Ф. Образцов, С. А. Кропоткин, Т. И. Рожнов Долгорукий, Осип Щербатый, Ник. Житов, Ф. Лыков, И. Волконский
фонари несли: дети боярские великого князя Игн. Заболоцкий, Г. Долгорукий, дети боярские царя Ф. Г. Колычев, Меншик Ивачев	*фонари несли*: Ф. Зезевитов, Сенька Мишурин, Тим. Дементьев, Анд. Клобуков		
		у коня: конюший Владимира Андреевича сын боярский Ю. Лыков	*у коня*: конюший Владимира Андреевича Б. Хованский
	камки слали: Юшка Нерыцкий, Аф. Загряцкой	*камки несли*: дети боярские великого князя Ю. Ф. Нагой, Дан. Сицкий	*камки несли*: И. Федоров, И. Старков, князь Богд. Петр. Ромодановский

Наиболее полно можно восстановить подготовку свадьбы Ивана IV 1547 г. По количеству участников и церемонии она похожа на свадьбу Василия III. Черновики свадебного дела позволяют не только определить ее пышность, торжественность, но и уяснить некоторые стороны ее организации, скорее связанные с политической борьбой того времени.

Во главе церемонии — на княжом месте и в тысяцких — были ближайшие родственники царя: его брат Юрий Васильевич и старицкий князь Владимир Андреевич. В первоначальном тексте еще не записана «в материно место» княгиня Евфросинья, она вписана позднее.

Состав участников не так аристократичен, как у Василия III, среди них много родственников царицы, родственники Глинских — Жижемские; увеличивается число представителей семей московского боярства, особенно Салтыковых, Нагих, Коробовых.

Увеличение числа рядового дворянства скорее можно связать с влиянием правительства Адашева; кроме самих Адашевых, на свадьбе появляются Карповы, Игнатий Вешняков, большая группа Салтыковых.

Перемены в составе участников, изменение роли отдельных лиц хорошо видны из вставок и вычеркиваний трех вариантов черновиков разряда свадьбы. Это единственный случай, когда на свадебных документах отразились различные этапы приказного делопроизводства XVI в.

Черновики свадебного разряда[47] 1547 г. составлены почти одновременно, имеют одинаковый заголовок: «Лета 7055-го декабря приговорил князь великий (вар: государь князь великий) Иван Васильевич всея Руси». Документы различаются по составу записанных лиц и некоторым деталям последовательности брачной церемонии. Возможно, они дополнялись и исправлялись одновременно и ни один не является окончательным разрядом[48].

Условно можно восстановить последовательность создания трех вариантов. Наиболее ранним среди них представляется вариант II. В нем сохранены первоначальные тексты, уже измененные в вариантах I и III, и нет части вставок двух других вариантов. Так, здесь сохранилось звание окольничего у Ивана Михайловича Юрьева (в вариантах I и II оно вычеркнуто, над строкой написано «боярин»). В. М. Тучков не записан дружкой княгини. Боярыни за столом великой княгини здесь — Анна, жена князя В. Л. Глинского, Анна, жена Петра Яковлевича, Анна, жена Василия Яковлевича, Ульяна, жена Ивана Михайловича Юрьева, Ульяна, жена кн. М. Щенятева (затем она вычеркнута). В вариантах I и III вычеркнуты Анна Глинская, Ульяна Щенятева и Ульяна Юрьева, вписана Настасья, жена князя В. В. Шуйского.

В варианте II нет записи о речи, которую должен говорить великому князю боярин Данило Дмитриевич Пронский; в варианте I она есть, но имя говорящего сначала было Иван Шемяка, затем исправлено; в варианте III этот исправленный текст вписан в основной, и на обороте листа записана сама речь[49]. В варианте II нет имени окольничего, собирающего детей боярских,— Ивана Иваповича Беззубцова; в варианте III оно вписа-

---

[47] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 5 [вариант I — л. 18—31 (см. Прил. к настоящей главе; далее ссылки даются на Прил.); вариант II — л. 32—42; вариант III — л. 43—54]. Водяные знаки на этих листах: I — фрагменты кувшина с розеткой и два варианта перчатки; II — фрагменты такого же кувшина; III — единорог.

[48] В частности, среди дружек великой княгини в варианте III не записан, а в вариантах I и II вписан Василий Михайлович Тучков с женой. В опубликованном тексте о нем сказано: «И Василей не был затем, что убился с коня, а была жена ево, а в Васильево место был дружка Михаила Яковлевич Морозов» (ДРВ, т. XIII, с. 30).

[49] Ср.: ДРВ, т. XIII, с. 31.

но; в варианте I оно уже есть в основном тексте. В то же время в варианте I есть полное имя дьяка Ивана Елизарова Цыплятева; в вариантах II и III нет фамилии Цыплятев.

В разных местах помещена запись о том, что кику великой княгини держит жена Федора Ивановича Сукина. В вариантах II и III она сначала была помещена после записи: «А у великие княгини зголовья быти князю Василью Жижемскому», после чего шло: «А у места быти казначею Ивану Ивановичю Третьякову», затем фразы с именем И. И. Третьякова и жены Ф. И. Сукина вычеркнуты, и запись о кике снова появляется как вставка после имен свах; в варианте I она помещена здесь же в основном тексте.

Наиболее отличаются списки боярынь, которым быть у постели.

Вариант I	Вариант II	Вариант III
Настасья, жена В. В. Шуйского; Оксинья, жена М. В. Глинского; Олена, жена Г. Я. Плещеева; жена Василия Юрьевича Малого (Глинская, Плещеева и Малого вычеркнуты и снова вписаны) Здесь же вычеркнуты: Фетинья, жена В. Г. Морозова, и Ульяна жена Романа Юрьевича	Настасья, жена В. В. Шуйского; без имени жена М. В. Глинского; Фетинья, жена В. Г. Морозова, и Ульяна, жена Романа Юрьевича	Анна, вдова В. Л. Глинского; жена Ю. В. Глинского Оксинья (обе вписаны). Из первоначального текста осталась жена М. В. Глинского. Вписаны жены Василия Юрьевича Малого и Григория Яковлевича Плещеева Олена; вычеркнута Настасья, жена Василия Васильевича Шуйского

В опубликованном в ДРВ тексте остались две боярыни, княгини Настасья Шуйская, жена Василия Васильевича, и Оксинья Глинская, жена Юрия Васильевича [50].

В вариантах I и II в первоначальном тексте нести второе «зголовье» поручено Ивану Меньшому Михайлову сыну Юрьева; в варианте I над строкой написано и зачеркнуто «Доложить», Юрьев вычеркнут и заменен Долматом Федоровичем Карповым; в варианте II сделана такая же замена, в варианте III записан только Карпов.

Такие переделки говорят о том, что все три сохранившиеся варианта свадебного разряда были рабочими документами, составленными практически одновременно, и если в варианте II чаще видны черты первоначального текста, то установить оче-

[50] Там же, с. 32.

редность вариантов I и III труднее; в разных местах то один, то другой имеют черты окончательного текста.

По черновикам свадебного разряда видно, что все время уточняется роль Б. И. Сукина, он следит за хоромами и платьем великой княгини, заменив здесь постельничего М. Бурухина, у него свадебные документы, а потом он же присутствует все три дня у завтраков великой княгини [51]. Первоначально Б. И. Сукин должен был стоять с чаркой великого князя, затем к нему перешли списки, а потом повысилась должность на церемонии. Стояние с чаркой отошло к дьяку Бакаке Митрофанову.

После того как М. Бурухин был заменен Б. И. Сукиным в хоромах великой княгини, он попал в должность при платье великого князя. Не совсем ясно, сохранилась ли она за Бурухиным: в одном варианте он вписан, в другом вычеркнут [52]. Эти перемены можно связать с увеличением роли и ответственности государевой казны [53].

Менялась роль Жижемских, родственников Глинских. Первоначально у изголовей великого князя и княгини были соответственно Дмитрий и Василий Жижемские [54]; Алексей и Михаил Жижемские были «на розсылке» у боярина Ю. В. Глинского; затем Д. М. Жижемского заменил В. П. Борисов, сын боярский князя Андрея Ивановича; Д. М. Жижемский был вписан в варианте III среди участников, которые «ходили у саней» великой княгини [55].

Роль же Игнатия Вешнякова, свойственника Адашевых, повышалась. Из сына боярского «на розсылке» у Ю. В. Глинского он стал «слать постель» вместе с А. Ф. и Д. Ф. Адашевыми [56].

По вставкам и исправлениям видно, как менялась на этой свадьбе роль Юрьевых. Д. Р. Юрьев заменил Д. Ф. Палецкого. Первоначально Д. Ф. Палецкий должен был ходить с великим князем и спать у его постели, затем эти функции отошли к Д. Р. Юрьеву, но и они были сокращены: Д. Р. Юрьев лишь «ходил перед великим князем» [57].

В раннем варианте разряда Василий Михайлович Юрьев должен был нести свечу великого князя к церкви, а Иван Меньшой Михайлович Юрьев — второе «зголовье». Затем Иван Меньшой заменил своего брата — ему поручили нести свечу, а Василий Юрьев понес «зголовье» великого князя вместо князя И. В. Пенкова [58]. Со вторым зголовьем шел Д. Ф. Карпов.

---

[51] Прил., л. 20.
[52] Прил., л. 20.
[53] *Шмидт С. О.* Указ. соч., с. 156—166.
[54] Прил., л. 21.
[55] Его отец М. В. Жижемский в Дворовой тетради записан по Ярославу (ТКиДТ. М., 1950, с. 208).
[56] Прил., л. 24, 25.
[57] Прил., л. 20.
[58] Прил., л. 28, 30.

В ходе подготовки повышалась роль В. М. Тучкова. Сначала он должен был ходить у саней великой княгини, затем его заменил боярин великой княгини Василий Юрьевич Малого Траханиот, а Тучков попал в дружки невесты. Здесь его жена — сваха — заменила жену Траханиота [59].

Эти изменения относятся к более низким слоям Государева двора, принимавшим участие в свадьбе.

Роль Глинских, Д. Ф. Бельского, И. Ф. Мстиславского, Ю. И. Шемякина, нескольких Салтыковых не меняется. Колебалась роль Шуйских. Первоначально И. М. Шуйский с А. Б. Горбатым и Д. Ф. Палецким были записаны как дружки великой княгини. Затем их место заняли И. И. Пронский и В. М. Тучков [60]. В одном из вариантов на месте великого князя сидит дочь В. В. Шуйского. В окончательном варианте в свадьбе участвует лишь жена В. В. Шуйского, которая первоначально записана среди боярынь, которые «сидят за столом» вместо княгини Анны Глинской [61].

Интересны сведения свадебного разряда о перемене думных чинов. К таким известиям мы относим те, где звание вписывается в первоначальный текст или соответственно более высокое заменяет первоначальное, более низкое. Все три варианта разряда являются черновиками, составленными в декабре 1546 г.— январе 1547 г., скорее в начале подготовки свадьбы, о чем свидетельствуют многочисленные пометы: «Доложить», «Поговорить», «Кому великий князь прикажет». Соответственно получение новых титулов, зафиксированное в них, можно также относить к началу подготовки к свадьбе, тем более что к этому же времени относятся рождественские праздники, которые, вероятнее всего, сопровождались наградами.

К таким переменам можно отнести замену в тексте звания окольничего у имени И. М. Юрьева на звание боярина. Зимин связывает получение Юрьевым боярского звания с этой свадьбой, но относит его к февралю 1547 г. Д. Р. Юрьеву в тексте разряда приписано звание окольничий; Зимин датирует его получение также февралем 1547 г. Ю. В. и М. В. Глинские регулярно выступают здесь с боярским званием; Зимин также считает, что они получили боярство в январе 1547 г. [62]

В варианте III И. И. Хабарову приписано звание «боярин», это самое раннее упоминание; Зимин считал, что он стал боярином летом 1547 г. [63] С боярским званием выступает и Д. Ф. Бельский.

Черновикам свадебного разряда 1547 г. предшествует также список бояр, окольничих, дворецких, казначеев, стольников, стряп-

---

[59] Прил., л. 20.
[60] Прил., л. 18.
[61] Прил., л. 19, 22.
[62] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы..., с. 59.
[63] Там же.

чих[64] с вписанными и вычеркнутыми именами, пометами о местонахождении отдельных лиц («на Новегороде», «на Пскове», «в Смоленске» и др., чаще всего упоминаются пометы «х Казани»). По положению документа в архивном деле можно предположить, что он составлен в связи со свадьбой Ивана IV зимой 1546/47 г.

Однако пометы о местопребывании отдельных лиц, имеющиеся в деле, заставляют пересмотреть такое предположение. В ноябре 1547 г. начался поход на Казань. В декабре Иван IV приехал во Владимир, где собиралось войско, затем пошел с войском в Нижний Новгород и в феврале 1548 г. дошел до острова Роботка на Волге. Отсюда царь вернулся в Москву, а войско под командованием Д. Ф. Бельского двинулось дальше[65]. Подробные разрядные записи похода 1547—1548 гг. позволяют проследить состав его участников на разных этапах и сравнить их со списком свадебного дела и его пометами.

Пометы «х Казани» в списке из свадебного дела есть над именами бояр Д. Ф. Бельского, И. М. Шуйского, И. П. Федорова, Д. Д. Пронского и окольничего И. И. Колычева. Все упомянутые бояре соединились с царем во Владимире, были распределены по полкам и позднее пошли без него к Казани; только И. П. Федоров был отпущен «по болезни». В этом же походе «с нарядом» был В. Д. Шеин; такая же помета над его именем есть в списке.

А. Д. Ростовский, о котором в списке помета «в Володимере», назначен туда в июле 1547 г. Наиболее позднее упоминание о И. И. Хабарове — «в Смоленске». Он остался там годовать наместником с крещения (декабря) 1547 г. и пробыл до декабря 1549 г.[66]

Есть в списке и другие бояре и окольничие, которые сопровождали царя в походе 1547—1548 гг. или остались в Москве с князьями Юрием Васильевичем и Владимиром Андреевичем. В Москве остались бояре И. Г. Морозов, М. И. Кубенский, Г. Ю. Захарьин. С царем уехали бояре Д. Ф. Палецкий, М. В. Глинский, окольничие Ф. М. Нагой и Г. В. Морозов, дворецкие Д. Р. Юрьев, Д. Ф. Карпов.

Кроме этих лиц, упомянутых в разрядах и списке, в последнем есть еще бояре Ю. М. Булгаков[67] (с пометой «на Новегороде»), Ф. И. Шуйский, Ю. И. Темкин[68] («на Пскове»), И. И. Пронский («х Казани»), В. М. Щенятев, И. А. Катырь Ростовский («болен»); окольничие Д. Р. Юрьев, И. Д. Шеин, дворецкий В. М. Тучков, а также казначеи, стольники, стряпчие.

[64] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 5, л. 11—16. См.: *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 42—43, 52.

[65] ПСРЛ. М., 1965, т. 29, с. 55; ср.: РК, с. 112—117.

[66] РК, с. 112, 119. См.: *Назаров В. Д.* О структуре..., с. 45.

[67] В апреле 1546 г. и мае 1548 г. участвовал в походе на Коломну, позднее служил в Коломне и Кашире (РК, с. 109, 116).

[68] Участвовал в походах 1541 г. против Саиб-Гирея и в 1549 г. годовал в Коломне (РК, с. 102, 118).

Очевидно, этот документ составлен в конце 1547 г., а затем использован как черновик при составлении разряда для какого-то другого придворного праздника. Отсутствие в разрядах сведений о службе Ю. М. Булгакова и Ю. И. Темкина в Новгороде и Пскове можно объяснить тем, что они посылались туда не на постоянную службу, а с поручениями. Это предположение тем более правомерно, что в разрядах вообще нет сведений о службе Ю. Булгакова за 1547 г., а Ю. Темкина — за 1542—1548 гг.

Сравнение этого списка с данными Зимина позволяет сделать еще несколько выводов. Основная масса лиц, записанных в нем, получила думные чины в 40-е годы и особенно много — в 1547 г. Это М. В. Глинский, Г. Ю. Захарьин, Д. Ф. Палецкий, Д. Д. Пронский, И. П. Федоров, И. И. Хабаров, И. Д. Шеин, В. М. Щенятев [69]. Список позволяет уточнить некоторые даты, приведенные Зиминым. О И. А. Катыре Ростовском здесь есть помета «болен», Зимин пишет, что он умер в 1549—1550 гг., но, очевидно, его активная политическая деятельность кончилась раньше, последний раз он упомянут в июле 1547 г. воеводой во Владимире. В. М. Щенятев, ставший боярином в 1546—1547 гг., по Зимину, умер тогда же, в 1546—1547 гг. Эту дату можно уточнить. В декабре 1546 г. он наместник в Смоленске, а с декабря 1547 г. на его место назначен И. И. Хабаров [70]. Производство Ю. И. Темкина в бояре скорее следует отнести к лету 1547 г., когда, по Зимину, стали боярами его единомышленники, а не к 1549 г., как писал Зимин, опираясь на разряды.

В то же время в списке есть не все бояре, а сторонники определенной политической группировки, ближайшие соратники царя в 1547 г.

К разряду свадьбы Ивана IV близок разряд свадьбы Юрия Васильевича, состоявшейся 3 ноября 1547 г. Не исключено, что здесь использованы документы от свадьбы царя.

Как и на свадьбе Ивана IV, тысяцкий у Юрия — князь Владимир Андреевич.

В церковной церемонии участвуют почти все те же лица, которые были на свадьбе Ивана IV. Сохраняются три из четырех человек, которые несут в церковь свечи, фонарь, два из семи, которые несут каравай. У коня князя — конюший Юрия Васильевича; у саней княгини — его дети боярские (что сближает эту свадьбу со свадьбами удельных князей).

Среди лиц, которые находились при Юрии «у постели», преобладают Юрьевы и Захарьины. Несмотря на близость по времени женитьбы обоих братьев, на свадьбе Юрия нет людей, принадлежавших к Избранной раде и фактически участвовавших в управлении государством, как это было у Ивана IV. Нет здесь

---

[69] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы..., с. 54—56. Из других лиц М. И. Кубенский стал боярином в 1537 г., И. М. Шуйский — в 1538 г., А. Д. Ростовский — в 1542 г.

[70] РК, с. 112, 114.

и родственников невесты. Из служилых князей присутствует только И. Ф. Мстиславский (как и на свадьбе Ивана IV, «у постели» и «моется с князем»), а «на княжом месте» Н. Ф. Одоевский, в других свадьбах он не участвует. Собственно, если бы от свадьбы Ивана IV не сохранился список лиц, которые «сидят в столе», можно было бы думать, что Шуйские отстранены от этой церемонии. Нет их и на свадьбе у Юрия; кроме того, нет и Бельских.

В разряде упомянуты только боярыни великой княгини, которые «сидели» с ней, когда приезжала жена Юрия Ульяна; в списке есть Марфа, жена Д. Ф. Бельского, и нет Шуйской.

Сходны по составу участников свадьбы старицких князей — Андрея Ивановича (1533 г.) и его сына Владимира Андреевича (1550 и 1555 гг.). От великокняжеских они отличаются большим количеством членов удельного двора, игравших роль в различных этапах церемонии.

Государев двор на свадьбе 1533 г. был представлен И. Ф. Бельским (тысяцкий), боярином М. С. Воронцовым и И. Д. Пенковым (дружки). Воронцов стал боярином незадолго перед этой свадьбой, в июле 1532 г.; как и другие члены Думы, он имел большое влияние в последние дни жизни Василия III, когда решался вопрос о регентском совете[71]. И. Д. Пенков, женатый на сестре Елены Глинской, был в родстве с великокняжеским домом. Он стал боярином в 1534 г.[72]

Большая роль в свадебной церемонии отводилась В. П. и Т. В. Борисовым. Они — дружки княгини, их жены — свахи. Они стелют постель на дворе князя Андрея, их жены «сидят» с княгиней. Борисовы Бороздины принадлежали и одному из знатнейших родов тверского боярства, они владели родовыми землями в Старице. Постепенно с конца XV в. отдельные члены этой семьи переходят на службу к московским великим князьям[73]. Очевидно, здесь они выступают как члены двора Андрея Ивановича, хотя позднее В. П. Бороздин уже участвует в свадьбе Ивана IV.

В остальных церемониях принимают участие лишь члены двора старицкого князя. У княжова места — князь Потул Волконский и Б. Д. Щепин, «со зголовьем» — И. Б. Хлызнев Колычев и князь А. Лыков (из Оболенских). У постели князя — кроме Борисовых, Ю. А. Оболенский и Ф. Пронский.

Отдельные ветви Оболенских князей были связаны службой со Старицким уделом[74]. Брат присутствующего на свадьбе А. И. Лыкова, Иван, позднее стал боярином князя Владимира Андреевича.

---

[71] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы..., с. 52—54.

[72] Там же, с. 54.

[73] *Зимин А. А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств..., с. 131—132.

[74] *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава..., с. 214—216.

Более аристократично выглядит на этой свадьбе состав гостей «за столом». Кроме Бельского и Воронцова, здесь В. В. и И. В. Шуйские, Иван Хабар, М. Ю. Захарьин, Б. И. Горбатый, М. Л. Глинский.

Обе свадьбы старицкого князя Владимира Андреевича (1550 и 1555 гг.) близки по составу участников к свадьбе его отца. В нем заметно преобладает число представителей удельного двора.

«Отцово место» в 1550 г. занимает Иван IV, а в 1555 г.— царь Симеон; тысяцкий в 1550 г.— Ю. М. Булгаков[75], а в 1555 г.— боярин князя Владимира И. И. Пронский.

Дружки в 1550 г.— П. М. Щенятев, В. М. Юрьев (его брат — дружка на свадьбе Ивана IV), М. Я. Морозов (дружка Ивана IV) и Ф. М. Нагой; в 1555 г.— И. Я. Чоботов, М. В. Юрьев, Д. Ф. Карпов.

Все остальные обязанности на свадьбе были у членов двора Владимира Андреевича. Здесь интересен не только этот факт, но и то, что в обеих свадьбах участвуют одни и те же люди, часто с одной и той же функцией.

Среди участников опять много потомков Оболенских князей (Лыковы, Долгорукие, Щербатов, Нагой), что подтверждает выводы Зимина о роли Оболенских князей в политической жизни России. Уже в первой половине XVI в. это были измельчавшие семьи (в родословных книгах середины XVI в. записано около 50 Оболенских князей), иногда служившие с поместий, часто переходившие на службы в уделы[76].

Борисовы и Житовы на свадьбах старицкого князя — все те же тверские бояре Борисовы Бороздины, семья которых активно участвовала в церемониях 1533 г. Андрей Мансуров и Василий Кашинцов — участники великокняжеских свадеб, где они выступали на самых мелких ролях и не попадали в разряд.

А «за столом» на обеих свадьбах князя Владимира представлена вся правящая верхушка — служилые князья и Боярская дума. В 1550 г. это Д. Ф. Бельский, И. П. Палецкий, А. А. Квашнин (он неоднократно действовал в разряде свадьбы Ивана IV); в 1555 г.— И. Ф. Мстиславский, Ю. М. Булгаков (тысяцкий свадьбы 1550 г.), Д. И. Немово Оболенский[77]. В «кривом столе» на свадьбе в 1550 г. сидели бояре А. Д. Ростовский, В. С. Серебряный, Д. Ф. Карпов; в 1555 г.— Ф. И. Шуйский (как уже говорилось, Шуйские очень редко принимали участие в свадьбах), М. Я. Морозов (*дружка на свадьбе 1550 г.*) и *Игнатий Вешняков*, который участвовал только в свадьбе Ивана IV.

Особенно представительным был состав участниц свадьбы

---

[75] Ю. М. Булгаков, один из потомков Патрикия, был активным сторонником Глинских (Там же, с. 202).

[76] Там же, с. 208—216.

[77] Его отец — участник свадьбы Василия III, а он сам через Глинских в родстве с Иваном IV.

1550 г. Здесь была царица Анастасия, жена князя Юрия Васильевича Ульяна, жены бояр Ю. Д. Шеина, Д. Ф. Палецкого (мать Ульяна) и жена В. Чулкова.

На свадьбе 1555 г. *присутствовали только жены бояр* И. Д. Бельского, Ю. М. Булгакова и В. Ю. Малого Траханиота, который в разрядах свадеб 40-х годов записан как боярин великой княгини.

Таким образом, *и состав гостей на свадьбе 1550 г. более аристократичен, чем состав участников разряда.*

И наконец, *разряды еще двух свадеб того же времени* — казанского царя Симеона Касаевича (1553 г.) и И. Д. Бельского (1554 г.) — не только раскрывают социальный состав участников, но и позволяют говорить о закономерностях этого состава.

На свадьбах царя Симеона и И. Д. Бельского (и среди участников, и среди гостей) отсутствуют члены царской семьи.

Тысяцким на свадьбе у царя Симеона был слуга М. И. Воротынский, а у И. Д. Бельского — П. И. Шуйский, родственник невесты.

Очень характерен состав дружек: у Симеона — окольничий И. Я. Чоботов и казначей Ф. И. Сукин; у Бельского — В. М. Юрьев, Ф. М. Нагой, И. Я. Чоботов и Ф. И. Сукин. Из них Нагой, Юрьев и Чоботов были также дружками на свадьбах Владимира Андреевича. Кроме того, Юрьев и Нагой записаны в разряде царской свадьбы 1547 г.

В таких ролях, как «носить» свечи, караваи, фонари, у Симеона выступали члены его двора, причем часто это представители тех же семей, которые служили старицким князьям,— Колычевы, Лыковы, Долгорукие.

Для тех же функций на свадьбе И. Д. Бельского были назначены рядовые члены Государева двора — И. Погожий, М. Тетерин, А. Клобуков и др. Такие участники, как И. Мочков, Т. Тырков, И. Ушатый, не записаны в Дворовой тетради. Поскольку в аналогичных случаях на свадьбах князя Владимира и царя Симеона участвуют члены их дворов, можно предположить, что и здесь записаны дети боярские, непосредственно служившие князьям Бельским. Члены Государева двора, участники этой свадьбы, были незнатные, в XVI в. их росписи не попали в родословные книги.

Среди гостей за столом на обеих свадьбах были Шуйские. *Если на свадьбе 1554 г. их присутствие было вызвано тем,* что выходила замуж Марфа Васильевна Шуйская, то присутствие на свадьбе царя Симеона И. М. Шуйского относится к редким явлениям для подобных торжеств.

На свадьбе царя Симеона также появляются Игнатий Вешняков, Ф. Г. и А. Ф. Адашевы, у И. Д. Бельского — один А. Ф. Адашев, причем Адашевы занимают самое низкое место среди гостей. Безусловно, их присутствие можно объяснить только той ролью, какую в эти годы играл Алексей Адашев; он появляется еще раз в разряде свадьбы царя 1547 г.

Сравнение разрядов последних царских свадеб 1571, 1574 и 1581 гг. (невесты Марфа Собакина, Анна Васильчикова и Мария Нагая — см. табл. 6) в их сопоставимых частях дает возможность сделать ряд выводов.

Семьи двух первых невест не принадлежали к опричным. Кобрин, составивший наиболее полный и подробно прокомментированный список членов опричного двора, относит к нему лишь Григория Андреевича Васильчикова, и то по одному упоминанию о его посылке из Слободы в Москву в 1570 г.[78] Скрынников также не называет Собакиных опричниками, скорее можно предположить, что он относит их к земцам[79], хотя автор считает, что Собакины, возможно, состояли в дальнем родстве с видным опричником Малютой Скуратовым[80]. Зимин, наоборот, писал, что Собакины были опричниками и свадебный разряд представляет собой список опричного двора[81].

Сопоставление списка участников свадьбы 1571 г. со списком опричного двора скорее убеждает, что действительно в этом торжестве, кроме родственников невесты и лиц, названных Зиминым, все остальные или непосредственно известны как опричники, или принадлежали к семьям, где были опричники. Собакиных трудно только по выбору царской невесты из этой семьи причислить к опричникам, тем более что опричниками не были и родственники шестой жены царя, Анны Колтовской. Но, как отмечают исследователи, все три семьи (Собакины, Колтовские, Васильчиковы) еще в 50-е годы записаны в Дворовую тетрадь, т. е. принадлежали к Государеву двору, к его незнатным слоям.

Свадебные разряды 1571 и 1574 гг., если исключить семьи невест, очень близки по составу записанных лиц. Они показывают, что эти незаконные, с точки зрения православной церкви, браки совершались тихо, среди наиболее близких царю лиц; они не имели значения государственного торжества, которое, несомненно, было присуще свадьбам первой половины — середины XVI в. В разряде свадьбы 1581 г. записано меньше лиц, чья роль в церемонии сопоставима с двумя предшествующими свадьбами царя.

Еще Скрынников отметил, что на свадьбе 1574 г. присутствовало много представителей семьи Колычевых. Автор считает это «свидетельством исключительного положения Колычевых при дворе»[82]. Сравнение списка лиц из семьи Колычевых, участвовавших в свадьбе, с данными по истории их семьи, приведенными Зиминым[83], показывает, что в 70-е годы выдвинулись предста-

[78] *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного.— В кн.: АЕ за 1959 год. М., 1960, с. 29.

[79] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969, с. 141—142, 179.

[80] Там же, с. 141.

[81] Исключение, по его мнению, составляли только дьяки Щелкаловы и боярин И. В. Шереметев, которые принадлежали к земщине (*Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 348—352).

[82] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины, с. 9—10.

[83] *Зимин А. А.* Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв.— В кн.: АЕ за 1963 год. М., 1964.

Участники свадеб 1571, 1574 и 1581 гг.

Участие в свадебной церемонии	1571 г., октябрь. Свадьба царя Ивана IV и марфы Собакиной [*1]
большое место	царевич Федор
тысяцкий	царевич Иван
дружки царя	Иван Сабуров, Каллист Собакин
дружки царицы	Борис Годунов, Малюта Скуратов
перед государем ходили	Борис Васильевич Собакин, Парфен Иванович Собакин, Степан Васильевич Собакин, Андрей Игнатьев
за санями	*царя*: Дмитрий Годунов, Никита Дмитриевич Собакин, Григорий Хитров
ясельничий	Иван Дмитриевич Овцын
у платья царя	Иван Жирового Засекин
в мыльне с царем мылись	Борис Васильевич Собакин, Каллист Васильевич Собакин, Парфен Иванович Собакин, Борис Годунов, Богдан Бельский
вино нес	Григорий Осипов Полев
у изголовья	князь Иван Козловский
сорок соболей держал	Петр Собакин
свечи несли	Степан и Федор Волковы, Семен Велин, Иван Бибиков
за столом сидели	Петр Тутаевич Шейдяков, Федор Михайлович Трубецкой, Иван Меньшой Шереметев, Дмитрий Андреевич Бутурлин, Григорий Папин Сабуров, Тимофей Плещеев, Иван Черемисинов, Василий Степанович Собакин, Григорий Васильевич Собакин, Василий Степанович Собакин

[*1] ДРВ, т. XIII, с. 92—93.
[*2] ИРГО, вып. 1, с. 8—12.
[*3] ДРВ, т. XIII, с. 112—115.

вители младших ветвей рода (Лошаковы Колычевы, Умного Колычевы, Лобановы Колычевы); опричник в разряде только один — Василий Иванович Умного, который, по предположению Скрынникова, с конца 1572 г. стал преемником Малюты Скуратова и был одним из самых выдающихся руководителей ближней думы царя [84]. Остальные участники свадьбы появились в разря-

[84] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины, с. 9—11.

1574 г., октябрь-ноябрь. Свадьба царя Ивана IV и Анны Васильчиковой [82]	1581 г. Свадьба царя Ивана IV и Марии Нагой [83]
царевич Федор	цервич Федор
церевич Иван	царевич Иван
Борис Годунов, Яков Иванов Старого	Василий Иванович Шуйский, Богдан Яковлевич Бельский
Игнатий Колычев, Назарий Васильчиков	Борис Федорович Годунов, Михаил Александрович *Нагой*
Иван Васильевич Милюков, Богдан Яковлевич Бельский, Иван Алексеев Мансуров	
царицы:	*царицы*:
Воин Кондырев, Нехороший Хлопов	Иван Васильевич Годунов, Матвей Васильевич Воейков, дьяк Афанасий Демьянов
Иван Назарьев Хлопов	
Нехороший Хлопов, Петр Григорьев	
Борис Годунов, Богдан Бельский, Никита Васильчиков, Федор Григорьев Старого	
Петр Фомин Головин	Федор Иванович Хворостинин
Матвей Третьяков сын Лошаков Колычев	Панкрат Яковлевич Салтыков
Михаил Васильев Милюков	Григорий Афанасьевич Нащокин, Матвей Воейков
Венедикт Борисов Колычев, Андрей Васильев Безобразов, Федор Васильев Головин, Верига Третьяков Бельский	
Григорий Андреевич Васильчиков, Илья Андреевич Васильчиков, Петр Тутаевич Шейдяков, Федор Михайлович Трубецкой, Василий Иванович Умный Колычев, Борис Давыдович Тулупов, Алексей Михайлович Старого, Федор Матвеевич и Юрий Матвеевич Булгаковы, Тимофей Данилович Колычев, Иван Петрович Шуйский, Дмитрий Иванович Годунов	Федор Михайлович Трубецкой, Дмитрий Иванович Годунов, Степан Васильевич Годунов, Иван Васильевич Годунов, Роман Васильевич Алферьев, Василий Григорьевич Зюзин, Деметша Иванович Черемисинов, Семен Федорович, Федор Федорович, Афанасий Федорович Нагие, Иван Григорьевич Нагой

дах в 60—70-е годы, из них Венедикт Борисов — это племянник митрополита Филиппа, Игнатий Федоров Лошаков, кроме царской свадьбы, участвовал в свадьбе датского короля Магнуса и старицкой княжны Марии Владимировны [85].

[85] *Зимин А. А.* Колычевы и русское боярство..., с. 61—69. Он был «в поезде». Среди других «в поезде» этой свадьбы были Петр Степанович, Ники-

Еще характернее выглядит разряд свадьбы 1581 г. царя и его седьмой жены, Марии Нагой. Кроме семьи невесты, в ней участвуют исключительно приближенные царя. Особенно много на ней присутствовало Годуновых, к этому времени родственников царевича Федора. Как показал Зимин, многие из тех, кто записан в разряде, вошли в состав Боярской думы, особенно много среди них думных дворян [86]. Скрынников называет многих участников свадьбы 1581 г. среди членов «дворовой думы», которая состояла из лиц, наиболее близких и царю и менее родовитых, чем «земская дума» [87].

Эти наблюдения еще раз подчеркивают «семейный», а не государственный характер последних царских свадеб.

Разряд еще одной свадьбы — Ивана IV и Анны Алексеевны Колтовской (1572 г.) — не сохранился [88], но две родословные росписи Колтовских, поданные в Разряд в 80-е годы XVII в.[89], позволяют достаточно детально проследить историю этого рода (схема 4). Своим родоначальником Колтовские в обеих росписях назвали Ивана Андреевича, потомка Михаила Сорокоума. Потомками Михаила в первой половине XVI в. считались многие лица, служба их предков в Москве начинается еще в XV в.[90] Происхождение Колтовских из рода Сорокоумовых Глебовых было официально закреплено в XVII в., но позднее в историографии оно подвергалось сомнению [91]. Обе росписи Колтовских XVII в. имеют одинаковую схему родства, одна из них дает потомков пяти сыновей Михаила Ивановича Колтовского, другая — только двух (Игнатия — предка царицы Анны Алексеевны — и Якова).

В разрядах конца XV — первой половины XVI в. есть лишь два упоминания о Колтовских. В 1492 г. Федор Михайлович Колтовской был с «татарами на алексинских местах»; в июле 1537 г. наместником в Рязани назван Истома Колтовской [92]. С 1560 г.

та Дмитриев, Степан и Иван Дмитриевы Собакины, родственники царя (ДРВ, т. XIII, с. 101—102).

[86] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы..., с. 77—80.

[87] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины, с. 104—105. Разряд свадьбы содержит только год — 7089, и в литературе принята дата 1581 г. Скрынников считает, что свадьба была осенью 1580 г. (Там же, с. 67).

[88] Новиков при публикации свадебных разрядов назвал Колтовскую Дарьей Ивановной (ДРВ, т. XIII, с. 111). Зимин называет ее Анной-Марией (*Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного, с. 352, 470). В росписи XVII в., поданной Колтовскими в Палату родословных дел, царица названа Анной Алексеевной (ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 18, 46), а в сметном списке новгородских четвертных доходов на 1620/21 г. упоминается о жаловании царице старице Дарье в тихвинский Введенский монастырь (Опись Новгорода 1617 г. М., 1984, с. 228). Очевидно, царицу звали Анной Алексеевной, в монашестве Дарьей. Новиков назвал Марфу Собакину третьей женой Ивана IV, Анну Васильчикову — четвертой, Марию (без фамилии) — пятой и Анну Колтовскую — шестой. Поскольку даты свадеб царя известны, Васильчикову и Колтовскую надо поменять местами. Вообще, в списке невест царя Ивана много легендарного.

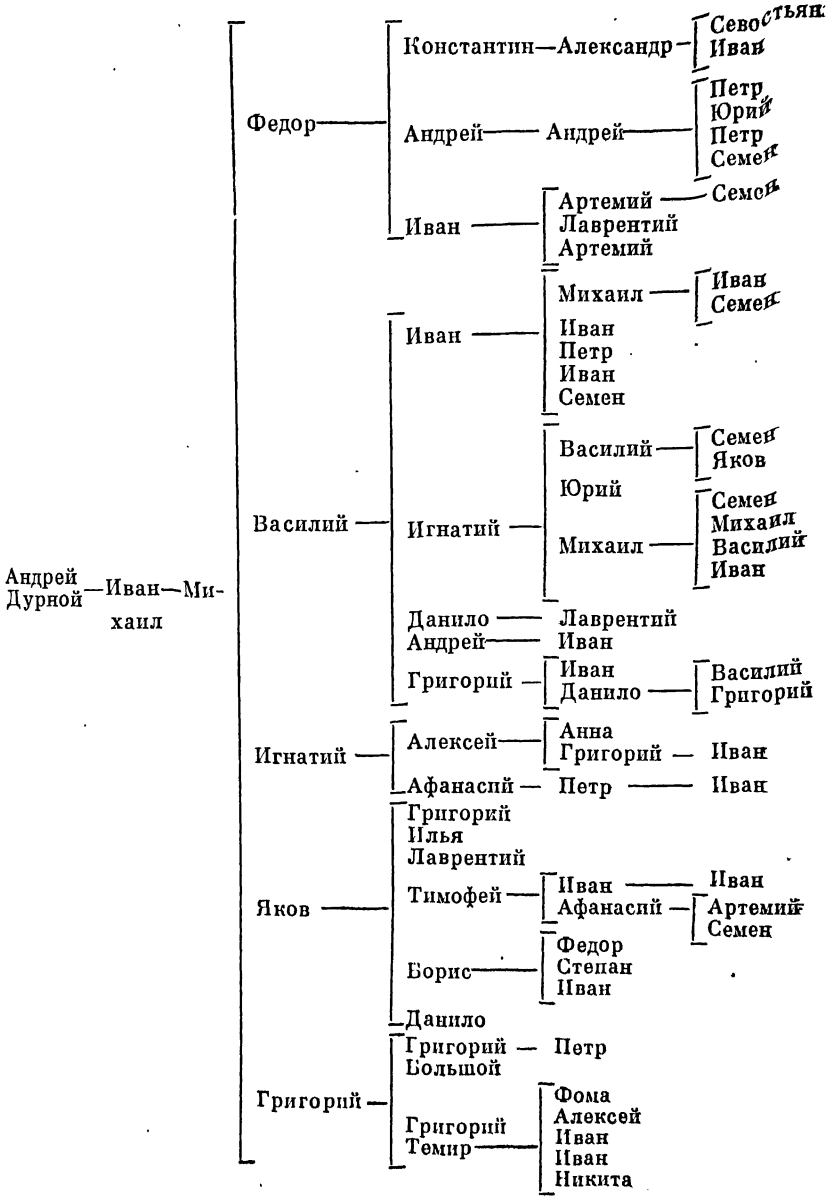
[89] ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 18, 46.

[90] *Лихачев Н. П.* «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897.

[91] Там же, с. 94.

[92] РК, с. 91; РК I. М., 1977, т. I, ч. 1, с. 31.

Родословная схема Колтовских *



* ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 18, 46.

упоминания в разрядах о Колтовских систематические, чаще всего они воеводы в пограничных городах: Мценске, Новосили, Стародубе, Рыльске.

Большая группа Колтовских записана в Дворовой тетради по Коломне, три человека — по Кашире, два — по Тарусе [93]. Сопоставление этих имен с родословной росписью позволяет установить их родственные связи. Алексей Горяинов, о котором в Дворовой тетради написано «в полону умре», и его брат Афанасий — это отец и дядя царицы Анны Алексеевны. Рядом с ними записан брат царицы Григорий Алексеев. Очевидно, дед Анны — Игнатий Михайлов — имел прозвище Горяин, которое не упомянуто в родословной росписи XVII в. Брат Анны Григорий в 1572 г. женился на двоюродной сестре опричника князя Б. Д. Тулупова, который таким образом породнился с царем [94].

Несколько Колтовских участвовали в походе на Новгород 1572 г. «С государем» записаны Григорий Алексеевич и Александр Константинович Колтовские, брат царицы и старший член семьи в этом же поколении [95]. «С третьим саадаком» упомянут двоюродный брат царицы Петр Афанасьевич Колтовской, «в окольничих» — Данило Григорьевич, записанный и в Дворовую тетрадь [96]. С 1576 по 1592 г. регулярно участвует в походах Артемий Иванович Колтовской, также представитель старшей ветви, двоюродный брат Александра; его отец Иван Федорович Колтовской записан умершим в Дворовой тетради по Тарусе [97].

Кроме Артемия Ивановича в 70—80-е годах в разрядах есть Иван и Темир Колтовские [98]. Если Темира можно отождествить с Темиром Истоминым Дворовой тетради и Григорием Темиром Григорьевым родословной росписи XVII в. [99], то Ивана, к сожалению, трудно идентифицировать с определенным лицом.

Изложенное позволяет ответить на вопрос, почему неизвестны награждения и выдвижения Колтовских после свадьбы 1572 г. В это время отец царицы умер; очевидно, умер и его брат Афанасий, упомянутый в разрядах последний раз в 1560 г.[100] Братья Анны (Григорий и двоюродный брат Петр) были еще молоды, других потомков у Игнатия Михайлова не было. При некоторой

---

[93] ТКиДТ, с. 159, 160, 163, 164.

[94] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор, с. 152; *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора..., с. 79. Как полагает Кобрин, уже в 1574 г. Тулупов был казнен (Там же).

[95] Александр Константинович Колтовской записан в Дворовой тетради по Кашире, в разрядах упоминается с 1560 г., в 1572 г. записан последний раз (ТКиДТ, с. 162; РК, с. 187, 238). Его дети — бояре патриарха Филарета Никитича. Григорий Алексеевич также записан в Дворовой тетради (ТКиДТ, с. 159).

[96] РК, с. 244; ТКиДТ, с. 160.

[97] ТКиДТ, с. 164. Упомянутый здесь же Артемий Иванов («66-го умре» — 1558 г.) — очевидно, брат Артемия. См. также Прил. к гл. V, л. 9.

[98] РК, с. 285, 292, 323 и след.

[99] ТКиДТ, с. 160. Упомянутый здесь же с пометой «умре» Григорий Истомин — это Григорий Большой Григорьев росписи, брат Темира.

[100] РК, с. 187.

неясности происхождения Колтовских (Иван Андреевич якобы уехал в 1495 г. с великой княжной Еленой в Литву, его сын Михаил служил Шемячичу в Стародубе и приехал к великому князю рязанскому, а Федор Михайлович Колтовский упомянут в разрядах в 1492 г. — все эти записи хронологически плохо совместимы) [101] семью можно с уверенностью отнести к членам Государева двора, чьи земельные владения и служба связаны с южными территориями Русского государства.

Интересна еще одна запись о Колтовских, относящаяся к 1555 г. Путивльский наместник прислал в июне в Москву «Лаврентьевы станицы Колтовского товарищев Богдана Микифорова да вожа Шемятка; и сказывали... что голова их Лаврентий Колтовской с товарищи переехали сакмы многие крымских людей... а лезли Северской Донец» [102]. Этого Колтовского скорее можно отождествить с Лаврентием Яковлевым из младшей ветви рода. В одной из росписей XVII в. сказано, что потомки Якова не писались в одной росписи с другими Колтовскими [103].

Служба, связанная с казачеством, у Колтовских прослеживается и в начале XVII в. А. Л. Станиславский отметил, что не позднее 1613 г. «был создан особый Казачий приказ, который возглавил незнатный дворянин И. А. Колтовской и дьяк Матвей Сомов» [104].

В начале XVII в. некоторые Колтовские, потомки членов Государева двора из старших ветвей (Александра Константиновича и Игнатия Васильевича), служат боярами патриарха Филарета Никитича.

Мы видим, что брак царя с Анной Колтовской не только традиционен в выборе невесты из семьи, относящейся к Государеву двору, но и перекликается со вторым браком его отца; как и Елена Глинская, Анна не имела близких родственников, все они умерли к моменту свадьбы.

Анализ состава участников свадеб, иногда фрагментарный и не всегда полностью сопоставимый для всех этапов церемонии, позволяет сделать некоторые выводы.

Принимать участие в свадьбах имело право ограниченное число семей, занимавших определенное положение в сословной структуре феодального общества. Даже если учитывать разницу во времени заключения браков (с 1526 по 1555 г.) и происхождении жениха (великий, удельный, служилый князь), то в разрядах записаны в большинстве представители одних и тех же семей, которые на одних свадьбах играют более скромную, а на других — более почетную роль.

---

[101] ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 18; ср.: *Лихачев Н. П.* Указ. соч., с. 94.
[102] РК I. М., 1978, т. I, ч. 3, с. 491—492.
[103] ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 18, л. 3.
[104] *Станиславский А. Л.* Правительственная политика по отношению к «вольному» казачеству (1612—1619 гг.).— История СССР, 1984, № 5, с. 69.

Ни положение временщика (как это было с Адашевыми), ни родственная связь с невестой (Глинские) не давали сами по себе права участвовать в свадьбе.

К сожалению, не всегда удается по черновикам проследить, как составлялись списки участников, но тогда, когда это возможно, видно, что среди лиц, имевших право на участие в свадьбе, шла борьба за занятие более почетного места. Здесь уже использовались и родственные, и служебные связи.

Очевидно, исключая такие ответственные свадебные должности, как тысяцкий, дружка, или участие в таких церемониях, как мытье в бане с женихом, присутствие у постели, более почетным было находиться среди гостей «за столом». Здесь всегда выступают лица с наиболее высоким званием среди других участников свадьбы. Причем в зависимости от ранга свадьбы одни и те же лица или члены одной и той же семьи выступают или как гости «за столом», или как участники церемонии.

Наиболее пышными и аристократичными были свадьбы великих князей. Свадьба Юрия Васильевича, брата царя, по составу участников занимает промежуточное положение между великокняжеской и свадьбами других удельных князей. Возможно, ее близость к свадьбе Ивана IV обусловлена и тем, что обе свадьбы шли подряд, в один год.

Интересно отметить близость не только социального уровня, но и состава участников Государева двора на свадьбах 1550—1555 г. независимо от того, были ли это свадьбы удельного князя, служилого или казанского царя. Это может говорить и о близости положения в Русском государстве того времени различных категорий князей.

Безусловно, наиболее индивидуальна свадьба Ивана IV 1547 г. В ней активно участвуют дальние родственники царя, родственники невесты, члены правительства Адашева.

Для изучения состава класса феодалов важны также упоминания о членах дворов удельных князей и казанского царя. Они дают конкретное представление о том, какие ветви различных семей шли на службу в уделы. Можно совершенно определенно сказать, что свадебные разряды систематически дают наиболее полные известия о составе удельных дворов.

Сравнение свадебных разрядов показывает также, что дочери великих князей выходили замуж только за князей, удельные, служилые князья и князья — члены Боярской думы, как правило, женились на княжнах. Браки с женщинами из других сословий правящего класса для них были редкостью и часто, как показал Кобрин, заключались, чтобы благодаря приданому невесты укрепить благосостояние семьи[105]. Другая причина подобного брака — родство с царской семьей, как это было с князем Федором

---

[105] *Кобрин В. Б.* Опыт изучения семейной генеалогии (Протопопова — Мезецкие — Проиские).— В кн.: ВИД. Л., 1983, вып. XIV.

Ивановичем Мстиславским, женившимся после 1586 г. на Прасковье Ивановне Нагой [106].

Царские браки, начиная с отца Ивана IV — великого князя Василия Ивановича, заключались с нетитулованными представительницами семей из средних или низших слоев Государева двора. Женитьба на княжне Елене Глинской, которая породнила Василия III с литовским боярством, фактически не была исключением из этого правила [107]. Такие браки способствовали приближению к царскому двору представителей рядового дворянства, их вовлечению в государственную деятельность (новые родственники царя получали думные чины), наконец, роднили их с титулованной знатью. (Кроме случая с Нагими, можно упомянуть брак сестры великой княгини Соломонии Сабуровой и служилого князя Василия Семеновича Можайского, родство ряда боярских родов с семьей Малюты Скуратова, о чем писали Скрынников [108] и другие исследователи).

Помимо уже известных фактов внутриполитической жизни Русского государства, во второй половине XVI в. такие родственные связи и вытекающие из них землевладельческие способствовали созданию более монолитного правящего класса, где основой процветания семьи становилась служба правящей династии.

---

[106] *Мятлев Н.* К родословию князей Мстиславских. М., 1915, с. 9—11.

[107] *Бычкова М. Е.* Русско-литовские политические контакты XV — начала XVI в. — В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979.

[108] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор, с. 141.

Приложение

Разряд свадьбы царя Ивана IV и Анастасии Романовны

л. 18 Лета 7055-го декабря приговорил государь князь великий Иван Васильевич всея Русии.

Быти на свадьбе у великого князя князю Юрью Васильевичю, великого князя брату, на первой день за столом сидети в болшом месте.

А [1] в материно место быти княж Андрееве Ивановичя княгине Ефросинье [1].

А в тысятских быти князю Володимеру Ондреевичю.

А в дружках быти боарину [2] князю Дмитрею Федоровичю Белскому и со княгинею. А другому дружке быти боярину [3] Ивану Михайловичу Юрьеву с [4] женою [4].

[1–1] *В варианте II вписано.*

[2] *Вписано в варианте I; нет в вариантах II, III.*

[3] *В варианте I вписано вместо зачеркнутого:* околничему; *в вариантах II, III* окольничему.

[4–4] *В варианте I вычеркнуто, затем вписано; в варианте II нет; в варианте III вписано.*

А с великие княгини сторону быти дружкам боярину [5] князю Ивану Ивановичю Пронскому и со княгинею да Василью Михайловичу Тучкову с женою [5].

Да с ними ж быти в свахах Федорове [6] жене Михайловича Нагово [6].

А [7] кика держати Федорове жене Ивановича Сукина [7]. //

19 А за столом сидети боярыням княж [8] Васильеве Васильевича Шуйского княгине Настасье [8] да Анне Петрове жене Яковлича, да Анне ж Василеве жене Яколича [9].

У [10] князя быти [10] боярину [11] князю Данилу Дмитреевичу Пронскому [11] и [12] речь во княжой место говорити [12].

А [13] се речь [13].

А с великим князем к церкви ехати и ездити бояром всем и детем боярским, кому государь велит с собою ехати.

А збирати детей боярских и ведати околничему Ивану [14] Ивановичу Беззубцову [14]. Да с ними дьяку Ивану Курицыну. //

20 А ходити перед великим князем [15] Данилу [16] Романовичю Юрьеву [16] да Ондрею Александровичю Квашнину [17].

А с великою княгинею ходити у саней и детей боярских збирати боярину [18] великие княгини Василью Юрьевичю Малого [18] да князю [19] Дмитрею Михайловичю Жыжемскому [19], да [20] дьяку Ивану Елизарову сыну [21] Цыплятеву [21].

А [22] в казне великие княгини и в хоромы великие княгини ходити [22] и [23] у платья великие княгини [23] быти Борису Ивановичю

[5–5] *Вписано, в тексте вариантов I, II зачеркнуто*: боярину князю Ивану Михайловичю Шуйскому и со княгинею да князю Александру Борисовичю Горбатому и со княгинею, Дмитрею Феодоровичю Палецкому со княгинею; *в варианте II вписано*: князю Ивану да боярину князю Дмитрею Федоровичю Палецкому; *в варианте III зачеркнутый текст, в нем вычеркнуто*: Дмитрею... со княгинею.

[6–6] *Вписано, в тексте вариантов I, II, III зачеркнуто*: Иванове жене Ивановичя Хабарова Ульяне да Васильеве жене Юрьевичя Малого, Васильеве жене Михайловичя Тучкова; *в варианте II вписано*: Васильеве жене Михайловича Тучкова.

[7–7] *В вариантах II, III вписано.*

[8–8] *Вписано, в тексте и варианте III зачеркнуто*: княгине Анне, княж Васильеве жене Львовича Глинского; *в варианте II зачеркнутый текст и далее вычеркнуто*: да княгине Анне княж Михайлова Щенятева.

[9] *Далее в тексте и варианте III зачеркнуто*: да Иванове жене Михайловичя Юрьева Ульяне; *в варианте II в тексте.*

[10–10] *Нет в варианте II; в варианте III вписано*: у князя Юрья.

[11–11] *Вписано, в тексте зачеркнуто*: князь Иван Шемяка; *нет в варианте II, вписано в варианте III.*

[12–12] *Нет в варианте II; вписано в варианте III.*

[13–13] *Вписано; нет в варианте II; вписано в варианте III.*

[14–14] *Нет в варианте II; вписано в варианте III.*

[15] *В варианте III далее*: окольничему.

[16–16] *Вписано в вариантах I, II, в тексте зачеркнуто*: боярину князю Дмитрею Федоровичю Палетцкому да и у постели у великого князя спати; *в варианте II зачеркнуто*: боярину... Палецкому.

[17] *Далее зачеркнуто*: да Данилу ж слати постеля и у постели спати; *нет в варианте II.*

[18–18] *Вписано в вариантах I, II, в тексте зачеркнуто*: Василью Михайловичю Тучкову, а с ним.

[19–19] *Нет в варианте II; вписано в варианте III.*

[20] *Далее зачеркнуто*: а с ним; *в варианте II в тексте.*

[21–21] *Нет в вариантах II, III.*

[22–22] *В тексте и варианте II зачеркнуто*: А постелничему Матфею Бурухину за санми ити и ходити в хоромех.

[23–23] *В варианте II зачеркнуто.*

Сукину да с ним дьяку Василью Григорьеву Захарьину. А списком свадебным быти у Бориса ж, и к венчанью ити Борису. И [24] свеча нести в фонаре к месту и во освещенье свечи за санми у великие княгини [24]. //

л. 21 А [25] на великого князя месте сидети княж Васильеве дочери Васильевича Шуйского, княжне [25].

А у места великого князя стояти с чаркою диаку [26] Бакаке Митрофанову [26].

А у зголовей у местных быти, у великого князя зголовья Василью [27] Петровичу Борисову [27].

А у великие княгини зголовья быти князю Василью Жижемскому [28]. //

л. 22 А у постели быти боярину [29] князю Юрью Васильевичю Глинскому да казначею Федору Ивановичю Сукину [30].

А боярыням быти у постели княж Васильеве Васильевича [31] Шуйского княгине Настасье [31] да княж Михайлове Васильевиче Глинского княгине Оксиньи [32], да Олены Григорьеве жены Яковлевича Плещеево, да [33] Васильеве жене Юрьевича Малого [33]. //

л. 23 А у постели быти детем боярским князю Юрью, Михаилу [34] княж Петровым [35] детем [35] Репнина, да [36] князь Михаилу Репнину [36], князю Федору княж [37] Иванову сыну [37] Татева. А князю Ивану Федоро Мстиславскому да [38] Никите Романовичю Юрьева [38] у постели спати и ездити с великим князем, и в мыльне мытись. //

л. 24 А на розсылку быти у [39] боярина [39] у князя Юрья Глинсково и у Федора у постели Олешка Скрябин, Степан Морозов, князь Федор Сесёев, Иванец Яковль сын Мансуров, Григорей Сукин, Федор Чюлков [40], Пантелей Захарьин, Олешка Жижемской, Михалко Жижемской. //

[24–24] *Вписано; в варианте III вписано*: И свеча... свечи; *в варианте II нет; в варианте III далее*: великие княгини завтраков во все три дня быти Борису ж Сукину.

[25–25] *Вписано другими чернилами; нет в вариантах II, III.*

[26–26] *Вписано, в тексте зачеркнуто*: Борису Ивановичю Сукину, а списком быти у Бориса ж, и к венчанью ити с великим князем Борису ж; *в вариантах II, III зачеркнуто*: Борису Ивановичю Сукину.

[27–27] *Вписано, в тексте зачеркнуто*: князю Дмитрею Жижемскому; *в вариантах II, III зачеркнутый текст.*

[28] *В вариантах II, III далее зачеркнуто*: А кика держати Федоровой жене Ивановичя Сукина. А у места быти казначею Ивану Ивановичю Третьякову.

[29] *Вписано; в варианте II тоже.*

[30] *В варианте III далее зачеркнуто*: да диоком Постнику Губину да Якову Григорьеву сыну Захарьина.

[31–31] *В варианте III зачеркнуто и вписано*: Львовича Глинского княгине Анне да княж Юрьеве жене Васильевича Глинского, княгине.

[32] *Нет в варианте II.*

[33–33] *Вписано, в тексте зачеркнуто:* да Васильеве жене Григорьевича Морозова Фетинье, да Романове жене Юрьевичя Ульяне, да Васильеве жене Юрьевича Малого; *в варианте II зачеркнутый текст, в нем нет:* да Васильеве жене Юрьевича Малого: *в варианте III вписанный текст.*

[34] *Вписано.*

[35–35] *Переделано из:* Петрову сыну; *нет в варианте II.*

[36–36] *Вписано, в тексте и в варианте III зачеркнуто:* князю Петру княж Иванову сыну Горенского; *так в варианте II, далее зачеркнуто:* князю Петру да князю Андрею.

[37–37] *Нет в варианте II.*

[38–38] *Вписано; в варианте II вписано, в варианте III в тексте.*

[39–39] *Вписано; в варианте II в тексте; нет в варианте III.*

[40] *Далее в вариантах I, II зачеркнуто:* Игнатей Вешняков.

л. 25 Да у постели ж быти дьяком Постнику Губину да Якову Григорьеву [41] сыну Захарьина [41].

А постеля слати боярину [42] князю Юрью Васильевичу Глинскому да казначею Федору Ивановичю Сукину, а с ними Алексею да Данилу Федоровым детем Адашева, Игнатью [43] Вешнякову [43] да Никите да Федору, да Алексею Постниковым детем Сатина, да боярыням [44].

А мылня топити и быти у мылни Ивану [45] Яковличю Чеботову да [45] Ивану [46] Казаринову сыну Бурунова [46]. //

л. 26 А у воды быти Левонтью [47] Володимерову сыну Мансурова [47], да [48] Ивану Григорьеву сыну Мансурова [48]. да с ними два подьячих.

А у платья великого князя быти постельничим Матфею [49] Федоровичю Бурухину да [49] Ондрею Володимеровичю Мансурова, да дьяку Никите Фуникову.

А колпак держать у великого князя князю Юрью Ивановичю Шемякину да и у постели спати.

А в мылне мытись с великим князем боярину [50] князю Юрью Васильевичю Глинскому да казначею Федору Ивановичю Сукину, да князю Юрью Шемякину, да Олексею Адашеву, да князю Ивану Мстиславскому, да [51] Миките Романову [51]. //

л. 27 А с платьем з белым ити к мылне и с поясы постелничему Ондрею Мансурову. А у мылни у Ондрея платье имати и великому князю подавати и [52] стряпати у великого князя, как из мылни выдет, из тех же от постели, которым великий князь велит.

А у коня быти и ездити круг подклета боярину [53] конюшему князю Михаилу Васильевичю Глинскому [54]. //

л. 28 А вино нести к церкве к венчанью в склянице [55] дворецкому Ивану Ивановичю Хабарову.

А свечя великого князя нести к [56] месту и [56] к церкве Ивану [57] Михайлову сыну Юрьевичя да князю Петру Горенсково.

л. 29 А другая свечя нести князю Онтону Ромоданов // скому, Грише Нагово [58].

[41–41] *Вписано в варианте III; в варианте II далее зачеркнуто:* и к великому князю ходити с списки, и к венчанью Якову ж Григорьеву.

[42] *Вписано; в варианте II тоже; в варианте III в тексте.*

[43–43] *Вписано; в варианте II тоже.*

[44] *Далее зачеркнуто:* князь Иван Шемякин.

[45–45] *В варианте II вписано.*

[46–46] *Далее зачеркнуто:* да Левонтью Мансурову; *в варианте III зачеркнуто, вписано:* да постелничему Матфею Федорову Бурухина.

[47–47] *В варианте II вписано.*

[48–48] *В варианте III зачеркнуто, вписано:* Ивану Казаринову сыну Бурухина.

[49–49] *Вписано; в варианте III зачеркнуто.*

[50] *Вписано.*

[51–51] *Вписано.*

[52] *В варианте II зачеркнуто:* князю Юрью Глинскому да Федору Сукину доложить; *вписано:* кому князь великий велит; *в варианте III:* доложить, кому князь великий велит.

[53] *Вписано.*

[54] *Далее в варианте II вписано; в варианте III в тексте:* А у князя Михаила Васильевича быти яселничим и детем боярским, которые стряпают.

[55] *В варианте III далее:* боярину и.

[56–56] *Вписано.*

[57] *Вписано, в тексте зачеркнуто:* Василью.

[58] *В варианте III:* Григорьеву сыну Плещеева.

А фонарь над великого князя свечею нести Ондрею [59] да Федору Коробовым. А над другою свечею нести фонарь Борису да Ондрею Михайловым детем Нового. //

л. 30 А великого князя коровай нести Михаилу да [60] Федору [60] Игнатьевым Салтыковым [61] да Борису Ивановичю Салтыкову [62], да Лву Ондреевичю [63] Салтыкову.

А другой коровай нести [64] Василью [65] Петрову сыну Карпова [65] да [66] Ивану да Василью Федоровым детем Карпова, да Василью Васильеву сыну Коробова [66].

А зголовье великого князя нести к церкви Василью [67] Михайловичю Юрьева [67].

А другое зголовье [68] нести Долмату [69] Федорову сыну Карпова [69]. //

л. 31 А [70] камки нести к церкви, на которых венчати. За князем Дмитреем Федоровичем Белским камка нести [70] князю [71] Семену [2] княж Данилову сыну Пронского [71]. А за князем Иваном Ивановичем Пронским камка нести князю Ивану [72] Шемякину [72].

А камки [73] слати перед великим князем, как поидет князь велики и великая княгини к венчанью, и от венчания ли к столу [74], Василию Петрову сыну Яковля да Федоровым детем Нагова Семену да Федцу да Офонке.

А скамья и ковер нести к церкви Грише да Левке Калитиным, да поддати им истобников.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, р. II, д. 5, л. 18—31.

---

[59] *В варианте III:* Ивану Александровичу сыну Упина.

[60–60] *Вписано; в варианте II нет; в варианте III вписано.*

[61] *В варианте II далее зачеркнуто:* да Худеку.

[62] *Далее зачеркнуто:* да Худяку Игнатьевичю Салтыкову.

[63] *В варианте II вписано.*

[64] *В варианте II далее зачеркнуто:* князю Ивану да князю Федору княж Ивановым детем Кашиным, да Борису да Ондрюшке Михайловым детем Нагово, Долмату.

[65–65] *Вписано, в тексте зачеркнуто:* Долмату.

[66–66] *В варианте II вписано.*

[67–67] *Вписано, в тексте зачеркнуто:* князю Ивану Васильевичю Пенкову.

[68] *Вписано и зачеркнуто:* Доложить.

[69–69] *Вписано, в тексте зачеркнуто:* Ивану Михайлову сыну Юрьева; *так в варианте II.*

[70–70] *В варианте II вписано.*

[71–71] *Вписано, в тексте зачеркнуто:* князю Ивану Шемякину; *так в варианте II, зачеркнуто в варианте III.*

[72–72] *Вписано, в тексте зачеркнуто:* Семену княж Данилову сыну Пропского.

[73] *Далее в вариантах II, III:* и ковер нести к церкви Третьяку да Василью Митрофановым, да поддати им истопников. Скамья нести. А у сыров быти дьяку Шершню Билибину с женою да Дятлу Мошкову с женою. А у короваев быти Шершню с женою да Дятлове жене.

[74] *Далее зачеркнуто:* и постеле.

Глава V

Формирование низшей прослойки Государева двора

Низшая прослойка Государева двора XVI в.— дети боярские, записанные в Тысячную книгу 1550 г. и Дворовую тетрадь 50-х годов XVI в.,— является малоизученной и генеалогически трудноуловимой частью класса феодалов. В XVI в. эти семьи не составляли родословных росписей; сведения разрядов о таких лицах иногда трудно связать между собой, не говоря уже об их связи с записями той же Дворовой тетради. Основная масса грамот XVI в., которые дают наиболее достоверный материал о родственных связях как внутри семьи, так и между различными семьями, еще не введена в научный оборот. Все это создает определенные трудности для исследования.

В настоящее время нет ни подробных генеалогических справочников, ни достаточного количества научных работ, посвященных рядовым дворянским семьям, что позволило бы осветить историю низшей сословной прослойки с той же полнотой, с какой мы можем осветить историю служилых князей, членов Боярской думы.

Изучение состава Государева двора XVI в., а также дворов великих и удельных князей второй половины XV в.— первой половины XVI в. неоднократно было предметом исследований советских историков в последние годы. Наиболее значительное место среди них занимают работы А. А. Зимина, в которых автор рассмотрел историю круга княжеских и нетитулованных фамилий, представители которых служили при различных дворах, их родственные связи с семьями, находившимися на службе в Москве, собрал сведения о государственных и придворных должностях, которые занимали различные лица из этих семей, а также о постепенном вхождении или невхождении их в состав Государева двора[1]. Решение этих и ряда других вопросов покажет динамику истории дворянства в период складывания централизо-

---

[1] *Зимин А. А.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в.— В кн.: ВИД. Л., 1973, вып. V; *Он же.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в.— История СССР, 1973, № 3; *Он же.* Суздальские и ростовские князья во второй половине XV — первой трети XVI в.— В кн.: ВИД. Л., 1976, вып. VII; *Он же.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в.— В кн.: Ист. зап. М., 1979, т. 103.

ванного государства XVI в., когда феодальные корпорации различных княжеств преобразовывались в единый класс феодалов Русского государства. Поэтому настоящая глава носит главным образом источниковедческий характер; в ней исследуются еще мало используемые в научных работах источники и раскрываются их возможности в изучении низших слоев Государева двора.

Одним из основных источников по истории Государева двора XVI в. признаются Тысячная книга и Дворовая тетрадь, где записана основная масса представителей верхушки русских феодалов. Оба памятника публиковались и исследовались обычно в связи с другими источниками XVI в. Если Тысячная книга и Дворовая тетрадь фиксируют государственную службу отдельных лиц в определенные моменты, разрядные книги — преимущественно военную службу отдельных лиц во всем ее объеме, то родословные росписи позволяют установить родственные связи этих же лиц внутри отдельной семьи [2].

Для изучения истории семей, входивших в состав Государева двора и не составивших родословий в XVI в., можно использовать росписи, поданные в Разрядный приказ после отмены местничества в 1682 г.[3] Среди них есть родословия семей, для которых запись в Тысячную книгу или Дворовую тетрадь была началом служебной карьеры.

Вопрос о количестве и составе росписей, поданных в Разрядный приказ в XVII в., неоднократно поднимался в научной литературе, но и сегодня многое в нем еще не решено: до сих пор не сделана «предварительная критическая обработка» росписей, о необходимости которой писал еще Н. П. Лихачев. Не выяснено, сколько было подано росписей. А. П. Барсуков приводит цифру «около 750», Лихачев считал, что их было около 600, А. И. Юшков приводит ту же цифру, ссылаясь на подсчеты В. В. Руммеля; некоторые из них сохранились в подлинниках, а некоторые — лишь в копиях XVIII в. Не выяснены хронологический отрезок времени подачи росписей, их обработка и использование в приказном делопроизводстве и ряд других вопросов [4].

Барсуков писал, что «едва четвертая часть (росписей.— *М. Б.*) вошла в состав Бархатной книги; прочие остались нерассмотренными Родословной палатою, и если не все, то очень многие доселе хранятся частию в подлинниках в московских архивах Министерства юстиции и Министерства иностранных дел,

---

[2] Новейшую историографию см.: *Зимин А. А.* Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. и формирование состава Боярской думы и дворцовых учреждений.— В кн.: ВИД. Л., 1981, вып. XII.

[3] *Бычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги.— В кн.: ВИД, вып. XII.

[4] См. подробнее: Там же, с. 90—94.

частию в копиях и делах департамента герольдии»[5]. Барсуков также проводит анализ отдельных записей из росписей XVII в., полемизируя с высказываниями П. Н. Петрова; в основном это сведения о происхождении родоначальников различных семей.

Через год после выхода работы Барсукова была опубликована книга Н. П. Лихачева о разрядных дьяках, где изложена самая четкая концепция в русской исторической науке об истории родословных документов XVI—XVII вв. Эта история связана с деятельностью Разрядного приказа XVI в., почему автор и привлек с такой полнотой все доступные ему материалы. Но Лихачева больше интересовали не росписи XVII в., а копии с грамот, представленные вместе с ними. Относительно росписей он сделал лишь несколько общих предварительных замечаний, а ряд фальсифицированных грамот, поданных вместе с ними в Палату родословных дел, разобрал подробно[6].

Для изучения истории создания росписей важны опубликованные Лихачевым в работе о Государеве родословце отрывки из указов, связанных с созданием Бархатной книги. Они дополняют сведения, которые приведены в предисловии к Бархатной книге. Эти документы раскрывают «кухню» подготовки последнего указа от 26 ноября 1686 г., в котором наиболее четко определено, какие росписи и как надо записывать в родословную книгу. Интересен указ от 28 октября 1683 г., который фактически является обращением к дворянству с требованием подавать росписи[7].

Большую ценность для исследования истории родословных росписей XVII в. представляет предисловие к публикации А. И. Юшкова[8]. В нем подробно описаны история Палаты родословных дел, условия хранения росписей в XVIII в., указано, когда с них снимались копии. Здесь же мы находим сведения о гибели части росписей в 1812 г., а также о расклейке столбцов, о реставрации и систематизации дел в 1894 и 1895 гг., проведенной Юшковым[9]. Это объясняет, почему все исследователи пользовались копиями росписей и актов, сделанными в Герольдии в XVIII в. Подлинники до 1894—1895 гг. были в таком состоянии, что их изучать было невозможно. Дела, сформированные Юшковым, сохранились до наших дней[10].

И наконец, росписи XVII в. сохранили уникальный, отсутствующий в других источниках материал о деятельности Палаты

---

[5] *Барсуков А. П.* Обзор источников и литературы русского родословия: (По поводу книги П. Н. Петрова «История родов русского дворянства»). СПб., 1887, с. 11.

[6] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, с. 428—438.

[7] *Лихачев Н. П.* «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897, с. 8—11.

[8] Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898, ч. 1. 1257—1613 гг.

[9] Там же, с. IV—VI.

[10] ЦГАДА, ф. 210, оп. 18. В дальнейшем ссылки на дела этого фонда даются в тексте в круглых скобках. Указываются номер дела и лист.

родословных дел. По ним мы узнаем круг лиц, работавших с росписями, способы проверки содержащихся в них сведений. Из росписей видно, что Палата регулярно обращалась за справками в Посольский приказ, где велись документы, свидетельствующие о происхождении нерусских семей, в местные учреждения.

В указе от 12 января 1682 г. говорится о пополнении новыми поколениями старой родословной книги, «и которых имен в той книге в родех не написано, и тех имяна в родословную книгу написать вновь к сродникам их, и для того взять у них росписи за руками»[11]. Для остальных категорий служилых людей предусматривалось создание нескольких родословных книг. В одну должны были быть записаны княжеские и «иные честные роды», которые занимали высшие должности (бояре, окольничие, думные дворяне) при дворе в XVII в., и старые роды, которые занимали эти чины при Иване IV. «Были в послах и в посланниках, и в полкех, и в городех в воеводах, в знатных посылках и у него, великого государя, в близости». Особые книги создавались для семей, чья служба начиналась при дворе Михаила Федоровича, чья служба поднялась до «средней и меньшей» статей десятен, для московских чинов[12].

В докладной выписке по этому указу от 27 марта 1682 г. предусмотрено, как заносить в старую родословную книгу росписи семей, которые напишут, что «они пошли от родословных людей». Такие родословные должны быть подтверждены сородичами, уже занесенными в родословную книгу, и только тогда их можно «писать в родословную книгу с теми родами, от кого они пошли»[13].

С января 1682 г. составление родословной книги было поручено боярину князю Владимиру Дмитриевичу Долгорукому, думному дворянину Алексею Ивановичу Ржевскому и разрядным дьякам — думному Василию Григорьевичу Семенову и Федору Шакловитому.

Указ от 26 января 1686 г. в общей форме говорил о пополнении родословной книги, изменял состав лиц, которые этим занимались: вместо А. И. Ржевского был назначен окольничий Иван Иванович Чаадаев, вместо Ф. Шакловитого — разрядные дьяки Перфирий Оловянников и Любим Домнин[14].

В указе от 13 сентября 1686 г. речь шла о структуре единой родословной книги, которая должна содержать росписи родов, не записанных в старую родословную книгу. Это прежде всего росписи имеретинского царя, сибирских и каспмовских царевичей, затем роды, служившие при дворе до царствования Михаила Федоровича, затем роды, начавшие службу при дворе Романовых, включая тех, кто дослужился до 1-й статьи десятен, затем роды, дослужившиеся до 2-й и 3-й статей десятни, и последними, «ко-

[11] БК. М., 1787, ч. I, с. 4.
[12] Там же, с. 4—5.
[13] Там же, с. 5.
[14] Там же, с. 6—7.

торые в десятнех написаны в последних статьях» или «написаны в московские чины» [15].

И наконец, указом от 14 ноября 1686 г. была определена структура родословных росписей в родословной книге: в каком порядке писать ветви одной семьи, как разделять росписи на фамилии; требовалось обязательно указывать, кто умер бездетным.

В связи с указами, регламентирующими работу Палаты родословных дел, интересно проследить, насколько дьяческие пометы на росписях соответствуют лицам, упомянутым в указах.

Чаще всего встречаются пометы думного дьяка Василия Григорьевича Семенова — 13 помет (росписи Безобразовых, Буковских, Бунаковых, Буниных, Гагиных, Головкиных, Гросовых, Казначеевых, Кобяковых, Комыниных, Корякиных, Поскочиных, Римских-Корсаковых) с 24 декабря 1685 г. по 15 ноября 1688 г., три пометы не датированы. В деле Головкиных (без даты) есть черновик указа 1689 г. с упоминанием дьяка В. Г. Семенова [16].

Упоминание о дьяке Перфирии Федоровиче Оловянникове встречено в пяти делах (Головкины, Карбышевы, Кобыльские, Кошелевы, Римские-Корсаковы). Самое раннее упоминание о нем — в деле Карбышевых (без даты), где на основе запроса Оловянникова от 30 декабря 1686 г. в Посольский приказ дается справка о происхождении Карбышевых. Он подписывал росписи в 1687, 1692 гг. и упомянут в указе 1689 г. (дело Головкиных) вместе с В. Г. Семеновым [17].

Дьяк Любим Алферьевич Домнин подписал дела 17 и 26 марта 1686 г. (Ворыпаевых и Клокачевых) [18].

Боярин Владимир Дмитриевич Долгорукий упоминается в трех росписях 1686 и 1687 гг. У Коробкиных (17 октября 1686 г.) помета: «Положить боярину Владимиру Дмитриевичу Долгорукому»; у Вараксиных (21 ноября 1686 г.) помета: «Отдал боярин князь Володимер Дмитриевич Долгоруково, а сказал, что подал в 2-м числе»; на росписи Вяземских помета от 24 февраля 1687 г. о том, что решение по делу должен доложить государям В. Д. Долгорукий.

Кроме этих лиц, чья деятельность в Палате родословных дел упомянута в соответствующих указах, в росписях встречается боярин Тихон Никитич Стрешнев (Кондыревы, Римские-Корсаковы) [19], 23 января 1693 г. на его имя дан указ о внесении росписи одной из ветвей Римских-Корсаковых в родословную их рода, и в 1693/94 г. он же решает спор по росписи Кондыревых. Петр

---

[15] Там же, с. 7—8.

[16] В. Г. Семенов был думным дьяком Разрядного приказа без перерыва с 8 апреля 1676 г. по 1695/96 г. (*С. Б. Веселовский.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 468—469).

[17] П. Ф. Оловянников 5 сентября 1686 г. пожалован за участие в Крымском походе, с 1692 г. он думный дьяк (Там же, с. 386).

[18] Л. А. Домнин был дьяком Разрядного приказа с 1676 по 1688 г. (Там же, с. 157).

[19] Т. Н. Стрешнев был в Разрядном приказе с 1689/90 г. (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946, с. 149).

Шереметев в 1687 г. ведет переписку с Новгородской приказной избой о происхождении Савеловых. Роспись Волоцких имеет помету: «Справа Михаила Оловянникова» (7 мая 1686 г.)[20]. На переписке Перфирия Оловянникова с Посольским приказом (запрос *от 30 декабря 1686 г.) о происхождении Карбышевых имеются* пометы: «Справил Максим Алексеев» и «Диок Василей По[стников]»[21]. Роспись Башмаковых (1 июля 1686 г.) подписал «вологодской приказной избы подьячей Митка Родионов». Роспись Римских-Корсаковых 4 июля 1692 г. подписал дьяк Иван Кобяков[22]. Мы видим, что в деятельности Палаты родословных дел принимали участие не только лица, назначенные указом, но и другие дьяки и подьячие Разрядного и Посольского приказов.

Возможно, что основная работа по сбору и обработке росписей была проделана под руководством дьяка В. Г. Семенова, его имя чаще других встречается на росписях, от его имени шли запросы в другие учреждения. Кроме того, в отличие от Л. А. Домнина и П. Ф. Оловянникова, которые ездили с дипломатическими поручениями, В. Г. Семенов постоянно находился в Москве.

Наблюдения над родословными росписями позволяют еще раз вернуться к вопросу о датировке Бархатной книги.

В работе о родословных книгах XVI—XVII вв. я дала широкую датировку Бархатной книги 1682—1688 гг. После опубликования справочника Веселовского о дьяках и подьячих и исследования родословных росписей эту датировку можно сузить. Указ от 14 ноября 1686 г. говорит о том, как надо писать родословную книгу и как использовать для этого старую родословную, т. е. он был издан перед созданием Бархатной книги, очевидно, когда все материалы уже были собраны. Сам указ составлялся по «докладной выписке», которая находится сейчас в д. 158.

Бархатная *книга скреплена по листам* думными дьяками В. Г. Семеновым, Д. Т. Полянским, Е. И. Украинцевым и дьяками П. Ф. Оловянниковым и Л. А. Домниным. Из них Домнин стал думным дьяком в 1689 г. Оловянников и Украинцев участвовали в Крымском походе 1686—1687 гг.[23], затем Украинцев участвовал 7—25 июля 1687 г. в раде, выбиравшей гетмана Войска Запорожского[24]. В 7197 г. (с 1 сентября 1688 г. по 31 августа 1689 г.) Домнин уехал с посольством к Мазепе.

[20] М. Оловянников — подьячий Поместного приказа в 1662—1669/70 гг. (*Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 385—386). Запись в росписи Волоцких дает наиболее позднее упоминание о его службе.

[21] М. Алексеев упомянут как подьячий Разрядного приказа только 5 сентября 1680 г. (*Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 17). Известен еще один Алексеев — подьячий Посольского приказа в 1676—1683 гг. (Там же). На росписи от фамилии Постников сохранились лишь две буквы. По справочнику Веселовского только одно лицо может соответствовать этой подписи — дьяк Посольского приказа Василий Тимофеев Постников (Там же, с. 476).

[22] Иван Тимофеевич Кобяков — дьяк Разрядного приказа с 1690/91 по 1699 г. (Там же, с. 245).

[23] СГГиД. М., 1828, ч. IV, с. 562, 569. В заголовке документа дата дана ошибочно, речь идет о 5 сентября 1686 г.

[24] Там же, с. 546.

Очевидно, Бархатная книга могла быть подписана после возвращения Оловянникова и Украинцева из Крымского похода в 1687 г. и до отъезда Домнина с новым посольством в 1688/89 гг., [illegible] 1688 г.[25]

Обратимся к количеству родословных росписей.

Сейчас по описи существует 162 ед. хр. [163 д., из них два литерных (д. 52а и 52б) и два сдвоенных номера (д. 1—2 и д. 4—5)]. Среди них — указ от 14 ноября 1686 г. (158), челобитная в Разряд Парамона Бегичева с просьбой дать справку о службе его отца (153), ответ из Посольского приказа на запрос из Палаты о происхождении Карбышевых (86), копии грамоты Корякиных (149), переписка с Лондоном о происхождении Бестужевых (156). Ряд дел практически не содержит росписей. Это родословия лиц, чья служба в Москве началась в середине XVII в. Среди них — запись о выезде Водорацких в 1634 г. из Польши (110), запись Григория Баушева, чей отец был взят в плен в 1653 г. под Шкловом и после этого служил в России (95). Яков Иванов Биев выехал в 1654 г. из Турции в Астрахань при воеводе Иване Петровиче Пронском (21). Леонтий Грос, переводчик Посольского приказа, взят в плен в г. Куконаузе, где он находился во время своего путешествия; в Москве он жил в доме боярина Бориса Ивановича Морозова, затем стал служить в Посольском приказе (70). Карапиперовы выехали в Москву из Турции в 1638 г. (135). Михаил Петрович Колдычевский взят в плен под Мстиславлем в 1658 г., в 1663 г. принял православие и служит по московскому списку (78). Краевские остались служить в Смоленске в 1654 г., приняли православие. Они указывают на свою принадлежность к гербу Ясень. Скрепы на их челобитной написаны по-русски, но латинским алфавитом (80). Роспись Хованских также охватывает лишь XVII в. и в основном определяет участие отдельных членов этой семьи в стрелецком восстании (163). Родословие Эверлаковых начинается с выезда в 1651 г. в Москву «из Немец» шляхтича Романа Яковлевича Эверлакова, но в ней описано пленение его предка Якова Эверлакова в XVI в., в царствование Ивана IV (49). Роспись Белозерских составлена 8 августа 1648 г. и, как и дело Парамона Бегичева, очевидно, попала в делопроизводство Палаты из Разрядного приказа (162)[26].

---

[25] Барсуков без доказательств датирует составление Бархатной книги 1687 г. (*Барсуков А. П.* Указ. соч., с. 10).

[26] Некоторые семьи подали по две росписи, иногда дела содержат отдельно роспись семьи и ее грамоты, выписки о службе и другие родословные материалы. Это росписи Бутурлиных (д. 119, 139), Волынских (67, 101), Годуновых (146, 15, 16), Голенищевых (3, 6, 4—5 — дело о включении росписи в родословную), Колычевых (143, 144), Апраксиных Вердеревских (160, 161), Коидыревых (7, 8 — челобитная о включении росписи в книгу, 9 и 10 — выписки о службе), Коробьиных (134, 155), Бахметевых (106 — выписки о *службе, 136, 140*), *Безобразовых (44, 138)*, Бунаковых (122, 152 — челобитная и списки с грамот), Внуковых (152, 52б, 75, 124), Козловских (108, 159 —

Среди остальных росписей 36 совпадают в своей ранней части с соответствующими росписями родословных книг XVI в. и 88 являются оригинальными.

Хронологически росписи распределяются следующим образом: 49 дел не имеют дат, 13 имеют дефектные даты, где нельзя определить год. Две росписи 1648 и 1680 гг., как уже отмечалось, не связаны непосредственно с деятельностью Палаты родословных дел.

В марте 1682 г. подано семь росписей (4, 5 числа, две росписи 11, 17, 22, 24 числа), в 1682/83 гг. подана роспись Хованских, но эта дата, сделанная цифрами, вызывает сомнение.

Основная масса датированных росписей падает на декабрь 1685 г. (три росписи: одна — 12 и две — 24 декабря) — декабрь 1686 г.— 60 росписей. Среди них в январе—феврале 1686 г. подано 8 росписей, в марте — 19 (из них 6 — 26-го и 4 — 29-го числа), в мае — 18 (из них 4 — 19-го, 6 — 22-го и 3 — 23-го числа), в июне, июле и сентябре их было по две, в октябре и декабре — по одной и в ноябре — три.

В 1687 г. подано 16 росписей: 9 — в январе, 3 — в марте, по одной — в октябре и ноябре; две росписи датированы только годом. В 1688 г.— подано семь росписей (по одной — в феврале, июле, октябре; по две — в марте и мае), а от 1690—1694 гг. сохранилось по одной росписи. Три росписи имеют даты 1685/86 (1) и 1686/87 гг.

Сохранившееся количество датированных росписей не позволяет делать четких хронологических выкладок, но ряд наблюдений по ним привести можно. Росписи стали подаваться практически сразу после выхода указа об отмене местничества: разрыв между ним и первой росписью — менее двух месяцев. В 1686 г. вышел ряд указов о порядке составления родословных книг и подаче росписей, на первую половину этого года падает основная масса датированных росписей. Очевидно, к концу 1686 г. уже собралось достаточно материала для составления родословной книги, что и было определено соответствующим указом.

После мая 1688 г. новых росписей почти не подавалось (если исходить из датированных). Дела 1690—1694 гг.— это решение спорных вопросов, приписки новых ветвей к уже поданным ранее росписям.

Таким образом, основная масса датированных росписей относится к пяти годам, которые прошли от издания указа 1682 г. об отмене местничества до составления Бархатной книги.

В настоящей работе нас будут интересовать те 88 дел, которые содержат родословные росписи, не связанные с родословными книгами XVI в. Росписи родов, помещенных в родословцы, текстуально совпадают с более ранними книгами и не дают новых сведений о составе Государева двора XVI в.

решение по делу № 108), Колтовских (18, 46), Комсиных (126, 129), Кузьминых (88, 128), Римских-Корсаковых (38, 39 — челобитная), Савеловых (19, 142, 152 — выписка о службе).

Родословные росписи XVII в. состоят из легенды о происхождении семьи и поколенной росписи, доведенной по составу лиц до последней четверти XVII в. Начиная с XVI в. часто записываются биографические сведения о службе и земельных владениях отдельных лиц, причем в отличие от росписей XVI в. эти сведения систематически подтверждаются отсылками на соответствующие документы (грамоты, разрядные записи, писцовые книги и др.). Заголовки к росписям имеются не всегда. На обороте листов идут скрепы лиц, подавших росписи, иногда дьяческие пометы, о которых уже говорилось. Как правило, родословные легенды росписей сохраняют форму, присущую легендам XVI в. В них записан выезд (в Москву, Тверь, Рязань) предка, сообщается о его крещении, иногда говорится о пожалованиях, сделанных великим князем, и дальше начинается роспись.

Росписи 80-х годов XVII в. не дают новых сведений для родов, записанных в XVI в. в родословные книги. Гораздо больше известий о службе отдельных лиц, боярских чинах, участии в походах и посольствах XVI в. сохранили отдельные списки родословных книг конца XVI — начала XVII в., где сама дата составления рукописей достаточно надежно гарантирует достоверность их записей.

Более ценными являются росписи рядовых дворянских семей, составленные впервые в XVII в. Их записи о службе при московском и удельных дворах достоверны и часто подтверждаются другими источниками. Все это позволяет наиболее полно представить состав класса феодалов XVI в.

Для исследования Государева двора необходимо также привлекать отдельные росписи, восходящие к семейной, а не приказной традиции; о подобной росписи Звенигородских князей говорилось выше. Некоторые из них известны по исследованиям о родословных книгах (Сорокоумовых, Морозовых, князей Глинских и др.), еще в XVI в. они вошли в состав списков родословцев[27]. Аналогичные росписи встречаются в рукописях XVII в.

Особо следует отметить роспись Сабуровых и Годуновых. Сведения о родственных связях между отдельными лицами таких родословий совпадают с известиями росписей родословных книг, а круг биографических сведений не только шире, но и качественно другой. Это не столько записи о службе, сколько упоминания о совместной службе с другими родственниками, иногда о браках и болезнях,— то, что не всегда отражало официальную деятельность. Такие сведения дают достаточно полную картину жизни различных семей.

Если обратиться к территориальным сведениям росписей — упоминаниям, где получили земли предки, перешедшие на службу в Москву, или просто уездов, в которых находились поместья,— то первое место здесь занимает Новгород (8 упоминаний),

[27] *Лихачев Н. П.* Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

из них 5 записей говорят о службе в Новгороде в XVI в., а 3 записи связаны с переселениями конца XV в. Служба в уделах XV–XVI вв. отмечена в пяти росписях, это Дмитров, Старица, Волоцк. Углицкими вотчинниками со времен Дмитрия Донского назвали себя Брюхатовы (103), Голосовы (116); суздальскими — Каблуковы (53). Выходцами из Рязани без легенды о выезде записаны Белелюбские (17), Буковские (47), Ворыпаевы (73). Бузовлевы (81) показали себя потомками татарина Чепчуга прозвищем Бузовлев, служившего рязанскому князю Федору Ольговичу.

Эти упоминания особенно важны, потому что средняя, небоярская, прослойка удельных дворов по родословным книгам XVI в. неизвестна. Ветви семей, служившие в уделах, или семей, не входивших в состав боярства великих княжеств, в них не записывались даже в том случае, когда часть лиц была связана со службой в Москве и общая роспись рода попадала в родословные. О семьях, служивших только в уделах и не имевших своих представителей при великокняжеском дворе, мы из генеалогических документов XVI в. ничего не знаем.

Росписи XVII в. тем более ценны, что в них есть сведения о том, каким именно удельным князьям служили те или иные лица. Есть в них и уникальные сведения об обмене рядовыми членами из дворов московского и старицкого князей в годы опричнины. Основные известия об этом обмене находятся в летописях, и частично круг лиц, перешедших в состав московского двора, можно реконструировать по разрядным записям. Но такая реконструкция в силу специфики документов опять же относится к боярской прослойке, а об обмене рядовых служилых людей из других источников неизвестно.

Часть семей (4) — вотчинники в Вязьме, Козельске, Ржеве; эти земли связаны с переселенцами из Литвы; и три записали своих предков переехавшими на службу из Литвы и Польши. Семь росписей — семьи, служившие в Москве, Рязани, Суздале, Костроме.

Отмеченные выше записи в основном относятся к родовым гнездам, но в росписях есть упоминания и о других земельных владениях, как правило подтвержденные грамотами. Они позволяют проследить размещение по уездам помещиков, членов одной семьи.

Группа записей связана непосредственно со службой при московском дворе. Это достаточно многочисленные сведения о смерти в различных сражениях, преимущественно во время взятия Казани и в Ливонскую войну. Аналогичные известия есть и в других источниках. Следовательно, достоверность записей можно проверить, и благодаря росписям мы можем выявить круг родственников лиц, участвовавших в войнах XVI в.

Небольшое число записей говорит о службе при дворе в первой половине XVI в. В росписи Владычкиных назван ловчим Михаил Васильевич Дятлов, в росписи Вороновых — ясельничим

у Магнуса Обляз Богданович. Все это сведения, известные по источникам XVI в. Оригинальными являются записи об Игнатии, Михаиле и Федоре Борисовичах Блудовых, которые не только показаны записанными в Дворовую тетрадь, но и названы опричниками[28]. Их принадлежность к опричному двору можно установить по источникам XVI в., а принадлежность к этому двору Тимофея Ларионова Бунина пока известна только по родословной росписи Буниных.

В росписи Вараксиных много места отводится описанию службы при Василии III и Иване IV Логина Дмитриевича — он посылался в составе посольств, участвовал в крупных сражениях. Так же подробно описана и служба его сына Афанасия Деревни Логиновича при Иване IV и Федоре Ивановиче. В отличие от кратких известий о службе, записанных в других росписях, в данном случае подробно сообщено, с какими боярами служили Логин Дмитриевич и его сын, годы сражений, в каком качестве они принимали в них участие и другие подробности.

В этих записях нет какой-либо системы, каждая семья заносила в росписи то, что знала и считала возможным сообщить. В отличие от родословий XVI в. в росписях мы часто встречаем отсылки на разряды, грамоты, другие документы. Иногда круг сведений, помещенных в росписи, совпадает с кругом известий из приложенных к росписи документов.

Новым для родословий XVII в. является ссылка на Тысячную книгу и Дворовую тетрадь как на источник, подтверждающий родовитость. В сохранившихся подлинных росписях XVII в. встречается около 20 упоминаний о том, что предки лиц, подавших свои документы в 80-х годах XVII в., записаны в Тысячную книгу и Дворовую тетрадь. Их можно свести в таблицу (*табл. 7*).

Как видно из таблицы, две трети записей в родословных росписях не только подтверждаются текстами Тысячной книги и Дворовой тетради, но и полностью им соответствуют[29]. Такие упоминания в XVII в. приводились только в росписях рядовых дворянских семей. Иногда (росписи Бухваловых, Волоховых, Власьевых, последняя роспись сохранилась только в копии XVIII в.),

---

[28] *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного.— В кн.: АЕ за 1959 год. М., 1960, с. 26—27.

[29] Подобные сведения, сохранившиеся в копиях с росписей, сделанных в XVIII в., приведены И. В. Мятлевым для семей Апраксиных Вердеревских и Тютчевых без упоминания имен конкретных тысячников; им также названы Ф. И. и Т. И. Туровы (нет и в Тысячной книге), И. Е. Михнев, Юшман Лазарев (оба есть в Дворовой тетради), Т. К. Тыртов, Л. В. Шушерин, И. С. и П. С. Злобины, Н. Л. Тургенев (все есть в Тысячной книге) (*Мятлев И. В.* Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912, с. 8, 54, 55, 59, 66, 69). К ним можно добавить запись из копии росписи Власьевых: Иван, Григорий, Семен Ивановы дети Власьевы, с которых начинается роспись, есть в Дворовой тетради (ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, *д. 241а*, л. 155).

Таблица 7

Лица, записанные как тысячники в росписях XVII в.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Упоминание в росписи [*1]	Упоминание в Тысячной книге и Дворовой тетради [*2]
1	Баскаков Алексей Петров	Тысячная книга	Нет
2	Баскаков Иван Петров		Нет
3	Баскаков Федор Петров		Нет
4	Болтин Будай Угримов	Тысячная книга; лучане, помещики из Пскова и Острова	Нет
5	Болтин Дмитрий Григорьев		Тысячная книга, по Луцку
6	Болтин Федор Григорьев		Тысячная книга, по Луцку
7	Бухвалов Яков Дмитриев	Дворовая тетрадь, из Ржевы Володимировой и Дмитрова	Дворовая тетрадь, литва дворовая по Дмитрову
8	Волохов Дмитрий Андреев	Тысячная книга, из Лосецкого поста Воцкой пятины	Тысячная книга, по Лосецкому погосту Воцкой пятины
9	Елагин Пимин Михайлов	Тысячная книга, по Воцкой пятине	Нет
10	Елагин Федор Михайлов		Тысячная книга, по Воцкой пятине
11	Караулов Соморок Собинин	Тысячная книга, по Воцкой пятине	Тысячная книга, по Воцкой пятине
12	Караулов Черемиса Собинин		
13	Кафтырев Григорий Иванович	Тысячная книга, по Московскому уезду	Тысячная книга, по Переяславскому уезду
14	Кафтырев Яков Иванович		
15	Кикин Дмитрий Андреевич	Тысячная книга, по Вязьме	Тысячная книга, по Вязьме
16	Кикин Иван Андреевич		
17	Козловский Лев Иванович	Дворовая тетрадь, литва дворовая по Романову	Нет
18	Коробов Андрей Васильевич	Тысячная книга	Тысячная книга, по Переяславскому уезду
19	Коробов Василий Васильевич		
20	Коробов Федор Васильевич		
21	Кузьмин Караваев Иван Васильевич	Тысячная книга	Нет

[*1] ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 84, 109, 102, 37, 145, 141, 91, 30, 108, 56; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981, с. 148—151.

[*2] ТКиДТ. М., 1950, с. 102, 134, 92, 86, 68, 78, 58.

тысячник выступает как родоначальник семьи. Известия о подобной службе предков отсутствуют, как правило, в росписях семей, еще в XVI в. записанных в родословные книги (исключение составляют Коробовы, чье родословие находится в ряде редакций родословных книг XVI в.) [30].

Основная масса лиц, записанных как тысячники,— новгородские, псковские, вяземские и ржевские помещики. Только в росписях Кафтыревых и Коробовых упомянуты тысячники из Переяславского уезда, принадлежавшие к старому московскому дворянству. Для XVI в. это наименее родовитая часть феодалов, поскольку землевладельцами в Вязьме, Ржеве Володимировой, Дмитрове часто были недавние выходцы из Великого княжества Литовского или литва дворовая, не имевшие длительной связи с русскими правящими князьями. Служба в Новгороде в XVI в. также свидетельствовала о принадлежности или к боковым ветвям московского боярства, или к средним слоям, не входившим в состав Государева двора [31].

В этой связи интересно проследить, что писали о своем родоначальнике лица, подавшие в XVII в. 11 росписей, где есть предки-тысячники [32]. Две из них, как уже отмечалось, начинаются с таких предков. В четырех росписях родоначальники в разное время выехали к русским князьям из Золотой Орды (Баскаковы, Болтины, Карауловы, Кафтыревы), еще в четырех — из Литвы и Польши (Елагины, Кикины, Козловские, Коробовы) и одна — роспись старинного новгородского боярского рода (Кузьмины Караваевы) [33]. Легенды, особенно описывающие выезд предка из Орды, характерны именно для росписей XVII в. и сопоставимы с другими родословными материалами того же времени. Потомки в прошлом рядовых семей, служивших вне Москвы, опираясь на записи летописей, создавали красочные легенды о своем происхождении, чтобы удревнить и облагородить своих предков [34].

Кроме этого, в разрядах упоминается Ф. М. Елагин, который был в Ракоборе в 1565 г. с князем П. Кропоткиным, а в 1572 г.— с И. Сабуровым [35].

Наиболее значительной была служба в XVI в. Коробовых — по определению Ю. Г. Алексеева, крупных помещиков Верхдубенского стана Переяславского уезда [36]. Из записанных в росписи тысячников Андрей Васильевич Коробов в 1555 г. служил в Смо-

---

[30] *Бычкова М. Е.* Родословные книги..., с. 184, 187, 190 и след.

[31] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 101—121.

[32] Учитываются лишь росписи, сохранившиеся в подлинниках.

[33] *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 118—156.

[34] См. подробнее: *Бычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей..., с. 102—104.

[35] РК. М., 1966, с. 226, 245.

[36] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966, с. 215—216.

ленске[37]. Василий Васильевич в 1560 и 1565 гг. был головой во Гжеве Володимировой у князя И. Ф. Мстиславского[38], Ф. В. Коробов участвовал в свадьбах Ивана IV и его брата Юрия Васильевича (1547 г.)[39].

Такими же рядовыми были семьи, приписавшие себе фальшивых тысячников. Один из них — Б. У. Болтин — в 1558 г. был головой в полку князя П. И. Шуйского, а в 1560 г.— головой в полку П. П. Головина[40].

Росписи XVII в. позволяют расширить представление о социальном составе тысячников, особенно из местного городового дворянства. В конце XVII в. меняется отношение к Тысячной книге и Дворовой тетради, которые становятся ценным документом для доказательства почти полуторавековой службы семьи русским царям.

Тысячная книга и Дворовая тетрадь были официальными документами, подтверждавшими службу при московском царском дворе в середине XVI в. Для семей, подавших сведения о тысячниках, они фактически были «точкой отсчета», с которой велась их принадлежность к Государеву двору. Возможно, с этим связано и то, что Болтины и Елагины записали в свои росписи больше предков-тысячников, чем их имеется в Тысячной книге, а Баскаковы, Козловские и Кузьмины Караваевы, воспользовавшись тем, что такие фамилии есть в Тысячной книге, приписали фальшивых предков-тысячников.

Немногочисленные биографические сведения, приведенные в росписях, показывают, что в XVI в. представители этих семей служили по городам: Баскаковы — по Смоленску, Болтины — по Пскову[41]. Дмитрий и Иван Андреевичи Кикины служили по Вязьме, были в полку у князя И. Д. Бельского, затем Д. А. Кикин в 1566 г. описывал Чебоксары, а И. А. Кикин переведен в Рязань; дети Ивана находились в южных пограничных городах[42]. И только из рода Карауловых в конце XVI в. вышел известный политический деятель Деметша Иванович Черемисинов[43].

Кроме *отсылок на Тысячную книгу, в росписях есть упоминания* о Поганой книге Дмитрия Китаева, составленной, очевидно, в конце XV в. (росписи Григоровых, Кузьминых, Савеловых и др.). Такие упоминания — принципиально новое явление по сравнению с XVI в. Книга Дмитрия Китаева связана с переселениями, происходившими в Новгородской земле в конце XV в., после присоединения Новгорода к Москве. Для родословий XVI в. упоминание о записи в книгу Дмитрия Китаева было призна-

[37] РК, с. 152.
[38] Там же, с. 190, 226.
[39] См. выше гл. IV.
[40] РК, с. 173, 185.
[41] ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 84, л. 2; д. 109, л. 1.
[42] Там же, д. 30, л. 2, 3.
[43] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975, с. 66, 104, 105.

ком неродовитости, отказа от службы в Москве. Очевидно, к концу XVII в. главным признаком стала древность службы, и в этом случае отсылка на книгу доказывала, что семья известна с конца XV в. Возможно, что и здесь критерий древности службы заменяется или совпадает с критерием родовитости.

Книга Дмитрия Китаева была использована и частично опубликована еще Н. М. Карамзиным и в дальнейшем неоднократно привлекалась историками, преимущественно при исследовании института местничества [44]. В связи с этим аспектом изучения чаще анализировался непосредственный состав записанных в книгу Дмитрия Китаева лиц и реже писалось о соотношении списков памятника, времени и обстоятельствах его возникновения. К. В. Базилевич использовал 7 списков памятника, Г. В. Абрамович — 12 (в том числе известные Базилевичу). В настоящее время к ним можно прибавить еще 9 списков, не привлекавшихся в исторических исследованиях.

В противовес выводам Базилевича и Абрамовича сразу нужно сказать, что нет рукописей памятника, датируемых ранее 40-х годов XVII в. В свое время издатели книги Дмитрия Китаева [45] датировали ее, исходя из даты документа, а не списка, и эта дата — XVI в.— вошла в научную литературу как дата рукописи. В действительности был опубликован список 80-х годов XVII в.[46] Сейчас после реставрации плохо просматривается водяной знак; насколько можно судить, он близок к номеру, указанному Т. В. Дионовой,— № 1680 — 1688 г.[47] Почерк списка — скоропись конца XVII в.

Как отмечали Базилевич и Абрамович, некоторые списки книги Дмитрия Китаева возникли в связи с местническим делом 1648—1649 гг. между С. Муравьевым и С. Кашкаровым. Это подтверждается не только записями на отдельных списках, но и перепиской между Посольским и Владимирским судным приказами.

29 декабря 1648 г. из Владимирского приказа думному дьяку Михаилу Волошенинову в связи с местническим делом Муравьева и Кашкарова была послана грамота с просьбой сделать выпись из писцовой книги Воцкой пятины Дмитрия Китаева, которая прислана в Москву в 1621—1622 гг. В той же грамоте просили проверить, есть ли в описании Каргаломского погоста, где были поместья Муравьевых, порванные, подклеенные или исправленные листы, а также уточнить, как там записаны Муравьевы: люди Олоповских или Пущины и Муравьевы Олоповского [48].

---

[44] См. подробнее. *Базилевич К. В.* Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в.— В кн.: Ист. зап. М., 1945, т. 14, с. 62—63; *Абрамович Г. В.* Неизвестная писцовая книга.— В кн.: ВИД. Л., 1978, т. IX, с. 74—75.

[45] РИБ. СПб., 1908, т. XXII, с. 29—31.

[46] ЦГАДА, Госархив, разд. XXVII, д. 4.

[47] Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980.

[48] ЦГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), 1648 г., д. 145, л. 1.

В ответ на эту грамоту была послана выпись из книги «за руками» дьяка Михаила Милославского и «за справою» подьячего Третьяка Башмакова. «Вотцкие пятины писма Дмитрия Китаева лета 7008-го году. В Каргальском погосте написано: великого князя селца Михайловские да Олуфьевские Гасиных, да Лукинские Климентьева за Пущою за Олуповским да за его детми, за Булгаком да Ондрейком. Михайловских з братом селцо Урмизно на реце на Систи, двор, в большом Пуща *з детми. Да в том же* погосте написано: великого *князя волостка Настасьинская, Ивановской* жены Григорьева, за *Русином да Михалем, да Ивашком* за Муравьевыми детми Олуповского, селцо на Сойкиных горах у моря. Двор в большом сам Русин, двор брат его Ивашко. А порченых и драных листов... в тех статьях нет» [49]. В дальнейшем по запросу С. Кашкарова книга Дмитрия Китаева была послана из Посольского приказа во Владимирский с условием, что после окончания дела ее вернут назад, в Посольский [50].

Это дело не только раскрывает историю использования книги Дмитрия Китаева. С ним можно связать группу списков, у которых в конце есть запись: «А назади у подлинной росписи написано: „К сему списку князь Семен Урусов руку приложил". А прислал тот список князь Семен Урусов по государеве грамоте в судной Владимирской приказ во 155-м (вар.: 157) году, как тягались об отечестве новгородцы Семен Кошкаров с Семеном Муравьевым, и в том на князь Семена была ссылка и на роспись». В ряде списков есть только заверительная подпись С. Урусова [51].

Книга Дмитрия Китаева, которая в исторической литературе всегда оценивалась как единый документ, в действительности имеет ряд самостоятельных редакций. Самостоятельна выпись из писцовой книги, которая сохранилась в списке 80-х годов XVII в. и опубликована в «Русской исторической библиотеке» [52]. Есть две близкие редакции памятника, которые состоят из двух документов: списка лиц, испомещенных в Воцкой пятине, и выписки из 27 погостов, где были испомещены эти лица. И наконец, в отдельных разрядно-родословных сборниках есть только список лиц, испомещенных в Воцкой пятине.

Происхождение опубликованной выписи из писцовой книги не вызывает сомнения. В основном все выводы исследователей о времени и причинах появления этого памятника строились на тех редакциях, где объединены два документа — список испомещенных лиц и выпись из 27 погостов. Однако по форме записи выпись из писцовой книги не совпадает с выписью из 27 погостов. В ней, как и в любой писцовой книге, записаны конкретные населенные пункты, которыми владели в Воцкой пятине раз-

[49] Там же, л. 5.
[50] Там же, л. 6—8.
[51] *Абрамович Г. В.* Указ. соч., с. 177—178.
[52] РИБ, т. XXII. По мнению Абрамовича, с этим списком совпадает список из разрядной книги Бекетова (*Абрамович Г. В.* Указ. соч., с. 76).

личные помещики. По своему происхождению и форме это самостоятельный документ, к которому близка запись о Пущиных и Муравьевых, сохранившаяся в приказной переписке [53].

Кроме этого, есть две редакции, состоящие из двух документов. Первая представлена одиннадцатью списками:

1) Архивский [54]. Разрядный сборник последней четверти XVI в. В нем помещены обе редакции (первая и вторая) памятников: первая — на л. 23—33 об., вторая — на л. 63—71.

2) Архивский IV [55]. Сборник конца XVIII в. На л. 8—11 помещены два документа, близкие к л. 23—33 об. предыдущей рукописи. Перед книгой Дмитрия Китаева находится оглавление родословной книги, с л. 11 — списки губных старост.

3) Мазуринский [56]. Исторический сборник 20-х годов XVIII в. Список писцовой книги на л. 47—57; кроме него, в рукописи отрывки из летописей, боярские списки.

4) Ундольский [57]. Сборник второй половины XVII в. Книга Дмитрия Китаева на л. 209 об.— 220. Здесь помещены две разные редакции описания погостов.

5) Чернышевский [58]. Тетрадь в восьмерку, на 10 л., второй половины XVII в. Описание погостов обрывается на восьмом.

6) Троицкий I [59]. Рукопись конца XVII в. Кроме книги Дмитрия Китаева содержит боярские списки, списки губных старост.

7) Троицкий II [60]. Список XVIII в. В рукописи родословная книга, разряды, список судного дела С. Кашкарова и С. Муравьева, в нем книга Дмитрия Китаева, затем списки городовых голов и приказчиков.

8) Погодинский V [61]. Исторический сборник XVIII в. Книга Дмитрия Китаева помещена после родословной; имеет общие черты и с Погодинским I списком второй редакции.

9) Погодинский III [62]. Разрядно-родословный сборник XVIII в. Рукопись близка к Троицкой II.

10) Погодинский IV [63]. Исторический сборник XVIII в. Рукопись близка к Троицкой I.

11) Академический [64]. Разрядно-родословный сборник последней четверти XVII в. Текст близок к Архивскому.

---

[53] ЦГАДА, ф. 141, 1648 г., д. 145, л. 5.

[54] Там же, ф. 181 (Библиотека МГАМИД), д. 83. Во время работы над изучением состава класса феодалов А. А. Зимин подарил мне свои выписки из списков книги Дмитрия Китаева. Эти материалы используются в настоящей работе.

[55] Там же, д. 36.

[56] Там же, ф. 196, д. 822.

[57] ГБЛ, Собр. Ундольского, д. 812. См.: ТКиДТ, с. 26—27.

[58] Там же, ф. 330 (Чернышевых), карт. 3, д. 33.

[59] Там же, ф. 304 (Библиотека Троице-Сергиевой лавры), оп. II, д. 15.

[60] Там же, д. 18.

[61] ГПБ, Собр. Погодина, № 1604.

[62] Там же, № 1623.

[63] Там же, с. 1692.

[64] БАН, № 34.5.15.

Для этой группы списков характерна отсылка на документы местнического дела 1648—1649 гг. и указание, из каких дел сделаны выписи. Очевидно, к Троицкому II списку близки рукописи, введенные в науку Абрамовичем. Только на них есть запись: «К сему списку князь Семен Урусов руку приложил» [65].

Во всех списках есть общий заголовок: «Список новгородцкой писцовой книги Дмитрия Китаева 27 погостам». Кроме этого, оба документа имеют свои заголовки. Второй заголовок к описанию погостов в принципе одинаков для всех рукописей: «Воцкие пятины по государеву указу поместил писец Дмитрий Китаев». Заголовок к первому документу в рукописях существенно различается.

Троицкий I, Мазуринский списки	Ундольский, Архивский IV списки
Лета 6991-го году июля в 17 день бог поручил великому князю Ивану Васильевичу всея Руссии Дородному Великий Новгород под его богом хранимую державу. И в те поры боярских людеи князь великий имал из боярских дворов, и велел их испоместить в Новегороде своему государеву писцу Дмитрию Китаеву.	Лета 6991-го году июля в 17 день бог поручил великому государю князю Ивану Васильевичу всея Русии Дородному Великий Новгород под его богом хранимую державу. Имена княженецким людям и боярским слугам, чей кто бывал послужилец и хто чей сын и племянник и дядя и внук и зять, как князь великий имал из боярских дворов и велел их испоместить в Новегороде своему государеву писцу Дмитрию Китаеву.

Как видно, упоминание о послужильцах здесь является вторичным текстом, вставкой, тем более что ни в самом описании погостов, ни в одном из списков, где в заголовке нет вставки, этот термин не встречается [66].

Все разночтения рукописей достаточно индивидуальны, у них разные описания погостов, разные окончания текстов.

В Ундольском списке на л. 215 об. перед повторным описанием погостов есть еще одна запись: «Списано у разрядного подьячева у Ивана Малышева, а давал ту книгу из Разряду подьячей Любим Домнин Петру Иванову сыну Северову, а у Петра Северова тое книгу списывал человек Петров Петрушка Алексеев сын Дружинин». Запись восходит к 1663—1664 гг., когда Иван Малышев и будущий думный дьяк Любим Домнин

[65] *Абрамович Г. В.* Указ. соч., с. 176—177.

[66] И. И. Срезневский, ссылаясь только на выпись из книги Дмитрия Китаева, объясняет слово «послужилец» как «подчиненный, служилец». Термины «послужити» и «послужник», которые употребляются в письменных памятниках начиная с XI в., он толкует как «служить, быть слугою», «оказать помощь, позаботиться» и «исполнитель, повинующийся» (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка. СПб., 1902, т. 2, стб. 1236—1237).

были подьячими[67]. Она подтверждает предположение, что выписки из книги Дмитрия Китаева делались не один раз.

Вторая редакция двух аналогичных документов представлена рядом списков.

1) Архивский[68], л. 63—71 об. (См. первая редакция, № 1). Копии этого списка — Мазуринский[69] и Малиновского[70] XVIII в.

2) Мазуринский II[71], второй половины XVII в. В нем только книга Дмитрия Китаева.

3) Архивский III[72]. Исторический сборник начала XVIII в. Кроме книги Дмитрия Китаева, здесь помещены послания А. М. Курбского.

4) Шляпниковский[73]. Расклеенный столбец на пяти листах последней четверти XVII в. Рукопись близка к Архивскому.

5) Лихачевский[74]. Разрядный сборник XVIII в. Текст рукописи близок к Архивскому.

6) Архивный[75]. Столбец на пяти сставах разной длины и ширины, последняя четверть XVII в. Близок к предыдущим рукописям.

7) Погодинский I[76]. Разрядно-родословный сборник XVIII в. Текст рукописи близок к Лихачевскому.

В этих списках иной общий заголовок к обоим документам: «Роспись. Имена княженецким слугам и боярским, хто чей послужилец бывал или хто чей сын или племянник и внук и зять. Вотцкие пятины, которых поместил по государеву указу писец Дмитрий Китаев». Зависимость этого заголовка и заголовка, вставленного в текст ряда списков первой редакции, очевидна. Только в первом случае он был явной вставкой в первоначальный текст, а здесь един для всех списков.

Далее идет заголовок, относящийся к первому документу: «Лета 7008-го июля в 14 день, на память святого апостола Акима, поручил бог государю и великому князю Ивану Васильевичу Дородному Великий Новгород под его богом хранимую державу».

Дата этого заголовка относится к первому, общему, так как 1500 (7008) годом датируется описание Новгородской земли Дмитрием Китаевым, а не присоединение Новгорода к Москве.

Заголовок ко второму документу: «Имена погостом Вотцкие пятины, в которых испомещены княженецкие и боярские и дворянские послужильцы из дворов, полные и докладные»; далее в

---

[67] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 175, 315.

[68] ЦГАДА, ф. 181, д. 83, л. 63—71. Текст отличается от текста на предыдущих листах.

[69] Там же, ф. 196, д. 477.

[70] Там же, ф. 197 (Собр. Малиновского), портф. 2, д. 32.

[71] Там же, ф. 196, д. 871.

[72] Там же, ф. 181, д. 461.

[73] ЛОИИ, кол. 174, оп. 1, д. 14.

[74] Там же, кол. 238, оп. 1, д. 146.

[75] Там же, кол. 13, оп. 1, д. 146.

[76] ГПБ, Собр. Погодина, № 1598.

Архивском III добавлено: «и кабальные, и всякие люди». В этом документе описан 21 погост, а не 27, как в первой редакции.

Практически в заголовках второй редакции спутаны два события: присоединение Новгорода к Москве, когда после вывода новгородских бояр стало возможным раздать их земли московским феодалам, и описание Воцкой пятины Дмитрием Китаевым в 1500 г.

Если сравнить все заголовки, то те, которые помещены в первой редакции, представляются первоначальными. Они строго раскрывают суть дела, от общего к частному. Сначала указан документ, из которого сделана выпись,— писцовая книга Дмитрия Китаева, затем указано, когда в Новгород были переселены московские помещики, и, наконец, перечислены конкретные погосты, где получили владения лица, названные в первом документе.

Заголовки второй редакции подчеркивают, что документ — не выпись из писцовой книги, а роспись послужильцев. Здесь объединено испомещение новых владельцев и описание Воцкой пятины, и уже совсем неточно представлена деятельность Ивана III.

Очевидно, первоначальными надо считать заголовки тех списков первой редакции, где нет вставки об испомещении послужильцев. Возможно, текст этой вставки заимствован из общего заголовка к документам второй редакции, о чем свидетельствует близость их текстов.

Списки испомещенных в Воцкой пятине помещиков обеих редакций имеют общий протограф. Если учесть разночтения, ряд индивидуальных пропусков и искажений фамилий, эти тексты одинаковы. Но в первой редакции после каждой группы семей идут записи типа: «Ивановские люди Борисовича Тучкова», «Шереметевские люди», «князь Ивановские люди Ряполовского» и т. д. Во второй редакции эти записи систематически заменяются: «Ивановские люди Борисовича Тучкова, 11 семей двора его послужильцев», «Шереметевские люди, 7 семей двора его послужильцев», «Образцовские люди Травина, 2 семьи его двора». Очевидно, такие добавления сделаны в связи с новым заголовком к документу.

Упоминания о послужильцах отсутствуют во втором документе этой редакции — описании погостов, где формулировки такие же, как в рукописях первой редакции.

И ни в одном из списков второй редакции нет упоминаний об их происхождении, а также воспроизведения заверительных записей на подлинниках.

Еще три рукописи сохранили особую редакцию Поганой книги. Музейный[77]. Летописный сборник XVIII в. Между Новым летописцем и разрядными записями здесь помещена статья «О новгородцах» (л. 226 об.— 227 об.). У нее заголовок: «В лета 6979 году июля в 4 день, на память святого апостола Акимы,

[77] ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), д. 8973.

господь поручил взять государю царю и великому князю Ивану *Васильевичу Дородному Великий Новгород под его* хранимую державу. Роспись именам княженецким слугам и боярским, хто чей бывал послуживец или хто чей сын и племянник и внук, и земцы Вотцкие пятины, которых поместил по государеву указу государев писец Дмитрий Китаев. Список з Дмитриевой книги Китаева слово в слово, перечень послуживцом, хто чей бывал». Далее идет перечень семей, где заключительная статья повторяет статью второй редакции. Каждая группа семей объединена в главы (всего 13 глав). Заключение статьи: «Итого, ис холопей княжецких и боярских поселено дьяком Дмитрием Китаевым в Вотцкие пятины в разных погостех на поместья порубленных великим князем Иваном Васильевичем Дородным 63 семьи». В этом заключении и заголовках, как и в списках второй редакции, путается факт наделения землей и факт описания Воцкой пятины.

Сходный список помещен в рукописи родословной книги последней четверти XVII в.[78] Здесь тот же набор заголовков, что и в Музейном списке, а в тексте ни разу не употребляется слово «послужилец»; нет и заключительной статьи. К нему близка рукопись, представляющая нерасклеенный столбец последней четверти XVII в. на четырех сставах[79].

Сопоставление различных редакций выписей, связанных с именем Дмитрия Китаева, позволяет сделать ряд выводов о происхождении памятника.

Этот комплекс документов возник, очевидно, не ранее 40-х годов XVII в. и формировался, как можно судить по записям на рукописях, до последней четверти века, а может быть, и позже. В основе лежит писцовая книга Дмитрия Китаева 1500 г., присланная в 20-е годы XVII в. в Москву. Такая выпись из книги сохранилась в копии 80-х годов XVII в.

То, что в документах XVII в. и вслед за ними в исторической литературе называется книгой Дмитрия Китаева, поздняя обработка писцовой книги. Она состоит из выборки имен лиц и семей, вспомещенных в Воцкой пятине после присоединения Новгорода к Москве, а также из выписей погостов, в которых эти люди поселены. Ни конкретных владений, ни их размеров документы не называют, что еще раз свидетельствует об их вторичном происхождении по сравнению с писцовой книгой.

В процессе обработки документов в них вставлялись сведения о принадлежности упомянутых лиц к послужильцам. О том, что такие сведения вторичны, говорит то, что в тексте термин употребляется не систематически; там, где он есть,— запись вторична по отношению к протографу. В документе, наиболее близком к первоисточнику,— перечне погостов — он не встречается ни в одном списке. Сам термин «послужильцы» поздний, его нет в документах XV в.

---

[78] ЦГАДА, ф. 181, д. 84.
[79] ЛОИИ, кол. 13, оп. 1, д. 147.

Упоминания о послужильцах наиболее регулярно приводятся во второй редакции, где список испомещенных лиц существует отдельно от перечня погостов Воцкой пятины.

Базилевич и Абрамович детально изучили время испомещения в Воцкой пятине. Наиболее раннее Базилевич относил к 1484 г., когда подверглись опале Тучковы (в Воцкой пятине упоминаются их слуги Печенеговы)[80], самое позднее — 1499 г.— опала на князей Ряполовских[81].

Соответственно в выписи находятся люди, служившие во второй половине XV в.

Обе редакции дают различный состав политических деятелей, члены чьих дворов оказались новгородскими помещиками:

№ п/п	Первая редакция	Вторая редакция
1	И. Б. Тучков	И. Б. Тучков
2	С. И. Ряполовский	С. И. Ряполовский
3	Б. Б. Тучков	Б. Б. Тучков
4	Олоповский	Шереметев
5	Образец	Сараев
6	Ярославский	Василий Кузьмин
7	И. Ряполовский	Богдан Есипов
8	Михаил Русалка	Салтык Травин
9	Шереметев	Арепин
10	Салтык Травин	Образец
11	Богдан Есипов	Писемский
12	Василий Кузьмин	П. Б. Ярославский
13	Б. Б. Тучков	Михаил Русалка

Практически в первой редакции на один двор меньше, так как в конце записаны те же члены двора Б. Б. Тучкова, что и в начале выписи. Среди деятелей второй половины XV в. нет Олоповских, Сараевских, Арепиных, Писемских.

К тексту «Мещерские — Аретиных *послужильцов, 1 семья его* двора» в *рукописях этой редакции есть вариант: «Пущины, Муравьевы — Олоповских, 2 семьи его двора»*; первый вариант может быть каким-то испорченным или переделанным текстом протографа. Что касается Олоповских, то в выписи из писцовой книги по делу Муравьевых и Кашкаровых (см. выше), сделанной в Посольском приказе, это место можно истолковать и как прозвище какого-то члена семьи, тем более что в запросе 1648 г. специально просили обратить внимание, как «Олоповский» написано в подлиннике.

[80] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 65.
[81] Там же, с. 64.

К записи Писемского также есть варианты: «Епанчины — Писемских послужившов» и «Епанчины, Товарковых человек, 1 семья его двора, Чинченчины, Писемских послужильцы Ярославских люди, 2 семьи их двора»; возможно, это также дефект протографа.

О происхождении Сараевских существует несколько мнений, но точное происхождение этой семьи так и не определено [82].

Список испомещенных лиц практически в обеих редакциях выписи одинаков, одни и те же люди записаны как члены тех же дворов, лишь порядок расположения дворов в редакциях различен.

Существуют большие расхождения между лицами, записанными в выписи, и списком, который помещен в описании погостов. Увеличение числа людей в описании естественно, так как в первом случае записаны только фамилии, а во втором названы поименно лица из этих семей; 28 фамилий, помещенных в выпись, в описании погостов не упомянуты.

Базилевич сравнил известия об испомещении с новгородскими писцовыми книгами и установил, что лица, известные по выписи, и их потомки действительно в XVI в. были землевладельцами в Новгородских пятинах. Он же определил районы, где преобладало землевладение испомещенных людей, причем по своим размерам это были крупные поместья, превосходившие средние дачи новгородских помещиков [83].

Интересно наблюдение автора о том, что, заселяя пограничные земли представителями распущенных дворов московской аристократии, правительство стремилось таким образом укрепить особо важные участки границы. Этому способствовала не только величина надела, но и тот факт, что писцы стремились испомещать в соседних владениях членов одной семьи или представителей одного двора — людей, между которыми существовали установившиеся родственные или служебные связи [84].

Кроме новгородских писцовых книг, социальную среду вновь испомещенных можно проследить и по другим источникам, прежде всего по Тысячной книге и Дворовой тетради. За 50—70 лет, которые прошли со времени испомещения до составления этих памятников, могло смениться два-три поколения; в середине XVI в. служили внуки испомещенных. При неустойчивости фамилий и отсутствии имени деда определение точности принадлежности к одной и той же семье лиц из книги Дмитрия Китаева и Тысячной книги, записанных под одной фамилией, очень условно, даже если это землевладельцы одной и той же пятины. И все же такое сопоставление допустимо и может дать косвенные выводы.

Из прямых потомков испомещенных в Тысячной книге безусловно записан один. По книге Дмитрия Китаева, в Каргальском

[82] См. подробнее: *Абрамович Г. В.* Указ. соч., с. 180.
[83] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 73—75.
[84] Там же, с. 75—76.

погосте испомещен Пуща и его дети Булгак да Овдейко (вар.: Ондрейко), Олоповские люди; в Тысячной книге есть сын боярский Каргальского погоста Воцкой пятины — Олуповский Семейко Булгаков сын Пущина.

По книге Дмитрия Китаева, в Замошском погосте дано поместье Ивану Нороватому; Иван Яковлев сын Нороватый того же погоста в Тысячной книге — его возможный потомок. Вероятно, Муравьевы из Тысячной книги — потомки Муравьевых книги Дмитрия Китаева, хотя они записаны в этих документах по разным погостам. По Шелонской пятине в Тысячной книге идут Щербинины, Терпигоревы, Овцыны, а по Деревской — Клементьевы, по Обонежской — Козодавлев; это также возможные потомки лиц, испомещенных в XV в.

В остальных случаях лица с теми же фамилиями, какие носили новые новгородские помещики, встречаются среди стрелецких сотников 1591 г. (Некрасовы, Головкины, Нестеровы), решеточных приказчиков 1591 г. (Колокольцевы, Нелединские) и среди архиепископских детей боярских конца XVI в. (Рохмановы, Редриковы, Враловы, Барановы).

Такие же фамилии, как в книге Дмитрия Китаева, в середине XVI в. встречаются лишь у землевладельцев, записанных в Дворовой тетради по Пскову, Бежецкому Верху, Старице, Торжку, Твери, Верее (Быковы, Шамшевы, Шубины, Нелединские, Назимовы, Хомутовы и др.). Даже не устанавливая непосредственной родственной связи между этими помещиками и новгородскими, можно отметить, что семьи с одинаковыми фамилиями служат в районах, близких к Новгородской земле, бывших уделах, где не было родовых вотчин старомосковского боярства.

Эти наблюдения позволяют предположить, что лиц, испомещенных в Воцкой пятине после роспуска в XV в. дворов опальных представителей аристократической верхушки, не обязательно относить к холопам, как это делалось в советской исторической литературе. Часть из них, если не все, были рядовыми феодалами, служившими не непосредственно великому князю, а князьям и членам Государева двора. Аналогичное явление в XV и XVI вв. наблюдалось не только с удельными князьями, но и со служилыми. После роспуска дворов князей Ряполовских, Морозовых, Фоминских и других такие феодалы вполне могли перейти на службу к великому князю и получить земельные владения на вновь присоединенных пограничных землях, какими были в последней *четверти XV в. Новгородские пятины.*

Еще Н. В. Мятлев, занимавшийся историей Печенеговых в XV—XVI вв., присоединился к мнению Н. П. Павлова-Сильванского и писал, что Печенеговы были вольными служилыми людьми, боярскими дружинниками, принадлежавшими к двору своих бояр. После опалы и роспуска боярских дворов они становились служилыми людьми того, кто наделял их землей [85].

[85] *Мятлев Н. В.* Печенеговы. М., 1913, с. 11—13.

Процесс врастания в состав Государева двора был длительным, и все же возможные потомки новых слуг великого князя или другие члены их семей уже записаны в Тысячную книгу и Дворовую тетрадь, что само по себе может свидетельствовать о нехолопском происхождении.

Выписи из книги Дмитрия Китаева и их обработка были сделаны в XVII в. в результате местнических споров. Подходить к ним надо с большой осторожностью, особенно учитывая терминологию этого документа. Никогда не возникало сомнений ни в подлинности записанных здесь лиц и семей, ни в их службе в составе дворов русских феодалов, но их юридическое положение могло быть неодинаковым.

Сохранившиеся до наших дней источники XVI в. скудно освещают личный состав средневекового русского войска. Разрядные книги называют только командный состав, известия летописей отрывочны, даже из подробных описаний взятия Казани и хода Ливонской войны мы почти не знаем имен рядовых воинов. Наоборот, документы, зафиксировавшие службу помещиков (писцовые книги, Дворовая тетрадь и др.), как правило, ничего не говорят о походах, в которых они принимали участие.

Имена рядовых воинов, принимавших участие в крупнейших сражениях середины XVI в.— 60-х годов XVII в., дает нам источник, казалось бы далекий от военных документов,— «Синодик по убиенных во брани». Появление этого памятника, очевидно, связано с соборным решением 1548 г., сохранившимся в записи XVII в.: «В лето 7056-го месяца июня в 21 день... благоверный и христолюбивый царь и великий князь Иоан Васильевич всея России по благословению отца своего Макария, митрополита всея России, уставил общую память благоверным князем и боляром, и христолюбивому воинству, и священническому и иноческому чину, и всем православным християном от иноплеменных на бранех и на всех побоищах избиенных... И повелел по них митрополиту и со всеми соборы пети понахиды и обедни служити в соборной церкви Успения богородицы и по всем церквам в городе и на посаде... И сию общую память по всех православных християнех велел и в прочия лета поминати... И оттоле повеле ту общую память написати в соборныя книги» [86].

В Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится рукопись второй половины XVII в. под названием «Синодик по убиенных во брани» [87].

---

[86] ГБЛ, ф. 228 (Собр. Пискарева), № 31, синодик XVII в., л. 41—42. Запись помещена в тетради (л. 41—48), написанной почерком, отличным от других почерков рукописи. Подробнее об этом синодике см.: *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории синодика. СПб., 1895, с. 89—90.

[87] ГПБ, F. IV. 254. Рукопись на 68 л., является расклеенным столбцом. Листы разной длины, л. 47 шире других. Водяной знак — голова шута. Переплет картонный XIX в. с шифром библиотеки на кожаном корешке. Рукопись написана разными почерками, скреп на обороте нет, сохранились лишь следы клея на сставах. См. Прил. к настоящей главе; далее ссылки даются на Прил.

Название дано И. А. Бычковым при описании рукописи. Оно в данном случае весьма условно, так как это не книга поминаний какого-либо монастыря или церкви, а скорее документ делопроизводственного характера, и записаны в нем не отдельные фамилии или роды, как в обычных синодиках, а участники сражений XVI—XVII вв., причем указываются имя, отчество и фамилия, а также уезд, по которому служил убитый.

Систематические записи в «Синодике по убиенных» начинаются с Казанского похода 1547—1548 гг. Подобные записи встречаются и в списках синодиков московского Успенского собора. Прежде всего это пергаменный синодик XIV—XVI вв., известный в литературе под названием «Синодик Успенского собора» [88]. Его текст в соединении с текстом какого-то другого синодика опубликован Н. И. Новиковым [89]. «Синодик Успенского собора» содержит список убитых во время Казанской войны 1552 г., идентичный со списком «Синодика по убиенных». Возможно, что в данном случае оба синодика восходят к одному протографу.

Сравнение «Синодика по убиенных» с поздними списками синодиков Успенского собора в Москве, которые содержат аналогичные записи, показывает, как в XVII в. записи поминания убитых в битвах приспосабливались к традиционной форме записей синодиков. В «Синодике по убиенных» следует перечисление имен, отчеств и фамилий убитых, а в синодиках Успенского собора фамилии вписываются между строк киноварью или, как в записи убитых под Конотопом, имена записаны в один столбец, а фамилии и отчества — в другой, тоже киноварью.

Записи «Синодика по убиенных» 1650—1659 гг. совпадают с записями двух синодиков XVII в. московского Успенского собора [90]. В «Синодике по убиенных» отсутствует по сравнению с ними список казаков, убитых под Смоленском в 1654 г.

---

[88] ГИМ, Синодальное собр., № 667. Пергаменная рукопись в четверку, написана разными почерками XIV—XVI вв. Подробнее см.: *Попов Н.* Рукописи Московской синодальной библиотеки. М., 1905, с. 91—92; *Петухов Е. В.* Указ. соч., с. 7—43.

[89] ДРВ. М., 1788, т. VI, с. 420—506. Текст «Синодика Успенского собора» кончается на с. 481, далее без перерыва и без указания на начало другой рукописи напечатан какой-то другой синодик; среди синодиков Успенского собора, хранящихся в настоящее время в ГИМ, второго текста нет. Подробно об этой публикации см.: *Голицын Н. Н.* О синодике московского Успенского собора.— В кн.: ИРГО. СПб., 1903, вып. II, с. 25—34. Автор ошибается, говоря, что Новиков опубликовал текст одной рукописи «Синодика Успенского собора» (Там же, с. 26). Такой же список убитых под Казанью с указанием, что их поминают в Зилатовском монастыре, помещен в книге «Историческое описание памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани на Зилатовой горе». Казань, 1833, с. 32—46.

[90] 1) ГИМ, Успенское собр., № 65, рукопись XVII в., в лист; тексты, сходные с «Синодиком по убиенных», помещены на л. 386—386 об., 393 об.—394, 396—398. 2) ГИМ, Успенское собр., № 66, рукопись XVII в., в лист; списки убитых — на л. 389—390, 391 об.— 392. Отрывочные записи об убитых в сражениях XVI—XVII вв. есть в рукописи XIX в. [ГБЛ, ф. 256 (Собр. Румянцева), № 385].

Таким образом, в XVI—XVII вв., очевидно, в приказах велись списки убитых в сражениях, и эти уникальные записи, сохранившие для нас имена рядовых воинов, дошли в форме синодиков. Из всех известных сейчас синодиков такого типа наиболее полным является «Синодик по убиенных во брани» из Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Синодик подробно освещает состав русских войск, участвовавших в сражениях с 40-х годов XVI в. до второй половины XVII в. Как правило, в записи названы место и дата сражения. Даты отсутствуют лишь в нескольких записях 50-х — середины 70-х годов XVI в., но их можно восстановить по летописям и разрядам. Так, датируются битва под Юрьевом осенью 1559 г., битва на Уле в 1564 г., под Колыванью в 1576 г., упомянутые в Синодике без даты. Соответствующие разрядные записи называют тех же воевод, что и Синодик [91].

Наиболее полно в Синодике дан список убитых во время Казанской войны 1552 г., во время Ливонской войны, набега Девлет-Гирея на Москву в 1571 г., осады Великих Лук в 1580 г. Одна запись относится к началу царствования Василия Шуйского. Следующие записи относятся к середине XVII в. и в основном отражают войну с Польшей.

В Синодике есть пропуски, иногда спутана хронология событий. Так, среди записей XVI в. встречается запись о поминании московского тысяцкого Алексея Хвоста, убитого в 1356 г.; некоторые записи, относящиеся к Ливонской войне, находятся среди записей о Казанской войне. Очевидно, есть пропуски среди убитых под Кесью.

Сведения Синодика дополняют известия источников по Казанской войне 1552 г. Летописи сообщают о посылке в Казань в марте 1552 г. «приводить к правде казанцев» восьми детей боярских и толмача, позднее убитых в Казани, по именам названы только четыре человека [92]. Синодик выделяет восемь детей боярских и толмача «во граде Казани убиенным и всячески нужно скончавшимся»: Леонтий Елизаров, Лучанин Епишев, Иван Васильев Санчюрский, Третьяк Соловцов, Нехороший Ачкасов, Первый Кашкаров, Ташлык Смагин сын Деглина, Никита Аминев, Федша, толмач Палецково [93]. Из трех «казацких атаманов» Синодика (Иван Тухачевский, Северга Баскаков и Андрей Кобцев), по летописям, два последних убиты весной 1552 г.[94]

Интересна запись о князе А. Д. Жижемском. В летописи и родословной книге он назван убитым в 1552 г., во время посылки из Свияжска [95]. Между тем в разрядах он никогда не упомина-

---

[91] ПСРЛ, СПб., 1906, т. 13, 2-я пол., с. 321—322; ДРВ. М., 1790, т. XIV, с. 319; ср. Прил., л. 3, 4.
[92] ПСРЛ. М., 1965, т. 29, с. 71, 170.
[93] Прил., л. 15.
[94] Там же; ср.: ПСРЛ, т. 29, с. 74, 179.
[95] Прил., л. 3; ПСРЛ, т. 13, 2-я пол., с. 495; БК, с. 106.

ется, а его отец в 1552 г. был воеводой в Свияжске. Возможно, что в Синодике записан несовершеннолетний сын князя Д. М. Жижемского, живший с отцом в Свияжске.

Сведения Синодика дополняют и известия источников по истории московского двора второй половины XVI в., давая новые сведения о записанных в них лицах. Среди убитых во второй половине XVI в. мы находим тысячников и помещиков, записанных в Дворовую тетрадь. Всего Синодик называет 25 тысячников и 13 человек из Дворовой тетради. Это тысячники, убитые в войнах с татарами: Я. А. Андреев, М. М. Бутенев, И. Б. Еремеев, Ш. М. Жеребцов, князь А. Д. Жижемский, М. И. Зачесломский, князь Ю. А. Кропоткин, князь Д. И. Микулинский, Д. И. Мячков, С. Ш. Новосильцев, Д. Ф. Пестов, Т. Л. Проестев, В. Ф. Прончищев, И. И. Протопопов, И. Д. Софроновский, Ю. Н. Стромилов, Г. Я. Федцов, князь П. Н. Щепин. В Дворовой тетради названы показанные убитыми в Синодике С. В. Змеев, В. П. Измайлов, Г. И. Изъединово, А. И. Колтовской, князь Ф. С. Козловский, В. Ф. Ларионов. Все три источника называют И. Б. Зачесломского, Б. И. Салтыкова, Н. Г. Совина, И. Т. Хметевского, И. В. Шереметева и П. И. Шуйского [96]. В Тысячной книге и Дворовой тетради иногда около этих фамилий есть помета: «Убит», причем все три источника одинаково называют уезд, где находились поместья детей боярских.

Характерная черта Синодика — упоминание уезда, по которому служил убитый, дает возможность проверить эти сведения по писцовым книгам. Поскольку писцовых книг за XVI в. сохранилось немного, Синодик расширяет круг помещичьих фамилий ряда уездов. При сопоставлении сведений Синодика и писцовых книг мы видим, что дети часто имеют поместья в тех же уездах, по которым служили их отцы. Под Казанью в 1552 г. был убит каширянин Ерш Байдиков, в 1578 г. в Каширском уезде есть поместье Булгака и Василия Ершова Байдиковых [97]. То же самое наблюдается с семьей каширских помещиков Кашиных [98], Воронины [99], Зубовых [100], Лихаревых [101]. Расширяет Синодик

---

[96] ТКиДТ см. по Указателю.

[97] *Прил., л. 9; ПКМГ. СПб., 1877, ч. I, отд. II, с. 1385.*

[98] Под Казанью убит Никита Кашин (Прил., л. 9); в 1578 г. среди каширских помещиков есть Сергей и Евсевий Никитины Кашины (ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 1504).

[99] В набег Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. убит Мовка Григорьев Воронин (Прил., л. 37); в 1578 г. в Каширском уезде есть помещик Иван Мовкин Воронин (ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 1334).

[100] В 1571 г. убит Федор Алексеев Зубов (Прил., л. 37); в 1578 г. в Каширском уезде записано поместье Василия Федоровича Зубова (ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 1413).

[101] В писцовой книге Каширского у. 1578 г. поместье убитого под Казанью Я. А. Лихарева записано за племянником Е. А. Лихаревым; Я. А. Лихарев с братом А. А. Лихаревым поставили в нем церковь св. Николая (Там же, с. 1406—1407).

известия о семьях каширских помещиков Голтяевых, Животовых, Лодыженских и др.[102]

Убитый под Кесью в 1578 г. тверской помещик Андрей Левашов в писцовой книге 1540 г. назван малолетним[103].

Поместье убитого под Кесью орловца Григория Уварова в 1595 г. показано за Каменевым[104], а поместье убитого в Москве в 1571 г. каширянина Ивана Ивановича Большого Леонтьева — в 1578 г. уже за П. В. Морозовым[105].

Иногда сведения писцовых книг расширяют сведения Синодика. Так, в 1580 г. в Великих Луках без указания уезда в одной большой группе убитых названы Г. И. Змеев, С. А. Игнатьев, А. Н. Зачесломский, Д. Д. Копнин, И. М. Муромцев, Р. И. Норов, И. Ш. Нороватый, голова И. Р. Писарев, Ф. С. Похвистнев, В. И. Трескин, И. В. Ярцев[106]. Все они в писцовых книгах названы в 1578 г. помещиками Коломенского у.[107] Очевидно, что и 12 помещиков, записанных в этой группе, также служили по Коломенскому уезду, хотя писцовая книга их не называет. Дело в том, что Синодик никогда не смешивает в своих записях имена помещиков, служивших по разным уездам.

Если в записях XVI в. мы встречаем воевод и детей боярских, то в записях XVII в. поименно их перечислено меньше. Здесь больше называются начальники отрядов дворянского ополчения, сформированного по признаку уездов, зато названо больше разновидностей войск. Если в XVI в. упоминались дети боярские и головы стрелецкие, то в середине XVII в. чаще поминаются стрелецкие полки, в которых разделяются стрельцы и солдаты[108].

«Синодик по убиенных» дает возможность уточнить некоторые вопросы личного состава и организации русского войска примерно за столетие. Всего в нем названо по именам около 1200 воинов, большей частью рядовых. Большинство их не известно по другим источникам. Меняется и состав армии: если во второй половине XVI в. основную роль играло дворянское ополчение, то в XVII в. большое значение приобретают регулярные полки, и сразу нескольких видов. В сражениях участвует больше казацких отрядов. По Синодику можно проследить, дворяне каких уездов принимали участие в разных походах, т. е. непосредственный состав отдельных отрядов русского войска, что почти не отраже-

---

[102] Писцовые книги называют под 1578 г. Семена и Шестка Ивановых Голтяевых, Василия и Григория Истоминых Животовых, Павла и Самолка Семеновых Лодыженских (Там же, с. 1044, 1356, 1491). Синодик называет убитыми под Казанью также Игнатия Иванова Голтяева, Федора Истомина Животова и Ивана Семенова Лодыженского (Прил., л. 9—10).

[103] Прил., л. 31; ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 182.

[104] Прил., л. 29; ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 1038.

[105] Прил., л. 36; ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 1423.

[106] Прил., л. 23.

[107] ПКМГ. СПб., 1872, ч. I, отд. I, с. 365, 381, 468, 488, 355, 408, 409, 441, 439, 598, 434; ч. I, отд. II, с. 1319, 1325.

[108] Прил., л. 50.

но в разрядах. По списку убитых можно определить и закономерности в организации походных полков.

Таким образом, Синодик, перекликаясь с другими источниками по истории русского войска, дает исследователю новый конкретный материал [109].

Приведенный выше разбор источников, раскрывающих состав низших прослоек Государева двора, позволяет сделать ряд предварительных выводов. Как и верхние прослойки, боярство, служилые князья, состав низших слоев был подвижным. В основном он рекрутировался из феодалов, служивших по городам, а также удельным князьям. С достаточной уверенностью можно говорить, что могущественные политически и экономически княжеские и боярские семьи также имели свои дворы, в которые входили вольные слуги из дворян. Сравнительный материал здесь дают документы Литовской метрики, где, в частности, есть сведения о лицах, выезжавших в XV — начале XVI в. из Литвы вместе с князьями [110]. Очевидно, в людях, испомещенных в конце XV в., надо видеть что-то аналогичное людям двора Мстиславских, Глинских, вошедших в состав русского правящего класса.

С уверенностью можно сказать лишь одно: для XV в. известны случаи записи землевладельцев в холопы, но нет достоверных случаев обратного перехода — из холопов в дворяне [111].

Термин «холоп», часто употреблявшийся в нарративных источниках XVI в., не всегда соответствовал юридическому положению лица в обществе. Так, представляется странным считать юридически холопом слугу А. М. Курбского Василия Шибанова, который привез Ивану IV послание своего господина, хотя сам Иван Грозный называет его рабом. В это время при московском дворе существовал строго разработанный этикет, о чем пишут все путешественники-иностранцы. Поведение Василия Шибанова при встрече с царем было достаточно свободным и настолько ярким, что нашло отражение не только в воспоминаниях современников, но и позднее в русской литературе. Сопоставляя эти факты, приходишь к выводу, что вряд ли с письмом от Курбского приехал человек, юридически находившийся в несвободном состоянии, тем более что такой человек был допущен к царю.

Однако есть тенденции в истории низшей прослойки, общие с подобными явлениями в истории высших слоев класса феодалов. К таким явлениям следует отнести испомещение членов боярских дворов на границах недавно присоединенных северных земель, схожее с раздачей княжеств служилым князьям, и наде-

---

[109] Аналогичные сведения содержатся в надписях на надгробных плитах Псково-Печерского монастыря (*Плешанова И. И.* Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., 1966, вып. VI).

[110] См. подробнее гл. II.

[111] Пример с Митей Сокольником, приведенный А. А. Зиминым, скорее подтверждает это наблюдение [*Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973, с. 294—295].

ление рядовых дворян дворами внутри кремля только что завоеванной Казани, схожее с владениями московского боярства в столице княжества. И сама тенденция удревнять свою службу в Москве существует в родословных легендах XVI и XVII вв. В XVI в. представители московских боярских родов возводят свою службу ко временам Александра Невского, в XVII в. лица, впервые подающие росписи, стремятся удревнить ее до начала — середины XVI в.

Все предложенные наблюдения позволяют говорить, что история низшей прослойки Государева двора, как и история рядового дворянства, служившего по городам,— еще очень слабо изученная страница истории правящего класса, но без решения этой проблемы нельзя изучать и отдельные аспекты политической истории России и историю формирования классов Русского феодального государства.

Приложение

Синодик по убиенных во брани

л. 1 ...[Иванцу А]лексееву[1] сыну Волосомоина, Василию Алексееву сыну Горяинова и сыну его Ивашку, Русану Нестерову сыну, Игнатию Нечаеву сыну Бедрина вечная.

Ивану Федорову сыну Титова, Козьме Петрову Поповкина, Прове Димитриеву сыну Меднова, Ивашку Петрова Димитриеву сыну, Митке Елизарову сыну Остолопова, Патрикию Алексееву сыну Горяинова, Ивашку Васильеву сыну Ябедникова, Василию Борисову сыну Бачманова, Ивану Стефанову сыну Вереитинова, Роману Никитину сыну Долгово, Игнатию Петрову сыну Сысоева, Василию Григорьеву сыну Юренева, Захарию да Андрею Павловым детем Тургел. 2 нева, // Василию Козлову сыну Измайлова, Матфею Прокофьеву сыну Агалина веч(ная) па(мять).

Ивану Борисову сыну Еремеева, Варфоламию Андрееву сыну Обольнянинова, Василию Ширяеву, Ивану Ярышкину, Григорию Васильеву сыну Яхонина, Баташу Тимонову да брату его Тимохе, Дмитрию Немчинову, во иноцех Митрофану, Захарии Шаблыкину, Ивану Баскакову, Борису Толмачеву, Ивану Булыгину, пострадавшим за святыя церкви и за православную веру под градом Казанию и по загоном избиенным, и всячески нужно скончавшимся, всем православным християном веч(ная) пам(ять).

Юрию, во иноцех Герасиму, и брату его Стефану Никифоровым детем Стромилова, Михаилу Иванову сыну Зячесломскому, Василию да Ивану Ивановым детем Емецково, Елизару Тимофееву сыну Бунакова, Илариону Иванову сыну Колтовсково, Ивану Яковлеву // л. 3 сыну Ильина, Ивану Иванову сыну Хотяинцева, коломничем, убиенным от казанских татар в Муроме, веч(ная) пам(ять).

Третьяку Леонтиеву сыну Проестева, во иноцех Евтихию, Кондратию Иванову сыну Тверитинову, Василию Незамаю Потребинскому, Евтропию Десятому Головину, Димитрию Федорову сыну Песто-

[1] *Начала нет, в квадратных скобках восстановлено по ДРВ, М., 1788, т. VI, с. 471 — список убитых во время похода на Казань в 1547 г. Ср.: ПСРЛ, т. 29, с. 55.*

ву. Никите Елизарову, убиенным от нагайских татар на *Рязани*[2], веч(ная) пам(ять).

Борису Федоровичю да сыну его Ивану и племянником его Юрию и Ивану Григорьевым детем Зачесломским, убиенным от казанских татар, веч(ная) пам(ять).

Князю Александру Дмитриевичю Жижемскому[3], убиенному от казанских татар на реке на Аре, веч(ная).

Андрею Алексееву сыну Нащекину, убиенному в магистров приход под Юрьевым, веч(ная) пам(ять).

Флору Плещееву веч(ная) память. //

л. 4 Под градом под Колыванию пострадавшему от немец Ивану Васильевичю Шереметеву[4] веч(ная).

На реце на Уле в селе в-Ыванцове[5] храбрьствовавшему и по благочестии поборавшему благоверному князю Петру Ивановичю Шуйскому, нарицаемому Гурию, скончавшемуся за православную веру от литвы, веч(ная) память.

Князю Михаилу Юрьевичу Лыкову, убиенному в Соколе от литвы, веч(ная) память.

Евтихию Пушкину, убиенному от немец под Новым городом, веч(ная) память.

В лето 6864-го на площади у Пречистые на Велик день Алексей Петрович Хваст, тысецкой московской, убит безвесно, веч(ная) память.

7061-го году в казанское взятие Василей Стефанов сын Ботяев убит, веч(ная). //

л. 5 О летнем хождении на Казань и о взятии казанском благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича и всего христолюбивого воинства.

Бысть в лето 7060-ное православный царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Русии самодержец, собрав свое христолюбивое воинство з божиею помощию и вооружився всеоружеством честнаго и животворящего креста и иде брániю на град Казань за святыя церкви и за многоприлитие християнские крови, и за великую свою обиду, и за многую их измену и великую неправду. И приде ко граду со множеством войска августа 22 и облеже его, и стоя дней 40 и 2, и зело велику победу на неверных сотвори. Град Казань божиею помощию зело храбрственно взя, и людие казанстии, иже во граде вси избиени быша, и ни един от них не избысть, разве жен и детей,
л. 6 токмо царя // Гедигера и с ним трех татаринов живых руками яша. Прочии же, иже во граде, жены и дети вси пленени быша русскими вои и русского плену многое множество отполони числом до штидесят тысящь. Бысть же сия помощь божия и великая победа на враги благочестивому царю Ивану в начало лета 61-го месяца октября в 2 день, в день недельный на память святых мученик Киприяна и Устинии; и вскоре град Казань в благочестие обнови и православием просвети, и всю Казанскую землю под ся покори, и святыя церкви многи в славословие божие воздвиже, и с великою победою и славою здрав о Христе во своя возвратися в царствующий град Москву на свой царский богом порученный ему престол. Возглас концу. //

л. 7 И па той брани под градом Казанию доблественне храбрьствовавшим и усердно в подвизании пострадавшим и убиенным князю Дмитрию Ивановичю Никулинскому, во иноцех Деонисию, веч(ная)

---

[2] *Зимой 1551—1552 г. было несколько набегов нагайцев на Рязань (РК, с. 130, 133).*

[3] *Убит в 1552 г. (ПСРЛ, т. 29, с. 91).*

[4] *Последнее упоминание в разрядах как воеводы под Колыванью в 1578 г. (РК, с. 275).*

[5] *Битва была в 1564 г.*

пам(ять). Михаилу Афонасьеву сыну Брудкову Гендурова, Андрею Григорьеву сыну Терпинсково, Григорию Ишутину сыну Изъединово, тверичем, веч(ная).

На той же брани избиенным князю Петру Никитичю Щепину Оболенскому, Димитрию Иванову сыну Чюлкову, Ивану Борисову сыну Живово Заборовсково, Игнатию Прокопиеву сыну Констянтинову, бежечаном; Леонию Борисову сыну Шушерину[6], во иноцех Леониду, Федору Суроацскому, володимерцем; Владимеру Васильевичю Полеву, во иноцех Вениямину, Григорию Михаилову сыну Турова, Стефану Васильеву сыну Путилова, во иноцех Павлу, костромич, веч(ная) память. //

л. 8 Григорию Борисову сыну Ступишина, волочанину; Ивану Иванову сыну Протопопову[7], можаитину; Василию Фуникову сыну Прончищев, тулянину; Семену Иванову сыну Белянину, во иноцех Сергию; Даниилу Иванову сыну Мячкова, во иноцех Никону, юрьевцу, веч(ная).

Стефану Григорьеву сыну Зюзина, суждальцу; Артемию Матвееву сыну Кашкарову, Григорию Кирову сыну Непецына, Меньшику Федорову сыну Супонева, галиченину; Игнатию Игнатиеву сыну Беклемишеву, Дмитрию Иванову сыну Чичерину, Иван Дементьеву, Михаилу Павлову, Гаврилу Ондрееву сыну Федяева, козличем, веч(ная).

На той же брани избиенным Григорию Яковлевичю Федцову, Семену и Андрею Васильевым детем Змеева, Ивану Алексееву сыну Змеева, Ивану Терентьеву сыну Осорьина, Никите Семенову сыну Ко-

л. 9 логривово, Федору Глебову // сыну Челищева, Исаку Михайлову сыну Колачеву, Второму Онтонову сыну Григорова, колужаном; Юрью Алексееву сыну Колтовского, Дементию Чернышеву сыну Змеева, Денисию Власиеву сыну Темирязеву, Петру Перетрутову, Павлу Михайлову сыну Муромцова, коломничем; Ивану Тимофееву сыну Хметевсково, во иноцех Иову, Долмату Головину Обабурова, дмитровцем, веч(ная).

Якову Александрову сыну Лихареву, Григорию Ондрееву сыну Татаринова, Улияну Дмитрееву сыну Животова, Ивану Федорову сыну Шусетевяшева, Алексею Тимофееву сыну Мерлеева, Ершу Байдикову, Никите Федорову сыну Кашина, Федору Истомину сыну Животова, Федору Симонову сыну Григорова, Деонису Терентьеву сыну Губина, Ивану Семенову сыну Лодыженсково, Шарапу Ширяеву сыну Срезнева, Семейке Александрову сыну Брехову, Скрыпу

л. 10 Иванову сыну Толта//нова, Игнатию Иванову сыну Голтяева, Третьяку Иванову сыну Полозову, Николе Иванову сыну Вальцова, коширяпом; Мартияну Васильеву сыну Клешнина, боровитину, вечная.

Титу Ондрееву сыну Кикина, Федору Кошкину, Тимофею Сюльменеву, вязьмич; Захарии Иванову сыну Шишкину, Стефану Шелаеву сыну Новосильцеву, во иноцех Сергию, ржевичем; Артемию Иванову сыну Колтовсково, Федору Денисьеву сыну, Никите Федорову сыну Татарова, торушаном; Иакиму Бутримову, Петру Михайлову сыну Монастырева, Ивану Васильеву сыну Анфимова, Еремею Михайлову сыну Слепишкину, Мине Михайлову сыну Блудову, Василию Оладьину сыну Алексеева, Панке Кривопишину сыну Волкова, мещаном, Яхра, мещеряном.

Федору княяж Семенову сыну Козловсково, романовцу; Григорию Елдашеву сыну Прокопиева, воротынцу; Никите Григорьеву сыну

л. 11 Совина, Федору Иванову сыну // Борисова, Девятому Григорьеву Андреянова, Рюме Иванову сыну Опраксина, Третьяку Есипову сыну Кровкова, Афонасию Иванову сыну Хохлова, Григорию Стефанову сыну Мещеринова, муромцом, вечная.

---

[6] *Убит 26 августа 1552 г. (ПСРЛ, т. 29, с. 98).*

[7] *Послух в грамоте 1551—1552 гг. (АФЗиХ. М., 1956, ч. II, с. 241).*

Михаилу и Алексею Васильевым детем Киселева, Данилу Иванову сыну Скокухина, Тимофею Федорову сыну Копосова, Безстужему Федорову сыну Александрова и сыну его Левке, Андрею, Григорию Ивановым детем Киселева, Ондрею Яковлеву сыну Кутаринову, Максиму Григорьеву сыну Кошелеву, Григорию Ананину сыну Медоварцеву, Волку Федорову сыну Побединскому, Игнатию Алексееву сыну, Андрею Иванову сыну, Иосифу Михайлову сыну Киселевым, муромцем и стародубцем, убиенным от казанских татар на Волге, вечная.

Гаврилу Неклюдову сыну Бардина, Федору Афонасьеву сыну Ордабева, Истоме Макарову сыну Бардину, мещеряном; Кондрату Киприлл. 12 рову, Грибану // Иванову сыну Жедринскому, Грибану Григорьеву сыну Клепальницыну, Кудашу Неполовскому, Ивану, Федору, Артему Федоровым детем Морозова, Темирю Кабилинскому, Димитрию Федорову сыну Мустинскому, Ивану Данилову сыну Скрыпеева, Есипу Иванову сыну Савелькову и сыну его Панфилу, Никите и Ивану Мирославовым детем Головина, Семену Тимофееву сыну, Якову Победову, Невеже Горяинову Косткина, Козьме Никитину сыну Сеченово, нижегородцем, веч(ная) память.

Под градом Казанию пострадавшим детем боярским Великого Новагорода и убиенным: Ивану Димитриеву сыну Софроновского, Матфею Андрееву сыну Теткину, Юрию Истомину Оникеева, бежечаном, веч(ная).

На той же брани убиенным: Отючю Матфею Иванову сыну Вислоухово Сабурову, Данилу Леонтиеву сыну Супонева, Нефеду Русинл. 13 нову сыну Аврамова, // Михаилу Александрову сыну Косицково, Андрею Михайлову сыну Возницына, Ивану Павлову сыну Шепякова, Семену, Григорию Васильевым детем Заболоцково, Тимофею Иванову сыну Кушелева, Макару Костянтинову сыну Кобылина, Роману Семенову сыну Кобылина, Ивану Матфееву сыну Мещерсково, Никите Семенову сыну Колычеву, Александру Васильеву сыну Унзарина, Флору Третьякову сыну Ковезина, Матфею Матфееву сыну Зеленина, Василию Григорьеву сыну Назимову, Димитрию Данилову сыну Кушелеву, Нечаю Тютримову, Афонасию Иванову сыну Белесенсково, Ивану Иванову сыну Сабурову, Ивану Меньшово сына Корина, Мочале Никитину сыну Хомутова, Матфею Иванову сыну Зеленина, Калбуку Иванову сыну Носакина, Никите Иванову сыну Путилова, Ивашку Павлову сыну Аристотелеву веч(ная) память. //

л. 14 На той же брани убиенным: Шаблыке Михайлову сыну Жеребцева, Бестужему Скрибицыну, князю Юрию княж Ондрееву сыну Кропоткина, князю Данилу княж Федорову сыну Селеховсково, Немиру Григорьеву сыну Ростопчина, Андрею Леонтиеву сыну Мевницково, Федору Яковлю сыну Баракова, Юрию Ширяеву сыну Шишмареву сыну Шишмарева[8], Григорию Петрову сыну Арцыбашева, Михаилу Мишкову сыну Бутенева, Стефану Коротневу, князю Ивану княж Димитрееву сыну Красина Оболенскому, Федору Гаврилову сыну Бабкина веч(ная).

Тихомиру Юрьеву сыну Пушкину, Якову Мефодиеву сыну Щербинина, Тимофею Александрову сыну Шушарина, Митрофану Елизарьеву сыну Ерохова, Федору Васильеву сыну Парсково, Ляпуну Тимофееву сыну Татаринова, Федору Онферову сыну Назимову, Федору Васильеву сыну Сарачина, Стефану Петрову сыну Выподсково,
л. 15 Федору Третьякову сыну Евсюкову, // князю Федору князю Петрову сыну Тростенсково, Третьяку Лошакову[9], князю Дмитрию Белосельскому веч(ная).

Ивану Костянтинову сыну Бухвастова, Ивану Григорьеву сыну Чюдова, лучаном; Афонасию Матфееву сыну Живневлева, псковити-

---

[8] *Так в рукописи.*

[9] *Убит под Казанью 28 августа 1552 г. (ПСРЛ, т. 29, с. 99).*

ну; Никите Владимерову сыну Головина и брату его Науму, Коврюку Курбатову сыну Корина, Долмату Оксентиеву сыну Протопова, галичапом, веч(ная) память.

Во граде Казани убиенным и всячески нужно скончавшимся: Леонтию Елизарову, Лучанину Епишеву, Ивану Васильеву Санчюрскому, Третьяку Соловцову, Нехорошему Ачкасову, Первому Кашкарову, *Ташлыку Смагину сыну Деглина, Никите Аминеву, Федше*, толмачю Палецково, веч(ная).

Атаманом казаческим Ивану Тухачевскому, Северге Баскакову, Андрею Кобцеву веч(ная) память. //

16 И всем православным християном, на тех бранех пострадавшим и всячески нужно скончавшимся, веч(ная).

И всем православным християном преставившимся вечная.

Борису Ивановичю Салтыкову, пострадавшему от нечестивых казанцев, веч(ная).

Иакову Остафьеву сыну Андреева, Федору Чюркину, Федору Боклановскому, Селивану Васильеву сыну Тетерина, поборавшим на Тенкех, веч(ная).

На той же брани избиенным Федору, Димитрию, Василию Костянтиновым [10] детем Садыкова веч(ная).

Михаилу Кузминскому, убиенному на Ошитке, вечная.

Василию Федорову сыну Ларионову, Ивану Мохневу, убиенным на Алатех от черемисы.

Благоверному князю Ивану Амашуку Черкасскому, убиенному от нечестивых турков за православную веру, веч(ная) память. //

17 Саве Тимофееву сыну Аристову казанцу, что он зделал две раки сребряны Гурию и Варсонофию, казанским чюдотворцам, веч(ная) память.

Городу Великих Лук осадным воеводам и головам и всяких чинов ратным людем, которые побиты и в полон взяты и пострадавших до смерти от польского короля Стефана в 7089-м году, вечная память.

Лета 7089-го сентября в 5 день грех ради наших богу попустивших на ны в нахождение безбожнаго Стефана, короля литовского, на град Луки, и пострадавшим тогда во граде православным християном, избиенных и сожженных и всякими муками скончавшимся за святыя церкви и за святую нашу непорочную веру християнскую, //

. 18 выписаны воеводы и головы, и дети боярские, и головы стрелецкие, и сотники, которые сидели на Луках в осаде, и которые воеводы и дворяне, и дети боярские побиты, и которые живы в полону, и про которых ведома нет, убитые ли или в полон взяты.

Убиты. Воеводе Ивану Васильевичю Воейкову Большему вечная; воеводе князю Федору Ивановичю Лыкову, князю Михаилу Федоровичю Кашину, Юрию Аксакову, голове стрелецкому Ивану Истлепцеву веч(ная).

Про которых воевод и про дворян и про детей боярских ведома нет, убиты ли или в полон взяты. Воеводе Василию Ивановичю Бобрищеву Пушкину, Василию Петровичю Измайлову веч(ная) память.

Голове Ивану Романовичю Писареву, Матфею Уроткову сыну Игнатьеву, Нелюбу Воронцову, Афонасию Данилову сыну Борышникову, Григорию Михайлову // сыну Муромцову, Алексею Ракову

. 19 сыну Бурдукову, Ивану Тешеву сыну Лабодинскому, Шестаку Авpамову сыну Десятого, Ждану Семенову сыну Миленину, Матфею Васильеву сыну Микляеву веч(ная) пам(ять).

Богдашку Нечаеву сыну Волкову, Ивану Жданову сыну Меленину, Григорию Алексееву сыну Змееву, Михаилу Григорьеву сыну Десятого, Семену Иванову сыну Стрешнева, Давыду Ондрееву сыну

---

[10] *Вотчинник Московского у.; послух в грамоте 1544—1545 гг. (АФЗиХ, ч. II, с. 183).*

Стрешневу, Данилу Козьмину Кондыреву, Ивану Клементьеву сыну Сындыреву, Семену Матфееву сыну Слепушкину, Шестаку Васильеву сыну Сараеву веч(ная).

Третьяку Ивану сыну Степанчикову, Григорию Алексееву сыну Потулову, Федору Иванову сыну Стречневу, Ивану Леонтьеву сыну Беклемишеву, Семену Александрову сыну Боркову, Добрыне Григорьеву сыну Десятого, Ивану Васильеву сыну Миколаеву, Алексею Ракову сыну Бурдукову, Ивану Добрынину сыну Кондыреву, Петру Федорову сыну Глебову веч(ная). //

л. 20 Ивану Большему Юрьеву сыну Острогубову, Ивану Димитрееву сыну Воронцову, Ивану Истомину сыну Засецкому, Осифу Григорьеву сыну Телицыну, Василию Коверину сыну Хлыстову, Афонасию Федорову сыну Бурдукову, Юрию Боровкину сыну Кондыреву, Борису Алексееву сыну Змееву, Димитрею Никитину сыну Сулневу, Димитрею Петрову сыну Косово веч(ная).

Петру Савинову Яковлеву[11], Василию Федорову сыну Лабодинскому, Баращу Артемьеву сыну Керекрейскому, Василию Александрову сыну Боркову[12], Прокофию Иванову сыну Данилова, Андрею Назарьеву сыну Лабодинскому, Улану Темишеву сыну Полтева, Семену Максимову сыну Воронцову, Игнатию Моляеву сыну Тишину веч(ная) пам(ять).

Ивану Яковлеву сыну Корееву, Афонасию Федорову сыну Ергонскому, Андрею Иванову сыну Запорову[13], Стефану Иванову сыну Лабодинскому, Семейке Тимофееву сыну Лыкову, Упряму Григорьеву // сыну Шадрину, Юрию Григорьеву сыну Беклемишеву, Федору Андрееву сыну Еропкину, Неделому Рудакову сыну Болотникову, Суморoку Темиреву сыну Косово веч(ная).

л. 21

Замятне Петрову сыну Косово, Борису Васильеву сыну Стречнева, Мамаю Федорову сыну Хлыстову, Остафию Елизарову сыну Яковлеву, Ивану Федорову Тургеневу, Игнатию Андрееву сыну Стречневу, Захарию Михайлову сыну Стречневу, Василию Федорову сыну Лабодинскому, Пятому Тимофею сыну Макашеву, Богдану Кирилову сыну Старого веч(ная).

Игнатию Остафьеву сыну Волкову, Юрию Никитину сыну Еропкину, Ивану Васильеву сыну Беклемишеву, Остафию Матфееву сыну Глебову, Федору Иванову сыну Патресову, Ивану Данилову сыну Лабодинскому, Ивану Борисову сыну Головину, Борису Семенову сыну Потолуеву, Василью Назарьеву сыну Лабодинскому, Грише Васильеву сыну Шестовитцкого веч(ная). //

л. 22 Саве Федорову сыну Волкову, Ондрюше Володимерову сыну Внукову, Шестаку Иванову сыну Трубицыну, Федке Бынашеву сыну Кологубову, Поснику Семенову сыну Потулову, Шестаку Федорову сыну Семенову, Богдану Иванову сыну Козинцеву, Иван Тимофееву сыну Дяшеву, Матфею Федорову сыну Косово, Казарину Михайлову сыну Дементьева веч(ная).

Пятому Васильеву сыну Фуркову, Козьме Данилову сыну Деревятину, Дементию Стефанову сыну Одоевцову, Данилу Иванову сыну Князищеву, Василию Ларионову Легостаеву, Клементию Амосову сыну Ивашинцову, Осану Иванову сыну Сараеву, Грише Морозову сыну Кузминскому, Андрею Богданову сыну Кобелеву, Стефану Андрееву сыну Стрешневу веч(ная).

Василию Ондрееву сыну Шетневу, Ивану Васильеву сыну Пивову, князю Андрею княж Иванову сыну Вяземсково, Григорью да Сурьянину Реутовым детем Малыгина, // Василью Никитину сыну Тетрицкому, Афонасию Александрову сыну Малыгина, Второму Лукья-

л. 23

---

[11] *Помещик Волоцкого у. Петр Яковлев упоминается в грамоте 13 июня 1570 г. (АФЗиХ, ч. II, с. 394).*

[12] *Послух в грамоте 1562—1563 гг. (Там же, с. 313).*

[13] *Послух в грамоте 1572—1573 гг. (Там же, с. 398).*

пову сыну Бутримову, Димитрию Иванову сыну Стефанову, Козьме Григорьеву сыну Побединскому веч(пая).

Щелкану Докунину сыну Кипчакову, Богдану Леонтиеву сыну Побединскому, Ивану Григорьеву сыну Боркову, Рычку Реутову сыну Малыгина, Григорью Иванову сыну Титменеву, Петру Юрьеву сыну Давыдову, Ивану Васильеву сыну Обатурова, Андрею Шарапову сыну Любчанинову, Михаилу Иванову сыну Колтовскому, Денису Димитриеву сыну Копнину веч(ная).

Грише Иванову сыну Змиеву, Семену Андрееву сыну Игнатьеву, Алексею Нелюбову сыну Зачесломскому, Ивану Леонтиеву сыну Наумову Большому, Ивану Веригину Ярцову, Микифору Яшколыкову сыну Шокову, Ивану Ширяеву сыну Нороватого, Ивану Ефимову сыну Рагозину, Васке Иванову сыну Трескину, Сенке Михайлову сыну Обдулову веч(ная). //

Федору Семенову сыну Похвисневу, Григорию Иванову сыну Телешову, Меньшику Григорьеву сыну Борыкову, Ратаи Иванову сыну Норову, Ивану Бескунникову, Поснику Козлову, Савину Носову, Василью Чирикову, Семейке Чирикову, Матфею Суморокову веч(ная) память.

Ивану Мошнину, Леонтию Пущину, Михаилу Косову, Богдану Веревкину веч(ная) память.

В нахождение литвы ко граду Торопцу и храбрьствовавшим православным християном, избиенным за святую нашу непорочную веру християнскую.

Воеводы и дворяне и дети боярские, которые побиты и в полон поиманы под Торопцем, как было дело воеводам князю Василью Хилкову с товарыщи с литовскими людми. //

Побиты. Воеводе Ивану Елизарьевичю Енчанинову веч(ная).

Ивану Ивановичю Бухаринову, Василию Иванову сыну Угримову Заболоцкому, Ивану Андрееву сыну Ивину веч(ная).

Афонасию Леонтьеву сыну Хотунскому, Федору Злобину сыну Щепотеву, Богдану Немирову сыну Мукину, Илии Михайлову сыну Дурову, Василию Никитину сыну Михайлову, Ратману Нефедьеву сыну Непоставову, Грязному Полуектову, Афоне Павлову сыну Овсяникову, Ивану Ерматову, Воину Маслову веч(ная).

Андрею Косицкому, Поснику Щербачеву, Борису Трусову, Замятне Домогатцкому, Третьяку Клементьеву, Ивану Понтину, Первому Каменеву, Роману Кознакову, Ивану Калинину, Незамаю Волокитину. Семейке Бунцеву вечная память.

Федору Давыдову, Грише Наумову, Андрею Переверзеву, Алек-
8 сею // Стефанову сыну Толстого, князю Ивану княж Федорову сыну Сеитову, Ивану Домогатцкому, князю Михаилу княж Ондрееву сыну Бибичеву, Ждану Нечаеву сыну Офросимову, Василию Черемисинову сыну Телянину, Матюше Пятину сыну Стаханову, Стефану Прокудину сыну Бунину, Федору Своробоярскому веч(ная).

Иакову да Федору Васильевичам Кобылина, под Ругодивым убитым, вечная память.

Князю Василию Андреевичю Ситцкову веч(ная).

Окольничему Василию Федоровичю Воронцову веч(пая). //

7 Дети боярские, которые побиты на государеве службе под Кесию[16].

Ивану Вельяминову, Игнатию Вельяминову, Василию Моисееву, Осифу Созонову, Данилу Чюдову, Афонасию Елагину, Стефану Чирикову, Гаврилу Шешерину, Михаилу Семенову сыну Андреева, Богдану Бабкину, Патрикию Данилову Безстужево, Безсопу Обрютину сыну Кривского, Никифору Рохманинову сыну Денисьеву, Михаилу Стефанову сыну Битяговского, Ратману Захарьину сыну Уварову,

---

[16] *Битва под Кесью была в июле 1578 г. (РК, с. 286—287); В. А. Сицкий и В. Ф. Воронцов были убиты в этой битве; очевидно, здесь в протографе испорчен текст.*

Ивану Матфееву сыну Румянцеву, Максиму Васильеву сыну Озеринскому, Мясоеду Коверину сыну Оболешову, Грише Федорову сыну Философову, Петру Игнатьеву сыну Зубову, Ивану Монастыреву, Володимеру Уварову, Ивану Нечаеву сыну Кульневу, Темке Бровкину сыну Кондыреву, Ивану Федорову сыну Лабодинскому, Григорию
л. 28 Девятого сыну // Озерову; Клементию Козьмину сыну Кондыреву веч(ная).

Третьяку Яковлеву сыну Бурцову, Ивану Афонасьеву сыну Федяшеву, Гаврилу Костянтинову сыну Короткого, Семену Бурдукову, Андрею Княжичеву, Стефану Коротенскому, Первому Щербатому, Семену Семенову сыну Мишурину, Петру Борисову сыну Головачеву, Усеину Ширяеву сыну Норову, Федору Стефанову сыну Кочюкову, князю Владимеру княж Федорову Оболенскому, Федору Третьякову сыну Маврину Новокрещеному, Гаврилу Козюрибаеву, Шестому Золовкину, Ивану Иванову сыну Рыкачову, Ивану Меньшому Травину, Захарию Безсонову, Федору Качалову, Поснику Шестого сыну Ушакова, Ивану Ондрееву сыну Дубенсково, Федору Хитрому, Василию Тверитинову, Андрею, Федору Тихоновым, Стефану Лединскому, Ивану Федорову сыну Быкову, Булгаку, Меньшому
л. 29 Камыниным, // Ивану Андрееву сыну Замыцкому, Афонасию, Юрию Чюбышевым детем Карташовым, Афонасию Дружинину сыну Яковлеву, Федору Арсеньеву, Елизарию Щиборову веч(ная) пам(ять).

Федьке Дьякову, Исанку Грызлову, Мартинову[15] Грязному, Пахому Сысоеву, Елизарию Ковшинскому, Тарасию Грызлову, Конану Камалышеву, Богдашку Пошенину, Поспелку Волкову, Дорошке Ковыршину, Ондрюшке Якимову сыну Буровлеву, Гришке Уварову, Истоме Созонову, Олеше Рылееву, Грише Елагину, Коняшке Сафонову, Захарию Карпову сыну Кубасову, Карпу Третьякову сыну Темиреву, Матфею Ондрееву сыну Горсткину, Семену Ондрееву сыну, Семену Лукьянову сыну Ивиным, Михаилу Васильеву сыну, Ивану Вешнякову сыну Толкачевым, Данилу Федорову сыну Шишкину,
л. 30 Ивану Тютчеву, Смирному Тювяшеву, // Никифору Тювяшеву, Акепсиму Матвееву сыну Тучкову, Луке Данилову сыну Шишкину, Михаилу Лукьянову сыну Ивину, Улияну Михайлову сыну Неврюеву веч(ная) пам(ять).

Осифу Волокитину сыну Тучкову, Филипу Григорьеву сыну Суворову, Семейке Вешнякову сыну Толкачову, Федьке Тимофееву сыну Суворову, Ондрюше Иванову сыну Шишкину, Иванку Иванову сыну Бухвастову, Морши Семенову сыну Жерлицыну, Фоме Кубасову сыну Истлениева, Захарии Неклюдову сыну Враникову, Ивану Меньшому Романову сыну Соломеину, Василию Васильеву сыну Дятелину, Афонке Лихачеву, Никите Чоглову, Ивану Кобякову, князю Михаилу Волконскому, Григорию Данилову сыну Колтовскому, Лаврентию Данилову сыну Потулову, князю Ивану[16], князю Михаилу[17] Дуловым,
л. 31 Владимеру Сунбулову, Василпю Холо//стеневу, Игнатию Изъединову, Андрею Левашову, Андрею Мельгунову, Демке Флорову, Юрию Ушакову, Петру Пыжову, Салтану Плещееву, Ивану Григорьеву сыну Трусову, князю Ивану Мещерскому, Василию Боборыкину, Чювашу Нарбекову, Григорию Рецкому, Никите Чюбарову веч(ная) память.

Курбату Молечкину, Неждану Боранову, Афонасию Петрову, Александру Кологривову, Ивану, Владимеру Варнавиным, Ивану Замятину сыну Варнавину, Ондрею Елгаинову, Прокопию Авдееву, Богдану Любоченинову, Невзору Угримову сыну Челюсткину, Будаю Иванову сыну Тишенину, Фоме Алексееву сыну Маслову, Богдану Дружинину сыну Тишенину, Аданашу Семенову сыну Ходыреву,

---

[15] *Так в рукописи.*

[16] *Князь Иван Иванович Дулов — послух в грамоте 1556—1557 гг. (АФЗиХ, ч. II, с. 271).*

[17] *Князь Михаил Матвеевич Дулов — послух в грамоте 1556—1557 гг. (Там же).*

Елизарью Епишеву сыну Боучарову, Ивану Сычеву сыну Прончи-
л. 32 *щеву, Нелюбу Федорову сыну Мерлееву, // Ивану Дурного,* Андрею Обедову, Ишюте Внукову Щелкалова, Федору Игнатиеву сыну Симанову веч(ная).

Андрею Семенову сыну Сорочневу, Матфею Михайлову сыну Тиханову, Димитрию Евстафьеву сыну Кашинцову, Василию Яковлеву сыну Сорочневу, Семену Васильеву сыну Сорочневу, Леонтию Иевлеву сыну Путошнику, Стефану Васильеву сыну Сергиеву, Юрью Гаврилову сыну Коромолину, Ивану Никитину сыну Яхонтову, Федору Семенову сыну Скуратову, Ивану Тимофееву сыну Карамышову, Стефану, Михаилу, Алексею Байковым веч(ная) память.

151-го апреля в 30 день в Козловском уезде верх речки Сомовца на бою татаровя и черкасы побили служилых людей дети боярские
л. 33 козло//вцы.

Семен Толкачев, Прокофей Дубовицкой, Федот Бундин, Аврам Горбачев, Онтон Юмашев, Иван Попов, Тимофей Сарычев, Богдан Чертищев, Матфей Казначеев, Петр Левшин, Никита Устиньин, Богдан Селиванов, Терентей Черемисинов, Терентей Чесново, Дорофей Логинов, Онтон Своитинов, Агей Вяльцов, Михайло Хованской, Иван Зорин.

Лета 7079-го году бояре и дворяне и приказные люди, которые померли в царев приход крымского царя Девлет-Кирея и которые згорели в маие в 24-м числе.

Воз(глас). Благоверному князю Ивану Дмитреевичю Бельскому веч(ная).

Михаилу Ивановичю Воронцову веч(ная). //

л. 34 Барашу Немятому Тишкову, князю Борису княж Михайлову сыну Борятинскому, Ивану Иванову сыну Ординцову, Якиму Клобукову веч(ная).

Диоки, которые померли в царев приход в мае же в 24-м числе. Никите Грекову, Мелентью Оксентьеву, Истоме, Ларионе Суботину, Василию Овдулову, Осифу Казаринову, Поснику Иносковy, Василию Богданову Безбородову, Василию Бармину, Никите Ананьину, Салтану, Федору, Григорью, Федору, Димитрию, Андрею веч(ная) пам(ять).

Резанец згорел.

Василию Иванову Дашкову, Григорию Игнатьеву сыну Гуриеву, Федору Мартинову сыну Остафьева, Ивану Иванову сыну Анисимова, Ивану Розметневу сыну Гурьева, Матфею Иванову сыну Дурову,
л. 35 Напрасному Розметневу сыну Гурьева, // Поснику Тимофееву сыну *Остафьева вечная память.*

Смольняне згорели.

Девятому Анисимову сыну Былычеву, Замятне Стефанову сыну Кузмина, Федору Стефанову сыну Пушкина, Федору Афонасьеву сыну Голостеневу, Курапу Матвею Григорьеву сыну Полетуеву, Стефану Семенову сыну Ярышкину, Михею Немирову сыну Ушакову, Зуку Матвею Семенову сыну Тыртову веч(ная) память.

Тула.

Василию Гаврилову сыну Кондыреву, Неустрою Розметневу сыну Гуриева, Никите Уварову и сыну его Ивану веч(ная).

Воеводы и дворяне и жильцы, которые в царев приход побиты. Князю Ивану Козлине княж Иванову сыну Тростенского, князю Фе-
л. 36 дору // княж Петрову сыну Дееву, князю Афонасию Ондреевичю Нагаеву, Борису Слизневу, Григорию Григорьеву сыну Плещееву, Ивану Иванову сыну Никифорова Дубенского веч(ная) пам(ять).

Выбор, которые служили с Москвы, в царев приход убиты.

Василию Васильеву сыну Григорьеву, Демьяну Богдану Федорову сыну Клобукову, Клементью Ондрееву сыну Клобукову, Ондрею Григорьеву сыну Заболоцкому веч(ная) пам(ять).

Коширяне убиты.

Князь Григорию Морозу княж Яковлеву сыну Мещерскому, Яко-

ву Петрову сыну, Ивану Иванову сыну Большому Леонтьеву, Никите Васильеву сыну Коверина, Семейке Мамонову сыну Лихарева, князю Михаилу княж Ондрееву сыну Мещерскому, Ивану Большому Юрьеву сыну Писарева, Ивашку Васильеву сыну Булатову веч(ная) пам(ять). //

л. 37 Коломнятин убит. Александру Иванову сыну Шерефединову вечная.

Кошира.

Остане Ондрееву сыну Иванова Александрова, Ивану Меньшому Григорьеву сыну Петрунина Хотяинцова, Прокопию Михайлову сыну Тимирязеву, Афонасию Димитриеву сыну Трубицына, Никифору Стефанову сыну Аринкину, Григорью Васильеву сыну Булатову, Мовке Григорьеву сыну Воронина, Назарью Володимерову сыну Булгакову, Ивану Федорову сыну Хотяинцева, Левке Васильеву сыну Литвинова, Гаврилу Дмитрееву сыну Пущину, Ондрею Дуванову сыну Тимирязеву, Ондрею Иванову сыну Киреево веч(ная).

Ивану Васильеву сыну Солнцову, Федору Алексееву сыну Зу-
л. 38 бова, Роману Стефанову сыну Хотяинцову, // Угриму Лобанову сыну Хворостинина, Ивану Стефанову сыну Писарева, Алексею Васильеву сыну Телешева, Тимофею Семенову сыну Брехову, Алексею Иванову сыну Котеневу, Стефану Немирову сыну Мукину, Фомке Васильеву сыну Клементьева Картову веч(ная) память.

Резани Старые помещики побиты.

Афонасью Михайлову сыну Секиоспову, Федору Михайлову сыну Мартинову, Алексею Иванову сыну Кутукову, Семке Бурнакову сыну Обезьянина, Ивашку Якутину сыну Ивкову, Матюше Барнашову сыну Обезьянина, Федьке Дмитрееву сыну Одоевцову, Данилу Иозимову сыну Матюкову, Василию Стефанову сыну Селиванову веч(ная).

Солова и Плова убиты.

л. 39 Ондрею, Ивану Михайловым де//тем Леонтиева, Ивану Михайлову сыну Карцеву, Образцу Васильеву сыну Тургеневу, Непошлому Третьякову сыну Спиридонову, Нератному Иванову сыну Сухотину, Смирному Савлукову сыну Кондыреву, сотнику Нечаю Григорьеву сыну Кузмина, Василию Васильеву сыну Веревкина, Никифору Иванову сыну Фрусовскому, Павлу Иванову сыну Спицына, Якову Иванову сыну Сухотину веч(ная).

Серпееск.

Ивану Григорьеву сыну Татищеву, Алексею Дмитрееву сыну Аничкову, Третьяку Костентинову сыну Коротневу, Грише Чюнову сыну Нелюбову, Беляю Васильеву сыну Федяшеву, Михаилу Васильеву сыну Микляеву, Илейке Панину сыну Сараева, Алеше Демину сыну Нестерову, Васке Баташеву сыну Салогубову, Добрынке Дмитрееву сыну Жердеву веч(ная) пам(ять). //

л. 40 Мещеск убиты.

Олеше Пятово сыну Панину, Афоне да Тимошке Ивановым детем Чертова, Ивапку Иванову сыну Кульневу, Федке Лыкову, Офоньке Микляеву, Ондрею Зьялову, Федору Шимитову, Федору Ергонскому, Васке Протасову, Науму Сараеву, Кудеяру Тимофееву сыну Старого, Печаю Метфееву сыну Змееву веч(ная) память.

Псковичи побиты.

Василию Сабурову сыну Юрсневу, Роману Костянтинову сыну Горяпову, Ивану Иванову сыну Вельяминову Большому, Юшке Русинову сыну Дубровину, Петру Богданову сыну Напонского веч(ная).

Нижегородцы побиты.

Болдырю Никифорову сыну Бартеневу, Захарку Дмитрееву сыну
л. 41 Кичемасову, Васке Суморокову сыну // Забелину, Тимофею Григорьеву сыну Опикееву, Василью Иванову сыну Полонскому, Никифору Федорову сыну Сколкову, Родимке Гаврилову сыну Родионову, Грише Иванову сыну Полонского, Федке Третьякову сыну Девочкину, нижегородцом, веч(ная).

Панке Федорову сыну Клепальницыну, Констянтину Ермолину сыну Мякушкину, Ефиму Михайлову сыну Девятово, Федке Китаеву сыну Зубатому, Сенке Злобину сыну Бартеневу, Митьке Богданову сыну Колтовскому, Даше Иванову сыну Волынцову, Иванку Иванову сыну Буйносову, Матюшке Петрову сыну Волынцову, Мпкифору Федорову сыну Роженинову, Мирославу Рюмину сыну Лескову, нижегородцем, веч(ная).

Петру Захарьину сыну Девочкину, Митьке Алексееву сыну Девочкину, Васюку Захарьину сыну Девочкину, Крянку Онтонову сыну
с. 42 Бабоедову, Ондрюше Афонасьеву сыну Никольскому, // Нпкифору Григорьеву сыну Мякушкину, Семейке Ширяеву сыну княж Горскому, Никифору Данилову сыну Бредовскому, Суботе Третьякову сыну Хохлову, Меньшику Есипову сыну Савелькову, Тихону Гаврилову сыну Орефину, Куземке Семенову сыну Бородулину, Ивашку Яковлеву сыну Филистову, Федору Иелеву сыну Мечесову новокрещену, нижегородцом, веч(ная).

Митрополиту Иванову сыну Змеина, Митьке Михайлову *сыну* Брюхову, Васке Федорову сыну Рушенинову, Петру Ондрееву сыну Стечкину, Ивашку Клементьеву сыну Ковбетцкому, Ивашку Григорьеву сыну Арбузову, Миките Григорьеву сыну Стечкину, Семенке Никифорову Шепелеву, нижегородцем, веч(ная) пам(ять).

Муромцы убиты.

Иванку Иванову сыну Осорьину, Володе Нпкитину сыну Востро-
л. 43 во, Угриму Михайлову сыну Лупандину, Ивашку // Невторово сыну Оксентьеву, Богдашку Матвееву сыну Опраксину веч(ная) пам(ять).

Шелонские пятины убиты.

Ивану Никифорову сыну Симанскому, Дружине Василью Грязново сыну Лодыгину, Киру Зыкову сыну Тыртову, Афонасию Посникову сыну Турова веч(ная) пам(ять).

Смольняны побиты.

Василию Иванову сыну Чихачеву, Дпмитрию Федорову сыну Неелову, Юрию Федорову сыну Родичеву, Ивану Данилову сыну Баскакову и Ширяю Ахматову сыну Савлукову, Санбулу Васильеву сыну Сукманову, Четвертому Ондрееву сыну Юрьеву, Федору Жюкову сыну Философову, Ивану Матфееву сыну Шестакову, Юрью Тимофееву сыну Тухачевскому, Петру Никитину сыну Ленину веч(ная). //

л. 44 Назару Кузьмину сыну Варсубину, Иванку Леонтиеву сыну Дерневу, Михалку Салтыкову сыну Воронцову, Бориску Горяпнову сыну Волосатову, Богдану Иванову сыну Копылову, Грише Никифорову сыну Дементьеву, Салтану Семенову сыну Довотчпкову, Григорию Иванову сыну Уварову веч(ная).

Из Боровска убит.

Князю Юрию княж Ондрееву сыну Бабичеву веч(ная).

Туленя убиты.

Григорию Хомякову, Ивану Шерапову сыну Стефанова, Третьяку Лобанову сыну Митцкову, Денису Алексееву сыну Лодыженцову, Никите Тимофееву сыну Федорову веч(ная).

Торопчане убиты.

Федке Елизарову сыну Чихачову, Володе Посадникову сыну Лопухину, Богдану Елизарову сыну Чихачеву, Ивану Афонасьеву
л. 45 сыну Вельяминову, Федке Васильеву сыну Вельяминову, // Ивану Ондрееву сыну Кулешеву веч(ная) пам(ять).

Воротынеска убиты.

Михаилу Иванову сыну Еропкину веч(ная).

Торуса побиты.

Григорию Алексееву сыну Лодыженскому, Богдану Григорьеву сыну Давыдову.

Побиты на деле от литвы.

Федору Жолябовскому, Данилу Пиминову сыну Гурьеву веч(ная) пам(ять).

Василию Савинову сыну Онтухову веч(ная) пам(ять).
Федору Чичерину веч(ная).
Ивану, Сергию, Исаю Зыбиным веч(ная).
Ивану Хотянцову веч(ная).
Никите Кузьмичю, убитому на Ходынке от литвы, веч(ная).
Побитые на деле от литвы.
Кирилу, Ивану, Сисою, Федору Огаревым веч(ная). //

л. 46 Лета 7081-го февраля в 7 день побиты на цареве государеве службе в Немецкой земле под Пайдою.

Дмитрею Плещееву, Василию Глебову сыну Салтыкову, князю Михаилу Охлябинину веч(ная).

Григорью Бешенцову, Юрью, во иноцех Еуфимию, Забелину, Михаилу Ржевскому, Михаилу Тургеневу веч(ная) пам(ять).

Григорью Бурцеву, Ондрею Стречневу веч(ная) пам(ять).

Пострадавшим за православие в межиусобную брань Алексею Ртищеву веч(ная).

Афанасию, Никите, Ивану, Иосифу Сомовым веч(ная).

Никифору, Иванку Логвиновым веч(ная).

Алексин.

Софронию, Кирилу Одоевцовым веч(ная).

Московскому голове стрелецкому сожженному Михаилу Баскакову веч(ная). //

л. 47 Иже[18] от царя Василия Ивановича всеа Русии в послех в Персиду посланному и под Астраханью на острове Ичкиборе лютаго *лестца мнимаго царевича Ивана лжеименнаго Августа, прелесть* дерзновенно обличившему отступника и сатанина споспешника и сына дияволяи, а не царева нарекшему, и от него на дробные частицы розсеченному и в добром исповедании страдальческая смерть приимшему князю Ивану Петровичю Стародубскому Ромодановскому; и сыну его князю Иванну Ивановичю Большому Ромодановскому, иже за православную хрестиянскую веру и за святыя божия церкви, и за царя Василия же Ивановича всеа Русии от польскаго гетмана Желковского под Клушиным убиенному, веч(ная). //

л. 48 Благоверному и благородному, и христолюбивому, богом избранному и богом почтенному и богом соблюдаемому, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержавцу Владимерскому и Московскому, Новгороцкому и Казанскому и Астроханскому и всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, многа лета.

Благоверной и благочестивой и христолюбивой царице и великии княгине Марии Ильи[ни]чне многа лета. //

л. 49 Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца полку преставившимся бояром и стольником, и ближним людем, и стольником же, и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом на ево государеве службе в Литовском и в Немецком походех в прошлых во 163-м и во 164-м годех.

Боярину и дворецкому Василью Васильевичю Бутурлину вечная память.

Боярину князю Федору Никитичю Одоевскому веч(ная) память.

Боярину и оруженичему Григорию Гавриловичю Пушкину веч(ная) память.

Боярину князю Федору Юрьевичю Хворостинину веч(ная) память.

Стольником и ближним людем Семену Ивановичю Шеину, князю Петру Эльмурзичю Черкасскому, князю Алексею Никитичю Одоев-
л. 50 скому, князю Ивану Венедиктовичю Оболенскому, // Алексею Богдановичю Мусину Пушкину веч(ная) память.

---

[18] *На поле другими чернилами приписано:* [Рос]пись в род Стародубских князей, кого в розных годех убиты, того не написано.

Стольником же князю Ивану Ромодановскому, Юрью Протасьеву.

Дворяном московским Тимофею Стрешневу, Тимофею Кулемину и всем стольником и дворяном и жильцом преставившимся веч(ная) память.

Под городом Смоленском убиенным на приступе.

Князю Ивану Волконскому, голове стрелецкому Дмитрею Зубову, полковнику Василию Фалдоротцкому и всем начальным людем и рейтаром веч(ная).

Сотником стрелецким Пимину Башмакову с товарыщи и стрельцом и салдатом веч(пая).

Преставившимся же полков бояром и воевод(ам) стольнику князю Ивану Мамаеву. //

л. 51 Дворяном Тимофею Павлову, Григорию Судимонтову и прочим дворяном и жильцом веч(ная) память.

Убиенным полков бояр и воевод.

Стольнику князю Юрию Звенигородцкому, стряпчему Тимофею Спасителеву, дворяном Тимофею Елизарову с товарыщи и жильцом веч(пая) память.

Дворяном и детем боярским.

Туляном Кондратию Кузьмищеву с товарыщи.

Резанцом Тимофею Волжинскому с товарыщи веч(ная) память.

Каширяном Василию Лихареву с товарыщи.

Атемарцом Ивану Беликову с товарыщи веч(ная) память.

Ряшаном Михаилу Реминскому с товарыщи.

Володимерцом Саве Поугородову с товарыщи веч(ная) память. //

л. 52 Казанцом Емельяну Власьеву с товарыщи.

Белевцом Михаилу Львову с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Смолняном Ивану Киреевскому с товарыщи.

Коломничам Михаилу Арсеньеву с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Муромцом Миките Лачинову с товарыщи.

Арзамасцом Сергею Иванову, Семену, Ондрею Семеновым веч(ная) пам(ять).

Рыляном Аввакуму Поповкину с товарыщи.

Брянченом Григорию Ларионову с товарыщи веч(ная) память.

Алатарцом Федосею Крюкову с товарыщи.

Вязьмичем Федору Козловскому с товарыщи веч(ная).

Галичаном Богдану Олферьеву с товарыщи.

Костромичем Ивану Щенину с товарыщи веч(ная) пам(ять). //

л. 53 Кашинцом Данилу Бартышеву.

Углеченом Борису Нилову с товарыщи веч(ная).

Дмитровцом Родиону Плохово с товарыщи.

Можаичем Андрею Стогову.

Дорогобужаном Никифору Озноби шину с товарыщи веч(ная).

Донским и яицким и путивльским и вяземским казаком атаману Ивану Каторжному с товарыщи и пушкарям веч(пая).

Убиенным же на государеве службе, которые были в литовских городех з бояриным и воеводою с Василием Петровичем Шереметевым с товарыщи.

Стрянчему Ивану Нелединскому.

Новгородцом всех пятин Никифору Пущину, Степану Стромилову с товарищи веч(ная) пам(ять).

Того же розряду, которые побиты под Брестью и в Верховичах и в-ных местех. //

л. 54 Василью Обольяшникову.

Матвею Парскому.

Богдану Коротневу с товарыщи веч(пая) память.

Псковичам Богдану Пустошкину с товарыщи.

Ржовы Володимеровы Федору Головину с товарыщи веч(пая) пам(ять).

Лучаном Михаилу Борисову с товарыщи.

Торопчаном Ивану Борисову с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Новгородцким же и цсковским казаком, убиенным и в полон взятым и злою смертью скончавшихся, Якову Иванову с товарыщи веч(ная).

В Бресном же походе и во Пскове преставившимся, Тихану Веригину.

Да новгородцкого розряду розных пятин Матвею Миткову с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Псковичам Карпу Польскому с товарыщи.

Невляном Никите Лаврову с товарыщи веч(ная) пам(ять). //

л. 55 Лучаном Мосею Мякинину с товарыщи.

Торопчаном Семену Зеленину веч(ная) память.

Под Брестью же и в-ыных местех убиенным дворяном и детем боярским.

Резанцом Василию Белелюбскому с товарыщи.

Ярославца Малого Юрью Молчанову с товарыщи.

Козельск. Семену Павлову с товарыщи веч(ная).

Лихвинцом Илье Данилову с товарыщи.

Воротынцом Григорию Боракшину с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Торушаном Богдану Корсакову с товарыщи.

Вереичам Тимофею Чебокову с товарыщи веч(ная) память.

Колужаном Тихану Захарову с товарыщи веч(ная).

Мещаном Андрею Сараеву с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Сырьяном Ивану Сухотину с товарыщи. //

л. 56 Медынцом Раману Александрову с товарыщи веч(ная) память.

Одоевцом Ивану Иевлеву с товарыщи.

Карачевцом Роману Русовскому с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Брянчаном Игнатию Дуракову с товарыщи.

Путивль. Кондратью Золотореву с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Новагородка Северского Пахому Быкову с товарыщи.

Рыляном Ивану Петряеву с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Алатарцом Семену Зимнинскому с товарыщи.

Суздальцом Ивану Ершевскому с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Арзамасцом Василию Яхонтову с товарыщи.

Костромичам Данилу Писемскому с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Галичаном Федору Френеву с товарыщи. //

л. 57 Дорогобужаном Осипу Моткову с товарыщи.

Вязьмичам Федору Грибоедову с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Атемарцом Александру Языкову.

Кашинцом Михаилу Сюрмину с товарыщи.

Ржовы Володимеровы Андреяну Богданову с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Лучаном Петру Измайлову с товарыщи.

Тверичам Потапу Байдикову с товарыщи.

Новоторжцам Ивану Левашову с товарыщи веч(ная).

Ростовцом Ивану да Мине Исаковым с товарыщи.

Белевцам Леонтью Тинкову с товарыщи.

Болховичам Василью Сомову с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Стародубцем *Осипу Бакшееву с товарыщи.*

Медняном Матвею Богданову с товарыщи. //

л. 58 Новасильцом Прокофию Савелькову с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Курчаном Федору Копылову с товарыщи.

Ельчаном Ждану Рудневу с товарыщи.

Стародубцем и ярославцем Данилу Бакшееву, Семену Остафьеву с товарыщи веч(ная) пам(ять).

Лихвинцом Артемию Анисимову с товарыщи.

И всех городов дворяном и детем боярским и всяких чинов ратным людем, на бою побитым и всякою нужною смертию скончавшимся, веч(ная) пам(ять).

Новокрещеном Андрею Семенееву с товарыщи, белозерцу Ивану Куликову веч(ная) пам(ять).

Драгунского строю начальным людем и камарицким драгуном и севским стрельцом и севским и путивлским казаком и пушкарем и камарицким драгуном, без вести погибшим, веч(ная) пам(ять).

Начальным же людем преставившимся полковнику Матвею Яткину с товарыщи // и иных полков начальным людем.

л. 59

Новокрещеном Федору Ондрееву с товарыщи веч(ная) пам(ять).

На государеве службе под Ригою во 164-м и во 165-м годех его государева полку умершему боярину князю Семену Ондреевичю Урусову веч(ная) пам(ять).

Убиенным головам стрелецким.

Полковнику Ивану Нелидову, Осипу Костяеву и всяких чинов ратным людем веч(ная) пам(ять).

Боярских полков Василию Комынину.

Жильцом князю Якову Дулову, Петру Квашину, Микифору Сухотину, Алексею Вырубову веч(ная) пам(ять).

Галичаном Ивану Шишкину, Сергею Френеву.

л. 60

Костромичам // Мине Зворыкину, Василью Глебову.

Мещеряном Миките Ермолову с товарыщи.

Алатарцу Борису Ермолову веч(ная) пам(ять).

Смольняшину Федору Дернову веч(ная) пам(ять).

Полковнику Петру Толстому веч(ная) пам(ять).

На государеве службе в 165-м году убиенным в Лифлянтех от немец на бою.

Стольнику и воеводе Матвею Васильевичю Шереметеву веч(ная) пам(ять).

Дворяном и детем боярским новгородцкого розряду веч(ная) пам(ять).

Во 167-м году июня в 28-м числе на государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, службе в приход крымского хана и изменника // Ивашка Выговского под Конотопом убиенных за святые божия церкви.

л. 61

Окольничему князю Семену Романовичю Пожарскому, окольничему Князю Семену Петровичю Львову веч(ная) пам(ять).

Стольнику Еуфиму Бутурлину.

Стряпчим Михаилу Сонину, Иоанну Измайлову, Якову Крекшину.

Дворянам московским.

Князю Данилу Волконскому, князю Зиновию Вяземскому, Василию Голохвастову, Илье Корсакову, Моисею Еропкину, Герасиму Замытцкому, Михаилу Бартеневу, Ивану Замытцкому, Григорию Бутурлину, Василию Изъединову, Ивану Колычову, Прокофию Лавчикову, Василию Нелединскому, // Пауму Бобрищеву Пушкину, Ивану Пазухину, Ивану Плещееву, Миките Крюкову, Луке Бобрищеву Пушкину, князю Матвею Козловскому, Ивану Левшину, Калиннику Игнатьеву, Алексею Вельяминову, князю Алексею Селеховскому, Георгию Голянищеву, Клементью Опухтину, Обросиму *Перелешину*, Ондрею Шестакову, Костянтину Колычеву, Федору Парусову, князю Тимофею Волконскому, Федору Вельяминову, Тимофею Зыкову, Никите Савину, Анфиногену Шишкину, Ивану Можарову, Никите Елизарову, Федору Еропкину, Георгию Дурпого, Ивану Вечеслову, // Никифору Волынскому, Игнатию Племянникову, Стефану Жданову, Федору Безстужево, Савину Челюсткину, Федору Изъединову, Никите Вельяминову, князю Ивану Болховскому, Лазарю Перопову веч(ная) память.

л. 62

л. 63

И всем стольником и стряпчим и дворяном и жильцом веч(ная) память.

И всем ратным всяких чинов людем, на том бою убиенным, веч(ная) память.

Дворяном и детем боярским и всяких чинов ратным людем, побитым на государеве службе подо Псковым от изменников во 158-м году.

Григорию Секирину, Иоанну Хвостову, Петру Арцыбашеву, Афонасию Шепякину, Григорию Заворову, Ефиму Блудову, Спиридону
л. 64 Путятинову, // Автамону Неплюеву, Тимофею Неплюеву, Никите Овцыну, Ивану Шаблыкину, Саватею Ластунскому, Степану Безстужево, Василию Верецыну, князю Семиону Мещерскому, Семиону Нелединскому, Петру Воронину, Аникею Колокольцову, Ивану Лутовинову веч(ная) память.

Псковичам Иеву Нащокину, Ивану Нащокину, Петру Елагину, Федору Шаблыкину, Ивану Татьянину, Авдею Бешенцову, Григорию Неклюдову, Ждану да Федору Беклемишевым, Федору да Тихану Бешенцовым, Трофиму Ногину, Гаврилу Харламову, Василию Си-
л. 65 манскому, Иеву Захарову, // Федору Киркину, Сидору Парскому, Михею Воронцову, Григорию Обиталову, Петру Татьянину, Июде Сеславину, Петру Суморотцкому, Федору Нащокину, Афонасию Вельяминову, Матфею да Василию Тимашовым, Самсону Тюневу, Кирилу Горышкину, Федору да Фоме Чиркиным, Ивану Рубцову, Якову Неклюдову веч(ная) пам(ять).

Пусторжевцам Никону Шишкину, Павлу Елагину веч(ная) память.

Ржовы Володимеровы Аврааму Ельчанинову, Ивану Хлопову, Иосифу Моклокову, Иосифу Нелединскому.

Зубченину Илье Воеикову веч(ная) память. //

л. 66 Торопчаном Семиону да Федору Нащокиным, Ивану Полибину, Федору Корнилову, Дмитрею Измайлову, Гаврилу Ершову, Сидору Роздеришину веч(ная) пам(ять).

Лучаном Василию Хомутову, Петру Бибикову, Игнатию Синцову.

Тверитину Василию Рубцову веч(ная) пам(ять).

Луцким казаком Василию Гречюхе, Алексею Подчекаю, Ивану Пирачеву, Амбросию Кошикову веч(ная) пам(ять). //

л. 67 Полку боярина и воеводы князя Ивана Ивановича Лобанова Ростовского.

Убиенные в приход крымского хана нынешняго 170-го году.

Фоме Захарьеву, Григорью Степанову, Андрею Зимнинскому, Ермолаю Жадовскому, Григорью Ульянову и всем, на том бою убиенным, вечная память.

На службе великого государя убиенных.

Полку боярина и воеводы князя Юрия Алексеевича Долгорукова прошлого 169-го году: // Семену Колтовскому, Федору Наумову,
л. 68 Димитрию Зиновьеву, Герасиму Зибину, Андрею Мясоедову, Федору Отрослеву, Ивану Переносову и всем, на том бою побиенным, вечная память.

Полку боярина и воеводы князя Ивана Ондреевича Хованского нынешняго 170-го году: Никифору да Федору Опичковым и Якову Колюбакину, Ивану Поскочину, Василию Нащокину, Василью Давыдову [19]...

ГПБ, F. IV. 254, л. 1—68.

[19] *На этом рукопись обрывается.*

Заключение

Рассмотренный выше материал позволяет сделать ряд выводов о сословной структуре класса феодалов России в XVI в. и о процессе ее формирования.

В XVI в. на смену самостоятельным объединениям феодалов отдельных русских княжеств приходит единая корпорация класса феодалов Русского государства; на это столетие падает ее формирование. Поэтому в истории различных сословных групп возникают противоречивые течения.

Прежде всего хочется отметить, что права сословных групп не зафиксированы в законодательстве XVI в. Эту особенность отметил еще Л. В. Черепнин, который при доказательстве своих построений системы вассалитета опирался на формуляры русских актов [1]. Кроме того, неразработанность истории отдельных семей и даже прослоек Государева двора XVI в. делает неравнозначными выводы по истории формирования и эволюции таких прослоек.

Однако очевидно, что история класса феодалов тесно связана с политической историей Русского государства.

В начале XVI в. в России существует довольно сложная система уделов и служилых княжений, в какой-то степени созданных по образцу уделов. Политика правительства на протяжении всего века направлена на искоренение этой системы. Она вызвана протекавшими в это время глубинными процессами создания централизованного государства с единой экономической системой, единым аппаратом управления. И само положение служилого князя лишало владельца этого звания возможности активного участия в политической жизни страны, в управлении государством. Все большее значение приобретает участие в деятельности Боярской думы, в той политической жизни, которая протекала при великокняжеском дворе.

Процесс создания единой структуры класса феодалов вместо самостоятельных структур различных княжеств периода феодальной раздробленности не был прямолинеен. Княжеские корпорации, восходящие к структуре XV в., хорошо прослеживаются еще в середине и второй половине XVI в., о чем говорят и система

[1] *Черепнин Л. В.* Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв.— В кн.: Ист. зап. М., 1940, т. 9, с. 56—57.

записи членов Государева двора в Дворовой тетради 50-х годов XVI в., и система записей в родословных книгах XVI в. И земельная политика правительства в 50-е годы, как показал В. Б. Кобрин, была направлена на сохранение таких корпораций и консервацию старых привилегий князей-землевладельцев[2].

В XV в., когда в каждом великом княжестве были свои бояре, свой аппарат управления, личные изменения в их составе более тесно связаны с теми непосредственными отношениями, которые складывались между великим князем и отдельными лицами его двора. В едином Русском государстве эти отношения преобразуются. В Боярской думе XVI в., кроме представителей старомосковского боярства, заседают бывшие бояре и их потомки из других великих княжеств. На смену личным отношениям князя и боярина приходят формальные юридические права отдельных семей занимать место в Боярской думе, участвовать в управлении страной.

Одновременно изменения в управлении страной, связанные не только с изменением роли Боярской думы, но и с появлением новых форм государственного аппарата — приказной системы, приводят к тому, что меняется роль низших прослоек Государева двора в жизни страны. Если раньше, в XV — начале XVI в., представители таких семей преимущественно выступали как второстепенные военачальники при боярах и воеводах, стоявших во главе армии, или принимали активное участие в государственной жизни благодаря фавору, то с середины XVI в. дьяки Елизар Цыплятев, Иван Висковатый, братья Щелкаловы и другие управляют государством, так как занимают официальные должности в государственных учреждениях. И эта линия — усиление роли дьяческого аппарата в политической жизни — продолжится позднее, в XVII в. Можно сказать, что здесь мы наблюдаем и изменения в роли различных сословных слоев правящего класса. Если в XV—XVI вв. при занятии определенной должности важное значение имело происхождение, принадлежность к определенному сословию, то с усилением роли приказов и их аппарата в жизни страны все большее значение приобретал факт службы, личной деятельности, личных способностей. Но в XVI в. это явление только зарождается, его расцвет (а следовательно, и возможность полного изучения для исследователя) наступит в XVII в.

В какой-то мере изменение роли низших прослоек двора связано с личной жизнью великих князей. Возвышению неродовитых семей, привлечению их к участию в государственной жизни способствовали великокняжеские браки, отчетливая политика женитьбы на женщинах, принадлежавших к таким семьям. Начало подобной политики ясно видно еще со свадьбы Василия III и

---

[2] *Кобрин В. Б.* Из истории правительственной политики в области княжеского и вотчинного землевладения в XV—XVI вв.: (Законы 1551, 1562 и 1572 гг.).— История СССР, 1984, № 1.

Елены Глинской, когда ко двору приблизилась родня Елены, выехавшая в Москву в 1508 г. и не имевшая прочных корней в России. И в дальнейшем свадьбы Ивана IV и его сыновей приводили к тому, что в Думе появлялись представители низших прослоек двора. Существенно здесь не то, какую реальную роль в управлении играли такие люди, а то, что их возвышение стало тенденцией и, может быть, перекликалось с фактом формирования системы приказного управления.

Особенности последних свадеб Ивана IV и его сыновей прекрасно охарактеризовал А. А. Зимин[3]. Он проследил происхождение и карьеру основных участников свадьбы царя и Анны Васильчиковой, убедительно показав их близость лично к Ивану IV и быструю опалу некоторых фаворитов. Очень интересно наблюдение автора об участвовавших в этой свадьбе Шуйских. Как уже отмечалось, Шуйские вообще редко присутствовали на подобных церемониях. По мнению Зимина, они появились на свадьбе, где было много бывших опричников, благодаря близости к опричной среде; кроме того, участвовавшие в свадьбе Шуйские были молодыми людьми, их карьера при дворе только начиналась[4].

Зимин показал «интимность», неофициальный характер обстановки последней свадьбы Ивана IV и Марии Нагой[5], где заметную роль играли Годуновы. В связи с этой свадьбой очень важно наблюдение автора об усилении роли думных дворян при царском дворе, явление, характерное для последних десятилетий XVI в. и, как представляется, отражающее реальные изменения роли низших прослоек Государева двора в политической жизни страны. С этим согласуется и положение Зимина об усилении роли думных дворян и думных дьяков в работе Боярской думы, хотя сама Дума приобретала скорее «парадный» характер[6].

Об изменении роли низших прослоек двора после реформ 50-х годов писал и С. Б. Веселовский. Он отметил, что «генеалогический состав Государева двора был очень устойчив и до Ивана (Грозного.— *М. Б.*), и при нем», но если реформы 50-х годов приоткрыли возможность перехода в состав двора городовых детей боярских, то реально этот переход существовал лишь для избранных и рассматривался как милость царя[7].

Однако все это позволяло отдельным лицам и семьям правящего класса передвигаться из одной сословной группы в другую.

В то же время правящий класс был в XV—XVI вв. замкнут, а переход в него из других классов практически невозможен. Все

---

[3] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986, с. 14—21. В момент выхода монографии Зимина рукопись этой книги была уже набрана, что не позволило мне дать подробный анализ наблюдений Зимина в соответствующих разделах книги.

[4] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений, с. 20—21.

[5] Там же, с. 87—89.

[6] Там же, с. 193—196.

[7] *Зимин А. А.* Академик С. Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе.— В кн.: История и историки, 1971. М., 1973, с. 363.

случаи перестановки на ступенях сословной лестницы, известные науке, являются перестановками внутри правящего класса, что подтверждается и сложившейся в XVI в. системой землевладения. Все это очень точно определил Черепнин, когда писал о феодальном государстве как органе господствующего класса, «вырастающего на основе иерархической структуры феодальной сословной *земельной собственности*», а *последняя является основой* «классового господства феодалов над непосредственным производителем в лице закрепощенного крестьянства»[8]. Отношения между феодалами и эксплуатируемым населением к XVI в. сложились так прочно, что о каком-то массовом переходе из низшего класса в высший говорить нельзя.

В первой половине XVI в. идет активный процесс слияния разных групп феодалов, членов различных дворов (тверского, рязанского, удельных) в единый Государев двор. В составе Государева двора в 50-е годы XVI в. мы видим, в частности, многих лиц (или их потомков), приехавших в 1508 г. с Михаилом Львовичем Глинским. Сюда же следует отнести и потомков лиц из княжеских и боярских дворов, испомещенных в конце XV в. в Воцкой пятине Новгородской земли.

Однако состояние и изученность источников, отсутствие конкретных фундаментальных исследований по этому вопросу не позволяют более четко определить низшие прослойки Государева двора и достаточно полно осветить их роль в жизни общества.

Мы видим, что класс феодалов Русского государства XVI в. был сложным, подвижным, постоянно изменяющимся организмом. Начала ряда процессов, протекавших в нем, уходят в XV в., а окончательный расцвет явлений, начавшихся в XVI в., падает на события XVII в. И только изучение совокупности всех этих процессов даст возможность в будущем осветить историю правящего класса.

[8] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 89

Список сокращений

ААН СССР	— Архив Академии наук СССР
АЕ	— Археографический ежегодник
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АЛМ	— Акты Литовской метрики
Архив ЮЗР	— Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
АФЗиХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства
БАН	— Библиотека Академии наук СССР
БК	— Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ДиДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
ДРВ	— Древняя российская вивлиофика
ИРГО	— Известия Русского генеалогического общества
ЛМ	— ЦГАДА, ф. 389 (Литовская метрика)
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории СССР
МГАМИД	— Московский главный архив Министерства иностранных дел
ОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете
Описание МАМЮ	— Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции
ПКМГ	— Писцовые книги Московского государства
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПРП	— Памятники русского права
РИБ	— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею

РК	— Разрядная книга 1475—1598 гг.
РК I	— Разрядная книга 1475—1605 гг.
СА	Советские архивы
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества
СГГиД	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел
ТКиДТ	— Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов

Именной указатель *

Абрамович Г. В. 158, 161, 165
Аввакум Поповкин 186
Авдотья, ж. ц-ча Петра 104, 108
Авдотья Романовна Одоевская, ж. стар. кн. Владимира Андреевича 117, 119, 121
Аврам Горбачев 182
Аврамов Нефед Русинов 177
Агалин Матфей Прокофьевич 174
Агей Вяльцев 182
Аграфена, ж. Василия Андреевича 116
Аграфена, ж. Василия Юрьевича Малого Траханиота 117
Агриппина, ж. кн. Андрея Дмитриевича 33
Адашев
  Алексей Федорович 116—118, 122, 124, 130, 142
  Данила Федорович 124, 142
  Федор Григорьевич 116, 130
Адашевы 122, 124, 138
Аксаков Юрий 178
Аксинья, ж. кн. Юрия Михайловича Булгакова 117
Алекса, кн. 53
Александр, в. кн. лит. 46—48, 51, 60—62, 66, 68, 69
Александр Кологривов 181
Александр Патрикиевич, кн. лит. 41
Александр Языков 187
Александр Ярославич Невский, в. кн. влад. 78
Александров Бестужий Федорович 177
Александров Левка Бестужев 177
Александров Останя Андреевич 183
Александров
  Алеша Андреев 65
  Андрей Иванов 65
  Васюк Андреев 65
  Федко Андреев 65
Алексеев Василий Оладьин 176
Алексеев Максим, подьячий 149
Алексеев Ю. Г. 24, 156
Алексей Вырубов 183
Алексей Михайлович, ц. 107, 110, 111, 185, 188
Алексей Михайлович Старого 133
Алексей Петрович Хвост 170, 175
Алексей Подчекай 189
Алена *см.* Плещеева
Алеша Рылеев 181
Алеша Скрябин 120
Алферьев Роман Васильевич 114, 133
Альберт, герц. сакс. 60, 61
Амвросий Кошиков 189
Анастасия Романовна, ц-ца 104, 106, 107, 117, 118, 120, 130, 139
Андреев Михаил Семенович 180
Андреев Яков Остафьевич 171, 178
Андрей, кн. лит. 36

---

* Указатель составлен на авторский текст и Приложения. Лица, находящиеся в родстве, объединены в одну рубрику. Лица с одинаковыми фамилиями, чье родство достоверно не установлено, в рубрики не объединяются. В тех случаях, когда имя состоит из двух частей или члены одной семьи не имели устойчивой фамилии, основной дефиницией является имя собственное лица.

Принятые сокращения: боров.-серп.— боровско-серпуховской; в.— великая, великий; валаш.— валашский; влад.— владимирский; галиц.— галицкий; герц.— герцог; госп.— господарь; дмитр.— дмитровский; ж.— жена; звенигор.— звенигородский; имп.— император; киев.— киевский; кн.— князь; кнг.— княгиня; княж.— княжна; кор.— король; лит.— литовский; митр.— митрополит; мож.— можайский; моск.— московский; новг.— новгородский; новос.— новосильский; патр.— патриарх; польск.— польский; ряз.— рязанский; сакс.— саксонский; стар.— старицкий; твер.— тверской; туров.— туровский; ц.— царь; ц-ч — царевич; черниг.— черниговский.

Андрей, дьяк 182
Андрей Акинфиевич 82
Андрей Васильевич Большой, кн. углиц. 46, 92, 95
Андрей Владимирович, кн. лит. 36
Андрей Дмитриевич, кн. моск. 33
Андрей Дмитриевич, кн. мож. 48
Андрей Дурной 135
Андрей Елгазинов 181
Андрей Зиминский 189
Андрей Зьялов 183
Андрей Иванович, кн. стар. 105, 108, 109, 112, 113, 115, 116, 118, 120, 124, 128, 139
Андрей Иванович Кобыла 86
Андрей Иванович Можайский, кн. 29
Андрей Игнатьев 132
Андрей Казимир, в. кн. лит. *см.* Казимир
Андрей Клобуков 121, 130
Андрей Княжичев 181
Андрей Кобцев 170, 178
Андрей Константинович Добрынский 87
Андрей Косицкий 180
Андрей Левашов 181
Андрей Мельгунов 181
Андрей Намазов 121
Андрей Обедов 182
Андрей Переверзев 180
Андрей Сараев 187
Андрей Семенов 188
Андрей Семенов 186
Андрей Стогов 186
Андрей Тихонов 181
Андрей Федоров 96, 100
Андрей Федорович Челяднин 99
Андреянов Девятый Григорьевич 176
Андриян Богданов 187
Андриян Ярлык 101
Аничков Алексей Дмитриевич 183
Анна, ж. Василия Яковлевича 116, 122, 140
Анна, ж. Петра Яковлевича 116, 122, 140
Анна, ж. кн. Януша Бельского 37
Анна Васильевна, ж. кн. Юрия Патрикиевича 36, 37
Антон Своитинов 182
Антон Юмашев 182
Апраксин Рюма Иванович 176
Апраксины Вердеревские 150, 155
Арбузов Иван Григорьевич 184
Арина *см.* Орина
Аринкин Никифор Стефанович 183
Аристов Савва Тимофеевич 178
Аристотелев Ивац Павлович 177
Артемий Анисимов 187
Арцибашев Григорий Петрович 177
Арцибашев Петр 189
Арцымагнус *см.* Магнус
Афанасий Демьянов, дьяк 133
Афанасий Елагин 180
Афанасий Загряжский 121
Афанасий Лихачев 181
Афанасий Микляев 183
Афанасий Петров 97
Афанасий Петров 181

Бабичев Юрий Андреевич 184
Бабичевы, кн. 34
Бабкин Федор Гаврилович 177
Бабоедов Крянко Антонович 184
Базилевич К. В. 158, 165, 166
Байков Алексей 182
Байков Михаил 182
Байков Стефан 182
Бакака Митрофанов, дьяк 106, 113, 124, 141
Бараков Федор Яковлевич 177
Бардин Гаврила Неклюдов 177
Бардин Истома Макаров 177
Барсуков А. П. 12, 13, 16, 145, 146
Бартенев Болдырь Никифорович 183
Бартенев Михаил 188
Бартенев Сенька Злобин 184
Баскаков Иван 174
Баскаков Иван Данилович 184
Баскаков Михаил 185
Баскаков
Алексей Петрович 155
Иван Петрович 155
Федор Петрович 155
Баскаковы 156, 157
Батый, хан 74, 75
Баушев Григорий 150
Бачманов Василий Борисович 174
Бахметевы 15, 150
Башмаков Пимен 186
Башмаков Третьяк, подьячий 159
Башмаковы 149
Бегичев Парамон 150
Бегичевы 15
Бедовы 15
Бедрин Игнатий Нечаев 174
Бедрин Русан Нестеров 174
Безбородов Василий Богданович, дьяк 182
Беззубцов Иван Иванович 122, 140
Безнин Михаил Андреевич 114
Безобраз 97
Безобразов Андрей Васильевич 133
Безобразовы 148, 150
Беклемишев Ждан 189
Беклемишев Иван Васильевич 179
Беклемишев Иван Леонтьевич 179
Беклемишев Игнатий Игнатьевич 176
Беклемишев Федор 189
Беклемишев Юрий Григорьевич 179
Белевские, кн. 29, 34, 42—44, 50—52
Белевский, кн.
Андрей Васильевич 76
Василий Васильевич 76
Василий Михайлович 76

Иван Васильевич 76
Иван Иванович 29, 76
Михаил Романович 75, 76
Семен Иванович 76
Федор Михайлович 76
Белелюбские 153
Белелюбский Василий 187
Белесенский Афанасий Иванович 177
Белеутовы 88
Белозерские, кн. 150
Белосельский Дмитрий 177
Бельская, кнг.
Марфа, ж. кн. Дмитрия Федоровича *116*, 128
Марфа Васильевна, ж. кн. Ивана Дмитриевича 117, 119, 121, 130
Бельские, кн. 29, 34, 37—39, 51, 69, 128
Бельский, кн.
Андрей Владимирович 36, 38
Владимир Ольгердович 36, 37
Дмитрий Федорович 36, 38, 52, 71, 115—118, 125, 126, 129
Иван Дмитриевич 108, 109, 112, 114, 117, 119, 121, 130, 139, 143, 157, 182
Иван Федорович 36, 38, 118, 128
Семен Иванович 36, 38, 51, 52
Семен Федорович 36—38
Федор Иванович 36—38, 51, 52
Януш Иванович *36—38*
Бельский
Богдан Яковлевич 132, 133
Верига Третьяков 133
Белянин Семен Иванович, в монаш. Сергий 176
Бершадский С. А. 9
Бестужев Патрикий Данилович 180
Бестужев Степан 189
Бестужев Федор 188
Бестужевы 150
Бестужий Скрибицын 177
Бешенцев Авдей 189
Бешенцев Григорий 185
Бешенцев Тихон 189
Бешенцев Федор 189
Бибиков Иван 189
Бибиков Иван 132
Бибичев Михаил Андреевич 180
Биев Яков Иванович 150
Битяговский Михаил Стефанович 180
Блудов Ефим 189
Блудов Мина Михайлович 176
Блудов
Игнатий Борисович 154
Михаил Борисович 154
Федор Борисович 154
Богдан Александрович, госп. валаш. 73
Богдан Бабкин 180
Богдан Веревкин 180
Богдан Есипов 165
Богдан Коротнев 186
Богдан Корсаков 187
Богдан Любоченинов 181
Богдан Микифоров 137
Богдан Олферьев 186
Богдан Пошенин 181
Богдан Пустышкин 186
Богдан Селиванов 182
Богдан Чертищев 182
Богуш Боговитинович 67
Болотников Неделый Рудак 179
Болтин
Будай Угримов 157
Дмитрий Григорьевич 155
Федор Григорьевич 155
Болтины 155, 157
Болховской Иван 188
Борис Владимирович, кн. 75
Борис Граборуков 48
Борис Данилович 87
Борис Константинович Лыков 87
Борис Михайлович Крюков 87
Борис Нилов 186
Борис Слепцов 97
Борис Слизнев 182
Борис Трусов 180
Борис Федорович Годунов *см.* Годунов
Борис Щепин, дьяк 119
Борисов Федор Иванович 176
Борисов
Василий Петрович *116*, *118*, 124, 128, 141
Григорий Тимофеевич 121
Иван Тимофеевич 121
Тимофей Васильевич 116, 118, 128
Борков Василий Александрович 173
Борков Иван Григорьевич 180
Борков Семен Александрович 173
Бородулин Кузьма Семенович 184
Борыков Меньшик Григорьев 180
Борыковы 15
Борышников Афанасий Данилович 178
Борятинский Борис Михайлович 182
Ботяев Василий Стефанович 175
Боучаров Елизар Епишев 182
Бредовский Никифор Данилович 184
Брехов Семейка Александров 176
Брехов Тимофей Семенович 183
Брюхатовы 153
Брюхов Митька Михайлов 184
Брянцев
Борис Семенович 65
Василий Семенович 65
Михаил Семенович 65
Буганов В. И. 106, 112
Бузовлевы 153
Буйносов Иван Иванович 184

Буковские 148, 153
Булатов Григорий Васильевич 183
Булатов Иван Васильевич 183
Булгаков Назарий Владимирович 183
Булгаков, кн.
Иван Васильевич 60
Михаил Иванович 60
Булгаков
Федор Матвеевич 133
Юрий Матвеевич 133
Булгаков см. Голицын
Булыгин Иван 174
Бунаков Елизар Тимофеевич 174
Бунаковы 148, 150
Бунин Стефан Прокудин 180
Бунин Тимофей Ларионович 154
Бунины 153, 156
Бурдуков Алексей Раков 179
Бурдуков Алексей Раков 179
Бурдуков Афанасий Федорович 179
Буровлев Андрей Якимович 181
Бурунов Иван Казаринов 118, 142
Бурцов Григорий 185
Бурцов Третьяк Яковлев 181
Бутенов Михаил Мишков 171, 177
Бутримов Второй Лукьянов 179
Бутурлин Василий Васильевич 185
Бутурлин Григорий 188
Бутурлин Ефим 188
Бутурлин
Андрей Никитич 88
Геннадий 79—87
Дмитрий Андреевич 132
Михаил Андреевич 86
Бутурлины 86, 88, 89, 150
Бухаринов Иван Иванович 180
Бухвалов Яков Дмитриевич 155
Бухваловы 154
Бухвастов Иван Иванович 181
Бухвастов Иван Константинович 177
Быков Иван Федорович 181
Быковский Иван Рыло 66
Былычев Девятый Анисимов 182
Бычков И. А. 169

Вальцов Никола Иванович 176
Вараксин
Афанасий Логинович Деревня 154
Логин Дмитриевич 154
Вараксины 148, 154
Варнавин Владимир 181
Варнавин Иван 181
Варнавин Иван Замятнин 181
Варсубин Назар Кузьмин 184
Василий Андреевич 116
Василий Бармин, дьяк 182
Василий Боборыкин 181
Василий Васильевич Темный, в. кн. 32, 37, 48, 78, 81, 82, 86, 91, 92, 94—96, 99, 100
Василий Васильевич Чулков Ушатый 117, 130
Василий Вереицын 189
Василий Глебов 188
Василий Голохвастов 188
Василий Гречюха 189
Василий Давыдов *189*
Василий Дмитриевич, *в. кн. 32, 40,* 78, 80—82, 84, 85, 98—100
Василий Дмитриевич Минич 86, 87
Василий Замыцкий 120
Василий III Иванович, в. кн. 29, 30, 56, 57, 63, 69—71, 104—109, 112, 113, 115, 116, 118, 120, 121, 128, 129, 139, 154
Василий Иванович Косой (Вассиан), кн. 34, 36—38, 100
Василий Иванович Собакин 87
Василий Иванович Челяднин 57
Василий Иванович Шемячич, *кн. 29,* 34, 48, 49, 51, 68
Василий Кашинцев 119, 129
Василий Колзаков, дьяк 107
Василий Комынин 188
Василий Кузьмин 165
Василий Лихарев 186
Василий Микульский 66
Василий Михайлович Юрьев 118, 119, 124, 129, 130, 143
Василий Моисеев 180
Василий Мунча 64, 65
Василий Обольянинов 186
Василий Овдулов, дьяк 182
Василий Ошушкин 48
Василий Петрович Яковля 118, 143
Василий Протасов 183
Василий Романович, кн. 75
Василий Сомов 187
Василий Сунбулов 181
Василий Тверитинов 181
Василий Холостяков 181
Василий Чириков 180
Василий Шевригин 119
Василий Юрьевич, кн. 36
Василий Юрьевич, кн. галиц. 91, 99
Василий Юрьевич Малого Траханиот 116, 117, 120, 123, 124, 130, 140, 141
Василий Яковлевич 122, 140
Василий Ярославич, кн. 95
Василий Яхонтов 187
Васильчиков
Григорий Андреевич 131, 133
Илья Андреевич 133
Назарий 133
Никита 133
Васильчикова Анна, ж. ц. Ивана IV 106, 131, 133, 192
Васка Петрович, дьяк 65
Велин Семен 132
Вельяминов Алексей 188
Вельяминов Афанасий 189

Вельяминов Иван 180
Вельяминов Иван Афанасьевич 184
Вельяминов Иван Иванович Большой 183
Вельяминов Игнатий 180
Вельяминов Никита 188
Вельяминов Федор 188
Вельяминов Федор Васильевич 184
Вельяминов
Василий Федорович 97, *100*
Тимофей 97
Вельяминовы 97, 100
Веревкин Василий Васильевич 183
Вереитин Иван Стефанович 174
Веселовский С. Б. 3, 5, 20—22, 27—29, 69, 78—80, 85, 89, 99, 149, 192
Вечеслов Иван 188
Вешняков Игнатий 116, 117, 122, 124, 129, 130, 142
Висковатый Иван Михайлович, дьяк 106
Витень, кн. лит. 36
Витовт, в. кн. лит. 46, 53, 59
Вишневецкий Дмитрий, кн. 69
Владимир Андреевич, кн. боров.-серпух. 90, 95
Владимир Андреевич, кн. стар. 106, 108, 109, 112—114, 117—119, 121, 126—130, 139
Владимир Данилович Красный 82, 85, 87
Владимир Святославич, в. кн. киев. 75
Владимир Сунбулов 181
Владимир Уваров 181
Владимир Ярославич, в. кн. 75
Владычкины 153
Власьев Г. А. 8
Власьев
Григорий Иванович 155
Иван Иванович 155
Семен Иванович 155
Власьевы 154, 155
Внуков Андрей Владимирович 179
Внуковы 150
Водорацкие 150
Воейков Андрей Васильевич Большой 178
Воейков Илья 189
Воейков
Баим Васильевич 114
Матвей Васильевич 133
Воейковы 15
Возницын Андрей Михайлович 177
Воин Маслов 180
Волков Богдан Нечаев 178
Волков Игнатий Остафьевич 179
Волков Панка Кривопишин 176
Волков Савва Федорович 179
Волков
Степан 132
Федор 132
Волконский, кн.
Данило 188
Иван 121
Иван 186
Михаил 181
Потул 118, 128
Тимофей 188
Волосатый Борис Горяинов 184
Волосомоин Иван Алексеевич 174
Волохов Дмитрий Андреевич 155
Волоховы 154
Волоцкие 149
Волошенинов Михаил, Думный дьяк 158
Волынские 150
Волынский Никифор 188
Волынский
Василий 120
Иван Савин 119
Петр Иванович 119
Федор Савин 121
Волынцев Даша Иванов 184
Волынцев Матюшка Петров 184
Вольф М. О. 8
Вольф Ю. (Wolff J.) 8—11, 50, 54, 65
Воронин Мовка Григорьев 171, 183
Воронин Петр 189
Воронов Обляз Богданович 154
Вороновы 153
Воронцов Василий Федорович 180
Воронцов Иван Дмитриевич 179
Воронцов Михаил Салтыков 184
Воронцов Михей 189
Воронцов Семен Максимович 179
Воронцов
Иван Михайлович 116, 117
Михаил Иванович 182
Михаил Семенович 116, 118, 128, 129
Никита Иванович 87, 88
Юрий Михайлович 114
Воронцовы 78
Воротынские кн. 29, 34, 42, 43, 47, 50—53, 73
Воротынский, кн.
Дмитрий Федорович 37, 47
Иван Михайлович 47, 51, 76
Михаил Иванович 119, 130
Семен Михайлович 47, 76
Семен Федорович 37
Федор 47
Ворыпаевы 148, 153
Враников Захар Неклюдов 181
Всеволод Святославич, кн. 75
Всеволод Ярославич, кн. 75
Всеволож Заболоцкие 45, 85
Всеволожский Иван Дмитриевич 86, 87
Выговский Иван 188
Выподский Стефан Петрович 177

Вяземские, кн. 34, 45, 47, 49, 50, 148
Вяземский, кн.
Андрей Иванович 179
Зиновий 188
Иван Александрович 47
Иван Константинович 47
Константин 47

Гаврила Козюрибаев 181
Гаврила Петров 97
Гаврила Шешерин 180
Гагин
Василий Михайлович 64
Михаил 64
Юшко Васильев 64
Гагины 148
Гедигер *см.* Едигей
Гедимин, в. кн. лит. 10, 11, 35—38, 41
Гедиминовичи 32, 35, 41, 46, 48, 70, 81
Гендуров Михаил Афанасьевич Брудков 176
Герберштейн Сигизмунд 60, 61
Глеб Владимирович, кн. 75
Глеб Святославич, кн. 75
Глебов Остафий Матвеевич 179
Глебов Петр Федорович 179
Глинская, кнг.
Аксинья, ж. Михаила Васильевича 123, 141
Аксинья, ж. Юрия Васильевича 123
Александра 53
Анна, ж. Василия Львовича 57, 122, 123, 125, 140
Елена *см.* Елена Васильевна Глинская
Настасья Даниловна 53
Настасья Жижемская, ж. Владимира Богдановича 55, 63
Федка Борисовна 58
Федка Львовна 60
Глинские, кн. 34, 52, 53, 56—58, 60, 62—64, 66—69, 72, 73, 121, 124, 125, 138, 152
Глинский, кн.
Андрей Семенович 54
Богдан Владимирович 55
Богдан Федорович Путимский 54, 55, 63
Борис Иванович 53, 55, 58
Василий Борисович 58
Василий Дашкович 54, 60
Василий Львович 60—64, 66, 122
Василий Федорович 54
Вацлав Иванович 54
Владимир Богданович 55, 63
Дмитрий Васильевич 63
Дмитрий Семенович 54
Иван Александрович 53
Иван Борисович 54, 58, 61—63
Иван Васильевич 63
Иван Львович 60—63, 67, 68
Иван Михайлович 72
Иван Семенович 54
Лев Борисович 58, 59
Михаил Васильевич 113, 120, 123, 125—127, 141, 142
Михаил Иванович 54
Михаил Львович 45, 55—58, 60—67, 71, 116, 120, 129, 133
Михаил Федорович Путимский 54
Семен Иванович 53, 54
Федор Иванович 53, 54
Федор Иванович 54
Федор Львович 60, 61
Федор Семенович 54, 59
Юрий Васильевич 118, 123, 125, 141, 142
Юрий Иванович 54
Ярослав Иванович 54
Глуховские, кн. 43
Годунов
Борис Федорович 72, 118, 132, 133
Дмитрий Иванович 132, 133
Иван Васильевич 133
Степан Васильевич 133
Годуновы 22, 85, 134, 150, 152, 192
Голенищевы 150
Голицын Юрий Михайлович 117, 119, 126, 127, 129, 130
Головачев Петр Борисович 181
Головин Василий Борисович 174
Головин Евтропий Десятый 174
Головин Иван Борисович 179
Головин Иван Мирославич 177
Головин Наум Владимирович 178
Головин Никита Владимирович 178
Головин Никита Мирославич 177
Головин
Иван Фома Петрович 117
Петр Петрович 157
Петр Фомин 133
Федор Васильевич 133
Головкин Василий Борисович 174
Головкин
Борис Иванович 116, 129
Василий Михайлович 118
Головкины 17, 148
Голосовы 148, 153
Голостенев Федор Афанасьевич 182
Голтяев Игнатий Иванович 172, 176
Горбатый, кн.
Александр Борисович 106, 140
Борис Иванович 116, 129
Василий Михайлович 118
Михаил Васильевич 115, 118, 125
Горенский *см.* Оболенский
Горский Семейка Ширяев 184
Горсткин Матвей Андреевич 181

Горышкин Кирилл 189
Горяинов Василий Алексеевич 174
Горяинов Иван Васильевич 174
Горяинов Патрикий Алексеевич 174
Горяинов Роман Константинович 183
Григорий, дьяк 182
Григорий Баракшин 187
Григорий Елагин 181
Григорий Ларионов 186
Григорий Рецкий 181
Григорий Степанов 189
Григорий Степанович 95, 98
Григорий Уваров 181
Григорий Ульянов 189
Григорий Федорович Давыдов 88
Григорий Хитров 132
Григорий Хомяков 184
Григорий Юрьевич Захарьин 126, 127
Григоров Второй Антонович 176
Григоров Федор Симонов 176
Григоровы 157
Григорьев Василий Васильевич 182
Грос Леонтий 150
Гросовы 148
Грязной Полуектов 180
Губин Деонис Терентьевич 176
Гурьев
Григорий Игнатьевич 182
Данило Пименов 184
Гурьев Иван Разметнев 182
Гурьев Напрасный Разметнев 182
Гурьев Неустрой Разметнев 182

Давыдов Петр Юрьевич 180
Даниил Александрович, в. кн. 33
Данило Бакшеев 187
Данило Барышев 186
Данило Васильевич Щеня 36
Данило Григорьевич Фомин 119
Данило Иванович Сабуров 87, 88
Данило Писемский 187
Данило Романович Юрьев 118, 124—126, 140
Данило Фофанович 84, 85
Данило Чудов 180
Данилов Прокофий Иванович 179
Дашков Василий Иванович 182
Дашкович Остафий 67—69
Дашковы 45
Деватчиков Салтан Семенов 184
Девлет-Гирей, хан 170, 171, 182
Девочкин Василий Захарьин 184
Девочкин Дмитрий Алексеев 184
Девочкин Петр Захарьин 184
Девочкин Федор Третьяков 183
Девятый Ефим Михайлович 184
Деглин Ташлык Смагин 170, 178
Деев Федор Петрович 182
Дементьев Григорий Никифорович 184
Дементьев Казарин Михайлович 179
Демка Флоров 181
Денисьев Никифор Романович 185
Деревятин Кузьма Данилович 179
Дернев Иван Леонтьевич 184
Десятый Добрыня Григорьевич 179
Десятый Михаил Григорьевич 179
Десятый Шестак Аврамов 178
Дианова Т. В. 158
Дмитриев Богдан Григорьевич 184
Дмитриев Иван Петрович 174
Дмитрий, дьяк 182
Дмитрий Афинеевич 85
Дмитрий Васильевич 82, 85—88
Дмитрий Иванович, кн. углиц. 115, 118
Дмитрий Иванович, в. кн., внук Ивана III (Дмитрий Внук) 35, 100
Дмитрий Иванович Донской, в. кн. 17, 41, 48, 81, 82, 84, 86, 89, 90, 98, 99, 153
Дмитрий Ольгердович, кн. лит. 46
Дмитрий Юрьевич, кн. галиц. 32
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. звенигор. 31, 48, 77, 95, 98
Добрынский
Иван Константинович 96, 99
Никита Константинович 36, 99
Петр Константинович 96
Долгов Роман Никитич 174
Долгорукие *см.* Оболенские Долгорукие
Долгоруков П. В. 8, 11
Домнин Любим Алферьевич, дьяк 147—150, 161
Дорофей Ковыршин 181
Дорофей Логинов 182
Дрождж
Александр 58
Андрей Александрович 58, 62—65
Петр Александрович 58, 63
Дрожжин
Иван Михайлович 63
Федор Михайлович 63
Дружинин Петр Алексеевич 161
Дубенский Иван Иванович 182
Дублянская Духна 68
Дублянский Стефан 68
Дубровин Юшка Русинов 183
Дулов Иван 181
Дулов Михаил 181
Дулов Яков 181
Дуров Илья Михайлович 180
Дуров Матвей Васильевич 181
Дятел Мошков 119, 143
Дятелин Василий Васильевич 181
Дятлов Михаил Васильевич 153
Дяшев Иван Тимофеевич 179

Евнутий, кн. лит. 36, 38
Евсюков Федор Третьяков 177

Евфросинья, ж. стар. кн. Андрея Ивановича 113, 118, 120, 121, 139
Едигей (Гедигер), хан каз. 175
Ежов 9
Елагин Павел 189
Елагин Петр 189
Елагин
Пимен Михайлович 155
Федор Михайлович 155, 156
Елена Васильевна Глинская, в. кнг. 55—57, 59, 60, 69—71, 104, 105, 112, 113, 115, 118, 120, 128, 137, 139, 192
Елена Ивановна, в. кнж., дочь в. кн. Ивана III 60, 61, 104, 108, 112
Елена Ольгердовна, кнг., ж. боров.-серпух. кн. Владимира Андреевича 95
Елизар Ковшинский 181
Елизарий Щибров 181
Елизаров Никита 175
Елизаров Никита 185
Ельчанинов Авраам 189
Емельян Власьев 186
Емецкий Василий Иванович 174
Емецкий Иван Иванович 174
Енчанинов Иван Елизарьевич 180
Ергонский Афанасий Федорович 179
Еремеев Иван Борисович 171, 174
Ермолай Жадовский 189
Еропкин Михаил Иванович 184
Еропкин Моисей 188
Еропкин Федор 188
Еропкин Федор Андреевич 179
Еропкин Юрий Никитич 179
Ерохов Митрофан Елизарович 177
Ерш Байдиков 171, 176
Ершов Гаврила 189

Жедринский Грибан Иванович 177
Жердев Добрыня Дмитриевич 183
Жеребцов Шаблыка Михайлович 171, 177
Жерлицын Морша Семенович 181
Ждан Руднев 187
Жданов Стефан 186
Животов Ульян Дмитриев 176
Животов Федор Истомин 176
Жижемская Пастасья *см.* Глинская
Жижемские, кн. 45, 55, 121
Жижемский, кн.
Александр Дмитриевич 170, 171, 175
Алексей 124, 141
Василий Михайлович 63, 114, 123, 141
Дмитрий Михайлович 63, 120, 124, 140, 141, 170
Жиневлев Афанасий Матвеевич 177
Жолкиевский 185
Жолябовский Федор 184
Забелин Василий Сумороков 183
Забелин Юрий, в монаш. Еуфимий 183
Заболоцкие 86
Заболоцкий Андрей Григорьевич 182
Заболоцкий Василий Иванович Угримов 180
Заболоцкий Григорий Васильевич 177
Заболоцкий Данила Владимирович 119
Заболоцкий Игнатий 121
Заболоцкий Никифор Иванович 121
Заболоцкий Семен Васильевич 177
Заборовский Иван Борисович Живого 176
Заворов Григорий 189
Замыцкий Герасим 188
Замыцкий Иван 188
Замыцкий Иван Андреевич 181
Замятня Домогацкий 180
Запоров Андрей Иванович 179
Засекин Иван Жирового 132
Засецкий Иван Истомин 179
Захар Бессонов 181
Захаров Василий Григорьев, дьяк 113, 141
Захаров Иев 189
Зачесломский Алексей Нелюбов 172, 180
Зачесломский Борис Федорович 175
Зачесломский Иван Борисович 171, 175
Зачесломский Иван Григорьевич 175
Зачесломский Михаил Иванович 171, 174
Зачесломский Юрий Григорьевич 175
Звенигородские, кн. 34, 41—44, 52, 152
Звенигородский кн.
Александр Федорович 39—43, 74, 75
Андрей Иванович 74
Андрей Иванович Звенцов 74, 75
Андреян Мстиславич 43, 74, 75
Богдан Федорович 75
Василий Васильевич Нечика 74, 75
Василий Глебович 74, 75
Василий Иванович Ноздреватый 43, 74, 75
Глеб Александрович 74, 75
Григорий Петрович 74
Данило Васильевич, в монаш. Дионисий 39—44, 74, 75
Дмитрий Федорович 75
Евлах Александрович 75
Иван Александрович 41, 74, 75
Иван Андриянович 43, 75
Иван Васильевич Рюма 44, 74, 75
Иван Васильевич Токмак 74, 75

Иван Глебович 39, 74, 75
Иван Иванович Бараш 75
Иван Иванович Звенец 74, 75
Иван Петрович 74
Михаил Иванович 75
Петр Васильевич 44, 74, 75
Петр Васильевич Ноздреватый 43, 75
Семен Васильевич 74, 75
Федор Александрович Котлечей 39, 40, 42, 75
Федор Андрианович 74, 75
Федор Глебович 39, 43, 74, 75
Федор Иванович 74
Федор Петрович 74
Юрий 186
Зеленин Матвей Иванович 177
Зеленин Матвей Матвеевич 177
Зибин Герасим 189
Зимин А. А. 3, 5, 6, 23—27, 30, 35, 48—50, 52, 64, 69, 72, 78—81, 83, 86, 102, 116, 125, 127, 129, 131, 134, 144, 160, 192
Зиновьев Дмитрий 189
Злобин
Иван Степанович 154
Петр Степанович 154
Змеев Андрей Васильевич 176
Змеев Борис Алексеевич 179
Змеев Григорий Алексеевич 178
Змеев Григорий Иванович 172. 180
Змеев Дементий Чернышев 176
Змеев Иван Алексеевич 176
Змеев Нечай Матвеев 183
Змеев Семен Васильевич 171, 176
Змеин Митрополит Иванов 184
Зубов Дмитрий 186
Зубов Петр Игнатьевич 181
Зубов Федор Алексеевич 171, 183
Зыбин Иван 185
Зыбин Исайя 185
Зыбин Сергей 185
Зыков Тимофей 188
Зюзин Василий Григорьевич 133
Зюзин Стефан Григорьевич 176

Иван, кн. киев. 54
Иван Андреевич, кн. лит. 36
Иван Андреевич Дурного 134, 135, 137
Иван Андреевич Можайский, кн. 53, 95
Иван Беликов 186
Иван Бескунников 180
Иван Борисов 187
Иван III Васильевич, в. кн. 48, 50, 51, 88, 92. 94—96, 100, 161—164
Иван IV Васильевич Грозный, ц. 29, 71, 72, 104—115, 118—122, 126—129, 132—134, 138, 139, 147, 150, 154, 156, 168, 175, 192
Иван Васильевич, в. кн. ряз. 93
Иван Васильевич Булгак 36, 38
Иван Васильевич Хабар 116, 129
Иван Данилович Калита, в. кн. моск. 7., 90, 91, 94
Иван Дементьев 178
Иван Дмитриевич Зернов 87
Иван Домогацкий 180
Иван Дурного 182
Иван Ерматов 180
Иван Ершевский 187
Иван Есманович 59, 60, 65
Иван Зорин 182
Иван Иванович, кн. моск. *90*
Иван Иванович, ц-ч 110, 111, 114, 132, 133
Иван Иванович Мунында 36—38
Иван Иевлев 187
Иван Измайлов 188
Иван Исаков 186
Иван Истленцев 178
Иван Калинин 180
Иван Каторжный 186
Иван Киреевский 186
Иван Клобуков, дьяк 119
Иван Кобяков 181
Иван Корибутович, кн. лит. 53
Иван Куликов 188
Иван Левашев 187
Иван Михайлович 87
Иван Михайлович Юрьев 114, 115, *118, 122, 125, 139, 140, 142*
Иван Михайлович Меньшой Юрьев 123, 124
Иван Монастырев 181
Иван Мохнев 178
Иван Мочков 121, 130
Иван Мошнин 180
Иван Назарьев Хлопов 133
Иван Нелединский 186
Иван Нелидов 188
Иван Петрович 119
Иван Петрович Федоров 116, 126, 127
Иван Петрович Юрьев 118
Иван Петряев 187
Иван Пирагов 189
Иван Погожий 119, 130
Иван Понтин 180
Иван Попов 182
Иван Родионович Квашня 40, 41, 74
Иван Сапега 67
Иван Старков 121
Иван Суков 97
Иван Сухотин 187
Иван Титович Козельский, кн. 74, 75
Иван Тухачевский 170, 178
Иван Ушатый 121, 130
Иван Федоров 121
Иван Федорович Кошкин 85
Иван Федорович Старков 95
Иван Шишкин 188

Иван Щепин 186
Иван Юрьевич Малого Трахаиот 119
Иван Юрьевич Патрикиев 34, 36—38, 94, 96—101
Иван Яковлевич Чоботов 119, 129, 130, 142
Ивашенцевич
Андрей 63, 64
Богдан 63, 64
Дмитрий 63, 64
Роман 63, 64
Якуб 63, 64
Ивашенцевичи 63, 64
Ивашенцов Клементий Амосов 179
Ивин Иван Андреевич 180
Ивин Семен Андреевич 181
Ивин Семен Лукьянович 181
Ивков Иван Якутин 183
Игнатий Дураков 187
Игнатий Жулебин 120
Игнатьев Калинник 188
Игнатьев Матвей Уротков 178
Игнатьев Семен Андреевич 172, 180
Игорь, кн. киев. 42, 74
Ижеславская, кнг.
Василиса Ульяна 70
Мария Ивановна 55
Ижеславские, кн. 38, 47
Ижеславский, кн.
Иван Юрьевич 36
Михаил 36
Михаил Иванович 36. 47, 55, 68, 70
Федор Иванович 55
Юрий Михайлович 36
Измайлов Василий Козлов 174
Измайлов Василий Петрович 171, 178
Измайлов Дмитрий 189
Измайлов Михаил Лукьянович 181
Изъединово Василий 188
Изъединово Григорий Ишутин 176
Изъединово Игнатий 181
Изъединово Федор 171, 188
Изяслав Ярославич, в. кн. 75
Ильин Иван Яковлевич 174
Илья Данилов 187
Иоаким Бутримов 176
Исаак, еп. 40
Исаак Грызлов 181
Истома, дьяк 182
Истома Созопов 181
Истлениев Фома Кубасов 181

Каблуковы 153
Казимир, в. кн. лит. 38, 46, 47, 51, 53, 65, 68
Казначеевы 148
Калитин Григорий 143
Калитин Лев 143
Камынин Булгак Меньшой 181
Карамзин Н. М. 158
Карамышев Иван Тимофеевич 182
Карапиперовы 150
Караулов Суморок Собинин 155
Караулов Черемиса Собинин 155
Карауловы 156, 157
Карачюра 66
Карбышевы 148—150
Карп Польский 187
Карпов
Василий Васильевич 120
Василий Петрович 120, 143
Василий Семенович 117
Василий Федорович 143
Долмат Федорович 117, 119, 123, 124, 126, 129, 143
Иван Федорович 117, 118, 120, 143
Михаил Андреевич 120
Карповы 120
Карташов Афанасий Чюбышев 181
Карташов Юрий Чюбышев 181
Картов Фома Васильевич 183
Карцев Иван Михайлович 183
Катырь Ростовский Иван Андреевич 126, 127
Кафтырев
Григорий Иванович 155
Яков Иванович 155
Кафтыревы 154
Кашин Никита Федорович 171, 176
Кашинцев Дмитрий Евстафьевич 182
Кашкаров Артемий Матвеевич 176
Кашкаров Семен 158—160
Каштанов С. М. 71, 101
Квашнин Андрей Александрович 117, 118, 129, 140
Квашнины 88
Кекрейский Бартош Артемьев 179
Кемские, кн. 23
Кикин Тит Андреевич 176
Кикин
Дмитрий Андреевич 155, 157
Иван Андреевич 155, 157
Кикины 156
Киприан, митроп. 81, 85, 86
Кипчаков Щелкан Докунин 180
Киреев Андрей Иванович 183
Киркин Федор 189
Киселев Алексей Васильевич 177
Киселев Андрей Иванович 177
Киселев Андрей Иванович 177
Киселев Игнатий Алексеевич 177
Киселев Иосиф Михайлович 177
Китаев Дмитрий, писец 157—164, 166—168
Кичемасов Захар Дмитриевич 183
Клеймола А. М. (Kleimola A. M.) 71, 101, 103
Клепальцын Грибан Григорьевич 177
Клепальцын Панко Федорович 184
Клешнин Мартьян Васильевич 176

Клобуков Богдан Федорович 182
Клобуков Демьян Федорович 182
Клобуков Клементий Андреевич 182
Князищев Данило Иванович 179
Кобеко Д. Ф. 13
Кобелев Андрей Богданович 179
Кобрин В. Б. 24, 27, 131, 191
Кобринские, кн. 10
Кобылин Макар Константинович 177
Кобылин Роман Семенович 177
Кобылин Федор Васильевич 180
Кобылин Яков Васильевич 180
Кобылины 88
Кобыльские 148
Кобяков Иван Тимофеевич, дьяк 149
Ковбетцкий Иван Клементьев 184
Ковезин Флор Третьяков 177
Коверин Никита Васильевич 183
Козинцев Богдан Иванович 179
Козловские, кн. 65, 150, 156, 157
Козловский, кн.
Иван 132
Иван Семенович 65
Лев Иванович 65, 66, 155
Матвей 188
Роман Иванович 65
Федор Семенович 65, 171, 176
Колачев Исаак Михайлович 176
Колдычевский Михаил Петрович 150
Кологривово Никита Семенович 176
Кологубов Федор Быпашев 179
Колокольцев Алексей 189
Колонтай
Ждан Никифорович 66
Иван Федорович 66
Никифор Федорович 66
Федор 66, 67
Колтовская Анна Алексеевна, в монаш. Дарья, ж. ц. Ивана IV 131, 134—137
Колтовские 131, 151
Колтовской
Александр Константинович 135—137
Алексей Григорьевич Горяинов 135
Алексей Игнатьевич 135, 136
Андрей Андреевич 135
Андрей Васильевич 135
Андрей Федорович 135
Артемий Афанасьевич 135
Артемий Иванович 135, 136, 171, 176
Артемий Иванович 135, 136
Афанасий Игнатьевич 135, 136
Афанасий Тимофеевич 135
Борис Яковлевич 135
Василий Данилович 135
Василий Игнатьевич 135
Василий Михайлович 135
Василий Михайлович 135
Григорий Алексеевич 135, 136
Григорий Васильевич 135
Григорий Григорьевич Большой 135, 136
Григорий Григорьевич Темир 135, 136
Григорий Данилович 135, 181
Григорий Михайлович 135
Григорий Яковлевич 135
Данило Васильевич 135
Данило Григорьевич 135, 136
Данило Яковлевич 135
Дмитрий Богданович 184
Иван Александрович 135
Иван Андреевич 135
Иван Борисович 135
Иван Васильевич 135
Иван Григорьевич 135
Иван Григорьевич 135
Иван Григорьевич 135
Иван Григорьевич 135
Иван Иванович 135
Иван Иванович 135
Иван Иванович 135
Иван Михайлович 135
Иван Михайлович 135
Иван Петрович 135
Иван Тимофеевич 135
Иван Федорович 135, 136
Игнатий Васильевич 135, 137
Игнатий Михайлович 134—136
Илларион Иванович 174
Истома 134
Константин Федорович 135
Лаврентий Данилович 135
Лаврентий Иванович 135
Лаврентий Яковлевич 135, 137
Михаил Иванович 134, 135
Михаил Иванович 135, 180
Михаил Игнатьевич 135
Михаил Михайлович 135
Никита Григорьевич 135
Петр Андреевич 135
Петр Андреевич 135
Петр Афанасьевич 135, 136
Петр Григорьевич 135
Петр Иванович 135
Севостьян Александрович 135
Семен 189
Семен Андреевич 135
Семен Артемьевич 135
Семен Афанасьевич 135
Семен Васильевич 135
Семен Михайлович 135
Семен Михайлович 135
Степан Борисович 135
Тимофей Яковлевич 135
Федор Борисович 135
Федор Михайлович 134, 135, 137
Фома Григорьевич 135

Юрий Алексеевич 176
Юрий Андреевич 135
Юрий Игнатьевич 135
Яков Васильевич 135
Яков Михайлович 132, 134, 135
Колычев Иван 188
Колычев Константин 188
Колычев Никита Семенович 177
Колычев
Безсон 121
Борис 121
Василий Иванович Умного 132, 133
Венедикт Борисович 133
Иван Борисович Хлызнев 118, 121
Иван Иванович Умного 120, 126
Игнатий Федорович Лошаков 133, 134
Матвей Третьяков Лошаков 133
Меньшик 119
Тимофей Данилович 133
Федор Григорьевич 121
Филипп 133
Колычевы 88, 131, 132, 150
Колюбакин Яков 189
Комсины 151
Конан Камалышев 181
Кондрат Золотарев 187
Кондрат Карпов 177
Кондрат Кузьмищев 186
Кондырев Василий Гаврилович 182
Кондырев Воин 133
Кондырев Иван Добрынин 179
Кондырев Клементий Кузьмин 181
Кондарев Смирный Савлуков 183
Кондырев Темка Бровкин 181
Кондырев Юрий Бровкин 179
Кондыревы 148, 150
Константин Дмитриевич Шея 82, 87
Константин Иванович 82
Константинов Игнатий Прокопьевич 176
Коняша Сафонов 181
Копанев А. И. 23
Коппин Денис Дмитриевич 172, 180
Копосов Тимофей Федорович 177
Копылов Богдан Ивапович 184
Кореев Иван Яковлевич 179
Корецкие, кн. 66
Корин Иван Меньшой 177
Корин Коврок Курбатов 178
Корнилов Федор 189
Коробкины 148
Коробов
Андрей Васильевич 120, 143, 155, 156
Василий Васильевич 120, 143, 155, 157
Федор Васильевич 120, 143, 155, 157
Коробовы 121, 156
Коробьины 150
Коромолин Юрий Гаврилович 182
Короткий Гаврила Константинович 181
Коротнев Третьяк Константинович 183
Корсаков Илья 188
Корякины 148, 150
Косицкий Михаил Александрович 177
Косово Дмитрий Петрович 179
Косово Замятня Петрович 179
Косово Матвей Федорович 179
Косово Суморок Темирев 179
Косткин Невежа Горяинов 177
Котенев Алексей Иванович 183
Кочюков Федор Стефанович 181
Кошелев Максим Григорьевич 177
Кошелевы 148
Краевские 150
Кривский Безсон Обрютин 180
Кровков Третьяк Есипов 176
Кропинский Федор 47
Кропоткин Семен Андреевич 121
Кропоткин Юрий Андреевич 171, 177
Кропоткины 45
Крюков Никита 188
Кубасов Захар Карпов 181
Кубенский Михаил Иванович 118, 126
Кудаш Неполовский 177
Кузминский Григорий Морозов 179
Кузьмин Дмитрий Данилович 177
Кузьмин Замятня Стефанович 182
Кузьмин Нечай Григорьевич 183
Кузьмин Караваев Иван Васильевич 155
Кузьмины Караваевы 151, 156, 157
Кулемин Тимофей 186
Кулешов Иван Андреевич 184
Кульнев Иван Иванович 183
Кульнев Иван Нечаев 181
Курбат Молечкин 181
Курбский Андрей Михайлович, кн. 162
Курицын Иван, дьяк 140
Курцев Никита Афанасьевич 117
Кутаринов Андрей Яковлевич 177
Кутузова Мария Андреевна 116, 119, 121
Кутузовы 78
Кутуков Алексей Иванович 183
Кушелев Тимофей Иванович 117

Лабодинский Андрей Назарьев 179
Лабодинский Василий Назарьев 179
Лабодинский Василий Федорович 179
Лабодинский Василий Федорович 179

Лабодинский Иван Данилович 179
Лабодинский Иван Тешев 178
Лабодинский Иван Федорович 181
Лабодинский Стефан Иванович 179
Ларион Субботин, дьяк 182
Ларионов Василий Федорович 171, 178
Ластунский Савватий 189
Лев Романович, кн. 75
Левшин Иван 188
Левшины 18
Легостаев Василий Ларионович 179
Ленин Петр Никитич 184
Леонтий Елизаров 170, 178
Леонтий Пущин 180
Леонтий Тинков 187
Леонтьев Андрей Михайлович 183
Леонтьев Иван Иванович Большой 172, 183
Леонтьев Иван Михайлович 183
Леонтьев Яков Петрович 183
Лесков Мирослав Рюмин 184
Лжедмитрий I, ц. 110, 111
Лисичанок (Лисица) Булгак 68
Литвинов Левко Васильевич 183
Лихачев Н. П. 14—18, 21, 55, 59, 145, 146
Лихачевы 17
Лобанов Ростовский А. Б. 8, 11
Лобанов Ростовский Иван Иванович 189
Ловчиков Прокопий 188
Логинов Иван 185
Логинов Никифор 185
Лодыгин Василий Дружина Грязного 184
Лодыженский Григорий Алексеевич 184
Лодыженский Иван Семенович 172, 176
Лодыженский Никита Тимофеевич 184
Лопухин Владимир Посадников 184
Лупандин Угрим Михайлов 184
Лутовинов Иван 189
Лучанин Епишев 170, 178
Лыков Семейка Тимофеевич 179
Львов Семен Петрович, кн. 188
Любчанинов Андрей Шарапов 180

Магмет-Гирей, хан 64
Магнус, принц датский 107, 110, 111, 114, 133, 154
Макашев Пятый Тимофеев 179
Максимилиан I, имп. 61
Малыгин Афанасий Александрович 179
Малыгин Григорий Реутов 179
Малыгин Рычко Реутов 179
Малыгин Сурьян Реутов 179
Малышев Иван, подьячий 161
Малюта Скуратов 131, 132, 139
Мамаев Иван, кн. 186
Мансуров
Андрей Андреевич 119, 129
Андрей Владимирович 142
Иван Алексеевич 133
Иван Григорьевич 142
Иван Яковлевич 141
Леонтий Владимирович 142
Мария Владимировна, кнж. стар., ж. принца Магнуса 107, 133
Мария Ильинична, ц-ца, ж. ц. Алексея Михайловича 185
Мария Ярославна, в. кнг., ж. Василия Васильевича 95
Маркс К. 4
Мартин Гаштольд 54, 59
Матрин Грязной 181
Мартинов Федор Михайлович 183
Марфа Собакина, ж. ц. Ивана IV 110, 114, 131, 132
Маслов Фома Алексеевич 181
Масса Исаак 72
Матвей 67
Матвей Богданов 187
Матвей Бурухин 113, 124, 142
Матвей Казначеев 182
Матвей Митков 187
Матвей Парский 186
Матвей Сомов, дьяк 137
Матвей Яткин 188
Меднов Проня Дмитриев 174
Мезецкая Ульяна Романовна, ж. углич. кн. Андрея Васильевича *46*
Мезецкие (Мещовские), кн. 29, 34, 46, 49—51
Мезецкий, кн.
Иван Андреевич 46
Михаил Романович 46
Роман 46
Мелентий Оксентьев, дьяк 182
Мелешко Михайлович 59
Мелешкович
Гаврила Мелешкович 59, 60
Иван Гаврилович 59
Иван Мелешкович 59
Мартин Гаврилович 59
Федко Гаврилович 59, 62
Мелешковичи 62
Мепшик Ивачев 121
Мерлеев Алексей Тимофеевич 176
Мерлеев Нелюб Федоров 182
Мечесов Федор Иевлев 184
Мещеринов Григорий Стефанович 176
Мещерские, кн. 34
Мещерский Иван Матвеевич 177
Мещерский, кн.
Григорий Яковлевич Мороз 182
Иван 181

Михаил Андреевич 183
Симеон 189
Мещовские *см.* Мезецкие
Микита Лачинов 186
Микляев Матвей Васильевич 178
Миколаев Иван Васильевич 179
Миколай Радзивилл 54, 59
Микула Радчинич 70
Микулинский Дмитрий Иванович, в монаш. Дионисий 171, 175
Миленин Ждан Жданов 178
Миленин Ждан Семенов 178
Милославский Михаил, дьяк 159
Милюков Иван Васильевич 133
Милюков Михаил Васильевич 133
Милюков П. Н. 21
Мина Зворыкин 188
Мина Исаков 187
Митька Кашинцев 119
Митька Сатин 119
Митцков Третьяк Лобанов 184
Михаил Александрович, в. кн. твер. 32
Михаил Андреевич, кн. верейский 96
Михаил Арсеньев 186
Михаил Беклемишев 119
Михаил Борисов 186
Михаил Всеволодович Черниговский, в. кн. 39, 42—45, 74, 75
Михаил Дмитриевич Ласкирев 119
Михаил Иванович Булгаков 36—39
Михаил Иванович Колышка 36, 37
Михаил Кайбулин 110, 111
Михаил Косов 180
Михаил Кузминский 178
Михаил Львов 186
Михаил Мунча 65
Михаил Павлов 176
Михаил Реминский 186
Михаил Сонин 188
Михаил Сорокоум 134
Михаил Сюрмин 187
Михаил Тетерин 121, 130
Михаил Федорович, ц. 106, 110, 111, 147
Михаил Хованский 182
Михаил Хотетовский 40, 78
Михаил Юрьевич Захарьин 115, 116, 118, 129
Михайлов Василий Никитин 180
Михнев Иван Елькин 154
Мишурин Семен Семенович 181
Модзалевский Б. Л. 59
Можайские, кн. 34, 46
Можайский, кн.
Василий Семенович 139
Иван Андреевич 47
Михаил 47
Семен Иванович 47—49, 51, 68
Можаров Иван 188
Моисей Мякинин 187
Моклаков Иосиф 189
Монастырев Петр Михайлович 176
Монастыревы 23
Мордовина С. П. 72, 73
Морозов Артем Федорович 177
Морозов Иван Федорович 177
Морозов Федор Федорович 177
Морозов
Борис Иванович 150
Василий Григорьевич 123, 141
Владимир Васильевич 117
Григорий Васильевич 96, 100, 126
Иван Васильевич 117
Иван Григорьевич 118, 126
Иван Семенович 97, 99, 100
Михаил Яковлевич 116—119, 122, 129, 165
Семен Иванович 117
Семен Федорович 99
Степан 120, 141
Морозова Фетинья, ж. Василия Григорьевича 123, 141
Морозовы 78, 82, 85, 86, 88, 152
Мосальские, кн. 29, 34, 45, 47, 49, 50, 65
Мосальский Петр 62
Мстислав Михайлович, кн. карачев. 74, 75
Мстиславская, кнг.
Анастасия Петровна, ж. Федора Михайловича 57, 58, 70
Орина, ж. Ивана Федоровича 116
Прасковья Ивановна, ж. Федора Ивановича 72, 73, 139
Ульяна Ивановна 36, 38, 70
Ульяна, ж. Федора Ивановича 73
Мстиславский, кн.
Василий Михайлович 70
Иван Федорович 71, 72, 106, 117, 118, 125, 128, 129, 141, 142, 157
Иван Юрьевич 36, 58, 59, 70
Федор Иванович 71, 72, 119
Федор Михайлович 36, 38, 57, 58, 60, 69—72
Юрий Семенович 36
Мукин Богдан Немиров 180
Мукин Стефан Немиров 183
Муравьев Иван 159
Муравьев Михаил 159
Муравьев Русин 159
Муравьев Семен 158—160
Муромцов Григорий Михайлович 178
Муромцов Павел Михайлович 176
Мустинский Дмитрий Федорович 177
Мякушкин Константин Ермолин 184

Мякушкин Никифор Григорьевич 184
Мясоедов Андрей 189
Мятлев Н. В. 17, 21, 72, 155, 167
Мячков Данило Иванович, в монаш. Никон 171, 176

Нагаев Афанасий Андреевич 182
Нагая
Авдотья Александровна, ж. кн. Владимира Андреевича 117, 119, 121
Мария, ж. ц. Ивана IV 72, 110, 114, 131, 133, 134, 192
Прасковья Ивановна *см.* Мстиславская
Нагие 121
Нагой
Андрей Михайлович 117, 120, 143
Афанасий Федорович 114, 133, 143
Борис Михайлович 120, 143
Василий Михайлович 117, 120
Григорий 142
Иван Григорьевич 133
Михаил 120
Михаил Александрович 133
Семен Федорович 133, 143
Федор Михайлович 114, 117, 119, 126, 129, 130, 140
Федор Федорович 133, 143
Юрий Федорович 121
Назаров В. Д. 26, 104, 105
Назимов Василий Григорьевич 177
Назимов Федор Олферьев 177
Напонский Петр Богданович 183
Нарбут, пан лит. 40, 78
Наримонт, кн. лит. 31, 33, 35
Наум Сараев 183
Наумов Иван Леонтьевич Большой 180
Наумов Федор 189
Нащокин Андрей Алексеевич 175
Нащокин Василий 189
Нащокин Григорий Афанасьевич 133
Нащокин Иван 189
Нащокин Иев 189
Нащокин Семен 189
Нащокин Федор 189
Нащокин Федор 189
Неврюев Ульян Михайлович 181
Неелов Дмитрий Федорович 184
Неждан Боранов 181
Незамай Волокитин 180
Неклюдов Григорий 189
Неклюдов Яков 189
Нелединский Василий 188
Нелединский Иосиф 189
Нелединский Семен 189
Нелюб Воронцов 178
Нелюбов Гриша Чюнов 183
Немира 67, 68
Немирич Иван 67, 68
Немирич Федя 68
Немчинов Дмитрий, в монаш. Митрофан 174
Непеицын Григорий Киров 176
Неплюев Автамон 189
Неплюев Тимофей 189
Непоставов Ратман Нефедьев 180
Нестеров Алеша Демин 193
Нехороший Ачкасов 170, 178
Нехороший Хлопов 133
Нечай Тютримов 177
Никита Аминев 170, 178
Никита Ананьин, дьяк 182
Никита Греков, дьяк 182
Никита Ермилов 188
Никита Житов 121
Никита Кузмич 185
Никита Лавров 187
Никита Романович Юрьев 72, 118, 141, 142
Никита Устиньин 182
Никита Чоглов 181
Никита Чюбаров 181
Никифор Ознобишин 186
Никифор Пущин 186
Никифор Сухотин 188
Никифор Тювяшев 181
Никольский Андрей Афанасьевич 184
Никон Никитин 119
Новиков Н. И. 104, 107, 111, 112, 163
Новокрещеный Федор Третьяков Маврина 181
Новосильские, кн. 29, 43, 75
Новосильский, кн.
Василий Юрьевич 75
Дмитрий Федорович 76
Иван Юрьевич 75
Михаил Иванович 75
Михаил Федорович 75, 76
Федор Иванович 75
Федор Юрьевич 75
Новосильцев Степан Шелаев, в монаш. Сергий 171, 176
Ногин Трофим 189
Норов Ратай Иванов 180
Норов Усеин Ширяев 180
Нороватов Иван Ширяев 172, 181
Нороватый Иван 167
Нороватый Иван Яковлев 167, 172
Носаткин Каблук Иванов 177
Носов Н. Е. 3

Обабуров Долмат Головин 176
Обатуров Иван Васильевич 180
Обдулов Семен Михайлович 180
Обезьянин Матвей Барнашев 183
Обезьянин Семен Бурнаков 183
Обиталов Григорий 189

Оболенские, кн. 34, 43, 76, 115–117, 129
Оболенский, кн.
Александр Васильевич 76
Александр Иванович 76
Андрей Константинович *44*, 76, 77
Андрей Михайлович Дурной 76
Андрей Михайлович Пепинский 76
Андрей Никитич Ноготь 76
Борис Константинович 76
Борис Михайлович Туреня 76
Варлаам 76
Василий Васильевич Телепень 76
Василий Иванович 76
Василий Иванович Каша 77
Василий Иванович Шиха 76
Василий Константинович Белый 76
Василий Константинович Краса 76
Василий Никитич 76
Васьян Иванович Стригин 76
Владимир Иванович 76, 77
Владимир Федорович 181
Глеб Иванович 76, 77
Данила Никитич Собака 76
Дмитрий Иванович Курлятев 115, 117, 118
Дмитрий Константинович Королек 76
Дмитрий Константинович Куличка 76
Дмитрий Семенович Щепа 76
Иван Васильевич Шкурля 76
Иван Венедиктович 185
Иван Дмитриевич Красин 177
Иван Иванович Лыко 77
Иван Иванович Слых *76*
Иван Константинович 44, 76, 77
Иван Константинович Глупый 76
Иван Михайлович Репня 76, 115
Иван Никитич Смола 76
Иван Федорович Овчина 71
Иоасаф 76
Константин Иванович 44
Константин Иванович Курлятев 115, 118
Константин Семенович 76
Константин Юрьевич 44, 76
Константин Ярославич 76
Михаил Васильевич 76
Михаил Иванович 76
Михаил Константинович 76
Никита Васильевич 76
Никита Иванович 76
Петр Васильевич Нагой 76
Петр Константинович 76
Семен Иванович 76
Семен Константинович 44
Федор Васильевич Телепень 76
Федор Иванович Гагин 76
Юрий Константинович 76
Ярослав Васильевич 76
Горенский
Василий Константинович 76
Иван 118
Петр Иванович 114, 118, 141, 142
Долгорукий
Александр Владимирович 77
Андрей Семенович 77
Василий Михайлович 77
Владимир Дмитриевич 147, 148
Владимир Иванович 77
Григорий 121
Иван Андреевич 77
Иван Иванович Рожнов 121
Иван Тимофеевич 77
Михаил Владимирович 77
Михаил Федорович 77
Никита Владимирович 77
Никита Федорович 77
Семейка Тимофеевич 77
Семен Владимирович 77
Роман Тимофеевич 77
Тимофей Владимирович 77
Тимофей Иванович Рожнов 121
Федор Владимирович 77
Федор Владимирович 77
Юрий Алексеевич 189
Юрий Семенович 77
Кашин
Александр 118
Александр Васильевич 77
Иван Васильевич Глухой 77
Иван Васильевич Меньшой 77
Иван Васильевич Скок 77
Иван Иванович 143
Михаил Федорович 178
Федор Иванович 143
Лыков
Андрей Иванович 118, 128
Василий Иванович 77
Иван Иванович 128
Михаил Юрьевич 175
Федор Иванович 119, 121
Юрий 121
Немой
Андрей Петрович Лапа 76
Василий Петрович 76
Дмитрий Иванович Немой 117
Иван Васильевич Немой 115, 118
Пенинский
Иван Андреевич 76

Юрий Андреевич 76, 118, 119, 128
Репнин
Василий Иванович 46
Василий Иванович Меньшой 76
Михаил 141
Михаил Петрович 141
Петр 115
Юрий Петрович 141
Телепнев
Борис Федорович 76
Василий Васильевич 76
Иван Васильевич Нагой 76
Иван Федорович Овчина 76, 115, 118
Петр Иванович Телепнев Немой 118
Федор Васильевич Лопата 76
Федор Васильевич Овчина 76, 120
Тростенский
Александр Андреевич 77
Андрей Александрович Голодный 77
Василий Тимофеевич 77
Иван Александрович Колышевский 77
Иван Андреевич 77
Иван Иванович 77
Иван Иванович Козлина 182
Осип 115, 118
Петр Тимофеевич 77
Тимофей Александрович 77
Тимофей Андреевич 77
Федор Андреевич 77
Федор Петрович 177
Федор Тимофеевич 77
Туренин
Василий Борисович 76
Владимир Борисович 76
Иван Борисович 76
Никита Борисович 76
Федор Борисович 76
Щепин
Борис Дмитриевич 76, 115, 118, 128
Василий Семенович Серебряный 117, 118, 129
Данило Дмитриевич 76
Дмитрий Дмитриевич 76
Иван Дмитриевич Золотой 76
Никита Дмитриевич 76
Петр Никитич 171, 176
Федор Дмитриевич Шовырь 76
Цыгор Дмитриевич 76
Щербатый
Александр Васильевич 77
Василий Андреевич 77
Василий Васильевич 77
Василий Васильевич 77
Василий Васильевич 77
Григорий Васильевич 77
Дмитрий Михайлович 119
Михаил Васильевич 77
Осип Михайлович 119, 121
Селивестр Васильевич 77
Оболешев Мясоед Каверин 181
Обольянинов Варфоломей Андреевич 174
Образцов
Иван Романович 121
Федор Романович 121
Овсяников Афанасий Павлович 180
Овцын Иван Дмитриевич 132
Овцын Никита 189
Огарев Иван 185
Огарев Сысой 185
Огарев Федор 185
Одоевская Авдотья Романовна *см.* Авдотья Романовна
Одоевские, кн. 28, 34, 42, 43, 50—52, 73
Одоевский, кн.
Алексей Никитич 185
Василий Семенович Швих 76
Иван Семенович 76
Михаил Иванович 47, 76
Никита Романович 118, 128
Петр Семенович 52, 76
Роман Федорович 76
Семен Васильевич 76
Семен Юрьевич 52, 75, 76
Федор Иванович 47, 76
Федор Никитич 185
Федор Федорович 76
Одоевцев Дементий Стефанович 179
Одоевцев Кирилл 185
Одоевцев Софоний 185
Одоевцев Федор Дмитриевич 183
Ожаровский К. Ф. 9
Озеринский Максим Васильевич 181
Озеров Григорий Девятого 189
Оксентьев Иван Невзоров 184
Олег, кн. 74
Олег Святославич, кн. 75
Олелько, кн. киев. 54
Оловянников Михаил 149
Оловянников Перфирий Федорович, дьяк 147—150
Олоповские *см.* Пущины
Ольга, в. кнг. 74
Ольгерд, в. кн. лит. 11, 35—38, 41, 46, 76, 99
Оникеев Тимофей Григорьевич 183
Оникеев Федор 189
Оникеев Юрий Истомин 177
Оничков Никифор 189
Онтухов Василий Саввинов 185
Опраксин Богдан Матвеев 184
Опухтин Клементий 188

Ордабаев Федор Афанасьевич 177
Ордынцев Иван Иванович 182
Орефин Тихон Гаврилович 184
Орина, ж. Семена Васильевича 95
Орина, ж. Юрия Захаровича 116
Осип Бакшеев 187
Осип Казаринов, дьяк 182
Осип Костяев 188
Осип Мотков 187
Осип Созонов 180
Осорьин Иван Иванович 184
Осорьин Иван Терентьевич 176
Остафьев Постник Тимофеев 182
Остафьев Федор Мартинович 182
Остолопов Митька Елизаров 174
Острогубов Иван Юрьевич Большой 179
Острожская Настасья *см.* Глинская Настасья
Острожский Данила 53
Острожский Константин Иванович, кн. лит. 67, 68
Отрослев Федор 189
Офросимов Ждан Нечаев 180
Охлебинин Михаил 185

Павлов Тимофей 186
Павлов-Сильванский Н. П. 167
Пазухин Иван 188
Палецкая
Мария, ж. кн. Дмитрия Федоровича 117
Ульяна Дмитриевна *см.* Ульяна Дмитриевна
Палецкий, кн.
Борис Иванович 120
Дмитрий Федорович 116, 117, 124—127, 130, 140
Иван 116
Иван Петрович 117, 129
Панин Алеша Пятого 183
Пантелей Захарьин 141
Парский Сидор 189
Парский Федор Васильевич 177
Парусов Федор 188
Патресов Федор Иванович 179
Патрикиевы 33, 37, 38, 52, 94, 96
Патрикий Александрович, кн. лит. 41
Патрикий Паримонтович, кн. лит. 33, 35, 36, 40—42, 78, 129
Пахом Быков 187
Пахом Сысоев 181
Пенков
Иван Васильевич 116, 118, 124
Иван Данилович Хомяк 118, 128
Пенкова Мария, ж. Ивана Васильевича 116
Первый Каменев 180
Первый Кашкаров 170, 178
Первый Щербатый 181
Перелешин Обросим 188
Переносов Иван 189
Пестов Дмитрий Федорович 171, 174
Петр, ц-ч 57, 70, 104, 108, 112
Петр, митроп. 94
Петр Григорьев 133
Петр Измайлов 187
Петр Квашнин 188
Петр Константинович 81, 83—85
Петр Левшин 182
Петр Перетрутов 176
Петр Пыжов 181
Петр Степанов Злобин 120
Петр Толстой 188
Петр Федорович Давыдов 88
Петр Яковлевич 122, 140
Петров П. Н. 12, 13, 146
Петрунин Хотянцев Иван Григорьевич Меньшой 183
Печенеговы 167
Пивов Иван Васильевич 179
Пивов Иван Стефанович 183
Пивов Иван Юрьевич Большой 183
Пивов Роман Михайлович 114
Писарев Иван Романович 172, 178
Племянников Игнатий 188
Плещеев
Алексей Данилович 117
Андрей Михайлович 97, 100
Борис Алферьевич 121
Григорий 118
Григорий Григорьевич 182
Григорий Яковлевич 123, 141
Дмитрий 185
Иван 188
Иона Михайлович 97
Михаил 80
Тимофей 132
Флор 175
Плещеева Алена, ж. Григория Яковлевича 123, 141
Плещеевы 88, 100
Побединский Богдан Леонтьевич 180
Побединский Волк Федорович 177
Погодин М. П. 80
Пожарский Кузьма Григорьевич 180
Пожарский Семен Романович 188
Полев Владимир Васильевич, в монаш. Вениамин 176
Полев Григорий Осипович 132
Полетуев Матвей Григорьевич 182
Полибин Иван 189
Полозов Третьяк Иванович 176
Полонский Василий Иванович 183
Полонский Григорий Иванович 183
Полтев Улан Телишев 179
Полянский Даниил Тимофеевич, дьяк 149

Поповкин Кузьма Петров 174
Поскочин Иван 189
Поскочины 148
Поспел Козлов 181
Постник Губин, дьяк 141, 142
Постник Исносков, дьяк 182
Постник Козлов 180
Постник Щербачев 180
Постников Василий Тимофеевич, дьяк 149
Потап Байдиков 187
Потолуев Борис Семенович 179
Потребинский Василий Незамай 174
Потулов Григорий Алексеевич 179
Потулов Лаврентий Данилович 181
Потулов Постник Семенович 179
Похвистнев Федор Семенович 172, 180
Проестев Третьяк Леонтьев, в монаш. Евтихий 171, 174
Прокопиев Григорий Елдашев 176
Прокопий Авдеев 181
Прокопий Дубовицкий 182
Прокопий Савельков 187
Пронский, кн. лит.
Глеб 66
Дмитрий 62
Петр 66
Пронский, кн.
Данило Дмитриевич 122, 126, 127, 140
Иван Иванович Турунтай 116
Иван Иванович Шемяка 118, 119, 122, 125, 126, 129, 140, 143
Иван Петрович 150
Семен Данилович 143
Федор 118, 120, 128
Юрий Иванович Шемякин 118, 119, 125, 142, 143
Прончищев Василий Фуников 176
Прончищев Иван Сычев 182
Протопопов Долмат Аксентьевич 178
Протопопов Иван Иванович 176
Пузына Ю. (Puzyna J.) 31, 33, 41
Путилов Никита Иванович 177
Путилов Стефан Васильевич, в монаш. Павел 176
Путошник Леонтий Иевлев 182
Путятинов Спиридон 189
Пушкин
Алексей Богданович Мусин 185
Василий Иванович Бобрищев 178
Григорий Гаврилович 185
Евтихий 175
Лука Бобрищев 183
Наум Бобрищев 188
Тихомир Юрьевич 177
Пушкины 22
Пуща Олуповский 159, 167
Пущин
Андрей 159, 169
Булгак 159, 167
Семейка Булгаков 167
Пущины 158—160

Рагозин Иван Ефимович 180
Раевские 58
Раевский
Иван Степанович 59, 60, 65
Федор Иванович 59, 60
Репнин см. Оболенский Репнин
Репнины 43
Ржевский Алексей Иванович 147
Ржевский Михаил 185
Римские-Корсаковы 15, 148, 149, 151
Родион Плохово 186
Родионов Митька, подьячий 149
Родионов Родимко Гаврилов 183
Родичев Юрий Федорович 184
Роженинов Никифор Федорович 184
Роздеришин Сидор 189
Роман Александров 187
Роман Александрович Остеев 87, 88
Роман Кознаков 180
Роман Михайлович, кн. черниг. 74, 75
Роман Русовский 187
Роман Семенович, кн. новос. 44, 75
Роман Юрьевич 141
Роман Юрьевич, кн. лит. 31
Романовы 147
Ромодановский
Антон 118, 142
Богдан Петрович 121
Иван 186
Иван Иванович Большой 185
Иван Петрович 185
Ростислав Михайлович, кн. новгор. 75
Ростовский, кн.
Андрей Дмитриевич 117, 126, 129
Иван Дмитриевич 119
Ростопчин Немира Григорьевич 177
Ртищев Алексей 185
Рубцов Василий 189
Рубцов Иван 189
Румель В. В. 145
Румянцев Иван Матвеевич 181
Рушенинов Василий Федорович 184
Рыкачев Иван Иванович 181
Рюрик, легенд. 43, 44, 78
Рюрик Михайлович, кн. туров. 43, 74
Рюриковичи 32—34, 39, 41, 43, 46, 48, 49, 81
Рюс Х. (Rüss H.) 69

Ряполовский
Иван 163, 165
Семен Иванович 96, 99, 100, 165

Сабуров Иван Иванович 177
Сабуров
Григорий Панин 132
Иван 132
Константин Шея 88
Матвей Иванович Вислоухого 177
Юрий Константинович 88
Сабурова
Мария Юрьевна 104
Соломония *см.* Соломония Сабурова
Сабуровы 85—89, 152
Савва Новгородов 186
Савелов Л. М. 13
Савеловы 148, 151, 157
Савельков Есип Иванович 177
Савельков Меньшик Есипов 184
Савельков Панфил Есипович 177
Савин Никита 188
Савин Носов 180
Савлуков Ширяй Ахматов 184
Садыков Василий Константинович 178
Садыков Дмитрий Константинович 178
Садыков Федор Константинович 178
Салогубов Василий Богданович 183
Салтан, дьяк 182
Салтан Плещеев 181
Салтык Травин 165
Салтыков Борис Иванович 171, 178
Салтыков Юрий Никифорович, в монаш. Герасим 174
Салтыков
Борис Иванович 120, 143
Василий Глебович 185
Иван Львович 119
Лев Андреевич 120, 143
Михаил Игнатьевич 120, 143
Панкрат Яковлевич 133
Федор Игнатьевич 120, 143
Худяк Игнатьевич 143
Салтыковы 121, 122, 125
Сангушки 10
Санчурский Иван Васильевич 170, 178
Сараев Илейка Панин 183
Сараев Осан Иванович 179
Сараев Шестак Васильевич 179
Сарачин Федор Васильевич 177
Сатин
Алексей Постников 142
Никита Постников 142
Федор Постников 142
Сатины 15

Свидригайло, кн. лит. 39—41, 52, 53, 59, 74
Святополк Владимирович, кн. киев. 73
Святослав Игоревич, в. кн. киев. 74
Святослав Ольгович, кн. 75
Святослав Титович, кн. 41, 74, 75
Святослав Ярославич, кн. 75
Северга Баскаков 170, 178
Северов Петр Иванович 161
Сеитов Иван Федорович 180
Секиоспов Афанасий Михайлович 183
Секирин Григорий 189
Селеховский Алексей 188
Селеховский Данило Федорович 177
Семейка Бунцев 180
Семейка Бурдуков 180
Семейка Чириков 180
Семен Александрович, кн. лит. 41, 74
Семен Александрович Брянец 65
Семен Бурдуков 181
Семен Васильевич 95, 99
Семен Васильевич Яковля 118
Семен Жулебин 120
Семен Зеленин 187
Семен Зиминский 187
Семен Иванович Трава 87
Семен Лугвень, кн. лит. 36, 38
Семен Михайлович, кн. новос. 74, 75
Семен Остафьев 187
Семен Павлов 187
Семен Перемышльский 40
Семен Семенов 186
Семен Тимофеев 177
Семен Толкачев 182
Семенов Василий Григорьевич, думный дьяк 147—149
Семенов Шестак Федорович 179
Сенька Мишурин 121
Сеславин Иуда 189
Сергей Иванов 186
Сергей Френев 188
Сергеев Стефан Васильевич 182
Сеченов Кузьма Никитич 177
Сигизмунд Старый, кор. польск., в. кн. лит. 36, 38, 62, 67, 71
Симанов Федор Игнатьевич 182
Симанский Василий 189
Симанский Иван Никифорович 184
Симеон Касаевич, ц. 108, 109, 112, 114, 116, 119, 121, 129, 130
Синеус, легенд. 74
Синцов Игнатий 189
Сисеев Федор 141
Сицкий Василий Андреевич 180
Сицкий Данила 121
Скиргайло, кн. лит. 32
Скокухин Данило Иванович 177

Скрынников Р. Г. 106, 131, 132, 134, 139
Скрыпаев Иван Даниллович 177
Скрябин Алексей 141
Скуратов Федор Семенович 182
Слепушкин Еремей Михайлович 176
Слепушкин Семен Матвеевич 179
Смирнов И. И. 71, 72
Смирный Тювяшев 181
Собакин
Борис Васильевич 132
Василий Степанович 132
Василий Степанович 132
Григорий Васильевич 132
Иван Дмитриев 133
Каллист Васильевич 132
Никита Дмитриевич 132, 133
Парфен Иванович 132
Петр Степанович 132, 133
Степан Васильевич 132
Степан Дмитриев 133
Собакина Марфа *см.* Марфа Собакина
Собакины 131
Совин Никита Григорьевич 171, 176
Солнцев Иван Васильевич 183
Соловьев С. М. 62
Соломеин Иван Романович Меньшой 181
Соломония Сабурова, в. кнг., ж. Василия Ивановича 87, 105, 139
Сомов Афанасий 185
Сомов Иван 185
Сомов Иосиф 185
Сомов Никита 185
Сорокоумовы 152
Сорочнев Андрей Семенович 182
Сорочнев Василий Яковлевич 182
Сорочнев Семен Васильевич 182
Софроновский Иван Дмитриевич 171, 177
Софья Витовтовна, в. кнг., ж. в. кн. Василия Дмитриевича 95, 98, 100, 112
Спасителев Тимофей 186
Спиридон-Савва 34, 35, 37
Спиридонов Непошлый Третьяков 183
Спицын Павел Иванович 183
Станиславский А. Л. 137
Старков Иван Федорович 95, 98, 99
Старого Богдан Кириллович 179
Старого Кудеяр Тимофеевич 183
Старого Степан Стромилов 186
Стародубский Василий Семенович 104, 139
Стаханов Митя Пятин 180
Степан Дмитриевич 95, 108, 112
Степан Есманович 59, 60
Степан Лыков 119
Степан Обобуров 95
Степан Стромилов 186
Степанчиков Третьяк Иванович 179
Стефан Баторий, кор. польск. 178
Стефан Дмитриевич 87, 95, 98
Стефан Коротнев 177
Стефан Лединский 181
Стефан Чириков 180
Стефанов Дмитрий Иванович 180
Стефанов Иван Шерапов 184
Стечкин Никита Григорьевич 181
Стечкин Петр Андреевич 184
Стречнев Андрей 185
Стречнев Борис Васильевич 179
Стречнев Захарий Михайлович 179
Стречнев Игнатий Андреевич 179
Стречнев Федор Иванович 179
Стрешнев Давыд Андреевич 179
Стрешнев Семен Иванович 179
Стрешнев Стефан Андреевич 179
Стрешнев Тимофей 185
Стрешнев Тихон Никитич 148
Стромилов Стефан Коротенский 181
Стромилов Стефан Никифоров 171, 174
Ступишин Григорий Борисович 176
Ступишин Иван Семенович 119
Сувол Левенштейн 17
Суворов Федор Тимофеевич 181
Суворов Филипп Григорьевич 181
Судимонтов Григорий 186
Судимонтов Яков 119
Сукин
Борис Иванович, дьяк 113, 124, 140, 141
Григорий 141
Федор Иванович, дьяк 117—119, 123, 130, 140—142
Сукманов Сунбул Васильевич 184
Сулнев Дмитрий Никитич 179
Суморотцкий Петр 189
Супонев Данила Леонтьевич 177
Супонев Меньшик Федоров 176
Сурвацкий Федор 176
Сухотин Нератный Иванович 183
Сухотин Яков Иванович 183
Сыпдырев Иван Клементьевич 179
Сысоев Игнатий Петрович 174
Тарас Грызлов 181
Татаринов Григорий Андреевич 176
Татаринов Ляпун Тимофеевич 177
Татаров Никита Федорович 176
Татаров Федор Денисьевич 176
Татев Федор Иванович 141
Татищев В. Н. 7
Татищев Иван Григорьевич 183
Татищевы 65
Татьянин Иван 189

Татьянин Петр 189
Тверитинов Кондратий Иванович 174
Телепневы *см.* Оболенские
Телепни 43
Телешов Александр Васильевич 183
Телешов Григорий Иванович 180
Телепнин Василий Черемисинов 180
Телицын Осип Григорьевич 179
Темир Кабилинский 177
Темирин Карп Третьяков 181
Темирязев Андрей Дуванов 183
Темирязев Денис Власьевич 176
Темирязев Прокопий Михайлович 183
Темкин
Василий 117
Юрий Иванович 126, 127
Терентий Черемисинов 182
Терентий Чесново 182
Терпинский Андрей Григорьевич 176
Тетерин Селиван Васильевич 178
Теткин Матвей Андреевич 177
Тетрицкий Василий Никитич 179
Тимашов Василий 189
Тимашов Матвей 189
Тимонов Баташ 174
Тимонов Тимофей 174
Тимофей Александрович 87, 88
Тимофей Васильевич Волуй 84, 99
Тимофей Волжинский 186
Тимофей Дементьев 121
Тимофей Елизаров 186
Тимофей Капуста 68
Тимофей Сарычев 182
Тимофей Сюльменев 176
Тимофей Чоботов 187
Тит Мстиславич, кн. 74, 75
Титменев Григорий Иванович 180
Титов Иван Федорович 174
Тиханов Матвей Михайлович 182
Тихомиров М. Н. 29, 30, 49, 50, 69
Тихон Веригин 187
Тихон Захаров 187
Тихон Тырков 121, 130
Тишенин Богдан Дружинин 181
Тишенин Будай Иванович 181
Тишин Игнатий Моляев 179
Тишиков Барош Немятый 182
Толкачев Иван Вешняков 181
Толкачев Михаил Васильевич 181
Толкачев Семейка Вешняков 181
Толмачев Борис 174
Толстой Алексей Стефанович 180
Толтанов Скрип Иванович 176
Торуские, кн. 43
Травин Иван Меньшой 181
Трескин Василий Иванович 172, 180
Третьяк Клементьев 180
Третьяк Лошаков 177
Третьяк Соловцов 170, 178
Третьяков
Иван Иванович 118, 123, 141
Фома Иванович 120
Тростенские *см.* Оболенские Тростенские
Трубецкие, кн. 34, 46, 50, 51, 73
Трубецкой, кн.
Андрей Иванович 46
Иван Иванович 46
Иван Семенович 46
Иван Юрьевич 46
Михаил Дмитриевич 46
Федор Михайлович 132, 133
Юрий Михайлович 46
Трубицын Афанасий Дмитриевич 183
Трубицын Шестак Иванович 179
Трубчевские, кн. 29
Трусов Иван Григорьевич 181
Тулупов Борис Давыдович 133, 136
Тургенев Андрей Павлович 174
Тургенев Захарий Павлов 174
Тургенев Иван Федорович 179
Тургенев Михаил 185
Тургенев Образец Васильевич 183
Тургенев Петр Лизунов 154
Туров Афанасий Постников 184
Туров Григорий Михайлович 176
Туров Тимофей Иванович 154
Туров Федор Иванович 154
Тучков Алексим Матвеев 181
Тучков Борис Борисович 165
Тучков Василий Михайлович 120, 122, 125, 126
Тучков Иван Борисович 163, 165
Тыртов-Зук Матвей Семенович 182
Тыртов Кир-Зыков 184
Тыртов Тихон Гаврилович 155
Тюпев Самсон 183
Тютчев Иван 181
Тютчев Иван Михайлович 120
Тютчевы 155

Уваров Григорий Иванович 172, 184
Уваров Иван Никитич 182
Уваров Никита 182
Уваров Ратман Захарьин 180
Украинцев Емельян Игнатьевич, думный дьяк 149, 150
Ульяна Дмитриевна, ж. кн. Юрия Васильевича 106, 116—118, 120, 128, 130
Ульяна, ж. Василия Юрьевича Малого Траханиота 140
Ульяна, ж. Ивана Михайловича Юрьева 122, 140
Ульяна, ж. Романа Юрьевича 123, 141
Унзарин Александр Васильевич 177
Упин Иван Александрович 143
Урусов Семен 159, 161

Урусов Семен Андреевич 188
Урустай Мецкий 40, 74
Ухтомские, кн. 23
Ушаков Михей Немиров 182
Ушаков Постник Шестого 181

Фалдоратцкий Василий 186
Федко Богданович 108
Федко Григорьевич 59, 62
Федор 75
Федор, дьяк 182
Федор, дьяк 182
Федор Андреев 188
Федор Андреевич Свибло 40—42, 74, 84
Федор Арсеньев 181
Федор Бокановский 178
Федор Бундин 182
Федор Васильевич, кн. ряз. 93
Федор Головин 186
Федор Грибоедов 167
Федор Григорьевич Старого 133
Федор Давыдов 180
Федор Давыдович 82, 86, 94
Федор Дернов 188
Федор Дьяков 181
Федор Ергонский 183
Федор Зезевитов 121
Федор Иванович, ц. 71, 72, 133, 134, 154
Федор Иванович Сабур 80—84, 86—88
Федор Ильин Челищев 110
Федор Качалов 181
Федор Козловский 186
Федор Копылов 187
Федор Кошкин 176
Федор Леонтьев, дьяк 107
Федор Лыков 183
Федор Львов 119
Федор Огарев, дьяк 107
Федор Ольгович, в. кн. ряз. 153
Федор Своробоярский 180
Федор Степанович 95, 98
Федор Тихонов 181
Федор Френев 187
Федор Хитрый 181
Федор Чулков 141
Федор Чуркин 178
Федор Шимитов 183
Федоров Никита Тимофеевич 184
Федосей Крюков 186
Федосья Ивановна, в. книж., дочь в. кн. Ивана III 104
Федот Бундин 182
Федцов Григорий Яковлевич 171, 176
Федша, толмач 170, 178
Федяев Гаврила Андреевич 176
Федяшев Беляй Васильевич 183
Федяшев Иван Афанасьевич 181
Фетинья, ж. Василия Васильевича Чулкова Ушатого 117
Фетинья, ж. Федора Ивановича Сукина 116
Филарет Никитич, патр. моск. 137
Филистов Иван Яковлевич 184
Философов Григорий Федорович 181
Философов Федор Жуков 184
Флоря Б. Н. 27
Фома Захарьев 189
Фоминские, кн. 88
Фоминский Иван Федорович Собака 95, 98, 99
Фрусовский Никифор Иванович 183
Фуников Никита, дьяк 142
Фурков Пятый Васильевич 179

Хабаров Иван Иванович 125—127, 142
Харламов Гаврила 189
Хворостинин Угрим Лобанов 183
Хворостинин Федор Иванович 133
Хворостинин Федор Юрьевич 185
Хвостов Иван 189
Хилков Василий 180
Хлопов Иван 189
Хлыстов Василий Козерин 179
Хлыстов Мамай *Федорович 179*
Хметевский Иван Тимофеевич, в монаш. Иов 171, 176
Хованская Евфросинья Андреевна 105, 120
Хованские 150, 151
Хованский Борис 121
Хованский Иван Андреевич 189
Ходырев Аданаш Семенович 181
Холмский Василий Данилович 104, 108, 109, 112
Хомутов Василий 189
Хомутов Мочала Никитин 177
Хотунский Афанасий Леонтьевич 180
Хотяинцев Иван 185
Хотяинцев Иван Иванович 174
Хотяинцев Иван Федорович 183
Хотяинцев Роман Стефанович 183
Хохлов Афанасий Иванович 176
Хохлов Суббота *Третьяков 184*
Хребтович
Иван (Ян) Литавор Богданович *60, 61, 66*
Мартин Богданович 60, 64, 66
Федор Богданович 66

Циплятев
Елизар 120
Иван Елизаров, дьяк 120, 123, 140

Чаадаев Иван Иванович 147
Чарторыйский, кн.
Александр Васильевич 31

Иван 46
Челищев Федор Глебович 176
Челюсткин Невзор Угримов 181
Челюсткин Савин 188
Челядинины 78
Чепчюга 153
Черемисинов Иван Иванович Деметша 132, 133, 157
Черепнин Л. В. 3, 24, 190, 193
Черкасские, кн. 73
Черкасский, кн.
Василий 72
Иван Амашук 178
Петр Эльмурзич 185
Чертов Афанасий Иванович 183
Чертов Тимофей Иванович 183
Чиркин Федор 189
Чиркин Фома 189
Чихачев Богдан Елизаров 184
Чихачев Федор Елизаров 184
Чудов Иван Григорьевич 177
Чулков Дмитрий Иванович 176
Чюваш Нарбеков 181

Шаблыкин Захар 174
Шаблыкин Иван 189
Шаблыкин Федор 189
Шадрин Упрям Григорьев 179
Шакловитый Федор 147
Шеин Семен Иванович 185
Шеин, кн.
Василий Дмитриевич 120, 126, 127
Иван Дмитриевич 116, 126
Юрий Дмитриевич 117
Шеина Стефанида, ж. Юрия Дмитриевича 117
Шейдяков Петр Тутаевич 132, 133
Шепелев Семен Никифорович 184
Шепякин Афанасий 189
Шепяков Иван Павлович 177
Шереметев
Василий Андреевич 118
Василий Петрович 186
Иван Васильевич 131, 171, 175
Иван Меньшой 132
Матвей Васильевич 188
Шерефединов Александр Иванович 183
Шершень Билибин, дьяк 143
Шестаков Андрей 188
Шестаков Иван Матвеевич 184
Шестовицкий Григорий Васильевич 179
Шестой Золовкин 181
Шетнев Василий Андреевич 179
Шибанов Василий 173
Шигона Поджогин Иван Иванович 116, 118
Ширяев Василий 174
Шишкин Андрей Иванович 181
Шишкин Афиноген 188
Шишкин Захар Иванович 176
Шишкин Лука Данилович 181
Шишкин Никон 189
Шишмарев Юрий Ширяев 176
Шмидт С. О. 105, 106
Шоков Микифор Яшколыков 180
Шуйская Анастасия, ж. Василия Васильевича 122, 123, 140, 141
Мария, ж. Ивана Васильевича Пенкова *см.* Пенкова
Марфа Васильевна *см.* Бельская
Шуйские, кн. 52, 125, 128, 129, 192
Шуйский
Василий Васильевич 116, 122, 123, 125, 129, 140, 141
Василий Иванович 110, 111, 133, 185
Иван Васильевич 116, 129
Иван Михайлович 116, 117, 125, 126, 130, 140
Иван Петрович 133
Петр Иванович 119, 130, 157, 171, 175
Федор Иванович 117, 126, 129
Шусетевяшев Иван Федорович 176
Шушарин Тимофей Александрович 177
Шушерин Левка Борисов 154
Шушерин Леонтий Борисович, в монаш. Леонид 176
Шэлдс Колман Н. (Shields Kollman N.) 78—80

Щелкалов
Андрей 107
Василий 107
Щелкалов Ишюта Внуков 182
Щелкаловы 131, 191
Щенятев, кн.
Василий Михайлович 126, 127
Петр Михайлович 119, 129
Щепин *см.* Оболенский Щепин
Щепины 43
Щепотев Федор Злобин 180
Щербатые 43
Щербинин Яков Мефодиевич 177

Эверлаков Роман Яковлевич 150
Эверлаков Яков 150
Эверлаковы 150
Энгельс Ф. 4

Юмшан Лазарев 154
Юргинис Ю. М. 26
Юренев Василий Григорьевич 174
Юренев Василий Сабуров 183
Юренев Юрий Протасьевич 186
Юрий Васильевич, кн. дмитр. 95, 100
Юрий Васильевич, кн. углиц. 56, 57,

104, 106—109, 112, 113, 116—118, 120, 121, 126—128, 130, 138, 139, 157
Юрий Владимирович Долгорукий, в. кн. 78
Юрий Дмитриевич, кн. галиц. 32, 40, 74, 99
Юрий Иванович, кн. дмитр. 30, 56, 115, 118
Юрий Михайлович, кн. торус. 44, 75, 76
Юрий Молчанов 187
Юрий Наримонтович, кн. лит. 31
Юрий Патрикиевич, кн. 36, 37
Юрий Романович, кн. новос. 75
Юрьев Четвертый Андреев 184
Юшков А. И. 13—16, 145, 146
Ябедников Иван Васильевич 174
Ягайло, в. кн. лит. 32, 36—38
Яким Клобуков 182
Яков Васьков 119
Яков Григорьевич Захарьин 141, 142
Яков Иванов 187
Яков Крекшин 138
Яков Победов 177
Яковлев Афанасий Дружинин 181
Яковлев Остафий Елизаров 179
Яковлев Петр Саввинов 179
Янин В. Л. 11, 14, 15, 25, 31, 89
Ярополк Святославич, в. кн. 75
Ярослав Владимирович, в. кн. 75
Ярцев Иван Веригин 172, 180
Ярышкин Иван 174
Ярышкин Стефан Семенович 182
Яхонин Григорий Васильевич 174

Оглавление

Введение 3

Глава I.
Обзор литературы 7

Глава II.
Служилые князья в России XVI в. 29
Приложение. Росписи потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского 74

Глава III.
Формирование боярской прослойки при московском дворе в конце XV — начале XVI в. 78

Глава IV.
Государев двор на свадьбах XVI в. 104
Приложение. Разряд свадьбы царя Ивана IV и Анастасии Романовны 139

Глава V.
Формирование низшей прослойки Государева двора 144
Приложение. Синодик по убиенных во брани . . . 174

Заключение 190

Список сокращений 194

Именной указатель 196

Маргарита Евгеньевна
БЫЧКОВА

СОСТАВ КЛАССА ФЕОДАЛОВ РОССИИ В XVI В.

Историко-генеалогическое исследование

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства С. А. Левина
Художник А. М. Драговой
Художественный редактор Г. П. Валлас
Технические редакторы Л. В. Каскова,
Т. С. Жарикова
Корректоры Р. В. Молоканова, Е. В. Шевченко

ИБ № 32036

Сдано в набор 6.06.86
Подписано к печати 27.08.86
Т-13853. Формат 60×90 1/16
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 14. Усл. кр. отт. 14,25. Уч.-изд. л. 17,4
Тираж 4600 экз. Тип. зак. 2678
Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

выходят из печати:

Древнейшие государства на территории СССР.

Материалы и исследования. 1985 год
Ин-т истории СССР.— М., 1986.— 19 л.

Очередной том ежегодника содержит публикацию докладов, представленных на чтениях, посвященных памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, по теме «Социально-политическое устройство Древней Руси в сравнительно-типологическом аспекте».

Корецкий В. И.

История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в.

Ин-т истории СССР.— М., 1986.— 20 л.

Монография посвящена малоизученной проблеме позднего русского летописания. В ней рассмотрены летописные источники начиная с опричнины Ивана Грозного и до Смутного времени включительно. Особое внимание уделено реконструкции содержания несохранившейся летописи Иосифа. Среди дворянских летописцев кануна времени Смуты (Безднинский и Бельский летописцы, Карамзинский хронограф и др.) выделен летописец из рода Пушкиных и показано, что А. С. Пушкин изобразил своих предков в трагедии «Борис Годунов» в полном соответствии с исторической действительностью.

Макарова Т. И.

Черневое дело Древней Руси X—XIII вв.

Ин-т археологии.— М., 1986.— 20 л.

Книга посвящена древнейшей ювелирной технике Древней Руси — черневому делу. В предлагаемом исследовании рассматривается начальный этап истории черневого дела — с X до XIII в. Материалом для этого послужили более трехсот предметов, выполненных древнерусскими мастерами черневого дела, хранящихся в различных музеях Советского Союза. Анализ

этих произведений черневого дела позволил выявить изделия, вышедшие из одной мастерской и даже из рук отдельных мастеров.

Мельникова Е. А.

Древнескандинавские географические сочинения

Ин-т истории СССР.— М., 1986.— 20 л.

Книга — очередной выпуск свода «Древнейшие источники по истории народов СССР», основанного членом-корреспондентом АН СССР В. Т. Пашуто,— содержит публикацию и исследование древнескандинавских трактатов и карт XII—XIV вв. В отличие от западноевропейской хорографии эти памятники включают оригинальные материалы, основанные на практическом опыте викингов. Публикуемые географические трактаты и карты содержат ценные сведения по исторической географии Древней Руси и соседних народов, по истории взаимоотношений Древнерусского государства с народами севера и являются важным источником по истории географической мысли западноевропейского средневековья.

1 р. 90 к.

М. Е. Бычкова

Состав класса феодалов России в XVI в.

В книге исследуется история сословных групп, составлявших Государев двор,— верхушку правящего класса. Большое внимание уделено родственным связям между семьями, принадлежавшими к разным сословным группам.

Наука